

**Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского**

ТРЕТЬИ РАСТОРГУЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
Международной научно-практической
конференции
(г. Брянск, 11 апреля 2025 г.)**

г. Брянск, 2025 г.

Часть 1

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Брянский государственный
университет
имени академика И Г. Петровского**

Третьи Распортуевские чтения

**Материалы
Международной научно-практической
конференции (г. Брянск, 11 апреля 2025 г.)
Часть I**

г. Брянск, 2025 г.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Т-66

Третьи Расторгуевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Брянск, Брянская область, 11 апреля 2025 г.). Часть I / под ред. Н. В. Атамановой, Ю. В. Милютиной, Н. В. Тропиной. – Брянск : РИСО БГУ, Изд-во ИП Худовец Р.Г., 2025. – 354 с.

ISBN 978-5-6054948-5-0

В сборнике представлены доклады участников Международной научно-практической конференции «Третьи Расторгуевские чтения», состоявшейся в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского 11 апреля 2025 г.

Материалы сборника будут полезны научным работникам, преподавателям, учителям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется вопросами изучения русского языка, литературы и культуры.

Рецензенты:

Печенкина О.Ю. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

Мехедов В.Н. – директор муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Дятьковская городская гимназия» Дятьковского района Брянской области.

Подготовлено на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского».

Рекомендовано к печати на заседании кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (протокол № 1 от 29.09.2025 г.).

Авторы несут ответственность за достоверность публикуемых фактических материалов, корректность цитирования и приводимых источников.

© РИСО БГУ, 2025
© Изд-во ИП Худовец Р.Г., 2025
© Коллектив авторов, 2025

СЛОВО О ПАВЛЕ АНДРЕЕВИЧЕ РАСТОРГУЕВЕ

У А.С. Кушнера в одном из стихотворений есть такие строчки: «Быть классиком — значит стоять на шкафу Бессмысленным бюстом, топорща ключицы...». Этими словами, пожалуй, можно охарактеризовать наше отношение к любому выдающемуся человеку, которого мы, потомки, однажды признали образцом в чем-либо, с которым давно (или не очень) разделены временем и пространством. И вот наш взгляд уже привычно скользит по старой увеличенной фотографии, и мы знаем о человеке только то, что давно знают все: П.А. Расторгуев – русский языковед, педагог, исследователь говоров Западной Брянщины. Сухие факты. Так судьба этого удивительного человека теряется в складках жизни, и что-то важное проходит мимо нас, и мы остаемся бедными. Но если все же совершить усилие различения, вглядывания в очень непростой жизненный путь этого невысокого, худого человека, то обнаружиться вдруг, что была в нем какая-то особая косточка.

Итак, Павел Андреевич Расторгуев родился 18 июня 1881 года в Стародубе, который в то время относился к Черниговской губернии. В семье служащего казначейства, титулярного советника, дворянина Андрея Яковлевича Расторгуева помимо Павла было еще семь детей. С скромные доходы отца позволили сыну учиться лишь в местном городском двухклассном училище. Курс здесь длился шесть лет, а лучшие ученики получали право продолжить образование в учительских семинариях или институтах.

В 1898 году П.А. Расторгуев поступает в Глуховский учительский институт и через три года получает аттестат на звание учителя. Молодой человек возвращается на работу в родной город, учительствует, но не перестает мечтать. Его заветная мечта – поступить в Московский университет. Однако, чтобы осуществить эти замыслы, нужен аттестат зрелости, знание иностранных языков, да и немалые деньги. Молодой учитель, продолжая

работу, вновь сам садится за парту рядом с гимназистами и успешно выдерживает экзамены на аттестат зрелости. Благодаря финансовой поддержке местных меценатов фабрикантов Гусевых (Елионских) Павел Андреевич отправляется в Москву, блестяще сдает вступительные экзамены и зачисляется на историко-филологический факультет Императорского Московского университета.

**Здание Императорского
Московского университета
1900 –1903 годы**

П.А. Расторгуев-студент

Здесь его наставниками становятся выдающиеся российские слависты – Р.Ф. Брандт, а несколько позже – А.А. Шахматов.

Уже проходя университетский курс, студент Расторгуев погружается в серьезнейшую научно-исследовательскую работу: его захватывает идея создать словарь народных говоров Западной Брянщины. Позже ученый будет говорить об этом так: «Мысль составить словарь народных говоров Западной Брянщины... занимала меня давно – с 1903 года, когда я, уроженец г. Стародуба, поступил в Московский университет. Здесь профессор Р.Ф. Брандт сразу же обратил внимание на особенности произношения мной некоторых звуков, постановку ударения в словах и проч. и определил основу моей речи как белорусскую. С тех пор я занялся изучением местных говоров и собиранием материалов для

словаря. Лет десять спустя, когда я работал под руководством акад. А.А. Шахматова и когда у меня уже были собраны значительные материалы по словарю, А.А. Шахматов проявил большой интерес к ним и настоятельно рекомендовал продолжать работу» (Расторгуев П.А. Словарь народных говоров западной Брянщины. – Минск, 1973).

В 1908 году Павел Андреевич завершает обучение с дипломом первой степени. Его исследовательский талант обращает на себя внимание профессуры. За сочинение «О языке подложных старочешских памятников «Краледворской рукописи» и «Любушина суда»» он награждается золотой медалью. Одаренного выпускника оставляют на кафедре славянской филологии для подготовки к званию профессора.

А дальше, как известно, будет ломка государственной системы, строительство нового мира и так много катастроф.

С 1917 года Расторгуев приступает к работе в вузах Москвы в должности преподавателя, затем и приват-доцента. Его научные интересы в это время связаны с исследованием говоров Смоленщины, северных уездов Черниговщины и Белоруссии.

Сразу после революции 1917 года начинаются бурные культурно-языковые перемены, пробуждается интерес к судьбе языков нерусских народов нового Советского государства, меняется образовательная политика. В 1918 году Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР выдвигается идея создания в Москве Белорусского народного университета, куда намерены привлечь ведущих российских ученых. Эти курсы были открыты.

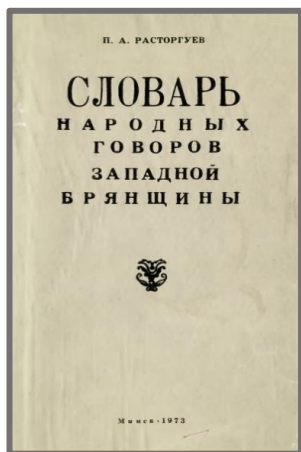
Лекции о белорусском языке читает приват-доцент Расторгуев. Подчеркну, что в это время еще не было никакой учебной литературы по истории, культуре, языку белорусского народа. Павел Андреевич был в этом деле первопроходцем. Тем не менее, цикл его лекций «Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии» – это прекрасный, объемный, очень хорошо структурированный языковой учебный курс, «настоящий компендиум своего времени по белорусскому языку».

мало заботят политические игры, он думает о том, как реформа будет воспринята людьми, для которых белорусский язык является родным.

Большим вкладом в белорусское (да и вообще славянское) языкознание несколько позже (уже в 1951 году) станет издание Расторгуевым учебника белорусского языка для филологических факультетов университетов.

Каким поразительным научным темпераментом обладал этот человек! С 1927 года он действительный член Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в 1928-ом входит в состав Комиссии по подготовке кадров в научно-исследовательском Институте языкознания и Государственного ученого совета Наркомпроса.

К этому времени выходят в свет несколько десятков его научных работ: это статьи, рецензии, результаты многолетних исследований восточнославянских языков. Среди них монография «Северско-белорусский говор» (за которую автор был удостоен второй золотой медали), работа «Говоры восточных уездов Гомельской губернии», «О польском и белорусском влиянии на украинские говоры бывшей Седлецкой губернии», «Некоторые синтаксические особенности в народных говорах б. Смоленской губернии» и многие другие.

В 1932 году Павел Андреевич выходит на пенсию с намерениями продолжать свои языковедческие изыскания, но «век-волкодав» неумолим.

Осенью 1933 года ОГПУ (объединенное государственное политическое объединение при СОВНАРКОМЕ - специальный орган государственной безопасности СССР) фабрикуется дело, которое позже получит название "Дело славистов". Политиче-

ским репрессиям по нему подвергаются несколько десятков человек. В основном это представители старой московской интеллигенции. 8 февраля 1934-го был арестован и Павел Андреевич. Виновным себя ученый не признал, тем не менее был приговорен к 5 годам заключения. Местом отбывания наказания стал Карлаг – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей СССР, расположенный в Карагандинской области.

«Пайка черного хлеба, черпак баланды и чашка каши-размазни, холод, тяжелый труд...» - так вспоминают бывшие узники Карлага свою жизнь там. Все это не способствовало выживанию. Но вот что удивительно, в эти темные времена, в обстоятельствах безнадежности, бессмысленности, разрушенности были люди, которые являли миру свет.

Что позволило этому, казалось бы, физически некрепкому, уже нездоровому человеку пережить страшное время? Думаю, слова, память, дело – вот что приходило на выручку, вот что задавало ритм жизни, а значит давало внутреннюю свободу и меньшую зависимость от обстоятельств. В лагере Расторгуев работает регистратором, ведет делопроизводство, бывает даже в командировках на педагогической работе: преподает на курсах трактористов и полеводов, участвует в редакционной коллегии, в юридическом бюро помощи заключенным.

Освобождают Павла Андреевича через три с половиной года – в сентябре 37-го. Но освобождение из лагеря не делало бывшего заключенного полноправным гражданином: за ним сохранялся "минус" (так неофициально называлась еще одна репрессивная мера – запрет проживания в крупных городах).

Так Павел Андреевич оказывается в Клинцах, где жила его родная сестра. Силы и здоровье его постепенно восстанавливаются, и в августе 1938 он пишет заявление на имя директора Ново-выбковского государственного учительского института о зачислении его профессором кафедры русского языка и ее заведующим.

П.А. Расторгуев с женой Надеждой Дмитриевной

**Дом Расторгуевых в
Новозыбкове**

Супруги Расторгуевы перебираются на новое место. В памяти старожилов сохранилась история о том, как профессор выбирал себе дом (нам об этом рассказала Маргарита Алексеевна Иванова, которая принадлежит к числу потомков тех самых меценатов Гусевых, чье участие когда-то позволило Павлу Андреевичу получить образование).

Обязательным условием было следующее: дом должен располагаться не в линию. Очень внимательно присматривался профессор и к возможным соседям. Когда все условия были соблюдены, жилье куплено, Павел Андреевич вошел на территорию двора с улицы, закрыл за собой калитку. Больше эта калитка не открывалась, гостям приходилось проникать в дом Расторгуевых через двор соседей. Видимо, это была инерция так и не изжитого страха.

В Новозыбкове профессор Расторгуев снова включается в дело: он преподает, ведет научно-исследовательскую работу. Появляются его статьи "Литературный язык освобожденных из-под

панского гнета западных украинцев и белорусов", "О языке летописных Новгородских славян и кривичей", "Еще один довод в пользу Глаголической азбуки", "Язык ранней украинской прозы", "Влияние грамматической аналогии на архаические формы спряжений" и т.д.

Он укрепляет состав кафедры, готовя коллег к сдаче кандидатского минимума, руководит студенческим кружком по собиранию материалов для составления словаря местных говоров.

29 марта 1941 года решением ВАК Союзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР П.А. Расторгуеву присуждена ученая степень доктора филологических наук без защиты диссертации.

Новым испытанием для Павла Андреевича стала война и оккупация Новозыбкова.

Ученый остается в городе: к этому времени он уже немолод, у него нездорова жена. Новые власти предлагают ему возглавить отдел народного просвещения, стать членом Управы, занять должность переводчика, учителя, директора "Отдела пропаганды". Но уговорить Расторгуева не удавалось. Тогда началось давление на него, грозили арестом. Болезни и возраст не принимались в расчет. Павел Андреевич был вынужден взять несколько уроков по русской истории в средней школе.

**Новозыбковский
педагогический институт
в первые годы после войны**

**Заседание кафедры
русского языка
НГПИ (1948 год)**

После освобождения Новозыбкова в сентябре 1943 года Расторгуев вместе с другими сотрудниками участвует в восстановлении нашего института.

В 1947-ом он зачислен на должность старшего научного сотрудника Института литературы, языка и искусства АН БССР, выдвинут в действительные члены Академии наук БССР. Он продолжает трудиться.

Однако здоровье ученого ухудшается. В марте 1952 года он подает заявление об увольнении по состоянию здоровья. Павел Андреевич спешит закончить работу по исследованиям говоров западной Смоленщины, пытается завершить "Словарь...", работает над статьями и заметками по проблемам восточнославянских языков.

21 марта 1959 года П.А. Расторгуева не стало.

В октябре 1964 года, через пять лет после смерти ученого, выйдет «Постановление Президиума Московского городского суда № 5». Расторгуев П.А. будет реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Главный труд его жизни – «Словарь народных говоров Западной Брянщины» – увидит свет лишь в 1973 году.

Всматриваясь в судьбу Павла Андреевича, невольно думаешь: а может ли человек, в чьей жизни было столько преодоления, чувствовать себя счастливым? Уверена, что да. Если ты становишься частью чего-то большего, чем ты сам, ты обязательно счастлив. Для Расторгуева этим большим был язык, наука.

Пусть сегодня всех нас пронзит чувство совершившейся встречи с удивительным ученым и человеком – Павлом Андреевичем Расторгуевым. И тогда мы тоже хотя бы ненадолго будем счастливы!

Абрамова В.И.

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ*

**СЛОВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Целью исследования являлся анализ текстов русских поэтов XIX – XX вв., представленных в Национальном корпусе русского языка и содержащих цитаты или реминисценции из произведений М.Ю. Лермонтова. В результате исследования сделаны следующие выводы: русские поэты обращаются к таким текстам М.Ю. Лермонтова, как стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», «Ангел», «Тучи», «Парус», «На севере диком стоит одиноко...», поэмы «Мцыри» и «Демон», роман «Герой нашего времени». Тексты М.Ю. Лермонтова представлены в русской лирике как косвенные и прямые цитаты. Сам поэт в стихотворениях русских лириков может обретать черты своих героев – Мцыри, Демона и Печорина.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, образ, лирика, цитата, аллюзия, реминисценция.

Abramova V.I.

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

**LERMONTOV'S WORD IN RUSSIAN LYRICS
(BASED ON MATERIALS FROM THE NATIONAL CORPUS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE)**

The aim of the study was to analyze the texts of Russian poets of the 19th – 20th centuries, presented in the National Corpus of the Russian Language and containing quotations or reminiscences from the works of M. Yu. Lermontov. As a result of the study, the following conclusions were made: Russian poets turn to such texts of M. Yu. Lermontov as the poems «I go out alone on the road ... », «Angel»,

«Clouds», «Sail», «In the wild north it stands alone ... », the poems «Mtsyri» and «Demon», the novel «A Hero of Our Time». The texts of M. Yu. Lermontov are presented in Russian lyrics as indirect and direct quotations. The poet himself, in the minds of Russian lyricists, can acquire the features of his heroes – Mtsyri, Demon and Pechorin.

Keywords: M.Yu. Lermontov, image, lyrics, quotation, allusion, reminiscence.

Анализ поэтических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, позволяет сделать ряд выводов относительно того, как репрезентирован текст М.Ю. Лермонтова в русской поэзии.

Фамилия поэта сопровождается в русской лирике довольно устойчивыми мотивами и образами, отсылающими нас к его известным произведениям. В текстах из НКРЯ, содержащих упоминание о поэте, мы обнаружили пять обращений к стихотворению «Выхожу один я на дорогу...»: у Е.Ф. Сабурова: *Лермонтов говорит со звездой* [Е.Ф. Сабуров. «Ходят по округе...» [Первая поэма, 3] (2006-2009), НКРЯ] (ср.: *И звезда с звездою говорит*); у Г.В. Иванова: *но – как Лермонтову снилось – / чтобы где-то жизнь звенела* [Г.В. Иванов. «Если бы я мог забыться...» (1943-1958)] (ср.: *Но не тем холодным сном могилы... / Я б хотел навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь*); у Г.В. Адамовича: *И я хочу покоя, / как Лермонтов* [Г.В. Адамович. «Устали мы. И я хочу покоя...» (1917), НКРЯ] (ср.: *Я ищу свободы и покоя!*); у Г.В. Иванова: *И Лермонтов один выходит на дорогу, / Серебряными шпорами звеня* [Г.В. Иванов. «Мелодия становится цветком...» (1943-1958), НКРЯ] (ср.: *Выхожу один я на дорогу*); у В.П. Катаева: *Кремешки трещали под ногою, / Я по ним, любовью полный, шел / Лермонтов владел моей душою / И меня в неведомое вел* [В.П. Катаев. «Все равно, куда ведет дорога...» (1913-1982), НКРЯ] (ср.: *Сквозь туман кремнистый путь блестит*). Возможно, косвенной отсылкой к данному стихотворению будут служить образы звезд, сопровождающие в русской поэзии образ Лермонтова. У К.Д. Бальмонта читаем: *Лермонтов – весь многозвездная дума* [К.Д. Бальмонт. Заветная рифма: «Не Пушкин, за ямбами певший хорей...» (1892-1935), НКРЯ], у В.В. Набокова

находим: *Лермонтов – в венке из звезд прекрасных* [В.В. Набоков. «Пушкин – радуга по всей земле...» [На смерть А. Блока, 2] (1922), НКРЯ], у С.П. Шевырева видим: *Не призывай небесных вдохновений / На высь чела, венчанного звездой* [С.П. Шевырев. На смерть Лермонтова: «Не призывай небесных вдохновений...» (1841), НКРЯ].

Следует отметить, что образ звезды в лирике Лермонтова создан еще в ряде стихотворений: «Звезда» («Вверху одна...»), «Небо и звезды», «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...»). Кроме того, по замечанию Ю.В. Манна в поэме «Мцыри» «романтический конфликт проецирован на небесно-астральный фон», а в поэме «Демон» «самому романтическому конфликту придан небесно-астральный, вселенский масштаб» [Манн 2007: 250].

Есть в текстах, представленных в НКРЯ, аллюзии к поэме «Демон», которые сопровождают образ Лермонтова: *Лермонтов... заоблачных гор обитатель, / Видевший ангелов лица, / помнящий очи того / Кто у ложа грузинки / гостил до зари, до денницы* [С.Г. Стратановский. «Вновь сошлись в поединке...» (1990-1999), НКРЯ]. В поэтических текстах сам Лермонтов нередко представлен как Демон, мыслится неразделимым со своим героем: *Забуду ль, как влачил мою кровать / на кручи демон, в тучный драп одетый? / Его привыкли Лермонтовым звать, / но он с другой был, знаю я, планеты* [А.С. Присманова. «Недолговечна полная луна...» (1933), НКРЯ]; *Казался ты и сумрачным и властным, / Безумной вспышкой непреклонных сил; / Но ты мечтал об ангельски-прекрасном, / Ты демонски-мятежное любил!* [В.Я. Брюсов. К портрету М.Ю. Лермонтова: «Казался ты и сумрачным и властным...» (06.05.1900-07.05.1900), НКРЯ]; *Он пролетал, как Демон, / Не глядя на Казбек* [Г.А. Шенгели. «Старушки нежной внучек...» [Лермонтов, 2] (1942), НКРЯ]; *Дабы не казаться изысканно-голословным, / Публикую опись только инвентаря: / Лермонтов (демон); Блок (ресторан и перья), / Вертинский (горжетка)...* [И.Л. Сельвинский. «Расстрел начался по кругу слева направо...» [Записки поэта, 43] (1926), НКРЯ]. Некоторые контексты, в которых фигурирует лермонтовский демон, иронично-сниженные, травестирующие образ злого духа: *Вдруг толкнися с сединою / Бес ему в ребро. / И, как Лермонтова Демон,*

/ Старцу шепчет день и ночь... [Н.А. Некрасов. Легенда о некоем покаявшемся старце, или Седина в бороду, а бес в ребро: «Жил да был себе издатель...» (1865), НКРЯ]; Мол, и Лермонтов, и Врубель / Понимали, что к чему, – / Почему ж идет на убыль / Уважение к нему?! [В.С. Шефнер. Беседа: «Залетел недавно Демон...» (1985), НКРЯ]. Возвышенно-романтический образ Демона не был востребован ни в эпоху реализма (Некрасов), ни в эпоху соцреализма (Шефнер).

Стихотворение Лермонтова «Ангел» становится для русских поэтов предметом размышления о судьбе самого его автора: *Но побелели, что мороз / твои, о ангел, волоса, / когда ты Лермонтова нес / живую душу в небеса [А.С. Присманова. Дорога: «Спи, тополь, спи – иль наяву...» (1936), НКРЯ]; Так Лермонтов в узком мундире / Жил в царстве указов и слез, / Так ангел летел и в эфире / К нам душу беспечную нес [А.П. Ладинский. «Не зная причины – томиться...» [Похищение Европы, 3] (1932), НКРЯ].*

К стихотворению М.Ю. Лермонтова «Тучи» отсылает нас текст Г.В. Сапгира: *закатные и кучевые / плакатные и грозовые / гнедые сивые караковые / различные и одинаковые / гонимые и заслоняющие / стоящие и пролетающие / как Лермонтов разочарованные... [Г.В. Сапгир. «ползти стоять худеть поститься...» [2] (1952-1998), НКРЯ].* Примечательно, что слово «тучи» не употребляется в этом контексте, но читатель, знакомый с лирикой Лермонтова, легко понимает, о чем идет речь.

Несколько отсылок сделано к стихотворному переводу из Г. Гейне «На севере диком стоит одиноко...»: *Здесь Лермонтов меняет / в пыли песчаной пальму на сосну [В.Б. Кривулин. Типографский погром: «Зачеркнуто (Здесь Лермонтов меняет...» (1993), НКРЯ]; о, Лермонтов сосны и пальмы [С.И. Кирсанов. «О, Пушкин золотого леса, о, Тютчев грозового неба...» (1943-1944)].* Мастерски сделанный перевод тоже оказался для русских поэтов своеобразным опознавательным знаком Лермонтова, символом его творчества.

Сюжетный элемент из романа «Герой нашего времени» сопровождает образ Лермонтова в стихотворении С.А. Есенина: *И Лермонтов, тоску леча, / Нам рассказал про Азамата, / Как он за лошадь Казбича / Давал сестру вместо злата [С.А. Есенин. На Кавказе: «Издревле русский наш Парнас...» (1924), НКРЯ].*

Слит с образом Лермонтова и образ Тамани, в которой поэт побывал, следуя в ссылку на Кавказ, и которую описал в одноименной главе из своего романа: *вот Лермонтов воспел Тамань* [Н.Н. Туруверов. «Жизнь не проста и не легка...» (1942), НКРЯ]; *Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу* [Г.В. Иванов. «Мелодия становится цветком...» (1943-1958), НКРЯ]; *Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века / Стояла грудью боевой у русского древка... / За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих* [И.Л. Сельвинский. Тамань: «Когда в кавказском кавполку я вижу казака...» (1943), НКРЯ].

В некоторых стихотворениях образ Лермонтова сопровождают аллюзии сразу к нескольким его произведениям: *парус проступит в тумане, / в том же, еще голубом, / и стародавняя тема / примет иной оборот... / Лермонтов. Облако. Демон. / Крыльев упругий полет* [Ю.Д. Левитанский. «День все быстрее на убыль...» (1991), НКРЯ]; *С одной мечтой в упрямом взоре, / На Божьем свете не жилец, / Ты сам – и Демон, и Печорин, / И беглый горестный чернец* (М.А. Кузмин) [М.А. Кузмин. Лермонтову: «С одной мечтой в упрямом взоре...» [Дни и лица, 3] (1916), НКРЯ].

Лермонтовский Печорин становится самостоятельным образом в стихотворениях русских поэтов и получает разные воплощения. М.П. Розенгейм называет его «русской подделкой мрачного Гамлета». Такие, как он: *Люди отрицанья мелкого и злого, / Люди эгоизма, фатовства пустого* [М.П. Розенгейм. Последняя элегия: «Боры да поляны, бедная природа...» (1859)]. В некоторых стихотворениях возникает стереотипная рецепция образа Печорина как «лишнего человека»: *Печорин горячо напишет с того света – / ворую чью-то грусть, встречаю чью-то лезть / белеющая Русь, я – твой порожний рейс* [Л.Г. Губанов. «Погибну ли юнцом и фатом на фанты?...» (1961-1983)]; *Онегин ли, Печорин, или Рудин / Еще скитался, по свету гоним* [П.Г. Антокольский. Петербургская повесть: «Состарился в эпохе переломной...» (1976)]. Вписанность Печорина в один ряд с Онегиным и Рудиным в стихотворении П.Г. Антокольского подчеркивает принадлежность героя к «лишним людям». Не случайно упоминание Онегина оказывается в близком контексте с упоминанием Печорина и в стихотворении М.А. Светлова: *Поднялся Евгений*

Онегин: – Печорин! Мне страшно! [М.А. Светлов. Живые герои: «Чубатый Тарас / Никого не щадил.....» (1927)].

В стихотворениях других поэтов Печорин – фигура трагическая и глубокая: *Печорин – образ роковой, / Сошедший со страниц романа, / Рожденный прихотью тумана / Над охлажденною Невой* [В.Л. Корвин-Пиотровский. «Шурша, коляска подъезжала...» (1920-1966)]; *Он рассказал о самосгоранье / Русских юношей в пламени зарев: / Свадьбу справляли с гибелью ранней / Гордый Печорин, дерзкий Базаров* [П.Г. Антокольский. Русский историк: «Русский историк, не знавший страха...» (1974-1975)]; *И на почтовой станции Печорин, / Пока меняют слуги лошадей, – / Разочарован, бледен, непокорен, / В пустых мечтах о Персии своей* [А.П. Ладинский. «Шумит Арагва в каменном ущелье...» [Стихи о Кавказе, 2] (1938)].

Г.А. Шенгели проецирует образ Печорина на своего лирического героя: *Здесь к месту были бы средь тишины и блеска / Кинжал Печорина, и рыжая черкеска, / И локон женщины, и между пыльных книг – / Разочарованный придуманный дневник* [Г.А. Шенгели. У себя: «Здесь долго жить мне. Взгляд кругом кидая зоркий...» (20.05.1922)]. М.А. Зенкевич вплетает образ Печорина в свои кавказские впечатления: *Вот так же кафу плясала Бэла, / Тамара – лезгинку томя и маня / Печорина, Демона и меня* [М.А. Зенкевич. С оказией на Кавказе: «Пока дымятся фитили...» (1935)].

У Саши Черного Печорин становится символом России и русской культуры за границей, но, помещенный в ряд с другими символами, превращается в симулякр, стереотип, теряет свое значение: *Ресторан «Дар-Валдай на Днепре». / Медвежатица с клюквой и с салом, / Русский хор в мавританском шатре / И лезгинец Печорин с кинжалом* [Саша Черный. Эмигрантские объявления: «Ясновидящий Игорь фон Шталь...» (1925)]. «Эмигрантским героем» называет Печорина Г.А. Глинка, описывая соответствующий психотип: *Не умом жил, а чувством – / Без руля и ветрил, / С природным беспутством / Княжский титул носил. / Был любителем истым / Трехэтажных словес* [Г.А. Глинка. Бывший Печорин: «Что ни год, то моложе...» (1972-1989)]. Печорин превращается в вечный образ, который можно встретить не только в эмигрантской среде на обломках русской дворянской

культуры, но и в советских реалиях: *Нахал, шарлатан, горлопан, / наш микрорайонный Печорин, / шагающий по головам, / наедине был печален* [Б.А. Слуцкий. «Нахал, шарлатан, горлопан...» (1970-1975)]; *И в школе грамоты начальной / В кружке любительском селькор / Читает Машеньке в упор / Печорина конец печальный, – / Мила, стыдлива и нежна / Его колхозная княжна* [В.Л. Корвин-Пиотровский. Золотой песок: «Ты помнишь ли, мой Кирик милый...» (1920-1966)].

Строки стихотворений М.Ю. Лермонтова русские поэты часто использовали и в качестве эпиграфов к своим произведениям. *Спит земля в сиянье голубом* (из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...») – эпиграф к стихотворению Ю.П. Кузнецова «Рубашка»; *Про любовь мне сладкий голос пел* (из того же стихотворения) – эпиграф к стихотворению Льва Лосева «В альбом»; *Я б хотел забыться и заснуть* (из того же стихотворения) – эпиграф к стихотворению В.Я. Брюсова «У земли»; *Я знал его...* (из стихотворения «Памяти А.И. Одоевского») – эпиграф к стихотворению Е.Б. Рейна «Эпитафия»; *С собой В могилу он унес летучий рой Еще незрелых, темных вдохновений, Обманутых надежд и горьких сожалений* (из того же стихотворения) – эпиграф к стихотворению Е.П. Ростопчиной «Пустой альбом»; *Во прахе и крови скользят его колена* (из стихотворения «Умирающий гладиатор») – эпиграф к стихотворению Льва Лосева «В Помпее»; *Глядя на них, мне и больно и стыдно* (из стихотворения «Пленный рыцарь») – эпиграф к стихотворению И.Л. Лиснянской «Девочка пела в консерваторском...»; *К добру и злу постыдно равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы* (из стихотворения «Дума») – эпиграф к стихотворению А.А. Блока «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»; *Насмешкой горькою обманутого сына Над промотавшимся отцом* (из того же стихотворения) – эпиграф к произведению Н.М. Коржавина «Поэма причастности»; *В полдневный зной в долине Дагестана* (из стихотворения «Сон», с заменой слова «жар» на слово «зной») – эпиграф к стихотворению И.А. Бродского «Стихи о зимней кампании 1980-го года»; *Тогда смиряется души моей тревога* (из стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...») – эпиграф к стихотворению И.В. Чиннова «Особенно когда осенне-одинокое...»; *Он душу младую в объятиях нес* (из стихотворения «Ангел») – эпиграф к

стихотворению И.П. Уткина «Затишье»; *По небу полуночи ангел летел* (из того же стихотворения) – эпитафия к стихотворению В.М. Лебедева «Небо полуночи»; *По небу полуночи* (из того же стихотворения) – эпитафия к стихотворению В.Я. Брюсова «Н.Н. Сапунову»; *По синим волнам океана* (из стихотворения «Воздушный корабль») – эпитафия к стихотворению А.Н. Вертинского «В снегах России»; *Лежит на нем камень тяжелый, Чтоб встать он из гроба не мог* (из того же стихотворения) – эпитафия к стихотворению А.А. Штейнберга «Могила неизвестного солдата»; *Иные ему изменили* (из того же стихотворения с заменой слова «другие» на слово «иные») – эпитафия к стихотворению С.М. Городецкого «Матери»; *Пусть она поплачет. Ей ничего не значит* (из стихотворения «Завещание») – эпитафия к стихотворению К.М. Симонова «Если родилась красивой...»; *Стихом размеренным и словом ледяным* (из стихотворения «Не верь себе») – эпитафия к стихотворению Н.Н. Тuroверова «Ты пришла к моей избушке...»; *Белеет парус одинокий* (из стихотворения «Парус») – эпитафия к стихотворению И.П. Уткина «Парус»; *Подожди немного Отдохнешь и ты* (из стихотворения «Из Гете») – эпитафия к стихотворению Е.С. Гессена «Не торопись, еще немного...»; *И хотела она доплеснуть до луны Серебристую пену волны* (из стихотворения «Русалка») – эпитафия к стихотворению М.А. Светлова «Похороны русалки»; *Люблю отчизну я, но странною любовью* (из стихотворения «Родина») – эпитафия к стихотворению С.М. Рафальского «Отечество»; *...мы боготворим что презираете вы хладно* (из поэмы «Измаил-Бей») – эпитафия к стихотворению Б.М. Лапина «– Дай мне убийственную руку...»; *По мне, отчизна только там, Где любят нас, где верят нам* (из той же поэмы) – эпитафия к стихотворению В.Г. Шершеневича «Усталость»; те же строки используются в качестве эпитафия к стихотворению С.Г. Фруга «Дума»; *Молвил старый Шат* (из стихотворения «Спор») – эпитафия к стихотворению В.Я. Брюсова «Разговор»; *Но под чадрую длиною Тебя узнать нельзя* (из стихотворения «Свиданье») – эпитафия к стихотворению Н.Н. Асеева «Михаил Лермонтов»; *И в рифмах часто недочет* (из стихотворения «Журналист, читатель и писатель») – эпитафия к стихотворению Саши Черного «Продолжение одного старого разговора»; *И ви-*

дит берег недалекий И ближе видит свой конец (из стихотворения «К другу В.Ш.») – эпиграф к стихотворению В.Г. Шершеневича «Берег»; *Они мой ум избаловали И слишком сгладили чело!* (из стихотворения «Я жить хочу! Хочу печали...») – эпиграф к стихотворению В.Я. Брюсова «Страсти сны»; *За всё, за всё тебя благодарю я: За тайные мучения страстей, За горечь слез, Отраву поцелуя, За месть врагов и клевету друзей; За жар души, Растраченный в пустыне* (из стихотворения «Благодарность») – эпиграф к стихотворению А.А. Блока «О, весна без конца и без краю...»; *Они не созданы для мира* (из поэмы «Демон») – эпиграф к стихотворению В.Я. Брюсова «Встречной»; *Иль никогда на голос миценья Из золотых ножон не вырвешь свой клинок* (из стихотворения «Поэт») – эпиграф к стихотворению В.Я. Брюсова «Кинжал»; *Люблю мечты моей создание* (из стихотворения «Как часто пестрою толпою окружен...») – эпиграф к стихотворению В.Я. Брюсова «Mon rêve familier»; *О, как мне хочется смутить веселье их, И дерзко бросить им в лицо железный стих, Облитый горечью и злостью* (из того же стихотворения) – эпиграф к произведению А.А. Григорьева «Искусство и правда»; *Гой вы, ребята удалые, Гусляры молодые, Голоса заливные!* (из поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова») – эпиграф к стихотворению Л.Н. Трефолева «Гусляр»; *Скажи-ка, дядя, ведь недаром...* (из стихотворения «Бородино») – эпиграф к пародийному стихотворению В.Р. Щиглева «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»; *Всё это было бы смешно, Когда бы не было так грустно* (из стихотворения «А.О. Смирновой») – эпиграф к стихотворению М.П. Розенгейма «Я подавлен, убит, разорен, поражен...»; *Окружи счастьем счастья достойную, Дай ей сопутников, полных внимания; Молодость светлую, старость спокойную, Сердцу незлобному мир упования* (из стихотворения «Молитва») – эпиграф к стихотворению А.Н. Плещеева «При посылке Рафаэлевой Мадонны».

Таким образом, тридцать произведений М.Ю. Лермонтова стали источниками эпиграфов для стихотворений русских поэтов, представленных в НКРЯ. Наиболее часто русские лирики обращались к таким текстам, как «Выхожу один я на дорогу...» (3), «Ангел» (3), «Воздушный корабль» (3), «Измаил-Бей» (3),

«Памяти А.И. Одоевского» (2), «Как часто пестрою толпою окружен...» (2), «Дума» (2). Строки Лермонтова использовались в качестве эпиграфов для стихотворений, посвященных его собственной судьбе, для произведений, обращенных к друзьям поэтов, для текстов философского характера, представляющих собой размышления о жизненно важных вопросах и глобальных исторических событиях, таких как Великая Отечественная война или ввод советских войск в Афганистан.

Список литературы

1. Манн, Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма / Ю. В. Манн. – Москва : РГГУ, 2007. – 518 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.03.2025).

УДК 81'373

Анисимова Д.С.

*Государственный университет просвещения,
г. Москва, РФ*

СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СЛОВОФОРМЫ ЛЕКСЕМЫ ВЕЧЕР В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена исследованию семантической структуры и функционирования предложно-падежных форм лексемы вечер в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В работе рассматриваются различные аспекты употребления данной лексемы, включая её синтаксические роли, контекстуальные значения и стилистическую наполненность. Особое внимание уделено анализу связи между семантическими характеристиками лексемы и идиостилем писателя.

Ключевые слова: *предложно-падежные формы, вечер, М.Ю. Лермонтов, категория времени.*

**SEMANTICS, STRUCTURE AND FUNCTIONING OF THE PREPOSITIONAL-PADJECTIVE WORD-FORM OF THE LEXEME
EVENING IN THE NOVEL «A HERO OF OUR TIME»
BY M. Yu. LERMONTOV**

The article is devoted to the study of the semantic structure and functioning of prepositional-padjectival forms of the lexeme evening in M.Y. Lermontov's novel «A Hero of Our Time». The paper considers various aspects of the use of this lexeme, including its syntactic roles, contextual meanings and stylistic content. Special attention is paid to the analysis of the connection between the semantic features of the lexeme and the writer's idiosyncrasy.

Keywords: *prepositional-padjectival forms, evening, M.Yu. Lermontov, time category.*

В современной лингвистике является актуальным изучение временной структуры текста. Анализ семантики, структуры и функционирования предложно-падежной словоформы лексемы *вечер* позволяет выявить особенности осмысления времени М.Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени».

В Малом академическом словаре под редакцией А.И. Евгеньевой лексема *вечер* имеет значение '*время суток от окончания дня до наступления ночи*'. Данную лексему П.А. Лекант отнёс к разряду имён времени, которые являются «...номинативно ограниченным классом слов, категориально и формально представляющих часть речи – имя существительное. Они называют отрезки времени, определяемые природой планеты Земля (сутки, день, ночь, утро, вечер; лето, осень, зима, весна; год), календарное деление времени (месяц, век, час, минута, секунда)» [Лекант 2016: 42].

Временная конструкция винительный падеж с предлогом *под*, являющаяся выразителем близкого предшествования, обозначает момент, период времени, накануне которого осуществляется действие: *Под вечер, остановив её в дверях, я завёл с нею следующий разговор* [Лермонтов 1957: 256].

В романе отмечается фазисное значение темпоральной конструкции *под конец вечера*, уточнение момента конца действия внутри временного отрезка: *Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодёжи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убеждён в разных разностях* [Лермонтов 1957: 269]. Т.Е. Шаповалова отмечает: «Фазисная семантика характеризуется уточнением расположения действия, события или явления в границах названного временного отрезка или события» [Шаповалова 2022: 161].

Временная конструкция с предлогом *в продолжение* содержит в себе значение длительности, характеризующееся тем, что отрезок времени полностью заполняется действием. Данная словоформа охватывает протяжённость и количество времени, которое необходимо для выполнения какого-либо действия: *В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в их разговор, но она довольно сухо встречала мои замечания, и я с притворной досадою наконец удалился* [Лермонтов 1957: 292].

Предложно-падежная форма родительного падежа с предлогом *около* указывает на приблизительность времени момента действия: *Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина* [Лермонтов 1957: 235]; *Около семи часов вечера я гулял на бульваре* [Лермонтов 1957: 289].

Т.Е. Шаповалова выделяет основным выразителем неопределённого предшествования, «момента действия, неопределённо удалённого от границы временного отрезка или события» [Шаповалова 2000: 13], словоформу родительного падежа с предлогом *до*, где длительность события ограничивается конечным пределом: *Я до вечера бродил пешком по окрестностям Маишука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении* [Лермонтов 1957: 305]; *Я до вечера просидел дома, запершись в своей комнате* (Княжна Мери) [Лермонтов 1957: 320].

Форма винительного падежа с предлогом *в* употребляется для обозначения момента времени: *В этот вечер Казбич был*

угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешикетом надета кольчуга [Лермонтов 1957: 212]; И лицо её стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово **в этот вечер** непременно поцеловать её руку [Лермонтов 1957: 303]; Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но **в этот вечер** я ему твёрдо верил: доказательство было разительное, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею, но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги [Лермонтов 1957: 343–344]. Указательное местоимение *этот* усиливает временной оттенок, является показателем конкретного момента.

Предлог *в* обозначает точный момент времени, в который происходит какое-либо событие, это отражается в следующих примерах: На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа **в восемь часов вечера**, в зале Благородного собрания (иначе – в ресторации); билеты по два рубля с полтиной [Лермонтов 1957: 316]; Нынче после обеда я шёл мимо окон Веры; она сидела на балконе одна; к ногам моим упала записка: «Сегодня **в десятом часу вечера** приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернётся... [Лермонтов 1957: 316]; ...вчера один человек, которого я вам не назову, приходит ко мне и рассказывает, что видел **в десятом часу вечера**, как кто-то прокрался в дом к Лиговским [Лермонтов 1957: 317].

Рассмотрим подробнее следующий пример: Я богаче вас, сказал я, – у меня, кроме этого, есть ещё убеждение – именно то, что я **в один прегадкий вечер** имел несчастье родиться [Лермонтов 1957: 270]. Темпоральный субстантивный оборот *в один прегадкий вечер*, в состав которого входит синтаксема с зависимыми элементами, распространён согласованными неоднородными определениями, предлог здесь указывает на совпадение с обозначенным временем.

Ещё один пример привлекает наше внимание: *...казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое ещё с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу...* [Лермонтов 1957: 224]. Как справедливо отмечает Т.В. Малинская, темпоральная синтаксема *с вечера*, указывающая на совпадение начала действия с обозначенным временем, рассматривается «как один из признаков действия с неограниченной длительностью» [Малинская 2022: 125–126]. Татьяна Владимировна приходит к выводу, что «начало действия совпадает с обозначенным временем, но оно продолжается, а значит, синтаксема указывает на следование после обозначенного времени, наблюдаем синкретизм в семантике предлога» [Малинская 2022: 125–126].

Форма дательного падежа (мн.ч.) с предлогом *по* указывает на временные отрезки, в пределах которых совершается повторяющееся действие: *Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочерёдно, по вечерам играли в карты* [Лермонтов 1957: 338]. Временная конструкция *по вечерам* передаёт повторяемость действия, которое на протяжении определённого времени производится одними и теми же субъектами, а предлог *по* указывает на совпадение с обозначенным временем.

Беспредложная форма творительного падежа описывает момент времени, когда совершается действие: *Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером* [Лермонтов 1957: 270]. Здесь притяжательное местоимение *своим* указывает на близость данного вечера всем героям.

Винительный беспредложный падеж указывает на временную длительность, которая выражает продолжительность события: *Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! – прибавил он* [Лермонтов 1957: 299]. *Грушницкий целый вечер* преследовал княжну, танцевал или с нею, или вис-Е-вис; он пожирал ее глазами, вздыхал и надоедал ей мольбами и упреками [Лермонтов 1957: 302]. Прилагательное *целый* содержит в себе

семантику высшей степени проявления обозначенного состояния, т.е. *‘весь’*.

При анализе предложно-падежной словоформы лексемы *вечер* в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова наиболее употребляемыми являются синтаксемы, содержащие в себе указание на совпадение с обозначенным временем. Таким образом, вечер воспринимается писателем как конечная точка события. П.А. Лекант отмечал: «Имена <...> времени суток, самые близкие жизни человека, насыщены и оценены человеком. Он воспринимает их следование, их смену как ход, скорый или медленный» [Лекант 2016: 44]. Для идиостиля М.Ю. Лермонтова характерно описание вечера как заключительного этапа размышлений или самих событий, произошедших за весь день.

Список литературы

1. Лекант, П. А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке / П. А. Лекант // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: Сборник трудов Международной научной конференции. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – С. 42–47.

2. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / Подгот. текста Б. М. Эйхенбаума // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954–1957. – Т. 6. Проза, письма. – 1957. – С. 202–347.

3. Малинская, Т. В. Время и его реализация в темпоральной синтаксеме со значением утренних и вечерних частей суток в произведениях И.А. Бунина: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малинская Татьяна Владимировна, 2022. – 182 с.

4. Малинская, Т. В. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в произведениях И. А. Бунина / Т. В. Малинская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 4. – С. 26–34.

5. Шаповалова, Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке. Монография. – Москва : МПУ, 2000. – 151 с.

6. Шаповалова, Т. Е. Семантические оттенки одновременности в структуре простого предложения / Т. Е. Шаповалова //

Этюды о времени: Избранные статьи. – Москва : Московский государственный областной университет, 2022. – С. 158–164.

7. Шаповалова, Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением как фрагмент темпоральной системы русского языка / Т. Е. Шаповалова // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. Межвузовский сборник научных трудов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. – С. 159–166.

УДК 81'37

Алешина Л.В.

*Орловский государственный университет,
г. Орел, РФ*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЗЫ КАЛИТИНОЙ

Статья посвящена анализу языковой репрезентации невербального поведения главной героини романа Тургенева «Дворянское гнездо» Лизы Калитиной. Паракинемы, описывающие коммуникативно значимые мимические движения, жесты, телодвижения, играют ключевую роль в создании художественного образа, передавая самые тонкие оттенки душевного состояния героини.

Ключевые слова: невербальное поведение, паракинемы, сирконстанты, Лиза Калитина.

Aleshina L.V.

Oryol State University, Orel, Russia

REPRESENTATION OF NON-VERBAL BEHAVIOR OF LISA KALITINA

The article is devoted to the analysis of the linguistic representation of non-verbal behavior of the main character of Turgenev's novel «A Nest of the Gentry» Liza Kalitina. Parakinemes describing communicatively significant facial movements, gestures,

body movements play a key role in creating an artistic image, conveying the most subtle shades of the heroine's mental state.

Keywords: *nonverbal behavior, parakinemas, sirconstants, Liza Kalitina*

Источником значительной части информации при общении являются невербальные сигналы, что обусловило необходимость включать в сферу лингвистического исследования паракинемы – наименования, описывающие коммуникативно значимые элементы невербального поведения [Хроленко]. Важнейший источник материала для изучения параязыковых явлений – художественные произведения. И.С. Тургенев мастерски использует паракинемы, помогающие передать психологическое состояние героев в той или иной ситуации.

Образ Лизы Калитиной – один из самых поэтичных в галерее «тургеневских девушек». Лиза с ранних лет отличалась серьёзностью, *смеялась не громко и не долго, держалась чинно*, игре в куклы предпочитала рукоделье под рассказы набожной няни, Агафьи Власьевны, о Христе, о житии пресвятой девы, божиих угодников, святых мучеников, которые стали для девочки более близкими, чем домочадцы. Ей было чуждо любое проявление притворства, о чём, в частности, говорит неумение *ласкаться* ('проявлять ласку по отношению к кому-н., стремясь вызвать к себе ответную ласку' [ТСРЯ]) ни к матери, ни к Агафье, *хотя только ее одну и любила*. Всё это не могло не отразиться на внешности, не случайно Лаврецкий, впервые пришедший к Калитиным после восьмилетнего отсутствия, говорит девушке, которую видел ещё ребёнком: *Я помню вас хорошо; у вас уже тогда было такое лицо, которого не забываешь*.

К девятнадцати годам Лиза сформировалась как удивительно цельная личность с непоколебимыми нравственными принципами. По справедливому замечанию одного из первых критиков романа «Дворянское гнездо», П.В. Анненкова, в душе Лизы беспрестанно идёт «работа нравственного чувства, заменяющего ей опытность и бодрствующего над нею во всякое время», она находится во власти «одной религиозно-моральной идеи» [Анненков: 9].

Девушка немногословна, она больше слушает, чем говорит сама, никогда не рисуется, не пытается произвести впечатление на окружающих, при этом самые тонкие оттенки её душевного состояния находят естественное выражение в мимике, модуляциях голоса, жестах, телодвижениях. Поэтому в создании образа этой героини особую роль играют паракинемы.

Чаще всего вербализируется мимика как «совокупность движений частей лица человека, выражающая его состояние или отношение к тому, что он воспринимает (представляет, обдумывает, припоминает и т.п.)» [КСПТ].

Паракинемы, номинирующие мимические движения, могут фиксировать общее выражение лица: *Лаврецкий посмотрел на нее, она на него посмотрела – и обоим стало почти жутко. Он прочел недоумение и какой-то тайный упрек на ее лице; Прощаясь с нею, он успел повторить, что придет завтра, и прибавил, что надеется на ее дружбу. – Приходите, – отвечала она с тем же недоумением на лице; <...> можно было догадаться, что она пристально и по сосредоточенному выражению ее лица горячо молилась.*

«В человеческом общении взгляд выполняет одну из важнейших коммуникативных функций, частота и длительность взгляда могут указывать на характер отношения к данному партнеру и к тому, что человек говорит» [Талыбина: 75]. Паракинемы как средство репрезентации взгляда, выражения глаз играют важнейшую роль в создании психологического портрета героини, у которой, как говорится, всё на лице написано. Так, Лаврецкий впервые всерьёз обратил внимание на Лизу, когда на вопрос *А разве вы ходите к обедне?* она *молча, с изумлением посмотрела на него*. Этот красноречивый взгляд заставил Лаврецкого осечься и извиниться, а затем, несколько минут спустя, неожиданно для себя самого попросить девушку помолиться и за него. *Извольте, – сказала она, прямо глядя ему в лицо, – я помолюсь и за вас*. То, как Лиза держалась, произвело большое впечатление на Лаврецкого. Зайдя перед отъездом в Васильевское к Марфе Тимофеевне, он пытается как бы между прочим расспросить о Лизе, а несколько часов спустя по дороге в деревню он думает о ней: *Славная девушка, что-то из нее выйдет? <...> Бледное, свежее лицо, глаза и губы такие серьезные, и взгляд честный и невинный.*

<...> Очень я люблю, когда она вдруг остановится, слушает со вниманием, без улыбки, потом задумается и откинет назад свои волосы.

Взгляд Лизы передает её эмоциональное состояние, отношение к собеседнику, что подчёркивается сирконстантами – обстоятельственными распространителями, конкретизаторами действия: *«Вот он какой», – подумала она, ласково глядя на него; <...> Лаврецкий <...> оборотился и уловил глубокий, внимательный, вопросительный взгляд в глазах Лизы...; Лиза побледнела и почти с испугом, но внимательно глядела на него; Он просит вашей руки? – Да, – произнесла Лиза и прямо и серьезно посмотрела Лаврецкому в глаза; Лиза задумчиво посмотрела на свою тетку. – Какое вы это произнесли слово! – прошептала она.*

Для Лизы, как человека искреннего, свойственно открыто смотреть на собеседника, и если она отводит или опускает глаза, это сигнализирует о волнении, смущении, смятении: *Лиза начала играть и долго не отводила глаз от своих пальцев; Скажите, – начал он, – вы еще не решились? – Что вы хотите сказать? – промолвила она, не поднимая глаз; Так зачем же вы женились на ней? – прошептала Лиза и потупила глаза; Лаврецкий подсел было к Лизе, но она держалась строго, почти сурово, и ни разу не взглянула на него. Она как будто с намерением его не замечала.*

Одна из самых поэтичных сцен романа – сцена случайного ночного свидания героев в саду Калитиных, когда Лаврецкий неожиданно для самого себя признаётся Лизе в своём чувстве и понимает, что может рассчитывать на взаимность. *Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы? Она опустила глаза <...>, и эти опущенные глаза сказали больше, чем любые слова.*

Одним из коммуникативно значимых мимических проявлений является улыбка как показатель разных эмоций, в большинстве случаев положительных. Характеризуя свою героиню, писатель отмечает, что *малейшее ощущение удовольствия вызывало привлекательную улыбку на ее губы, придавало глубокий блеск и какую-то тайную ласковость ее засветившимся глазам.* Так, после разговора с Лаврецким о его жене Лиза чувствует себя неловко, но стоило тому извиниться за невольную резкость, как она

испытала облегчение, её *бледное лицо заалелося веселой и стыдливой улыбкой; глаза её тоже улыгнулись*, – она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его. Паракинемы *лицо заалелося улыбкой, глаза улыгнулись* подчёркивают искренность девушки.

Улыбка чаще всего говорит о душевном спокойствии, умиротворении, как в сцене на пруду в Васильевском: *Лиза <...> смотрела на воду и не то щурилась, не то улыбалась*. Когда Лаврецкого ввели в заблуждение уклончивые ответы Лизы об отношении к Паншину, это её смутило, но и позабавило: *Он хороший человек; отчего же мне его не любить? – А! – промолвил Лаврецкий и умолк. Полупечальное, полунасмешливое выражение промелькнуло у него на лице. Упорный взгляд его смущал Лизу, но она продолжала улыбаться*.

Чуть позже разговор заходит о религии, и девушка пытается донести до собеседника свою сокровенную мысль о том, что христианином нужно быть для того, что *каждый человек должен умереть*. Лаврецкий недоумевает, почему она так спокойно говорит о смерти. *Не знаю. Я часто о ней думаю. – Часто? – Да. – Этого не скажешь, глядя на вас теперь: у вас такое веселое, светлое лицо, вы улыбаетесь... – Да, мне очень весело теперь, – наивно возразила Лиза*. Безмятежное выражение её улыбающегося лица говорит о внутренней гармонии.

Лиза не может сдержать улыбку, когда признаётся Лаврецкому, что получила от Паншина предложение, ведь она впервые обрела того, с кем может делиться самым сокровенным: *Право, мне кажется, я не должна... А впрочем, – прибавила Лиза и с улыбкой оборотилась к Лаврецкому, – что́ за откровенность вполтину? Знаете ли? я получила сегодня письмо*. После свидания с Паншиным Лиза чувствует, что должна сообщить Лаврецкому, чем оно закончилось, и на его нетерпеливый вопрос, отказала ли потенциальному жениху, отвечает: *Нет; но и не согласилась. Я ему всё сказала: всё, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы? – прибавила она с быстрой улыбкой <...>*. Эта быстрая, невольная улыбка выдаёт душевное состояние героини, у которой в глубине души появилась надежда, пусть ещё не осознаваемая, что Лаврецкий – тот человек, с которым она может быть счастлива.

Сложные, смешанные эмоции испытывает Лиза, когда узнаёт о предполагаемой смерти Варвары Павловны. Она выражает озабоченность судьбой дочери Лаврецкого, а когда тот заверяет, что будущность девочки обеспечена, *Лиза печально улыбнулась*: с одной стороны, она понимает, что Лаврецкий не оставит дочь без средств к безбедному существованию, с другой стороны, ей жаль осиротевшего ребёнка, что подчёркивает синкорстант *печально*.

Паракинемы с лексемой *улыбка* могут выражать и негативные эмоции. Так, о внутреннем дискомфорте сигнализирует словосочетание *улыбка сошла* вкупе с коммуникативно-значимым молчанием и глаголом речи *промолвить* 'сказать, проговорить, преим. тихо, нерешительно' [Ушаков]. Лаврецкий на вопрос Лизы *А разве вам Владимир Николаич не нравится?* отвечает: *Не нравится. – Отчего же? – Мне кажется, сердца-то у него и нету. Улыбка сошла с лица Лизы. – Вы привыкли строго судить людей, – промолвила она после долгого молчанья.* Лиза себе не позволяет осуждать кого бы то ни было (это право вездесущего, всезнающего бога) и не приемлет этого в других, даже в Лаврецком, к которому чувствует глубокую симпатию.

Тяжёлая внутренняя борьба происходит в душе Лизы, когда она, *вся похолодев от ужаса*, узнала из записки Лаврецкого о приезде его жены, что восприняла как наказание свыше *своим, как она назвала их, преступным надеждам*. Обязав себя не избегать встречи с Варварой Павловной, девушка долго стояла перед дверью гостиной, собираясь с духом, наконец *с мыслью «Я перед нею виновата» – переступила она порог и заставила себя посмотреть на неё, заставила себя улыбнуться.* Лиза пытается скрыть свои чувства за маской приличествующей случаю вежливости, что для неё, не умеющей притворяться, является тяжким испытанием.

Состояние безнадёжности, отчасти самобичевания выражает улыбка, которая вербализируется паракинемой *чуть заметно улыбнулась* в диалоге, состоявшемся между героями, утратившими надежду на счастье с появлением Варвары Павловны: *Лаврецкий вдруг встрепенулся. – Уж не собираетесь ли вы выйти за Панишина? – спросил он. Лиза чуть заметно улыбнулась. – О нет! – промолвила она.* Эта слабая улыбка и это твёрдое

нет становятся понятны в контексте дальнейших событий: Лиза уже приняла решение, о котором пока никому не может сказать.

Мимические паракинемы, обозначающие движение бровей, в создании коммуникативного портрета Лизы используются лишь дважды, но они очень информативны, что в одном случае подчёркивается авторским комментарием: ***Брови у Лизы – не то чтобы нахмурились, а дрогнули; это с ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь неприятное.***

Нередко Тургенев использует одновременно несколько паракинем разной семантики, что позволяет передать всю сложную гамму чувств, которые испытывает героиня. Показательна сцена с Паншиным, который, прежде чем приступить к исполнению в четыре руки с Лизой бетховенской санаты, бестактно заговорил с Леммом о духовной кантате, посвящённой Лизе, чем не только больно задел старого музыканта, но и её поставил в неловкое положение. Когда все разошлись и молодые люди сели за фортепьяно, Владимир Николаич громко и решительно взял первые аккорды сонаты <..>, но Лиза не начинала своей партии. Он остановился и посмотрел на нее. ***Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствие; губы ее не улыбались, всё лицо было строго, почти печально.*** Паншин со свойственной ему душевной глухотой не чувствует состояния девушки, хотя всё написано на её лице, и только прямой вопрос заставляет Лизу откровенно высказаться. Когда пришла пора прощаться, Паншин, держа Лизу за руку, намекает на свои чувства к ней. *Лиза ничего не отвечала ему и, не улыбаясь, слегка приподняв брови и краснея, глядела на пол, но не отнимала своей руки.* Всё здесь говорит о том, что Лизе неловко. Она относится серьёзно к словам молодого человека, но пока не может ответить ему определённо, а кокетничать, отделяваться пустыми фразами, неискренне улыбаться не умеет, поэтому молчит, краснея. Боясь обидеть собеседника, девушка не отнимает руки, но приподнятые брови и потупленный взгляд говорят о замешательстве.

Коммуникативно значимыми могут быть голосовые модуляции. Когда Лиза, с её боязнью оскорбить кого бы то ни было, всё же вынуждена возражать, её эмоциональное состояние отражает тембр и громкость голоса: *Мне кажется, Федор Иванович, – произнесла, понизив голос, Лиза (когда она не соглашалась с*

*своим собеседником, она всегда понижала голос; притом она чувствовала большое волнение), – счастье на земле зависит не от нас...; Ах, Лизавета Михайловна, поверьте, – воскликнул он, – я и так довольно был наказан. Я уже всё искупил, поверьте. – Это вы не можете знать, – **проговорила Лиза вполголоса.***

Лиза никогда не кривит душой, но ей бывает непросто произнести то, что может задеть, обидеть собеседника, и это находит выражение в ритмике речи. Вот Паншин заговорив о Марфе Тимофеевне, прямо спрашивает: *Ведь она меня не любит, не правда ли? – Да, – произнесла Лиза с небольшой запинкой, вы ей не нравитесь.*

Решившись заговорить с Лаврецким о его жене, Лиза, **не без маленькой, однако, запинки, объявила ему, что давно имеет на сердце сказать ему что-то, но боится его рассердить.** В продолжение разговора голос не раз выдавал её волнение, то прерываясь, то опускаясь до шёпота: *Вы слишком чисты, вы не в состоянии даже понять такое существо. – Зачем оскорблять! – с усилием проговорила Лиза; Так зачем же вы женились на ней? – прошептала Лиза и потупила глаза; И я могу так же быть несчастной, – промолвила Лиза (голос ее начинал прерываться), – но тогда надо будет покориться; Вы должны простить, – промолвила она тихо, – если хотите, чтобы и вас простил».*

Лизы всегда, волнуясь, говорит тихо. Когда Марфа Тимофеевна, узнав о свидании своей любимицы с Лаврецким, набросилась на Лизу, та отвечала с достоинством, хотя голос почти отказал ей: *Я и не отговариваюсь, тетушка, – чуть слышно промолвила Лиза; Да ты любишь его, что ли? – Люблю, – отвечала тихим голосом Лиза.*

Трагична и трогательна сцена последнего объяснения героев. Лаврецкий, подчиняясь внутреннему голосу, идёт в церковь, чтобы увидеть Лизу на прощание. Догнав её после службы на улице, он заговорил с ней **громко, с насильственной развязностью**, что выдаёт глубокое отчаяние. Лиза не отвечает, у неё нет на это сил. Лаврецкий, невольно понизив голос, спрашивает, знает ли она, что он накануне примирился с женой. *Да, да, – проговорила она шёпотом, – это хорошо. <..> – Вы довольны? Лиза только головой кивнула. – Федор Иванович, – начала она спокойным, но слабым голосом, – я хотела вас просить: не ходите*

больше к нам, уезжайте поскорей; мы можем после увидаться – когда-нибудь, через год. А теперь сделайте это для меня; исполните мою просьбу, ради бога.

Не меньше, чем мимика и голос, говорят о переживаниях героини жесты. В создании образа Лизы участвуют прежде всего паракинемы, номинирующие движения рук, головы, режe плеч, причём лишь в единичных случаях жесты сигнализируют о положительных эмоциях. Так, Лиза прекрасно провела время в Васильевском, где они с Фёдором Ивановичем впервые смогли откровенно поговорить. На обратном пути Лаврецкий, провожая гостей, *ехал рысью возле кареты со стороны Лизы, положив руку на дверцы <..> и изредка меняясь двумя-тремя словами с молодой девушкой. <..> Ей было хорошо. Рука ее опиралась на дверцы кареты рядом с рукою Лаврецкого.* Между героями зарождается глубокое чувство, они тянутся друг к другу.

На вопрос Лаврецкого, какой ответ она дала Паншину, Лиза призналась, что пока не знает, как поступить, *и опустила сложенные руки.* С одной стороны, сложенные руки ассоциируются с молитвенным жестом, что ожидаемо от глубоко религиозного человека, с другой стороны, здесь угадывается намёк на сомнение, неуверенность.

Язык тела отражает всю бурю противоречивых чувств, охвативших девушку, которую застало врасплох признание Лаврецкого в любви: *Она хотела подняться, не могла и закрыла лицо руками. <..> Ее плечи начали слегка вздрагивать, пальцы бледных рук крепче прижались к лицу. <..> Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы? Она опустила глаза; он тихо привлек ее к себе, и голова ее упала к нему на плечо...*

При знакомстве с г-жой Лаврецкой всё в её облике и манере поведения возбудило *такое чувство отвращения в Лизе, что она ничего не могла ей ответить и через силу протянула ей руку.* Паракинема, обозначающая этикетный жест, используется для передачи негативных эмоций, что подчёркивается сирконстантом *через силу.* Вопреки заповеди «не судите, да не судимы будете», которой Лиза искренне следует, она не может преодолеть инстинктивную гадливость, вызываемую этой насквозь лживой женщиной, и та, со своей проницательностью и умением разбираться в людях, сразу это понимает: *«Эта барышня брезгает*

мною», – подумала Варвара Павловна, крепко стискивая холодные пальцы Лизы.

Жесты рук, телодвижения, мимика, модуляции голоса передают состояние, которое испытывает Лиза при прощальном объяснении в комнате Марфы Тимофеевны. Она в изнеможении, с трудом держится на ногах, ей больно смотреть на Лаврецкого: **Лиза прислонилась к спинке кресла и тихо занесла себе руки на лицо.** <..> Вот как мы должны были увидеться, – проговорил он наконец. **Лиза приняла руки от лица.** – Да, – сказала она глухо, – мы скоро были наказаны. – Наказаны, – проговорил Лаврецкий. – За что же вы-то наказаны? **Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали;** они казались меньше и тусклее. Лицо ее было бледно; **слегка раскрытые губы тоже побледнели.** Зная, что это прощальный разговор, что тётушка может вот-вот войти, Лиза спешит получить от Лаврецкого обещание исполнить свой долг, который видит в его примирении с женой: <..> не живите с ней, если вы не можете; но примиритесь, – возразила Лиза и **снова занесла руку на глаза.** – Вспомните вашу дочку; сделайте это для меня. Индивидуально-авторские паракинемы занесла себе руки на лицо, занесла руку на глаза писатель употребляет вместо узуальной номинации **закрыть лицо/глаза руками.** Этот жест говорит о том, что человек испытывает сильную, как правило, отрицательную эмоцию, не может справиться с собой, хочет, чтобы окружающие не поняли, в каком он состоянии. Эти тихо занесённые на лицо руки передают состояние обречённости, символизируют отстранённость от мирской жизни, от окружающих. Всё уже решено: на недоумённый вопрос, в чём Лиза видит свой долг, Лаврецкий получает твёрдый ответ **Про это я знаю,** но она не пытается ничего объяснять, чувствуя, что он её не поймёт. Когда на убитый горем Лаврецкий просит Лизу дать руку на прощание, её **усталый, почти погасивший взор остановился на нем...** – Нет, – промолвила она и **отвела назад уже протянутую руку,** <..> не дам я вам моей руки. К чему? Отойдите, прошу вас. Вы знаете, я вас люблю... да, я люблю вас, – **прибавила она с усилием,** – но нет... нет. И она **поднесла платок к своим губам.** – Дайте мне по крайней мере этот платок. <..> Платок скользнул по коленям Лизы. Лаврецкий подхватил его, прежде чем он успел упасть на пол <..>. Усталый, почти

погасивший взор контрастирует с блеском светившихся глаз прежней Лизы, которой уже фактически нет. Убрав протянутую было руку, она окончательно ставит заслон между собой и любимым человеком, последнее, что она себе позволяет, – обронить платок как последнее прости.

Финальные строки романа посвящены последнему свиданию героев. Лаврецкий не устоял перед потребностью ещё хоть раз увидеть Лизу-монахиню. *«Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла **ровной, торопливо-смирненной походкой монахини** – и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу.* Именно вербализация телодвижений, мимики, жестов помогает писателю, по его собственному выражению, *только указать* на те чувства, которые всколыхнула эта встреча в душе героини.

Подводя итоги, можно утверждать, что паракинемы, участвующие в репрезентации невербального поведения Лизы Калитиной, играют ключевую роль в создании художественного образа, передавая самые тонкие оттенки душевного состояния героини.

Список литературы

1. Анненков, П. В. Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева / П. В. Анненков. – Санкт-Петербург : Лань, 2013. – 14 с.
2. КСПТ – Краткий словарь психологических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/16/word/mimika> (дата обращения: 23.04.2025).
3. Хроленко, А. Т. Параязык и филология / А. Т. Хроленко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 3 (31). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parayazyk-i-filologiya> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Талыбина, Е. В. Язык мимики как элемент знаковой системы невербальной коммуникации / Е. В. Талыбина // Русистика. – 2012. – № 2. – С. 73-79.

5. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : ОГИЗ, 1935-1940. [Электронный ресурс]. – URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 23.04.2025).

УДК 81'373

Атаманова Н.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

ЕВРОПЕЙСКИЕ И РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ И ПИСЬМАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье освещаются вопросы репрезентации европейских и русских топонимов в стихотворениях и письмах Ф.И. Тютчева сквозь призму отражения в них мировоззрения поэта, его отношения к Западу и России, биографии. Приводятся сведения об этимологии топонимов, значимых в жизни поэта. Отмечена частотность номинаций городов, употребляющихся в стихотворениях. Обозначены события в жизни Ф.И. Тютчева, связанные с посещением того или иного города, их роль в его личной и политической судьбе.

Ключевые слова: поэтическая топонимика, лексема, семантика, поэзия, письма, Россия, Европа, Тютчев.

Atamanova N.V.

*Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
Bryansk, Russia*

EUROPEAN AND RUSSIANS TOPONYMS IN POEMS AND LETTERS BY F.I. TYUTCHEV

The article covers the issues of the representation of European and Russians toponyms in F.I. Tyutchev's poems and letters through the prism of their reflection of the poet's worldview, his attitude to the West and Russia, and biography. The article provides

information about the etymology of toponyms significant in the poet's life. The frequency of nominations of cities used in poems is noted. The article describes the events in the F.I. Tyutchev's life related to his visits to various cities and their role in his personal and political life.

Keywords: poetic toponymy, lexeme, semantics, poetry, letters, Russia, Europe, Tyutchev.

Известно, что большую часть жизни величайший русский поэт-философ Ф.И. Тютчев провел за границей. Европа сыграла важную роль в становлении его политического мировоззрения, отраженного, прежде всего, в публицистике, письмах, а затем в стихах. Поэт интересовался европейскими проблемами, в частности, французской революцией, видя в ней антирусский и антихристианский характер, писал статьи о взаимоотношениях России и Запада, причем не был противником западной культуры, но осуждал заимствование иностранного опыта, переноса на русскую почву европейских мыслей. Ф.И. Тютчев считал, что у России свой путь развития, индивидуальный и не похожий на другие страны. Среди европейских стран Ф.И. Тютчева привлекали Германия (здесь он начал карьеру в Мюнхене в качестве посла и прожил более 20 лет), Великобритания, Италия, также он бывал во Франции, Австрии, Швейцарии. Рассмотрим наиболее значимые с точки зрения биографических данных поэта европейские и русские топонимы и проанализируем их отражение в его произведениях.

Среди европейских топонимов доминирующую позицию занимают города Германии, каждый из которых сыграл свою роль в биографии Ф.И. Тютчева, личной или политической. Известно, что поэт был близок к немецкой романтической поэзии, был знаком с идеологом немецкого романтизма Шеллингом, общался и переписывался с поэтом Гейне. О городах Германии поэт пишет преимущественно в письмах, в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева номинации городов не встречаются. *Берлин* – один из них (по этимологии, город может быть связан с такими значениями, как ‘озеро’, ‘изгиб реки’, ‘холм’, ‘плотина’, ‘заповедный лес’, ‘таможня’, ‘песчаное место’, ‘топь’, ‘глинистое место’, ‘ме-

сто суда' [Никонов 1966: 52]. По данным эпистолярных источников, поэт посещал Берлин более десяти раз. В сентябре 1843 г. за время пятидневного пребывания в немецком городе он встречался там с баварским посланником, писал письма жене и дочери, а в 1844 г. Тютчевы жили в гостинице Берлина, где он останавливался также позже во время перевозки «курьерской посылки». По воспоминаниям близких, Ф.И. Тютчев любил путешествовать в этот город, но никогда там не жил постоянно.

В еще одном городе, в *Веймаре*, Тютчевы должны были обвенчаться по православному обычаю, однако впоследствии обряд венчания был совершен в Мюнхене по сложившимся обстоятельствам. В городе Ф.И. Тютчев неоднократно бывал и по другим причинам: посещал великую герцогиню Саксен-Веймарскую, княгиню Марию Павловну, навещал дочерей, которых определил у тетушки Мальтиц, посещал дом сына Гете, побывал на вечере у прусского посланника И. Иордана. Впечатление о городе было передано в письмах следующими эпитетами: «хорошенький провинциальный городок» [Тютчев, 2004, 4, 173], «маленький городок, живущий своим прошлым» [Тютчев, 2004, 4, 168]. Этимологические данные свидетельствуют о связи города с такими номинациями, как 'луг, пастбище', 'святой', 'стоячая вода, озеро' [Никонов 1966: 77].

Еще один, часто посещаемый Ф.И. Тютчевым немецкий город, – *Баден*, курортный городок, красоты которого поражали поэта. Он был близок поэту еще и потому, что здесь подолгу жил И.С. Тургенев, а в 1852 г. умер В.А. Жуковский. Согласно этимологическому словарю, название города происходит от немецкого «Baden» в значении 'купание' [Никонов 1966: 39]. Вероятно, поэтому город снискал славу курортного места.

Наиболее привлекали Ф.И. Тютчева маленькие немецкие города. *Ахен* (из древненем. aha 'вода' [Никонов 1966: 36]) – город в земле Северный Рейн-Вестфалия вблизи бельгийской границы. Поэт был восхищен этим городом, о чем писал в письме родителям: «Что до путешествия, то оно из самых приятных, какое только можно сделать. Берега Рейна, которых я еще не знал, вполне оправдали мои ожидания» [Тютчев 2004, 4: 200]. *Брюккен-ау* – курортный город в Баварии, в котором Ф.И. Тютчев побывал во время трехдневного путешествия во Франкфурт с женой и

дочерью Марией. Из письма Э.Ф. Тютчевой известно, что город поразил их «невыразимой свежестью и прохладой». *Вандсбек* – немецкий городок вблизи Гамбурга. Здесь в мае 1930 г. поэт с женой Э.Ф. Тютчевой посетили Гейне, о чем тот высказывался как о «трогательном поступке». *Висбаден* («воды Маттиака» – место лечебных купаний) [Никонов 1966: 84] – курортный город западнее Франкфурта, куда Ф.И. Тютчев приезжал в июле 1859 г. для встречи с братом Николаем, затем возвращался неоднократно для лечения, посещал местный театр, общался с православным священником Иваном Янышевым. Супруги Тютчевы совершали путешествие по таким городам Германии, как *Кёльн*, *Кеферинг*, *Киссинген*, *Лейпциг*, *Любек*, *Майнц*, *Тегернзее*, *Дрезден* и др., и каждый раз в письмах передавали свой восторг от увиденных красот Балтийского моря и окрестностей Рейна. Неизгладимое впечатление произвел на них город *Франкфурт-на-Майне*, связанный с детством и юностью жены поэта Эрнестины Федоровны («франкский брод» (переправа), «свободный, открытый» в значении свободного пути в Южн. Германию) [Никонов 1966: 446].

Самым значимым в биографии Тютчева немецким городом, пожалуй, стал *Мюнхен* (из древневерхненем. «монах» [Никонов 1966: 282]). Здесь поэт жил долгих 20 лет, исполняя должность секретаря русской миссии, а затем неоднократно возвращался сюда. С Мюнхеном у поэта связаны молодые и зрелые годы жизни. Здесь он встретил первую любовь Амалию, создал семью с Элеонорой, в мюнхенский тютчевский дом часто заезжали известные русские поэты и писатели. Нельзя сказать, что город произвел на Ф.И. Тютчева положительное впечатление, но период жизни здесь оказал значимое влияние на формирование мировоззрения поэта.

Италия оказала значительное влияние на творчество Ф.И. Тютчева. Какое-то время поэт жил в Риме, образ города в его стихах совмещает в себе восприятие древности и современности. Итальянская тема проявляется в его стихах в философском подтексте: в них осмысливаются вечные вопросы бытия, например, жизнь и смерть, прошлое и настоящее, временное и вечное. География Италии представлена в произведениях Ф.И. Тютчева такими городами, как Генуя, Венеция, Ницца, Рим.

Первое упоминание о посещении Ф.И. Тютчевым *Генуи* (из

кельт. гена 'устье' [Никонов 1966: 100]) относится к началу декабря 1837 г., в это время поэт пишет известное стихотворение «Итальянская villa». Здесь он встречается со своей будущей женой Эрнестиной, решает связать с ней судьбу, о чем получает одобрение близких, общается с поэтом В.А. Жуковским. Генуя единожды упоминается и в стихотворении Ф.И. Тютчева «Глядел я, стоя над Невою...» [Тютчев 1987: 141], где поэт мысленно вспоминает «роскошный Генуи залив», сопоставляя мрачный север и морозный туман невоской столицы и тепло солнечных стран [Голованевский, 2009: 8].

Топоним *Венеция* (этимологически связано с названием племени венетов [Никонов 1966: 79]) употребляется в одноименном стихотворении Ф.И. Тютчева «Венеция» («*Дождь Венеции свободной*») [Голованевский 2008: 67], лексема *Ницца* (в честь древнегреческой богини победы Ники (Никонов 1966: 294)) встречается дважды («*О, этот Юг, о, эта Ницца!*» [Тютчев 1987: 261], «*Сын царский умирает в Ницце*» [Тютчев 1987: 269]) – как правило, это поэтические контексты, связанные с образами излюбленного поэтом юга.

Самой частотной лексемой-топонимом в тютчевской поэзии является *Рим* (в Конкордансе зафиксировано 15 употреблений лексемы [Конкорданс 2013: 291]). Топоним этимологически связан с названием реки Рума [Никонов 1966: 353]. Поэт восхищается величественным образом итальянского города («*Элады, Рима цвет из пепела исшел!*» [Тютчев 1987: 6]; «*В ночи лазурной почивает Рим*» [Тютчев 1987: 161]; «*Как сладко дремлет Рим в ее лучах!*» [Тютчев 1987: 161], говорит о его вечности («*Как с ней сроднился Рима вечный прах!*» [Тютчев 1987: 161]). По данным эпистолярных текстов, именно в Риме Ф.И. Тютчев пишет такие известные стихотворения, как «Цицерон», «Душа хотела б быть звездой...», «Сон на море», «Конь морской». Одна из статей поэта, а именно «Папство и Римский вопрос», написанная им в Петербурге, посвящена происходившим в Риме событиям. В начале 1850 года поэт пишет стихотворение «Рим ночью», которое Л.Н. Толстой отметил буквой «К» Красота. В конце декабря 1866 года Ф.И. Тютчев создает еще одно стихотворение, посвященное вечному городу, – «В Риме», помещенное в альбом княгини Е.Э.

Трубецкой на французском языке. Безусловно, Рим сыграл важную роль в биографии поэта.

Из итальянских городов Ф.И. Тютчева привлекали также *Алессандрия*, город Сардинского королевства, куда поэт-дипломат сопровождал из Генуи в составе свиты великого князя Александра Николаевича, что позволило поэту встретиться с В.А. Жуковским: вместе с великим князем был и его воспитанник и учитель поэт-романтик. *Комо* (из кельт. сатЪ ‘долина’ [Никонов 1966: 202]) – еще один климатический курортный город в Италии, связанный со встречами Ф.И. Тютчева и В.А. Жуковского, где поэты проводили время в беседах, поправляли здоровье. *Милан*, *Парма*, *Турин* – итальянские города, связанные с дипломатической службой Ф.И. Тютчева. Поэт неоднократно посещал Милан в свите великого князя Александра Николаевича, сопровождал наследника императора России. В Парме он представлялся великой герцогине Пармской Марии Луизе с визитом вежливости и был восхищен любезным приемом. В Турине Ф.И. Тютчев жил в качестве «старшего секретаря Российской миссии» в течение двух лет и в письмах матери и отцу отмечал неприглядность этого «унылого и угрюмого города», но, по его мнению, «одного из лучших служебных постов» [Тютчев 2004, 4: 82]. Тем не менее, для Ф.И. Тютчева Турин – это не только город, где протекала его служебная деятельность, – это город, где он похоронил свою первую жену Элеонору Федоровну, после смерти которой «поседел за одну ночь». Турин – это посещение театров, музеев, картинной галереи. Еще одна важная роль города в биографии поэта: из Турина Ф.И. Тютчев просил разрешения у министра К.В. Несельроде на вступление в брак с Эрнестиной Дёрнберг.

Еще одна европейская страна – Швейцария – стала для Ф.И. Тютчева важной вехой как в политической, так и в семейной жизни. Так, в столице Швейцарской Конфедерации в городе *Берн* (от нем. *bar* ‘медведь’ [Никонов 1966: 53]) в июле 1839 года произошло бракосочетание поэта и Эрнестины Дёрнберг по православному обряду. В письме к дочери Дарье поэт писал: «В Берне я видел медведя, который загрыз англичанина...» [Тютчев 2004, 6: 20].

Природа Швейцарии восхищала Ф.И. Тютчева. Город *Веве*, климатический курорт, поразил его настолько своей красотой,

что он выражал полное разочарование скорым возвращением в Петербург, где, по его словам, он снова будет видеть из окна дома Гостиный двор, «грустно освещенный с 4 часов вечера фонарями Невского проспекта» [ШЭС 2004: 281]. В Веве поэт собирался принимать «виноградное лечение».

Благотворное впечатление оказали на Ф.И. Тютчева также такие швейцарские города, как *Верне, Женева, Лозанна, Монтрё, Ферней, Цюрих*. Женева в жизни поэта связана со встречами с Эрнестиной, знакомством с художниками и учеными, здесь же были написаны такие известные его стихотворения, как «Ее последние я помню взоры...», «Хоть я и свил гнездо в долине...», «Утихла биза... Легче дышит». Впоследствии из Женевы Ф.И. Тютчев послал письмо А.И. Георгиевскому о кончине Е.А. Денисьевой. В Лозанне семья Тютчевых жила несколько дней, в Монтрё поэт поправлял здоровье. Цюрих он посещал в качестве дипломатического курьера.

Ф.И. Тютчев неоднократно бывал в городах Франции, в его географии встречаются такие из них, как *Париж, Лион, Канн, Марсель, Тулон*. Париж сыграл важную роль в дипломатической деятельности поэта. Здесь он слушал лекции в Сорбонском университете, присутствовал на заседаниях Палаты депутатов, ходил в Парижскую оперу и театры, встречался в разное время со многими дипломатами различных стран, зарубежными учеными и русскими соотечественниками, среди последних – А.И. Герцен, А.И. Тургенев, княгиня М.А. Мещерская, Н.И. Греч. Париж был для поэта «гением места». В этом городе в 1849 г. была опубликована политическая статья Ф.И. Тютчева «Россия и Революция», экземпляры которой получили видные французские деятели, а спустя время – другая статья «Папство и Римский вопрос», отмеченная редактором журнала. Восхищаясь Францией, в письме к дочери Анне Ф.И. Тютчев писал в 1865 г. из Парижа: «Марсель, Лион, – какими красивыми покажутся вам все эти города, через которые вы снова проедете, каким интересным для вас будет самое свидание!» [Тютчев 2004, 6: 99].

В дипломатической службе Ф.И. Тютчева важную роль сыграла столица Австро-Венгерской империи *Вена* (гидроним из кельт. *vedunia* 'дерево' [Никонов 1966: 78]). Ее поэт посещал несколько раз в качестве курьера, но отзывался о ней, как о городе,

«довольно скучном для иностранца» [Тютчев 2004, 4: 233]. *Прагу* (от чеш. *praziti* – ‘место, на котором выжжен или высох лес’ [Никонов 1966: 340]), столицу Чехии, входившей при жизни поэта в состав Австрийской империи, он посетил осенью 1941 г., где встречался с чешским писателем, сторонником сближения Чехии и России, пропагандистом русской литературы и культуры Вацлавом Ганкой. Именно впечатления, сохранившиеся после этой встречи, помогли ему написать стихотворение «К Ганке». Восхищался поэт и красотой города: «Ни один город не оставил во мне такой живой памяти... В самом деле, нельзя, посетив Прагу, нельзя не чувствовать на каждом шагу, что на этих горах, под полупрозрачною пеленою великого былого, неотразимо и неизбежно зреет еще большая будущность» [Тютчев 2004, 4: 227]. Наконец, Ф.И. Тютчев верил в присоединение чехов к православной церкви.

Несмотря на то что Ф.И. Тютчев много путешествовал и большую часть жизни провёл за границей, он питал глубокие чувства к родной стране. Овстуг, Курск, Москва, Петербург, Орел, Царское Село – часто посещаемые им города, впечатления о которых отражены в письмах и стихах.

Курск, по воспоминаниям самого Ф.И. Тютчева, считается городом его «последней любви» Е.А. Денисьевой. Здесь он задержался на несколько дней, «ничуть не сожалея о своей долгой остановке». В письме Эрнестине от 26 июля 1869 г. он отмечал, что «это одно из тех мест, которое – не будь оно в России – давно бы уже служило предметом паломничества для туристов». Курск напоминал поэту окрестности Флоренции, а впечатления от посещения этого города выражены им весьма выразительно: «Можно было вообразить себя перенесенным ко временам мифологическим!.. Одним словом, я унесу из Курска самое благоприятное впечатление...» [Тютчев 2004, 6: 377]. Через несколько лет после кончины Денисьевой Ф.И. Тютчев вернулся в ее родной город в память о ней.

С раннего возраста и практически до предсмертной болезни жизнь и творчество Ф.И. Тютчева были связаны с *Москвой*. В детстве в разные годы поэт проживал с семьей в Староконюшенном переулке близ Арбата и в Армянском переулке, снимал квартиру на Тверской, учился в частном пансионе в Сокольниках,

слушал лекции купца Заикина в Долгоруковском переулке, а затем в основном здании Московского университета, бывал в Училище колонновожатых на Дмитровке, у деда на Пресне, посещал храмы, и в целом, по наблюдениям исследователей, известно «около ста адресов домов в Москве, в которых за более чем шесть десятков лет проживал и побывал поэт» [ШЭС 2004: 270]. Ф.И. Тютчев любил Москву и при каждом удобном случае старался приехать сюда, чтобы навестить родственников и знакомых, таких как Чаадаева, Сушковых, Аксакова и др. Однако свои впечатления о столице он оставлял не в стихах, а в письмах, где восхищался величием Кремля, красотами города, называя его духом места: «Он <дух места> реет над этим величественным нагромождением, таким разнообразным, таким живописным. Нечто мощное и невозмутимое разлито над этим городом» [Тютчев 2004, 4: 243]. Больше всего поэта впечатляла летняя Москва, в которой он видел нечто родственное его природе. Известно, что свое первое стихотворение «Любезному папеньке» он написал в Москве в доме на Армянском переулке. Кроме московских торжеств и мероприятий, у Ф.И. Тютчева бывали и грустные моменты, связанные с приездом в Москву. Так, последнее посещение города связано с похоронами брата Николая Ивановича и прощанием с умирающим Сушковым.

Петербург, чиновничий город, связан в судьбе поэта с первым устройством на службу после окончания Московского университета. Известно о том, что Ф.И. Тютчев приезжал в Северную столицу несколько раз. Один из приездов связан со значимым для России восстанием декабристов: за событиями 14 декабря поэт наблюдал из окон дома Остермана-Толстого. Далее он приезжал в Петербург уже с женой Элеонорой, виделся с поэтом И.И. Козловым, хотел встретиться с Пушкиным, но не застал его в живых, заводил новые знакомства, посещал театры, писал стихи. Здесь же, в Петербурге, он познакомился со своей «последней любовью» Денисьевой, учившейся в Смольном институте вместе с дочерьми поэта. Известно, что с июля 1854 года до осени 1872 года семья Тютчевых проживала в квартире на Невском проспекте.

В уездном городе Санкт-Петербургской губернии, в *Царском Селе*, поэт бывал часто, поскольку одна из его дочерей Анна

стала фрейлиной при дворе. Ф.И. Тютчев решал здесь личные и служебные дела благодаря личному знакомству с членами императорской фамилии. Из письма поэта Эрнестине известно о случайной встрече с императором Александром II, которая взволновала поэта еще и потому, что государь был приветлив и спросил его о членах семьи «со своей обычной добротой и простотой» [Тютчев 2004, 6: 235]. В доме, расположенном близ входа в парк императорского дворца, поэт скончался в июле 1873 г.

Как видим, Европа и Россия стали местом значимых событий, произошедших в личной и политической жизни Ф.И. Тютчева, сыграли важную роль в становлении его карьеры, формировании мировоззрения. Употребление топонимов в стихотворениях и письмах поэта отражает его впечатление от посещения того или иного города, отношение к нему, а также к менталитету народа в целом.

Список литературы

1. Голованевский, А. Л., Атаманова, Н. В. Конкордансы к «Полному собранию стихотворений Ф.И. Тютчева». Г-З. / А. Л. Голованевский, Н. В. Атаманова. – Брянск : Изд-во Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, 2009. – 128 с.

2. Голованевский, А. Л., Атаманова, Н. В. Конкордансы к «Полному собранию стихотворений Ф.И. Тютчева». А-В. / А. Л. Голованевский, Н. В. Атаманова. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, 2008. – 122 с.

3. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А-Я / Сост. Н. В. Атаманова, А. Л. Голованевский / Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора А. В. Антюхова. – Брянск : Курсив, 2013. – 396 с.

4. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – Москва : Изд-во «Мысль», 1966. – 509 с.

5. Тютчев, Ф. И.: Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.А. Чагин. – Москва : Просвещение, 2004. – 440 с. – ШЭС.

6. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф.И. Тютчев. – Ленинград : Советский писатель, 1987.

7. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-

ти томах. Т. 4 / Сост. Л. В. Гладкова. – Москва : Издательский Центр «Классика», 2004. – 624 с.

8. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 6 / Сост. Л. Н. Кузина. – Москва : Издательский Центр «Классика», 2004. – 92 с.

УДК 81'373

Ашмарова А.А.

*Государственный университет просвещения,
г. Москва, РФ*

СЛЕНГ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Статья исследует сленг как ключевой элемент языковой динамики в условиях цифровой эпохи. Анализируются теоретические подходы к изучению сленга, рассматриваются его функции в коммуникации определенной общественной страты, роль в формировании социальной идентичности.

Получает оценку традиция использования языка в речи носителей сленга в сравнении с литературной нормой. Особое внимание уделяется интернет-сленгу: его структурным особенностям, семантической трансформации, что показано на примере анализа слов «кринж», «хайп», «краш», а также влиянию глобализации на адаптацию англицизмов в общенародном русском языке. На основе работ ведущих лингвистов (В.А. Хомяков, Э.М. Береговская, Н.Д. Голев) демонстрируется, как сленг эволюционирует в цифровой среде, отражая технологические и социокультурные изменения.

Исследование подчёркивает, что сленг является не маргинальным явлением, а одним из естественных механизмов эволюции языка, требующим междисциплинарного анализа.

Ключевые слова: *сленг, интернет-культура, социолингвистика, языковая динамика, англицизмы, цифровая коммуникация, семантическая трансформация, молодежная идентичность.*

SLANG AS A KEY ELEMENT OF LANGUAGE DYNAMICS IN THE DIGITAL AGE

The article explores slang as a key element of language dynamics in the digital age. By analyzing theoretical approaches to slang studies, the author examines its functions in communication, its role in shaping social identity, and its interaction with literary norms. Special focus is placed on internet slang: its structural features, semantic transformations (illustrated by words like «кринж» [cringe], «хаўн» [hype], «краш» [crush]), and the impact of globalization on the adaptation of anglicisms. Drawing on the works of leading linguists (V.A. Khomyakov, E.M. Beregovskaya, N.D. Golev), the study demonstrates how slang evolves in the digital environment, reflecting technological and sociocultural shifts. The research emphasizes that slang is not a marginal phenomenon but a natural mechanism of linguistic adaptation, requiring interdisciplinary analysis.

Keywords: *slang, internet culture, sociolinguistics, language dynamics, anglicisms, digital communication, semantic transformation, youth identity.*

Введение

Как известно, лингвистический ландшафт XXI века трансформируется с невиданной скоростью. Сленг – этот хаотичный, но удивительно точный индикатор социальных сдвигов – перестал ощущаться как периферия общенародного языка. Сленговая речь вплетается в ткань повседневности, снижая эмоциональное напряжение коммуникантов и обозначая границы сообществ. Изменчивость сленгизмов стала зеркалом цифровой эпохи, когда технологии и культура сливаются в причудливых формах.

Феномен интернет-сленга перевернул представления о языковой динамике. Мемы, стримы, англицизмы – не просто признаки времени. Каждый поименованный вид продукта процесса заимствования запускает механизмы языковых

преобразований, вырываясь за пределы чатов и форумов. Язык эволюционирует, отражая новые формы мышления.

Современные исследования сленга охватывают широкий спектр вопросов – от его структурных особенностей до роли в формировании социальной идентичности языковой личности. В данной статье анализируются ключевые теоретические подходы к изучению сленга, оценки его функций в языковой системе, а также специфика интернет-сленга как динамичного элемента речевой культуры. Особое внимание уделяется взаимодействию сленга с литературным языком с его нормами и рассмотрению трансформации под влиянием цифровых коммуникаций.

Основная часть

Сленг, будучи маркером социальной принадлежности языковой личности, представляет собой уникальный пласт лексики, формируемый в условиях неформального общения. По определению В.А. Хомякова, это «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [8, с. 44–45]. Его отличие от жаргона и арго заключается в способности быстрее выходить за пределы коммуникации узких социальных групп, проникая в общеупотребительный язык.

Исторически сленг возник как реакция на потребность стилистического разнообразия. Если в XIX веке русская лингвистика оперировала терминами «жаргон» и «арго», заимствованными из французской традиции классифицирования, то понятие «сленг» (от англ. *slang*) укоренилось лишь к середине XX века. Как подчёркивает М.Ю. Руденко, рассматривая арго, сленг, жаргон, «исследование этих феноменов остаётся актуальным, поскольку они отражают живые процессы языковой эволюции» [7, с. 130].

Ключевой особенностью сленга является его динамичность. По словам Э.М. Береговской, в нём «языковые

процессы, не сдерживаемые нормой, ускоряются в десятки раз» [1, с. 38]. Эта черта особенно заметна в интернет-среде, где новые лексические единицы возникают в ответ на культурные и технологические вызовы. Например, англицизмы типа «треш» или «кринж» в резком отрицательном значении закрепляются в речи молодежи быстрее, чем традиционные неологизмы данной семантической сферы.

В современной лингвистике особую значимость приобретает социолингвистический подход, позволяющий изучать язык в контексте социальных взаимодействий. Ещё И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что язык невозможно анализировать вне его «общественных наслоений» – различий между возрастными, профессиональными и гендерными группами. Этот тезис стал основой для исследований, выявляющих связь между речевым поведением и социальной идентичностью.

Молодёжный сленг, по мнению Н.Д. Голева, служит не только коммуникативным инструментом, но и «формой протеста против языковых и социальных шаблонов» [3, с. 136].

Например, использование выражений вроде «чилить» (от англ. chill) или «рофлить» ('смеяться') в подростковой среде подчёркивает дистанцирование от норм «взрослой» речи. Социолингвистика объясняет и то, как сленг становится «языковым кодом»: в профессиональных сообществах (IT, медицина) он упрощает коммуникацию, а в субкультурах – укрепляет групповую солидарность.

Несмотря на смысловую близость, понятия «сленг», «жаргон» и «арго» требуют чёткого лингвистического разграничения. Если жаргон традиционно связан с профессиональными группами (как, например, «абитура» у студентов), то арго, как отмечает А.Т. Липатов, изначально функционировало в маргинальных сообществах как «тайный язык» [6, с. 383]. Сленг же отличается большей проницаемостью: единицы вроде «троллить» или «мем» из интернет-пространства переходят в СМИ и повседневную речь, например: «Это у лётчиков распространённый мем – желающие подробно расшифровать могут найти в интернете целые ветки форумов с объяснениями и дискуссиями по данной теме...» [НКРЯ]

Интересен и процесс семантической трансформации. Слово «кринж» (от англ. *cringe* – съеживаться), изначально обозначавшее чувство стыда за чужие действия, в молодёжном сленге приобрело значение «нечто неприемлемое, устаревшее».

Подобная динамика подтверждает тезис И.Р. Гальперина о том, что «сленг – полевая лаборатория языка» [2, с. 109], где слова тестируются на актуальность.

Цифровая среда радикально изменила пути лексической диффузии. По данным Е.В. Лимаровой и Л.П. Сон, большая часть неологизмов в русском языке XXI века возникли в интернет-коммуникации [5]. Это связано с некоторыми факторами:

1. В современном обществе мемы и подобный контент разносят новые сленговые выражения за считанные дни.

2. Исходя из наблюдений, мы можем сказать, что адаптированные, в том числе к глагольной системе, англицизмы («таунтить», «агриться», «байтить») адаптируются через игры, соцсети и в интернет-коммуникации.

3. Люди стремятся к экономии речевых усилий, поэтому часто используют усечения («спс», «пж», «чд» и др.) и эрративы и тем самым упрощают онлайн-общение.

Однако у этой тенденции есть риски. Д.С. Голованова предупреждает, что чрезмерное использование сленга ведёт к «размыванию орфографических навыков» [4, с. 23]. Тем не менее, интернет-сленг остаётся ценным материалом для изучения языковой креативности.

Заключение

Сленг, вопреки стереотипам о его «маргинальности», выступает ключевым элементом языковой динамики. Его изучение в синхронно-диахронном плане через призму социолингвистики, истории и цифровой коммуникации позволяет прогнозировать векторы развития языка. Сленг – это не отклонение, а проявление естественного механизма адаптации языка к меняющейся реальности. Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на роли искусственного интеллекта в генерации новых сленгизмов, что особенно актуально в эпоху нейросетей.

Список литературы

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.
2. Гальперин, И. Р. О термине слэнг / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – № 6. – С. 107–114.
3. Голев, Н. Д., Дударева, Я. А. Семантическая близость как показатель сходства коммерческих обозначений до степени смешения / Н. Д. Голев, Я. А. Дударева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 1 (57). [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21420533> (дата обращения: 14.09.2025).
4. Голованова, Д. С., Якименкова, И. Н. Влияние интернет-сленга на речевую культуру современной молодежи / Д. С. Голованова, И. Н. Якименкова // Юный ученый. – 2019. – № 3. – С. 23.
5. Лимарова, Е. В., Сон, Л. П. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) / Е. В. Лимарова, Л. П. Сон // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 4 (414). – С. 111–119.
6. Липатов, А. Т. Сленг в аспекте его диахронии / А. Т. Липатов // Социальные варианты языка-II: Материалы междун. науч. конф. – Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвист. ун-т, 2013. – С. 380–386.
7. Руденко, М. Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии / М. Ю. Руденко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2 (80). – С. 127–134.
8. Хомяков, В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Изд.2. / В. А. Хомяков. – Москва : Книжный дом Либроком/URSS, 2009. – 104 с.

Ван Чжунчжэн
*Хунаньский педагогический университет,
Чанша, Китай*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ С.Я. МАРШАКА

Цель данной работы заключается в выявлении элементов патриотического воспитания в детской поэзии С.Я. Маршака, а также в объяснении того, каким образом детская литература в период начального образования способствует формированию у детей патриотического духа.

Материалом исследования послужили несколько классических детских стихотворений Маршака, связанных с патриотическим духом. Объектом исследования являются конкретные проявления патриотического духа в этих стихотворениях (например, популяризация духа самоотверженности, защита интересов государства и коллектива, формирование культурной уверенности).

Результаты исследования подтверждают, что дух коллективизма, дух самоотверженности, культурное наследие и культурная уверенность являются необходимыми элементами патриотического воспитания детей. Усилия Маршака в этих аспектах представляют собой ценный опыт, которым должны воспользоваться современные педагоги, занимающиеся начальным образованием.

Ключевые слова: Самуил Маршак; детская поэзия; патриотизм; культура; самоотверженность.

Wang Zhongzheng
Hunan Normal University, Changsha, China

PATRIOTIC EDUCATION IN THE CHILDREN'S POETRY OF S.Ya. MARSHAK

The purpose of this study is to identify elements of patriotic education in the children's poetry of S.Ya. Marshak and to explain how children's literature during primary education contributes to

the development of a patriotic spirit in children. The study's material includes several classic children's poems by Marshak related to the patriotic spirit. The object of the study is the specific manifestations of patriotic spirit in these poems (e.g., the popularization of the spirit of selflessness, the protection of the interests of the state and the collective, and the development of cultural confidence). The results of the study confirm that the spirit of collectivism, the spirit of selflessness, cultural heritage, and cultural confidence are essential elements of patriotic education for children. Marshak's efforts in these areas represent a valuable resource that should be utilized by modern primary education educators.

Keywords: *Samuil Marshak; children's poetry; patriotism; culture; dedication.*

Введение

Советский писатель С. Я. Маршак на практике доказал, что он является писателем, любившим свою родину, советский народ, имевшим и глубоко понимавшим патриотические чувства. Во время Великой Отечественной войны он был одним из детских писателей, пропагандировавших патриотизм и вдохновлявших народ на борьбу с внешним врагом.

Данное исследование посвящено анализу нескольких детских стихотворений Маршака, затрагивающих идею патриотизма и оказывающих воспитательное воздействие на детей.

Мы рассмотрим такие аспекты, как коллективизм, дух самоотверженности, культурное наследие и культурная уверенность, чтобы понять, как именно Маршак передавал своим маленьким читателям патриотический дух.

1. Суть патриотизма: коллективизм и дух самоотверженности

Суть патриотизма: коллективизм и дух самоотверженности — это верность и преданность стране, государству, обществу и коллективу. В рамках патриотизма коллективизм выражается в приоритетном внимании к общим интересам государства и нации. Он направляет людей на осознание важности верховенства национальных интересов, значимости единства и сотрудничества, а также ответственности группы и гражданских обязанностей.

Дух самоотверженности является ещё одним ключевым элементом патриотизма. Он требует от граждан бескорыстных усилий ради коллектива, ради государства, ради других людей, порой даже в ущерб личным интересам. Дух самоотверженности проявляется в следующих аспектах: бескорыстие и готовность к жертве, а также служение обществу и народу.

1.1. Ода духу самоотверженности

В детской поэзии С. Я. Маршака интерпретация патриотизма прежде всего проявляется в восхвалении вклада людей из различных сфер в коллектив, общество, в стремлении воспитать в детях дух самоотверженности. В произведениях С. Я. Маршака можно увидеть, что он изображает страну как большую семью, где только каждый человек, воспринимающий себя как неотъемлемую часть этого коллектива, бескорыстно приносящий свою уникальную силу на общее благо, способен обеспечить продолжение этой семьи. В его детской поэзии усилия и самоотверженность трудящихся разных профессий передаются детям в доходчивой, ясной форме.

Западные учёные когда-то считали, что советская детская литература была наполнена элементами социалистического реализма. «Как напоминает нам Медведева, советская детская литература, как и взрослая, должна была следовать нормам доктрины социалистического реализма, на самом деле, все виды искусства должны были подчиняться этим правилам» [O'Dell 2010:100].

Эта концепция противоположна западному индивидуализму. Не вся советская детская литература полностью придерживалась такой концепции, однако, если говорить о творчестве С. Я. Маршака, то можно увидеть, с каким энтузиазмом он рассказывает о том, как люди, объединённые в коллектив одной идеей, вносят свой вклад в общественное развитие, используя некоторые повествовательные приёмы и наполняя надеждой мечты людей о будущем.

С. Я. Маршак в детском стихотворении «Рассказ о неизвестном герое» представляет классический пример духа самоотверженности. Это стихотворение рассказывает о бескорыстном подвиге безымянного героя, который в огне помог другим, но после выполнения общественного долга исчез, не сказав даже своего имени и рода занятий. Автор несколько раз подчёркивает:

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки [Маршак 2016:3].

Внешний вид героя ничем не отличается от множества других простых людей. Однако его поступок — исключителен. Такой подход автора к герою демонстрирует то, что герой не обязательно должен обладать какой-то особой ролью, профессией или внешностью. Его величие заключается в его делах.

При описании этого акта самоотверженности С. Я. Маршак не преувеличивает личный героизм, не стремится создавать образ конкретного героя с ярким лицом, а наоборот, сосредоточен на том, чтобы показать, что «он» — это тот человек, который должен быть в нашем обществе, и каждый из нас должен стать таким же. Независимо от того, какой труд мы выполняем, обязанностью каждого из нас является защита жизни и имущества коллектива.

В этом детском стихотворении маленькие читатели понимают силу примера: ради блага коллектива каждый человек должен стать «героем». И герой вовсе не обязан выпячивать себя напоказ. Он будет воплощением духовной силы, почитаемой народом и передаваемой из поколения в поколение.

В детской поэзии С. Я. Маршака немало примеров восхваления работников определённых профессий. Например, в стихотворении «Почта» поэт знакомит детей с трудом почтальона, восхваляя его честность и усердие. Когда поэт описывает путешествие письма, он использует такие выражения, как «Тысячи вёрст пути» и «По морям и горным склонам» что подчёркивает необходимость почтальонов в каждом уголке земли, дальность их «путешествий» и скорость доставки писем и газет. На почтальоне лежит огромная ответственность. Письмо становится пассажиром, не нуждающимся в билете, а почтальон — водителем, который безопасно доставит его в нужное место. Почтальон также символизирует ожидания и надежды каждого дома, он становится важнейшим звеном в социальной коммуникации!

С. Я. Маршак через образ почтальона, работающего ежедневно, передаёт детям идею ценности труда. Даже обыденный труд не бессмыслен: каждое занятие может быть полезным для

страны и коллектива, заслуживая безмерное уважение и благодарность народа.

Труд – это важный элемент воспитания детей и самый прямой путь, с помощью которого человек вносит свой вклад в жизнь и процветание общества. Нет понятий «высокий» или «низкий» труд: каждый вид труда – это проявление патриотизма и важный путь к получению коллективного признания. С. Я. Маршак с энтузиазмом восхваляет труд и передаёт эту идею детям. В детской поэзии поэта маленькие читатели могут увидеть труд представителей разных профессий, где каждый человек, работая на своём месте, сияет, внося вклад в развитие общества и проявляя великое патриотическое чувство.

Стихотворение «Война с Днепром» также построено на восхвалении труда. Автор подчёркивает, что бой с Днепром ведёт именно рабочий. Цель такого труда:

Чтобы углем, сталью, рожью
Был богатый край родной,
Чтобы солнце Запорожья
Загорелось над страной!
А также: Чтобы плуг по чернозёму
Электричество вело.

С. Я. Маршак с помощью этого стихотворения подчёркивает, что процветание государства и счастье народа зависят от труда!

С. Я. Маршак посвятил прекрасные стихи самоотверженности, вдохновляя людей вносить свой вклад в развитие страны. Это также является одним из важнейших аспектов идейного нравственного воспитания, которое должны получать маленькие читатели.

1.2. Толкование духа коллективизма

С. Я. Маршак также в поэзии для детей представляет концепцию «коллектива». «Коллектив» не является чем-то абстрактным, он присутствует повсеместно в жизни. Пропаганда духа коллективизма способствует распространению патриотического образования. Так, в стихотворении «Кто он?» Маршак описывает советского «миллионера» глазами иностранца, господина Флинта. Этот Флинт — настоящий типичный иностранный гость: «щеголевато одет», с «тростью», с «голубым цветком в петлице»,

«в белой шляпе набекрень» [Маршак 1943:2-3] – все эти детали делают его образ одновременно комичным, подчёркивая его внешнюю утончённость и недостаток понимания реальной ситуации в Советском Союзе.

Флинт полагает, что в Советском Союзе есть чрезвычайно богатый миллионер, который обладает виллой, стадионом и кинотеатром, но при этом не является потомком аристократов. Его имя – «Комсомол». Флинт очень хочет познакомиться с этим состоятельным господином, и, наконец, переводчик ведёт его к «господину Комсомолу». Кто же это? Это школьник, рабочий на фабрике, лётчик, летящий над Москвой.

Это юмористическое и забавное стихотворение, тем не менее, укрепляет у детей коллективное сознание и сознание их социальной роли. Да, «Комсомол» – это коллектив, и они являются частью этого коллектива. Богатства общества принадлежат им, они – «миллионеры»! Представление господина Флинта о «миллионерах» и настоящий советский «миллионер» создают яркий контраст, что является самым прямым выражением концепции коллективизма.

С. Я. Маршак тоже использовал также пример коллективной гордости для воспитания патриотизма в детях. Стихотворение «Здравствуй, Месяц Месяцович» автор начинает с древней сказки, рассказывая о русском молодце, который на быстрой лошади мчится к Луне, отдавая ей почести. Затем происходит неожиданный поворот событий, которые происходят не в детских сказках, не в туманном сне, а в реальном мире. В этот момент флаг Родины развивается на Луне, а народ страны воплотил сказочный сюжет о полёте на Луну в реальность, превратив далёкие мечты в осязаемое существование. Это стихотворение сочетает в себе достижения советской науки (Советский беспилотный аппарат достиг Луны) и гордость за свою великую Родину.

Для детей с невысоким уровнем образования понятие коллективизма может быть относительно абстрактным, а способность абстрактного мышления у детей ещё не развита. Однако у них есть сильное чувство конкретности и образного мышления, поэтому важно давать им примеры, которые помогают понять, почему общественное богатство принадлежит им. Например, самолёты, дороги и больницы построены людьми, которые когда-

то были детьми, как и они сами. И те дети, став взрослыми, создали это богатство, которое теперь доступно обществу. Таким образом, сегодняшние дети являются не только потребителями этого богатства, но и несут ответственность за создание будущих социальных ценностей. Поэтому мы называем их будущими цветами родины.

2. Связки патриотизма: культурное наследие и культурная уверенность

В детской поэзии С. Я. Маршака проявляется его внимание к культурному наследию и культурной уверенности общества. В его детской поэзии «материальная» культурная память и «нематериальная» культурная память мягко и незаметно проникают во внутренний мир маленьких читателей, воспитывая в них уважение к народной культуре и её сохранению, укрепляя культурную уверенность. Это превращает детей в наследников национальной культуры. Под влиянием культурной памяти связь между личностью и Родиной становится всё крепче, а патриотический дух – всё сильнее.

2.1. «Материальная» культурная память

Маршак, используя культурное наследие и культурную уверенность как связующие элементы, воспитывает в детях патриотическое чувство, что соответствует теории культурной памяти. «Теория культурной памяти утверждает, что культурная и собственная идентичность человека формируется на основе его памяти и понимания своей культуры» [刘阳, 张卫亮, 吕琳 2024:123].

В детской поэзии С. Я. Маршака большое внимание уделяется воспитанию в детях культурной уверенности. Поэт всегда умело и ярко интегрирует память о своей народной культуре в произведения, тонко и незаметно передавая её детям. Мы можем увидеть, как автор описывает «материальную» культурную память. Так, в стихотворении «Волга и Вазуза» Маршак рисует две знаменитые российские реки: Волгу – Мать-реку России – и её загадочную сестру Вазузу. Эти две реки словно соревнуются между собой: Кто из них сильнее? Кто умнее? Обе сестры решают провести состязание.

С помощью приёма олицетворения Маршак знакомит маленьких читателей с происхождением великой русской реки

Волги, которая является уникальной частью народной памяти России. При этом в форме спора он рассказывает о вкладе знаменитых российских рек в развитие страны, показывая, как эти реки гордятся тем, что могут отдать свои силы ради процветания Родины:

Спорят реки Волга и Вазуза,
Спорят с Доном, Обью и Двиной:
Кто из них подымет больше груза,
Больше рыбы даст земле родной,
Кто прогонит летом больше сплава... [Маршак 1979:31].

Маршак выражает искреннее уважение к этим рекам. Через форму детской поэзии он помогает маленьким читателям лучше запомнить эти реки и привнести в них человеческие чувства. Волга действительно предстаёт как заботливая мать, которая предлагает внимание и защиту русскому народу, а обе реки становятся символами беззаветного служения, как люди, которые отдают себя ради счастья своей Родины. Эти реки – гордость Родины, неотъемлемая часть Родины. При их поддержке советский народ становится более сплочённым, единым.

В детской поэзии Маршака мы также можем увидеть описание известных городов России. Так, в стихотворении «Зимой в Москве» мы видим зимние пейзажи Москвы. В этом городе есть стальной мост над знакомой древней рекой. В стихотворении «Рожденья год сороковой» мы узнаём об исторических переменах, которые пережил Санкт-Петербург: Ленин выступил в этом городе, и этот город знал голод и осаду, он сохранил наследие веков, а в новую эпоху стал городом труда, науки, искусства, мастерства. Оба эти города, богатые историей и культурой, стали материальной культурной памятью русского народа, визитной карточкой русской культуры.

2.2. «Нематериальная» культурная память

Кроме «материальной» культурной памяти, Маршак искусно включает в свою детскую поэзию «нематериальную» культурную память, в первую очередь, языковую культуру (народные сказки, песенки, рассказы и т.д.). Можно отметить, что «нематериальная» народная культура является важным элементом творчества Маршака. Использование этих элементов — это не только наследование традиционной народной культуры, но, что более

важно, через новый художественный подход традиционная народная культура обретает новую жизнь. А это способствует распространению и популяризации культуры народа.

С точки зрения переработки традиционной культуры, С. Я. Маршак, безусловно, является креативным писателем, который смело испытывал новые формы жанра в своих произведениях. Так, в стихотворении «Усатый-полосатый» он сочетает поэзию и прозу, элементы русской традиционной культуры служат мощным инструментом для его инноваций. В этом произведении «писатель органично соединил два жанра: поэзию и прозу. Также при описании главной героини – маленькой девочки – автор использует жанровые элементы русского фольклора: сказки, загадки, пословицы» [Онищенко 2018:151].

В стихотворении «Угомон» можно ясно увидеть сочетание традиционного и современного, когда божество Угомон – бог сна – приобретает человеческие черты. Этот персонаж происходит из русских народных сказок и колыбельных песен. С. Я. Маршак пытается внедрить мифологический персонаж в контекст своего времени. Традиционный народный бог сна теперь модно использует телефон, и в этом творческом подходе поэта проявляется его идея: чтобы переработать элементы традиционной народной культуры, нужно избегать чрезмерных ограничений во времени и пространстве, не создавать искусственного разделения между традиционной культурой и современным обществом.

Традиционная культура содержит богатое гуманитарное содержание, которое играет важную роль в гуманитарном просвещении детей в процессе их роста. Эффективное использование традиционной культуры в детском образовании способствует здоровому развитию детей. Это не только обогащает их гуманитарные знания и воспитывает культурную уверенность, но и способствует улучшению их общей компетенции. Включение традиционной культуры в обучение с учётом особенностей развития детей помогает стимулировать инновационное развитие традиционной культуры.

Необходимо в равной степени беречь как материальную, так и нематериальную культурную память своего народа, обеспечивая их преемственность между поколениями, чтобы укрепить прочную культурную уверенность.

Заключение

Работа по патриотическому воспитанию детей является важной и долгосрочной задачей общества и государства. Детская литература должна вносить свой вклад в этот процесс, нам нужно продолжать знакомить маленьких читателей с произведениями детских писателей, наполненными патриотическим духом. С. Я. Маршак своим творчеством доказал свой патриотический дух. Мы должны заимствовать и перенимать элементы патриотизма, содержащиеся в его произведениях.

Патриотизм является основной целью, а изображение духа самоотверженности, коллективизма, культурного наследия и культурной уверенности – это конкретные практические средства С. Я. Маршака в достижении этой цели. Патриотическое воспитание должно быть неотъемлемой частью образовательного процесса, а не ограничиваться только военными временами. Современные школьники и студенты должны постоянно получать патриотическое воспитание, подходить к учёбе и работе с «революционным энтузиазмом для строительства Родины». Это не только дело старшего поколения и не «устаревшая вещь». Пропаганда самоотверженности, уважения к коллективу и культурного наследия актуальна в любое время.

Сегодня, с развитием многообразных онлайн-дискуссий, небольшая группа недобросовестных людей пытается очернить национальных героев, умалить значение духа самоотверженности, осудить коллективизм и разрушить культурное наследие. В ответ на эти вызовы мы можем извлечь элементы патриотического воспитания из детской поэзии С. Я. Маршака и внедрить их в начальное образование. Таким образом, с самого детства дети будут учиться любить Родину, уважать коллектив, трудиться, сохранять и передавать народную культуру, становясь настоящими патриотами, достойными гражданами Родины!

Список литературы

1. O'Dell, Felicity Ann. Socialisation through children's literature: the Soviet example. – Vol. 25. – Cambridge University Press, 2010.
2. Маршак, С. Я. Рассказ о неизвестном герое / С. Я. Маршак. – Москва : Мелик-Пашаев, 2016.

3. Маршак, С. Я. Кто он? / С. Я. Маршак. – Москва : Государственное издательство детской литературы, 1943.

4. 刘阳, 张卫亮, 吕琳.文化记忆理论视域下青少年文化自信培育路径研究[J].天南, 2024,(01):123-125.

5. Маршак, С. Я. Волга и Вазуза / С. Я. Маршак. – Москва : Детская литература, 1979.

6. Онищенко, Е. В, Назаренко, Т. С. Детская поэзия С. Я. Маршака / Е. В. Онищенко, Т. С. Назаренко // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России : Материалы Всероссийской научно-практической конференции; Знаменск, 12–13 апреля 2018 года. – Знаменск : Издательский дом "Астраханский университет", 2018. – С. 150–153.

УДК 81'373.2

Венидиктова И.С., Крылова О.С.
МБУДО «Юность», г. Белгород, РФ

ПОГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье описываются исследования приграничных территорий, их социальные, культурные, экономические, политические особенности.

Ключевые слова: приграничный регион, исследования, анализ, социокультурный феномен.

Venidiktova I.S., Krylova O.S.
MBUDO «Youth», Belgorod, Russia

BORDER REGION AS AN OBJECT OF CULTURAL RESEARCH

The article describes the studies of border areas, their social, cultural, economic, and political features.

Keywords: border region, research, analysis, socio-cultural phenomenon.

Изучение границы государства и прилегающей к ней пограничной территории является одной из самых важных тем для современного социально-гуманитарного исследования.

Традиция изучения приграничья начала складываться еще с конца XIX века в составе географической науки и в геополитических исследованиях.

Изучение границ государства – это междисциплинарная область знания, которая развивается политологами, социологами и этнологами. Исследование приграничья является одним из важных направлений развития современной гуманитаристики и занимает отдельное, как самостоятельная научная дисциплина, преподаваемая в университетах.

Приграничье – регион, в котором все связано с наличием границы. В таком регионе складываются свои социальные, культурные, экономические, политические особенности. В исследованиях приграничья объектами являются: экономические, политические и социокультурные явления: диаспоры, маргинальные культуры и др.

Также исследуются природные, географические, политические, экономические, демографические, культурные процессы, которые могут включать в себя традиции, обряды, вероисповедание и ментальность проживающих на этой территории народов.

На сегодняшний момент исследования проблем приграничной культуры также является очень важным и актуальным.

Культурное приграничье – это довольно специфичный социокультурный феномен, который расположен на границе разных культур и этносов, различных политических систем. Существенным является и то, что граница между государствами не только разделяет, но объединяет разные традиции, нормы поведения и человеческие ценности, становятся основой для их связи, местом для прямого соприкосновения народов разных культур. В приграничье существует наложение друг на друга социокультурных структур разных народов [Когай, 2008, 1].

Культура приграничья уникальна и своеобразна на отдельно взятых территориях отличается друг от друга.

Огромное влияние на становление представлений о развитии культурного приграничья оказали работы Ю.М. Лотмана, ко-

торый рассматривал приграничье в качестве особого семантического пространства, ставшего частью культуры. Автор считает, что понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обоим пограничным культурам, обоим взаимноприлегающим семиосферам [Лотман, 1992, 2].

Проблемы в приграничьях приобретают большую актуальность в настоящее время. Многие из территорий, которые раньше принадлежали внутреннему пространству одной страны, оказались приграничными.

На этом приграничном пространстве к изучению культуры приграничных регионов обратились, одними из первых, историки в рамках исторического проекта "Новая локальная история». С деятельностью этого направления связана организация и проведение большого количества международных конференций, семинаров и круглых столов.

В настоящее время в науке все чаще утверждается максимально широкое представление о культурном приграничье, как одном из основных предметов для дискурса. М. Тлостанова считает, что проблема приграничья выходит далеко за рамки региональных проблем и контекстов, пересекается с границами других национальных культур.

На данном этапе происходит все более интенсивный процесс взаимодействия между странами, народами, этносами, культурами. Особенно российско-украинское приграничье, которое стало, а настоящий момент ареной для интенсивного взаимодействия русского и украинского этносов.

Абсолютно новый уровень исследований и анализа региональных контекстов невозможно осуществить без глубокого его осмысления, исследования региональных социокультурных процессов, происходящих в его прошлом и настоящем. Все эти вопросы составляют часть более широкой проблемы приобретения особой региональной отличительной идентичности и формирования приграничного регионального самосознания на всем приграничье.

Актуальность данной проблемы с исследованием культурного приграничья связана с поисками отличительной региональной самоидентификации, с определением направления развития каждого из приграничных регионов. В настоящий момент многие из регионов, пытаются осознать свое собственное место в отношениях с современной Россией, обращаются к огромным богатствам общих исторических традиций и обычаев, которые были накоплены за многие века.

В связи с этим, общее представление о культурном приграничье может быть применено к анализу и исторических проблем, и помочь найти ответы вопросы формирования современного регионального развития.

Общепризнаны успехи в Белгородской области причем во всех областях социально-экономического развития. Белгородская область занимает лидирующую позицию во областях экономики в стране: по темпам развития промышленного производства, по продуктивности в сельском хозяйстве, по масштабам жилищного строительства. В Белгородской области очень ухожены и благоустроены города и сёла, хорошие дороги, чистые улицы и тротуары, школы и детские сады оснащены плавательными бассейнами, сельские дома культуры, похожи на дворцы.

Уровень качества жизни в области – самое высокое в Черноземье, даже в нынешних условиях, а средний уровень продолжительности жизни белгородцев почти на два года больше среднероссийской.

Таким образом, можно констатировать, что Белгородская область смогла добиться наибольших результатов в экономическом и социальном развитии.

Белгородская область обладает богатыми природными ресурсами: залежи железной руды и плодородные черноземы. Благодаря этому в регионе удалось создать промышленные и сельскохозяйственные комплексы.

Белгородская область располагает 40% всех общенациональных запасов железной руды, это позволяет ей производить более трети всей российской железной руды. Плодородные черноземы, которыми богата область, вывели ее на первое место в России по производству сельское хозяйственной продукции.

Экономическое развитие и благополучие области во многом можно объяснить его географическим расположением. Через Белгородскую область проходят магистральные автомобильные и железнодорожные пути.

Успехи Белгородчины нельзя рассматривать только со стороны рационально-сциентистского подхода. Социально-экономические и природно-географические факторы очень важны, но необходимо также использовать и культурологический метод исследования и анализа.

Такой метод исследования основан на исторических представлениях культурологии о ходе развития социума, о процессах, которые происходят в национальной культуре, о духовно-нравственных ценностях и смыслах, сформированных в русле своеобразного мировоззренческого кода народа.

Белгородская область не один раз выступала с региональными проектами, приобретшими в последствии Всероссийский уровень. Белгородская область стала первой, предложившей программу улучшения качества жизни людей.

Президент России впервые утвердил качество жизни населения как стратегическую цель социально-экономического развития страны.

Программа получила большой резонанс, так как что само понятие качества жизни соотносится в большей степени с нашим представлением о социальной справедливости.

Как писал в своих трудах выдающийся российский экономист Д.С. Львов, – дух запада, поднимающий на щит ценности богатства и благополучия, основан на протестантской этике с его основным постулатом об индивидуальной избранности к спасению. Православие же всегда отстаивало идею коллективного спасения, равенства всех перед Богом, совесть, т. е. благуя весть, которая гласит: «Спасутся или все или никто». Поэтому вместо стремления к индивидуальному богатству и его символическим выражениям – стремление к высокому качеству жизни. Последнее невозможно достичь индивидуально, не повышая качество жизни окружающих [Львов, 2010, 3].

На последующем этапе своего развития Белгородский регион в качестве своей главной цели развития предложил стратегию формирования областного солидарного общества, которая

будет основываться на осознанности и общности интересов, духовных ценностей и жизненных смыслов, взаимовыручке и сотрудничестве при достижении общественно значимых целей. Речь идет именно о качестве межличностных отношений, в основу которых положено доверие, взаимопомощь и солидарность.

Проанализировав два этих документа: «Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области» и Стратегия «Формирования регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, – можно сделать вывод, что прошедшие годы позволили переместить главный центр направления усилий с материального на духовное, с политики, главной целью которой является – экономика – на улучшение межличностных отношений. Можно сказать, что речь идет именно о первой попытке соединения материального и духовного в человеческой жизни в виде социально-значимого проекта областного развития.

Таким образом, познавательная система культурология, основанная на современном междисциплинарном подходе, смогла объединить отдельные знания о социокультурных процессах приграничья. Необходимо продолжать исследования культурного приграничья, направленные на изучение специфики регионального самосознания в условиях социальной трансформации.

Список литературы

1. Когай, Е.А. Социокультурный портрет Курской области / Е. А. Когай, Т. Г. Кульсеева, Ю. М. Пасовец, А. А. Телегин. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 40.
2. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – С. 9–247.
3. Львов, Д.С. Концепция национального имущества / Д. С. Львов, В. Г. Гребенников, Е.В. Устюжанина // Вопросы экономики. Издательство «Правда». – М., 2010. – № 7. – С. 139–153.

Грибанова Л.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

**АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК В ТЕСТОВОЙ ЧАСТИ ЕГЭ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ РАБОТ ВЫПУСКНИКОВ
2023/2024 ГОДА В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье анализируются типичные ошибки, которые допускают выпускники школ Брянска и области при выполнении тестовой части единого государственного экзамена (ЕГЭ) по русскому языку. Определяются возможные причины ошибок, отмеченные в работах учащихся в 2024 году, способы их исправления. Успешное выполнение экзаменационной работы в формате ЕГЭ по русскому языку выпускниками текущего года возможно при грамотной и скорректированной работе над ошибками, допущенными в работах прошлых лет.

Ключевые слова: *единый государственный экзамен, ЕГЭ, задание, типичная ошибка, орфография, пунктуация, языковой анализ*

Gribanova L.V.

*Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
Bryansk, Russia*

**ANALYSIS OF TYPICAL ERRORS IN THE TEST SECTION OF
THE USE IN RUSSIAN: A METHODOLOGICAL ASPECT
(BASED ON THE DATA OF 2023/2024 GRADUATES IN THE
BRYANSK REGION)**

This article analyzes the typical errors made by school graduates in Bryansk and the surrounding region when completing the test section of the Unified State Exam (USE) in Russian. Possible causes of errors noted in students' papers in 2024 and ways to correct them are identified. Successful completion of the USE exam in

Russian by current year's graduates is possible with competent and corrective work on errors made in previous years' papers.

Keywords: *Unified State Exam, USE, assignment, typical error, spelling, punctuation, language analysis*

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) представляет собой форму государственной итоговой аттестации, проводимой в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися образовательных программ среднего общего образования требованиям федерального государственного образовательного стандарта. Для указанных целей используются контрольные измерительные материалы (КИМ), представляющие собой комплексы заданий стандартизированной формы.

Экзаменационная работа представляет собой системно выстроенные задания, связанные с проверкой способности выпускников владеть нормами современного русского литературного языка, умений экзаменуемых, связанных с восприятием смысловой, логической, типологической, языковой структуры текстов; умения воспринимать вторичные, подвергнутые компрессии микротексты; сформированности комплекса умений по созданию собственного текста.

Каждый вариант экзаменационной работы состоит из двух частей и включает в себя 27 заданий, различающихся формой и уровнем сложности. Первая часть - 26 заданий с кратким ответом: задания на запись самостоятельно сформулированного правильного ответа в виде одного или нескольких слов; задания на выбор и запись одного или нескольких правильных ответов из предложенного перечня ответов; задания на соответствие. Вторая часть - задание открытого типа с развёрнутым ответом (задание 27 – сочинение), проверяющее умение создавать собственное высказывание на основе прочитанного текста.

Экзаменационная работа содержит задания как базового, так и повышенного уровня сложности. Задания КИМ по русскому языку различны по способам предъявления языкового материала. Экзаменуемый работает с отобранным языковым материалом, представленном в виде отдельных слов, словосочетаний или

предложений; с языковыми явлениями, предъявленными в тексте, создаёт собственное письменное монологическое высказывание.

Для успешного выполнения экзаменационной работы учащимися текущего года необходим анализ ошибок прошлых лет, который даст возможность скорректировать работу над наиболее сложными в выполнении заданиями.

Отметим, что в Брянской области процент выполнения заданий части I (тестовой) в 2024 составил 64,92% (в 2023 году – 66 %, в 2022 году – 68,5%), что позволяет говорить о незначительном снижении уровня подготовки выпускников по русскому языку. При этом лучше, по сравнению с 2023 годом, усвоены следующие элементы содержания: задание №6 «Основные лексические нормы современного русского литературного языка. Лексическая сочетаемость. Тавтология. Плеоназм» (в 2024 году – 91,7%, в 2023 году – 78,2%), задание №15 «Правописание -н- и -нн- в словах различных частей речи» (в 2024 году - 79,8%, в 2023 году – 65,9%), задание №19 «Знаки препинания в сложном предложении» (в 2024 году – 78%, в 2023 году – 71,1%), задание № 21 «Пунктуационный анализ предложения» (в 2024 году – 57,9%, в 2023 году – 29,6%), задание №24 «Лексикология и фразеология как разделы лингвистики. Лексический анализ слова» (в 2024 году – 87,9%, в 2023 году – 81,8%). Таким образом, повышение результатов по ряду заданий свидетельствует о том, что большинство участников экзамена освоили данные содержательные разделы учебного предмета «Русский язык» на базовом уровне. Кроме того, отметим значительный прогресс результата по заданию №21 (57,9%). Это задание повышенного уровня сложности, выполнялось традиционно на невысоком уровне (ср.: 2022 год – 32,7%, 2023 год – 29,6%).

В 2024 году значительно увеличилось количество заданий, результат выполнения которых снизился по сравнению с 2023 годом. Эти задания, как показывает анализ, остаются проблемными, с ними экзаменуемые справились менее успешно, чем в предыдущие годы. Существенно снизился результат выполнения в том числе и тех заданий, которые в 2024 году претерпели изменения. Это задание №13 «Правописание не и ни» и особенно за-

дание №14 «Слитное, дефисное и раздельное написание слов разных частей речи», в которых изменены формулировка, спектр предъявляемого языкового материала.

Анализ результатов ЕГЭ в Брянской области позволяет выделить задания, которые выполнены экзаменуемыми менее успешно. Это задания с процентом выполнения равным либо ниже 50%: задание №3 «Функциональная стилистика. Культура речи» – от 13% до 68,5% (средний балл 45,5%), задание №14 «Слитное, дефисное и раздельное написание слов разных частей речи» – от 8,7% до 85,9% (средний балл 50,7%), задание №16 «Знаки препинания в предложениях с однородными членами. Знаки препинания в сложном предложении» – от 0% до 88,2% (средний балл 49,7%), задание №23 «Информативность текста. Виды информации в тексте» – от 17,4 % до 68,7% (средний балл 40,5%).

Остановимся на наиболее трудных заданиях и типичных ошибках при выполнении ЕГЭ в 2024 году.

Работа с текстом актуальна в контексте формирования метапредметных умений, необходимых для успешного освоения всех предметов школьного цикла, в частности, овладения четырьмя основными видами смыслового чтения: изучающим, ознакомительным, просмотровым и сканирующим. Данные виды чтения применяются не только на уроках русского языка, но и на уроках других учебных предметов (история, обществознание, география и др.), а также при выполнении учебных заданий (конспектирование, анализ информации и т.п.), что обуславливает в целом сформированность умений обрабатывать тексты с точки зрения выделения основной и второстепенной информации на достаточном уровне.

В 2024 году из данного блока у выпускников вызвало затруднение задание №23 «Информативность текста. Виды информации в тексте» базового уровня сложности (40,5%). Формулировка задания предполагает актуализацию знаний о типах речи (повествование, описание, рассуждение), а также умения проводить анализ предложенного отрывка с позиций нахождения причинно-следственных отношений, последовательных действий и т.п. К типичным ошибкам при выполнении задания № 23

в Брянской области относятся: во-первых, неумение разграничивать причинные и следственные отношения либо формальная трактовка смысловой связки; во-вторых, большой по объёму текст часто бывает неоднородным по типу речи: художественное повествование может включать в себя описание людей и места действия, содержать некоторые рассуждения по этому поводу. Рассуждение может подтверждаться рассказом о каких-либо событиях, иллюстрироваться описаниями. Поэтому важно определить, какой тип речи в данном тексте является главным. Другие типы речи, если они есть, будут вспомогательными по отношению к нему. Таким образом, для правильного ответа на *задание №23* ЕГЭ по русскому языку необходимо сформированное умение проводить анализ не только указанного фрагмента, но и окружающего контекста. Знания о функционально-смысловых типах речи, структуре текстов типа описания, повествования, рассуждения, языковых средствах, оформляющих значение одновременности, синхронности признаков предмета (описание), последовательных, развивающихся действиях (повествование), причинно-следственных отношениях суждений (рассуждение) являются ориентировочной основой деятельности школьника на разных этапах речевой деятельности.

Современный уровень развития науки о языке, поворот лингвистики от структурной парадигмы к функциональной не позволяют игнорировать функционально-стилевую специфику явлений текстового характера, в том числе при изучении их в школе. Именно данный факт должен быть усилен в школьном обучении, поскольку на сегодняшний день учебники и учебно-методические пособия предлагают для анализа и работы тексты с чётким разграничением описания, повествования, рассуждения. Все выше обозначенные аспекты еще раз доказывают, что текстоцентрический подход в преподавании русского языка должен доминировать на уроках. К сожалению, текст (а не набор предложений, не набор несвязанных друг с другом языковых конструкций) как основа урока русского языка – довольно редкое явление в используемых учителем методических подходах.

Необходимо отметить, что *задания №1-3* уже традиционно становятся наиболее сложными для всех групп экзаменуемых в

2024 году. Отметим, что задание №1 «Логико-смысловые отношения между предложениями в тексте» в 2024 году выполнили 79,2% выпускников, что на 3 % ниже, чем в 2023 году (82,8%). Аналогична ситуация с заданием №2 «Лексикология и фразеология как разделы лингвистики. Лексический анализ слов»: в 2024 году – 66,7% по сравнению с результатом 2023 года – 80,8%. Но самый низкий результат выполнения обнаруживается в задании №3. Задание №3 (45,5% выполнения задания в 2024 году) посвящено стилистическому анализу текстов различных функциональных разновидностей языка. Чтобы выполнить данное задание, необходимо уметь: различать разговорную речь, научный, публицистический, официально-деловой стили, язык художественной литературы; определять тему, основную мысль текста, функционально-смысловой тип и стиль речи; анализировать структуру и языковые особенности текста; опознавать языковые единицы в тексте, проводить различные виды их анализа; адекватно понимать информацию текста: цель, основную и дополнительную темы, явную и скрытую информацию; проводить лингвистический анализ текстов различных функциональных разновидностей языка. Сложность в выполнении данного вида задания связано с необходимостью привлечения большого объёма теоретического материала по стилистическому анализу текстов разных функциональных стилей, умению анализировать и систематизировать конкретный языковой материал, выбирать из представленных в задании вариантов верные. Множественность выбора вариантов тоже способствует сложности задания.

Задание №12 «Правотписание личных окончаний глаголов и суффиксов причастий, деепричастий» (47,6%) традиционно в Брянской области выполняется на невысоком качественном уровне. По сравнению с 2023 годом (44,4%) это задание было выполнено немного лучше. Как указано в спецификации КИМ ЕГЭ, задание №12 контролирует качество усвоения выпускниками двух орфограмм: «Гласные в безударных личных окончаниях глаголов» и «Написание суффиксов причастий». Ученики часто смешивают правила «Написание суффиксов причастий» и «Гласные перед суффиксом причастий», забывают, что это две разные орфограммы, два различных способа её обоснования. Происходит перенос правил «Гласные в безударных личных окончаниях

глаголов» и «Написание суффиксов причастий» на случаи, когда необходимо применить правило «Гласные перед суффиксом причастий». Такая своеобразная интерференция может быть объяснением причины низкого качества выполнения задания №12.

При выполнении задания №12 необходимо выполнить лексический, морфемный и морфологический анализ, а не формально вставить буквы. Невысокие показатели выполнения задания 12 могут свидетельствовать как о затруднении в идентификации слова с пропуском орфограммы, так и о неумении применить правило правописания личных окончаний глаголов и суффиксов причастий к конкретному языковому материалу. Например, в варианте ответа есть действительное причастие настоящего времени, образованное от глагола *бороться* – *бор..щийся*, который относится к 1 спряжению. При образовании причастия используется суффикс –ущ-/-ющ-. Следовательно, невысокий процент выполнения задания может быть связан с тем, что зачастую экзаменуемые не умеют восстанавливать неопределенную форму производящего глагола при образовании страдательных/действительных причастий. Причина низкой результативности, как показывает анализ, заключается и в неопределённом количестве правильных ответов: выбор правильных ответов из пяти рядов слов оказался непосильным для большей половины экзаменуемых. Наиболее часто встречающиеся ошибки – выбор лишнего ответа или пропуск одного из правильных.

Таким образом, анализ орфографических заданий показывает, что усвоение орфографических правил невозможно без определённого уровня грамматической теории, которая является фундаментом орфографического правила. На уроках русского языка необходимо организовать и систематически проводить работу с морфемно-орфографическим анализом слова и его грамматическими характеристиками. Анализируя орфографический блок, следует отметить тот факт, что в течение многих лет сохраняется одна и та же тенденция: экзаменуемые более успешно справляются с правильным орфографическим и пунктуационным оформлением собственного текста в условиях самостоятельного письма, чем с заданиями первой части, требующими проведения орфографического и пунктуационного анализа заданных языковых единиц.

Задание №16 (49,7% выполнения в 2024 году) является типовым для всех вариантов. В данном задании необходимо расставить знаки препинания и указать все предложения, в которых нужно поставить одну запятую. С 2022 года это задание усложнилось, так как в условии задания не дается точное количество предложений, в которых нужно поставить одну запятую. Раньше в условии задания указывалось, что нужно выбрать два варианта ответа. Теперь ученик сам должен определить количество правильных ответов. Задание стало более практикоориентированным, что позволило свести до минимума возможность выбора правильных ответов наугад. Внесенные изменения в 2022 году (выбор от 2 до 4) значительно повлиял на осознанность выполнения пунктуационного анализа в 2024 году. Важно не только знать правила постановки знаков препинания, но и уметь анализировать структуру синтаксической конструкции с опорой на синтаксические познания. А это не что иное, как сформированность одного из метапредметных универсальных учебных действий: способность соотносить конкретный языковой материал с отвлеченной схемой.

Расширение языкового материала также повлияло на результаты выполнения задания №16. Анализ веера ответов на задание №16 участников экзамена в текущем году позволяет сказать, что большинство ошибок в выполнении этого задания связано с неумением распознавать общий второстепенный член в сложносочиненном предложении. Вторые по численности ошибки объясняются неумением экзаменующихся увидеть в простом предложении два разных ряда однородных членов, соединенных одиночными повторяющимися союзами, такие участники ставят запятую перед вторым союзом и ошибаются. Часть экзаменующихся разделяют запятой неоднородные определения.

К элементам содержания, усвоение которых школьниками региона нельзя считать достаточными, также следует отнести следующие: задания по орфографии: *задания №10 «Употребление ъ и ь (в том числе разделительных). Правописание приставок. Буквы ы – и после приставок»* (в 2024 году - 57,2%, в 2023 году - 64,0%), *задание №11 «Правописание суффиксов (кроме суффиксов причастий, деепричастий)»* (в 2024 году - 55,5%, в 2023 году - 62,1%), *задание №13 «Правописание не и ни»* (в 2024

году - 59,6%, в 2023 году - 68,7%), задание №14 «Слитное, дефисное и раздельное написание слов разных частей речи» (в 2024 году - 50,7%, в 2023 году - 79,8%) . Все задания в 2024 году выполнены хуже, чем в 2023 году (менее 60%).

Отметим, что данные низкие результаты по данным заданиям связаны, прежде всего, с недостаточным усвоением теоретического материала, а также с необходимостью выбора нескольких вариантов ответа. В этих заданиях при сохранении контролируемых элементов содержания языковой материал, предлагаемый для орфографического анализа, расширен и содержательно, и по способу предъявления: для орфографического анализа даётся пять рядов слов, а количество верных ответов в каждом из заданий может варьироваться от двух до четырёх. Указание лишней цифры в ответе или отсутствие одного правильного варианта приводит к неверному результату. Данные задания также формируют у выпускника внимательное, скрупулёзное отношение к правильному прочтению задания и к написанию каждого отдельного слова.

Разделы, связанные с пунктуацией, в 2024 году в среднем выполняются на 63,01%. Улучшился результат по сравнению с прошлым 2023 годом по заданиям №19, №20, №21. Особое внимание хотелось бы обратить на задание №21 (59,0%), с которым по сравнению с 2023 годом (29,6%) в процентном отношении справилось почти в два раза больше выпускников. Таким образом, систематизация и повторение всех случаев постановки каждого знака препинания позволят подготовить школьников к выполнению задания №21.

В 2023 году задание №21 претерпело изменения: за счет того, что расширился языковой материал, данное задание из базового уровня перешло в повышенный уровень сложности. Суть задания – пунктуационный анализ небольшого текста. Выпускникам необходимо указать предложения, в которых запятая, или тире, или двоеточие ставятся в соответствии с одним и тем же правилом. С высокими результатами выполняют задание №21 только участники экзамена, получившие на ЕГЭ 81–100 баллов. Процент выполнения задания составил 88,1%. Преодолели 50% результативности участники, заработавших на ЕГЭ 61–80 баллов.

Справились с ним 62,3% участников экзамена. Из группы, получивших баллы до 60 - выполнила задание 28,3% участников, а из группы, не преодолевших минимальный порог – 4,3% выпускников. Результат выполнения данного задания во всех группах улучшился по сравнению с 2023 годом. Процент участников, которые не справились с этим заданием, может быть объяснен незнанием учащимися всех случаев постановки каждого знака препинания и, следовательно, неполнотой ряда цифр в ответе.

Пунктограммы, которые могут стать объектом анализа в тексте задания, изучаются в 5-9 классах школьного курса русского языка, обобщение изученного проходит в 8-9 классах, к 11 классу материал, не востребованный во всех его теоретических аспектах и редко применяемый на практике, забывается. Следовательно, педагогам, готовящим учащихся к выполнению 21-го задания КИМ, необходимо: повторить со школьниками теоретический материал, но не разрозненно, а приведя его в систему, например, методом крупноблочной подачи; организовать создание учениками опорной схемы, систематизирующей теоретический материал; во время отработки материала на практике советовать ученикам пользоваться схемами, постепенно снижая количество обращений к ним; фиксировать выявленные причины постановки каждого знака препинания в тексте задания в таблице: № предложения / знак препинания / причина постановки знака препинания.

Таким образом, результаты экзамена наглядно свидетельствуют об очевидном понимании как самими экзаменуемыми, так и учителями необходимости в рамках школьного обучения систематически, комплексно работать над овладением всеми типами норм русского литературного языка, формированием языковой личности с учётом особой роли и значения учебного предмета «Русский язык» и статуса русского языка как государственного.

При общей тенденции улучшения подготовки учащихся к ЕГЭ по русскому языку предстоит осмыслить снижение некоторых показателей результативности в 2024 г. по отдельным заданиям в сравнении с предыдущими годами. Следовательно, при подготовке обучающихся к ЕГЭ 2025 года, как и в предыдущий период, необходимо проводить комплексное систематическое повторение разделов программы «Орфография», «Пунктуация»,

«Синтаксис», «Речь» и «Грамматика», а также раздела «Текст» (признаки текста, средства связи предложений в тексте, типы текста (типы речи)).

УДК 37.091.8+80-053.5

Григорович Д.А., Гайдина Е.А.

*Научный руководитель: к.ф.н., доцент **Пронина Е.В.***

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ

ТЕХНОЛОГИИ ГЕЙМИФИКАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

В работе рассматриваются теоретические основы геймификации, основные способы внедрения ее технологий: интерактивная игра, визуальная новелла и визуальный музей. Также анализируются особенности создания интерактивной игры, визуальной новеллы и визуального музея и методика работы с ними на уроках литературы в основной общеобразовательной школе.

Ключевые слова: *геймификация, способы геймификации, интерактивная игра, визуальная новелла, визуальный музей.*

Grigorovich D.A., Gaidina E.A.

*Scientific supervisor: **Pronina E.V.***

Associate Professor, PhD in Philology

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

Tula, Russia

TECHNOLOGY GAMIFICATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN LITERATURE LESSONS

The paper examines the theoretical foundations of gamification, its methods: interactive game, visual novel and visual museum. The scientific article covers the key aspects of the introduction of gaming approaches in the educational process. The features of an

interactive game, a visual novel, and a visual museum are also analyzed. Based on the analysis, the features of the use of gamification, as well as its methods in the literature lesson at school, are revealed.

Keywords: *gamification, gamification methods, interactive game, visual novel, visual museum.*

Геймификация представляет собой одно из наиболее важных и актуальных направлений в развитии образовательных технологий. Согласно глоссарию понятий новой дидактики, геймификация – это «внедрение игровых механик в неигровые процессы» [Тарханова, 2020: 5]. Введение игровых элементов в учебный процесс «способствует увеличению познавательной активности учащихся, созданию интереса к знаниям, а также развитию учебной мотивации» [Бакулина, Быстрова, Гнездин, Угарова, 2022: 1]. В современной действительности игры связаны с технологизацией, так как учащиеся большое количество времени проводят в виртуальном пространстве, что требует от педагогов актуальных знаний в этой области. Следует подчеркнуть, что игры можно применять не только как кратковременное отвлечение от основной темы урока или для закрепления изученного материала, но и как средство для освоения новых знаний. Так, Н.Е. Щербакова, кандидат педагогических наук, обращает внимание на то, что процессе выполнения заданий обучающиеся приобретают опыт, «который в дальнейшем поможет им в освоении нового материала, даст основу для проведения аналогий и подведения итогов» [Цирулева, Щербакова, 2023: 5]. Кроме того, игра позволяет педагогу индивидуально работать с учеником, давать ему определенные задания, соответствующие его уровню знаний, поскольку учитель может отслеживать деятельность школьников в системе игры. Помимо педагога следить за результатами могут как сами обучающиеся, так и их родители. Однако при этом обучающиеся действуют в комфортной для них обстановке и темпе, так как все задания возможно выполнять в удобное время и сколько потребуется обучающемуся. Также школьникам предоставляется возможность задать интересующие их вопросы непосредственно в чате с педагогом. Особенно это актуально для уроков литературы, где стремление понять и оценить литературные

произведения может сталкиваться с трудностями из-за сложности содержания. Современные подростки также не испытывают интереса к классической литературе из-за сложности содержания и непонимания исторической эпохи и проблем людей того времени. Кроме того, некоторые школьники сдают экзамены по литературе, и для подготовки им требуется не только традиционная форма подачи знаний, но и инновационная, а также привлекательная для них. В связи с чем педагогам нужно уметь применять в своей деятельности способы геймификации. К ним относят интерактивные игры, визуальные новеллы, виртуальные музеи.

Для определения значения «интерактивной игры» необходимо рассмотреть понятие «интерактивное обучение». Согласно педагогическому энциклопедическому словарю [Бим-Бад, 2002: 2], интерактивное обучение – это «обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта». Значит, интерактивная игра – это активное взаимодействие учащихся с учебным материалом, организованное педагогом и ориентированное на достижение образовательных целей через интеграцию игровых элементов и активное взаимодействие.

В процессе цифровизации образовательного процесса актуализируется возможность разработки интерактивных игр с применением компьютерных технологий. Это позволяет обучающимся участвовать в таком новом по форме учебном процессе как в домашних условиях на персональных компьютерах, так и в классе, используя мобильные устройства, что не будет препятствовать образовательной деятельности. Внедрение игр в учебный план по различным предметам представляется целесообразным. Кроме того, интерактивные игры могут быть реализованы в онлайн-формате, что создаст условия для взаимодействия между обучающимися в режиме реального времени. Применение таких способов внедрения технологий геймификации возможно и в образовательном пространстве уроков литературы. Они могут способствовать активизации учебного процесса и повышению интереса к предмету. Например, при изучении биографии писателя или поэта можно разработать игру, в которой для выполнения задачи требуется ответить на теоретический вопрос, связанный с жизнью прозаика или поэта. Также можно воссоздать в игре

определенный период жизни писателя, например, участие в экспедиции или процесс написания произведения, в котором школьникам нужно будет выполнить задание, которое связано с деятельностью писателя. Помимо этого, в интерактивные игры можно включить изучение текста произведения, что позволит более углубленно рассмотреть его. Например, можно взять за основу путешествие М.Ю. Лермонтова на Кавказ, когда он был еще ребенком. Поскольку биография писателя изучается школьниками, начиная с 5 класса, то такая игра будет для них актуальна, а также обучающиеся смогут правильно интерпретировать содержание игры.

Данный способ позволит повысить мотивацию обучающихся к углубленному изучению биографии автора и его произведений. Таким образом, интерактивная игра – это организованная педагогом игровая деятельность с использованием учебного материала.

Жанром интерактивной игры является визуальная новелла, которую в настоящее время предпочитают современные школьники. Это подвид текстового квеста, в которой пользователю представляется история с помощью отображения текста на экране, статических изображений, а также звукового или музыкального оформления. Квест предполагает решение головоломок или умственных задач. Поэтому помимо статичного отображения иллюстраций и текста, в визуальной новелле также предполагается решение загадок, сравнение и формирование выводов. «Визуальная новелла часто включает нарративную структуру, которая дает возможность читателям-игрокам влиять на ход событий и принимать решения, которые определяют исход и развитие истории». [Ковалевская, Шишкина, 2024: 3]. Это дает читателю возможность быть вовлеченным в рассказ, ведь автор новеллы, создавая уникальную атмосферу, предоставляет читателю шанс придумать свою собственную историю. Также следует отметить, что современное поколение в большей мере запоминает визуальную информацию, что обусловлено развитием социальных сетей. Визуальные элементы способствуют повышению уровня восприятия текстовой информации и углублению эмоционального воздействия на обучающихся. Поэтому такой жанр игр подходит для использования на уроках в школе.

Визуальные новеллы можно использовать на уроках литературы при изучении произведения. Поскольку данный метод дает возможность читать литературу без искажения ее содержания. Помимо этого, на экран также будут выводиться портреты героев. В данном случае обучающийся получит возможность воспринимать не только текст, но и визуальные образы героев, а также интерьер или пейзаж, описанные в литературном произведении, и играющие значимую роль в понимании идеи и содержания художественного произведения.

В процессе игры школьник перенимает на себя роль одного из персонажей книги, затем продвигается по сюжету новеллы, соответствующему произведению. В ходе игры школьнику необходимо выбирать реплики героя или делать за него выбор, который будет влиять на дальнейшее развитие сюжета. Например, можно сделать визуальную новеллу по мотивам поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» или романа в стихах «Евгений Онегин». В визуальную новеллу можно добавить элементы интерактивной игры. Однако все компоненты должны соответствовать сюжету литературного произведения.

Визуальные новеллы пользуются популярностью среди школьников, поскольку благодаря разворачивающейся перед ними в режиме реального времени картины развития и становления личности героев, конфликтов, их взаимодействий, они способны вызывать эмоциональный отклик у игроков, «проживать» ситуации вместе с ними, что, несомненно, мотивирует учащихся к изучению произведения.

Еще одним способом геймификации являются виртуальные музеи, представляющие собой созданные с использованием компьютерных технологий модели музеев, существующих исключительно в виртуальной среде. Особенностью данного способа является сочетание познавательной и развлекательной функции музея, то есть постепенный переход от отдыха к учебе. Создатели выставок создают определенную «информационную среду» вокруг экспонатов, придерживаясь одной идеи и ориентируясь на интересы посетителей. Данный способ может помочь и при изучении биографии писателя, поскольку предоставляет возможность ознакомиться не только с его портретами и личными вещами, но и обстановкой, в которой он творил и жил.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что визуальные музеи – это способ геймификации, при котором учащимся предоставляется возможность посмотреть экспонаты музея и послушать экскурсию с интерактивными элементами онлайн.

Таким образом, геймификация позволяет повысить мотивацию к изучению биографии авторов и изучению их произведений. Также данный метод даст возможность школьникам применить на практике свои знания, что является важным для усвоения материала. Кроме того, геймификация способствует развитию критического мышления и аналитических навыков, так как благодаря данному методу школьники могут анализировать, сопоставлять и оценивать героев и их поступки. Также использование способов геймификации увеличит интерес школьников к изучению литературы, поскольку это необычный формат урока, происходящего в виртуальном пространстве, в котором учащиеся могут проводить и свое свободное время.

Важно сказать, что такие должны разрабатывать филологи, поскольку важно корректно интерпретировать художественный материал произведений в соответствии с нравственными и этическими запросами современной школы. И на данный момент такая визуальная новелла разработана авторами статьи, Григорович Д.А. и Гайдиной Е.А.

Список литературы

1. Бакулина, Н. А. Геймификация в современном образовательном процессе / Н. А. Бакулина, Н. В. Быстрова, А. В. Гнездин, А. В. Угарова // Журнал прикладных исследований. – 2022. – № 378. – С. 416–425. URL: <file:///C:/Users/dasha/Downloads/geymifikatsiya-v-sovremennom-obrazovatelnom-protsesse.pdf> (дата обращения – 23.11.2024).

2. Бим-Бад, Б. М. Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад. – Москва: Большая рос. энциклопедия, 2002. – 527 с. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogic/index.htm> (дата обращения: 23.11.2024).

3. Ковалевская, Н. И., Шишкина, Н. И. Визуальная новелла как форма интерактивного электронного издания: особенности редакторской подготовки / Н. Н. Кравлевская, Н. И. Шишкина // Труды БГТУ. Сер. 4. Принт- и медиатехнологии. – 2024. – № 1

(279). – С. 37–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-novella-kak-forma-interaktivnogo-elektronnogo-izdaniya-osobnosti-redaktorskoj-podgotovki/viewer> (дата обращения: 14.03.2025).

4. Кубанцева, Е. В. Музеи будущего: новые стратегии развития / Е. В. Кубанцева // Огарев-online. – 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-buduschego-novye-strategii-razvitiya> (дата обращения: 14.03.2025).

5. Тарханова, И. Ю. Глоссарий понятий новой дидактики / И. Ю. Тарханова. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. – 25 с.

6. Цирулева, Л. Д., Щербакова, Н. Е. Геймификация в обучении: сущность, содержание, пути реализации технологии/ Л. Д. Цирулева, Н. Е. Щербакова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 13–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obuchenii-suschnost-soderzhanie-puti-realizatsii-tehnologii/viewer> (дата обращения – 23.11.2024).

УДК 908

Гусев П. Ю.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ БРЯНСКО-ГОМЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ «БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ» И «УДАРНИК»

В данной статье рассказывается о послевоенном восстановлении регионов, бывших в нацистской оккупации, через призму областной и районной газет. Рассказывается об освещаемых событиях, описываются сходство и различия в подаче материала.

Ключевые слова: восстановление, редколлегия, интервью, доклад, строительство, просвещение.

POST-WAR RESTORATION OF THE BRYANSK-GOMEL BORDER REGION BASED ON MATERIALS FROM THE NEWSPAPERS BRYANSK RABOCHY AND UDARNIK

This article describes the post-war reconstruction of regions that were under Nazi occupation through the prism of regional and district newspapers. It describes the events covered, and describes the similarities and differences in the presentation of the material.

Keywords: *Restoration, editorial board, interview, report, construction, education.*

Введение. Послевоенный восстановительный процесс нашёл отражение не только в произведениях литературы и кинематографа, но и в средствах массовой печати. Газеты освещали не только успехи, но и недостатки, выносили на первый план нарушителей и отстающих для общественного порицания.

Ход и результат исследования. В массовой печати того времени находили отражение не только местные новости, но и события, происходящие на мировой арене. Именно поэтому и на оккупированных, и на только освобождённых территориях большое значение стало уделяться периодической печати для информирования и одобрения граждан.

Брянская область была освобождена в сентябре 1943 года. Практически сразу начали работу теперь уже официальные типографии взамен типографий партизан и подпольщиков. Они печатали фронтовые сводки, освещали успехи и недостатки в восстановительном процессе, письма с фронта, политические и культурные мероприятия. Также иногда публиковались рассказы известных писателей и публицистов. Так например, в № 11 (7400) газеты «Брянский Рабочий», вышедшей 1 января 1945 года, был опубликован рассказ Ильи Григорьевича Эренбурга «Горе и Счастье» [1, л. 1, 3, 6, 9]. Помимо этого, публиковались и письма читателей, которые с воодушевлением восстанавливали родную землю. К таким можно отнести письмо Н. Донцова «Отдам все

силы полному возрождению родного завода», где он описывает свою работу на заводе Красный Профинтерн сроком 22 года, был награждён медалью «За трудовую доблесть» ещё в 1939 году. Необходимо отметить, что и критика в газете тоже печаталась. Материал «Хожение по мукам» посвящён Брянской областной библиотеке, которая не имеет собственного помещения и вынуждена приезжать. А Брянский Исполком Горсовета в ответ на все просьбы о помощи получали ответ: «Не до Вас, ничем помочь не можем». Если говорить о более серьёзных выносимых на первый план недостатках, то можно отметить материал В. Семёновой «Почему в Брасовских колхозах не хватает семян?». Там описывается, что план засыпки семян колхозами выполнен на 64%. Колхозу «Победа Крестовского сельсовета требуется 207 центнеров семян, а заготовлено было только 16. В некоторых артелях семенные участки не были даже выделены, а само зерно нуждалось в очистке.

В Новозыбковской газете «Ударник» № 9 от 8 марта 1946 года отмечается, что в вопросах восстановления хозяйства и возвращения к мирной жизни женщины не уступают мужчинам. Многократно на страницах печатного издания упоминается имя бригадира лучшей комсомольско-молодёжной бригады Пашута, которая повторяет свой девиз: «Не менее 50 процентов дневной выработки сверх плана!» [2, с. 39]. Также описывается чулочница артели «8 Марта» Писаревская, которая более чем в два раза перевыполняет план производства, а Международный женский день она отметила вступлением в ряды ВКП(б). Также публикуется письмо Горленко Анастасии, бригадира полевой артели колхоза «Карна». В нём она описывает, что несмотря на крайне тяжёлое положение, замену ушедших на фронт мужчин, оккупацию и разруху, советские женщины полны решимости восстановить народное хозяйство и приумножать благополучие всего народа.

Деятельность советской печати, радио и телевидения в годы первых послевоенных пятилеток характеризуется использованием многих форм массовой работы. Применялись такие уже проверенные формы массовой работы, как выездные редакции, общественные рейды, рабкоровские посты. В самое горячее время на стройплощадках «Запорожстали» работали выездные

редакции газет «Правда», «Радянська Україна», «Большевик Запорожья». Выездные редакции «Правды» побывали также в Алтайском крае, Оренбургской области, где выпускали повсеместно боевые листки, плакаты, окна «Правды», мобилизовавшие на быстрое завершение восстановительных работ. На важнейших предприятиях и стройках Удмуртии – на реконструкции Воткинской плотины, на предприятиях торфяной промышленности работали выездные редакции «Удмуртской правды». Активно действовали выездные редакции «Уральского рабочего» на предприятиях Нижнего Тагила, на Белоярской атомной электростанции, на Красноуральской фабрике двойного суперфосфата. По примеру прежних лет редакция «Ленинского знамени» (Петрозаводск) организовала боевые рабкоровские рейды на предприятиях деревообрабатывающей промышленности. На промышленных предприятиях города постоянно проводила рейды «Ленинградская правда», ставя перед собой цель на примере отдельных заводов и фабрик выявить наиболее типичные недостатки производства, предложить конкретные меры по их устранению.

Помимо всего прочего, с помощью осуждающих статей и карикатур критикуется небрежное отношение к технике, сельхозпродукции и прочему. Так, в газете «Ударник» № 173 от 24 декабря 1948 года опубликовано письмо читателей «Навести порядок в магазине» описывается, что в магазине №1 Новобобовического сельпо невозможно достать соль и керосин, так как директору магазина Лизунову невыгодно их доставлять. Также обращается внимание на систематическое нарушение правил торговли [3, с. 365]. К 1948 году ситуация улучшилась, но по-прежнему не хватало техники и специалистов. Об этом свидетельствуют объявления о найме на работу, публикуемые в советских газетах. По-прежнему хватало и халатности на местах, связанных с неправильной уборкой и хранением урожая, злоупотреблением на местах и многим другим. Также освещается поимка некоторых преступников, занимавшихся расхищением социалистической собственности и препятствующих нормализации жизни граждан Советского Союза [4, с. 290].

Таким образом, газеты играли исключительную роль в формировании мировоззрения и культурного обогащения граждан. В первую очередь из газет люди узнавали об актуальных событиях

не только в своём городе или области, но также во всём СССР и мире. Также пресса способствовала развитию грамотности у населения, повышала его образованность и побуждало стремление к дальнейшему обучению и самосовершенствованию.

Список литературы

1. Брянская областная научная библиотека. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1302. – 500 л.
2. Государственный Архив Брянской Области, Ф. 194, Оп. 1, Д. 13. – 396 с.
3. Государственный Архив Брянской Области, Ф. 194, Оп. 1, Д. 16, – 380 с.
4. Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. Т. 2. – С. 615.

УДК 82.09+82-14

Дмитриева Ю.Л.

*Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова, г. Горловка, РФ*

ОБРАЗ ЧЕРЁМУХИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ С.А. ЕСЕНИНА

В работе рассматривается языковой образ как зрительное вербализированное отображение объекта и/или локуса в сознании человека. Целью исследования является описание средств экспликации образа дерева, который квалифицируется автором в качестве одного из ключевых образов горизонтально ориентированной пространственной модели мира. Он репрезентируется в творчестве С.А. Есенина номинацией черёмуха, а также рядом языковых единиц, эксплицирующих основные когнитивные признаки и метафорические модели.

Ключевые слова: образ, когнитивный признак, вербальные знаки, пространство, метафорическая модель.

THE IMAGE OF CHERYOMUHA IN POEMS BY S.A. ESENIN

The paper examines the linguistic image as a visual, verbalized representation of an object and/or locus in a person's consciousness. The aim of the study is to describe the means of explicating the image of a tree, which the author qualifies as one of the key images in the horizontally oriented spatial model of the world. In the works of S.A. Yesenin, it is represented by the nomination cheryomuha (bird cherry), as well as a number of linguistic units that explicate the main cognitive features and metaphorical models.

Keywords: *image, cognitive feature, verbal signs, space, metaphorical model.*

Пространство остаётся в фокусе внимание исследователей как естественно-научных, так и гуманитарных отраслей знания. Отчасти учёные видят объяснение этого в том, что пространство дано познающему субъекту для непосредственного взаимодействия посредством органов чувств. Кроме того, этот интерес обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в рамках когнитивной парадигмы язык рассматривается как инструмент, отражающий и формирующий понимание мира индивидом и этносом. Пространство, будучи фундаментальным аспектом человеческого опыта взаимодействия с онтологическим миром, является ключевым элементом при построении картины мира. Во-вторых, накоплен обширный эмпирический материал (как на основе корпусных исследований, так и в рамках экспериментальной лингвистики), который позволяет более детально анализировать то, как носители языка концептуализируют и выражают пространственные отношения. Наконец, в-третьих, развитие компьютерных технологий и методов обработки естественного языка (NLP) открывает новые возможности для анализа больших объёмов текстовых данных, содержащих пространственные описания.

Пространство тесно связано с познанием не только окружающего мира, но и индивидуума. «Человек отразил в языке свой

физический облик, свои внутренние состояния, отношение к себе и к окружающему миру, – пишет С.А. Толстик, – вписал себя в окружающее пространство, охарактеризовал себя как элемент этого пространства» [КРМ 2007: 243]. Оно квалифицируется учёными как одно из самых сущностных для картины мира, являясь её основой. Мы определяем пространство как модель мира в силу простоты восприятия, наглядности, конструируемости локусами и объектами, способными в силу количественных физических параметров (высоты, глубины, габаритов, объёма и др.) «занимать определённые части пространства» [Там же].

Кроме того, оно «переживается» индивидом и репрезентируется в его сознании рядом образов, т.е. вербализированного зрительного отображения в сознании человека объекта и/или локуса в совокупности когнитивных признаков и метафорических моделей. Одним из ключевых образов считаем образ дерева, выраженный в творчестве С.А. Есенина вербальными знаками, в числе которых и *черёмуха*.

Цель исследования – описать языковые средства выражения образа черёмухи, являющегося одним из ключевых образов пространственной модели мира, представленной в стихотворениях «последнего поэта деревни». Иллюстративным материалом послужили тексты произведений С.А. Есенина, включённые в первый том Полного собрания сочинений писателя.

В числе основных методов и приёмов исследования следующие: метод анализа и синтеза, описательный метод, которые использовались для изложения полученных данных; метод моделирования, применяющийся для воспроизведения как фрагмента пространства в художественных текстах автора, так и построения метафорических моделей; метод компонентного анализа, позволивший выявить основные когнитивные признаки образа, зафиксированные в лексическом значении ключевого слова; метод лингвокультурологического анализа, благодаря которому были как характерные для русской лингвокультуры, так и индивидуально авторские черты рассматриваемого образа.

Мы под пространственной моделью мира понимаем выраженное языковыми знаками представление познающего субъекта (или всего общества) об организации пространства. Последнее может быть как доступно для непосредственного восприятия при

взаимодействии с ним индивидуума, так и недоступного для такового. В число базовых параметров пространственной модели мира включаем параметр “плоскость восприятия пространства”. Так, человек воспринимает мир и пространство в нескольких плоскостях. Традиционно в горизонтальной плоскости воспринимается земное пространство, которое ассимилируется человеком и мыслится как организованное вокруг центра (как правило, познающего субъекта, реже – дома). При моделировании горизонтально ориентированной пространственной модели мира опираемся на предложенную в этнолингвистическом энциклопедическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого. Ср.: «<пространство> мыслится как совокупность концентрических кругов, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее окружение (например: человек – дом – двор – село – поле – лес)» [СД 2009: 581]. Дополняем эту модель образом дерева, а именно: образом черёмухи. Это объект, конституирующий пространство и занимающий одно из ведущих мест в его репрезентации в творчестве носителя русской лингвокультуры С.А. Есенина.

Образ черёмухи репрезентирован в творчестве поэта номинацией *черёмуха*, в значении которой зафиксированы следующие когнитивные признаки: «плодовое растение», «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева», «совокупность растений», а также утилитарный когнитивный признак. Ср.: «Черёмуха – дерево или кустарник семейства розоцветных, с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, приносящее плоды в виде чёрных ягод (используется в народной медицине как желудочное средство). В фольклоре: черёмуха – символ нежности, чистоты, любви. / *собир*. О цветущих ветвях или плодах этого растения» [БТС 2008]. Кроме того, в словарной статье подчёркивается символическое значение денотата, зафиксированное в текстах устного народного творчества.

В славянской культуре черёмуха описывается как священное дерево, связанное с целительством. «Плоды, кору, листья черёмухи использовали во врачевании», – отмечает И. Кур-Кононович [Кур-Кононович 2020: 661].

Отметим, что рассматриваемое дерево наши предки относили к плодовым деревьям. В этом качестве Т.А. Агапкина трактует черёмуху как объект культуры. Однако дикорастущие плодовые деревья, по замечанию исследователя, «занимают промежуточное положение на шкале “природа – культура”, хотя в целом их статус ближе к полюсу “природы”» [Агапкина 2019: 319–320]. Пограничность образа черёмухи отмечена и нами: данный образ фиксирует представления как о “своём”, так и о “чужом” в горизонтально ориентированной пространственной модели мира. Двойственность (пограничность) черёмухи зафиксирована и в текстах С.А. Есенина (поэт использует номинацию *черёмуха* 13 раз, см. [Дмитриева 2021: 115]). Так, М.А. Скороходов, описывая помещичьи и крестьянские усадьбы, отмечает, что в ряде произведений «последнего поэта деревни» черёмуха квалифицируется и как дикорастущее, и как культурно ассимилированное растение. Ср.: «Хотя черёмуха встречается у Есенина как дикорастущее дерево в стихотворениях “Сыплет черёмуха снегом...” (1910), “Черёмуха” (1915) и в повести “Яр” (1915), она обретает и черты усадебного растения – например, в стихотворении “Край ты мой заброшенный...” (1914)» [Скороходов 2020: 202–203].

Зачастую, тем не менее, бывает непросто определить, в каком из локусов произрастает дерево (отметим, что этот тезис актуализирован и в статье М.А. Скороходова «“Низкий дом” и “Дом с мезонином” – две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина»). Так, в тексте «Сыплет черёмуха снегом...» сложно выявить конкретное место произрастания дерева в рамках пространственной картины мира. Скорее черёмуха оказывается той отправной точкой в восприятии лирического субъекта, вокруг которой разворачивается пространство. Ср.: *Сыплет черёмуха снегом, / Зелень в цвету и росе. / В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе* [Есенин 1995: 34]; *Сыпь ты, черёмуха, снегом, / Пойте вы, птахи, в лесу. / По полю зыбистым бегом / Пеной я цвет разнесу* [Там же].

Кроме того, в приведённых строках эксплицирована метафорическая модель «стихия → дерево»: черёмуха выступает как источник снега. Она же выражает и когнитивный признак «цвет объекта» (как известно, снег считается эталоном при определе-

нии белого цвета. Это зафиксировано и в словарной статье адъектива *белый*. Ср.: «Белый – цвета снега, молока, мела (противоп.: чёрный)» [БТС 2008]).

Данная модель характерна для образа черёмухи в горизонтально ориентированной пространственной модели мира произведений С.А. Есенина. Так, в строках *Как метель, черёмуха / Машет рукавом* [Есенин 1995: 60] область её источника выражена сравнением как *метель*, а область цели – номинацией *черёмуха*. В другом примере *Может, завтра совсем по-другому / Я уйду, исцелённый навек, / Слушать песни дождей и черёмух, / Чем здоровый живёт человек* [Там же: 199] модель «стихия → дерево» представлена выделенной синтаксической конструкцией, в которой в один однородный ряд объединяются дожди и деревья.

Наконец, в фрагменте поэтического текста *Хорошо в черёмуховой вьюге / Думать так, что эта жизнь – стезя* [Там же: 239] область цели объективирована адъективом *черёмуховый*, а область источника – определяемым словом *вьюга*, т.е. «сильная метель, снежная буря» [БТС 2008].

Кроме того, как плодоносное дерево черёмуха связывалась также, согласно данным, приводимым Т.А. Агапкиной, с запретом сжигания её в печи. Дрова из этого дерева не заготавливали и не использовали, поскольку славяне верили, что это приведёт к утрате плодов на других деревьях, высаженных в саду.

Древние славяне воспринимали мир как живой. «В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собою деревья, – пишет А. Афанасьев, – в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании – иссушающее горе и так далее» [Афанасьев 2024: 245]. Так, дерево в представлении славян ассоциировалось с человеком, с его жизнью. Например, «жители Владимирской области считали, что в период цветения черёмухи “бабы охотнее принимают»» [Агапкина 2019: 496], т.е. вступают в отношения с противоположным полом. Так, в произведениях С.А. Есенина образ черёмухи выражен метафорической моделью «человек → дерево»: любимая девушка часто представляется лирическому субъекту как черёмуха. Ср.: *Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха – / Всё равно любимая отцветёт черёмухой* [Есенин 1995: 218]; *Увядаящая сила!*

*/ Умирать так умирать! / До кончины губы **милой** / Я хотел бы целовать. // Чтоб всё время в синих дрёмах, / Не стыдась и не тая, / В нежном шелесте **черёмух** / Раздавалось: «Я твоя» [Там же: 222].*

Однако указанная модель эксплицирована и в строках *Синий май. Заревая теплынь. / Не прозвякнет кольцо у калитки. / Липким запахом веет полынь. / **Спит черёмуха в белой накидке*** [Там же: 211]. Предикат *спать*, предложно-падежная форма в *накидке* репрезентируют область источника, т.е. человека в определённой одежде, испытывающего или находящегося в состоянии сна.

Соответственно, представления о черёмухе как о плодоносном дереве, которое может произрастать как в культурно ассимилированном пространстве, так и вне его, зафиксированы и в текстах С.А. Есенина. У поэта образ черёмухи выражен номинацией *черёмуха*, адъективом *черёмуховый*. Он конституирует пространство и может быть для лирического субъекта точкой его отсчета. Образ черёмухи включает утилитарный когнитивный признак, а также признаки «плодовое растение», «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева», «совокупность растений», «цвет объекта». Он репрезентирован в стихотворениях метафорическими моделями «стихия → дерево» и «человек → дерево».

Кроме того, исследование языкового образа черёмухи в творчестве С.А. Есенина открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения. Особенно актуальным представляется анализ средств объективации описываемого образа в контексте традиционной народной культуры, где черёмуха обладает особой символикой весеннего пробуждения и чистоты. Перспективным направлением видится и изучение метафорического потенциала образа черёмухи как средства объективации человеческих эмоций и душевных состояний познающего субъекта. Наконец, дальнейшее исследование может быть направлено на выявление диахронических особенностей функционирования образа черёмухи в творчестве поэта, что позволит проследить эволюцию его языкового воплощения. Также перспективным является сопоставительный анализ данного образа с его репрезентацией в других поэтических системах Серебряного века.

Список литературы

1. Агапкина, Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2019. – 656 с. – Библиогр.: с. 319–321, 496.
2. Афанасьев, А. Поэтические воззрения славян на природу. Сотворение мира и первые существа / А. Афанасьев. – Москва : МИФ, 2024. – 592 с. – Библиогр.: с. 245.
3. БТС – Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург, Москва: Норинт, Рипол классик, 2008. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 02.05.2025).
4. Дмитриева, Ю. Л. Образ дерева в русской лингвокультуре: моногр. / Ю. Л. Дмитриева. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 176 с. – Библиогр.: с. 114–124.
5. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин; Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского. – Москва : Наука – Голос, 1995. – 672 с. – Библиогр.: с. 34, 60, 199, 211, 218, 222, 239.
6. КРМ – Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З. И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с. – Библиогр.: с. 243.
7. Кур-Кононович, И. Флорообраз в идиостиле Есенина – черёмуха. Попытка интерпретации (лингвистический аспект) / И. Кур-Кононович // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2020. – № 1. – С. 659–670. – Библиогр.: с. 660–661.
8. СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
9. Скороходов, М. В. «Низкий дом» и «Дом с мезонином» – две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина / М. В. Скороходов // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5, № I. – С. 194–211. – Библиогр.: с. 202–204.

Дьякова Т.А.

*Луганская государственная академия
культуры и искусств имени Михаила Матусовского,
г. Луганск, РФ*

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПОЭЗИИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Образ матери – один из наиболее значимых в творчестве Михаила Матусовского. Цель работы – проанализировать реализацию образа матери в творчестве поэта. Рассмотрены шесть ипостасей воплощения образа: мать, благословляющая сына-защитника Родины; мать, ставшая на защиту Родины; мать, потерявшая сына, который стал на защиту Родины; мать, ставшая жертвой придворных интриг; Богородица как высшее воплощение образа матери; мать лирического героя. Исследованы способы и художественно-изобразительные средства создания образа матери.

Ключевые слова: стихотворение, образ, мать, персонаж, Богородица.

Diakova T.A.

*Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky, Lugansk, Russia*

THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE POETRY OF MIKHAIL MATUSOVSKY

The image of the mother is one of the most significant in the works of Mikhail Matusovsky. The purpose of the work is to analyze the implementation of the image of the mother in the poet's work. Six hypostases of the image are considered: a mother blessing her son-defender of the Motherland; a mother who stood up to defend the Motherland; a mother who lost her son who stood up to defend the Motherland; a mother who became a victim of court intrigues; the Virgin Mary as the highest embodiment of the image of the

mother; the mother of the lyrical hero. The methods and literary devices of creating the image of the mother are studied.

Keywords: poem, image, mother, character, Virgin Mary.

Образ матери в русской поэзии относится к наиболее древним, мать – «один из столпов семьи, средоточие её эмоциональных связей. Именно через мать актуализируются отношения между разными членами семьи» [Кабакова 2004: 203]. Уже в фольклорных произведениях, в свадебных и похоронных песнях, возникает образ матери, он входит в состав ключевых ментальных единиц в культуре каждого народа [Короткова 2019: 271]. В религиозном мировоззрении, духовных стихах этот образ предстаёт через образ Богородицы, особо чтимый на Руси.

Образ матери в русской поэзии преемственно связан с фольклорной традицией, древнерусской литературой (восприятие матери как хранительницы домашнего очага, защитницы детей). Особое место образ матери занимает в лирике: трагический – в поэме «Мцыри» М. Лермонтова, труженицы, страдальцы – в поэзии Н. Некрасова («Мать», «Кому на Руси жить хорошо», «Орина, мать солдатская» и др.), «помощи и отрады» – в «Письме матери» С. Есенина. Со страданиями Богородицы соотносятся страдания матери в «Реквиеме» А. Ахматовой.

Образ матери – объект междисциплинарных исследований. Так Н. Васягина изучает особенности репрезентации в сознании россиян образа матери. Опираясь на ключевые положения, доказывает, что образ матери представляет собой репрезентированную в сознании проекцию ценностно-смысловых и качественных характеристик материнского поведения и мировосприятия, представленных на разных уровнях иерархически заданной системы отражения – перцептивном, понятийном и амодальном уровнях системы отражения [Васягина 2015].

Оперируя термином «концепт», ученые анализируют специфику концепта «мать» в русской лингвокультуре, русской языковой картине мира (Жунь Синь, Го Лихун), в русской художественной прозе XIX века (Е. Антрощенко), в романе Максима Горького «Мать» (М. Андреевна).

Образ-символ матери в современной драматургии Поволжья (на примере чувашской и марийской литератур) рассматривает И. Кириллова. Лингвист отмечает, что в национальной драматургии практически неразрывно с образом матери связан образ дома, а «образ-символ матери является одним из способов воплощения нравственного идеала и духовности» [Кириллова 2024: 36].

Реализации образа матери в творчестве Н. Некрасова посвящена работа Т. Сулеймановой и Д. Алиматовой. Авторы анализируют роль матери поэта в его становлении, рассматривают образы женщин-матерей из поэм «Дедушка», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо», других произведений [Сулейманова 2022].

Образ матери в поэзии Расула Гамзатова изучает М. Набигулаева. Статья обращена к проблеме реализации и развития образа матери в творчестве поэта Р. Гамзатова, который в разные годы посвящал своей матери лирические признания, стихи-посвящения, выражающие нежные, сыновние чувства и душевные переживания поэта, связанные с её утратой [Набигулаева 2020]. В диссертационном исследовании М. Мелексетян на материале произведений А. Блока, А. Ахматовой, А. Твардовского рассматривается образ матери в русской поэзии XX века. Учёный отмечает, что в «поэзии тема матери отталкивалась от конкретного образа матери человека, автора, имея при этом тенденцию к возвышению и расширению частного до всеобщего. В поэзии XX века постепенно высшим аспектом образа матери становится образ родины» [Мелексетян 2009: 24].

Поэтическое творчество одного из самых известных русских советских поэтов XX в. Михаила Львовича Матусовского характеризуется тематическим и образным богатством. Среди поэтических образов Матусовского – Родина, родной город, природа, войны-защитники, исторические персонажи. Но один из самых значимых в его поэзии – образ *матери*.

Цель работы – проанализировать реализацию образа *матери* в поэзии М. Матусовского, объектом исследования стали поэтические тексты разных периодов творчества, предметом – способы и художественно-изобразительные средства создания образа *матери*.

Мать в произведениях М. Матусовского представлена в разных ипостасях. Полагаем целесообразным выделить следующие реализации образа.

1. *Мать, благословляющая сына-защитника Родины.* В «Четырёх песнях о славном городе Луганске» появляется один из первых образов *матери* в творчестве Матусовского: рассказывая о событиях Гражданской войны в родном городе, поэт пишет о матери одного из активных участников обороны города: *Под вечер Андрей Охрименко простился с мамашей, / Минуты не побыл и быстро собрался в дорогу. / Узнав об отъезде давно не бывавшего сына, / Она заспешила, две смены белья простирала / И вышла из дому. / Визжали на петлях ворота. / Старуха наощупь прошла через мост деревянный, / Слепая от мокрой погоды, глухая от ветра* [Матусовский 2011: 70]. Автор называет женщину *мамашей*, с одной стороны придавая глубокую доверительность повествованию, а с другой – подчеркивает особо уважительное отношение к персонажу, потому что в начале XX в. именно обращение *мамаша* было распространено в народностихийном дискурсе как своего рода маркер особого почтения (так говорят герои А. Чехова, М. Шолохова, М. Булгакова, А. Н. Толстого). Немолодая женщина, узнав об отъезде сына на фронт, отправляется к кузнецу, чтобы тот выковал надёжную шашку для сына: *Уткнувшись в платок и поджав по-старушечьи губы, / Она равнодушно сидела на грязной скамейке. / Калёный клинок на коленях лежал у старухи, / Три раза обёрнутый в рваную теплую шаль* [Матусовский 2011: 72]. *Мать* персонажа, как её далекие предшественницы из произведений народного творчества, благословляет сына: *Тогда Охрименко у бывшего первого класса / Увидел мамашу в рабочей отцовской тужурке. / – Мамаша, откуда вы? Как вас сюда пропустили? / Гостинцев не нужно. Возьмите обратно, мамаша. – / Но мать развернула платок и клинок обнажила, / На цыпочки стала, боясь, что Андрей не позволит. / Его торопливо три раза перекрестила / – Носи эту саблю. Руби ей врагов на здоровье!* [Матусовский 2011: 74]. Материнское благословление должно дать силы богатырю нового времени, материнское напутствие – залог победы, а крестное знамение матери – защита. И неважно, что сын не очень в это верит (недаром мать крестит его с опаской, боясь, что Андрей не позволит), главное –

мать выполнила свой извечный долг: дала напутствие сыну, идущему защищать свой родной город.

2. Мать, ставшая на защиту Родины. В стихотворении «Разговор с земляком», посвящённом лётчику-истребителю Григорию Онуфриенко, поэт проводит ретроспективный экскурс в биографию героя стихов, отец которого погиб в 1918 г., сражаясь с немецкими оккупантами. И тогда, *Выплакавшись долгими ночами, / Мать поддёвку мужнину взяла / И с сухими красными глазами / Санитаркой в армию ушла. // Гриша подтянул потуже пояс / И забрался с матерью в вагон. / А военный санитарный поезд / Брал за перегонном перегон* [Матусовский 2011: 100–101]. Перед нами предстает мать в иной ипостаси – она, победив своё горе, сама становится в ряды защитников родного края, а рядом с ней – её сын, которому через два десятилетия придётся взять в руки оружие, мать растит Григория, воспитывая собственным примером.

3. Мать, потерявшая сына, который стал на защиту Родины. В стихотворении «Мать» создан собирательный образ матери: в произведении не названы имена матери и сына, а стихи могут быть отнесены к любой из краснодонских женщин, чей сын был членом подпольной организации и отдал жизнь за свободу Родины (и не только краснодонских, а и многих-многих других, чьи сыновья, да и дочери, погибли): *Давно степные суховеи / Запорошили старый след. / Давно уже висит в музее / Его мальчишеский портрет. // Давно увидели солдаты / Своей победы торжество, / И сад, где он бродил когда-то, / Назвали именем его* [Матусовский 2011: 124]. Каждая из краснодонских матерей хотела верить в то, что её дитя не стало жертвой фашистов и она сможет его дождаться: *Давно на площади в районе / Воздвигли памятник ему, / И есть роман о Краснодаре – / Но мать не верит ничему. // Она не сходит с косогора, / Стоит часами у ворот, / И всё ей кажется, что скоро / Из школы сын её придёт* [Матусовский 2011: 124]. А в стихотворении «Дорога», посвящённом родному донецкому краю, поэт уже говорит о конкретном человеке – матери молодогвардейца Олега Кошевого и её переживаниях: *Где за дорогой, в балке, над ручьём / Бушуют ветви тополя живого, / Где и сейчас о мальчике своём / Тоскует мать*

Олега Кошевого [Матусовский 1948: 124] – горе матери подчёркивает образ *живого тополя*, создающего антитезу с образом *погибшего сына-мальчика*.

4. Мать, ставшая жертвой придворных интриг. В «Сказании о великой княгине Соломонии» из цикла «Суздальские сказания» поэт создает образ *матери-монашенки*, которая, оказавшись в заточении, родила сына. Сюжет «Сказания...» основан на историческом факте: инокиней стала Соломония Юрьевна Сабурова, в постриге София, первая жена Василия III, великого князя Московского, которую он сослал в монастырь за бездетность (*В Суздаль к монашенкам на послушанье / Царь за бесплодье ссылает жену* [Матусовский 1982: 342]). Соломония канонизирована Русской церковью, причислена к лику преподобных как София Суздальская [София Суздальская]. А новорождённый оказался очень уж похожим на царя: *Только однажды отшельница эта / В келье своей породила дитя. // То ли исполнился помысел божий, / Или же бабка [знахарка – Т. Д.] старалась не зря, / Но появился мальчонка, похожий / Костью, глазами, лицом на царя* [Матусовский 1982: 343]. Но недолгим было счастье материнства: *Только застал он [гонiec царя – Т. Д.] монашенку в горе. / Старица Софья дрожала как лист: / Сын государев, младенец Георгий, / Умер, как ангел, безгрешен и чист* [Матусовский 1982: 343]. Создавая образ *матери*, находящейся в монастыре не по своей воле, М. Матусовский изображает женщину, страдающую от несправедливости. Существовала версия, что *под тою плитою, / Видимо, не был никто погребен...*, т. е. Соломония-София и её приближённые, опасаясь за жизнь ребёнка, попросту обманули гонца, что свидетельствует о мужестве *матери*, находящейся в отчаянном положении, её готовности рисковать своей жизнью ради спасения сына. Царь, узнав об обмане, не пожалел бы бывшую жену. Очевидно, что лирический герой симпатизирует героине: *В залах холодных толпятся туристы, / Щёлкнуть затвором спеша на ходу. / Экскурсоводы работают быстро. / В Суздале был я в минувшем году. // С той же, давно затаённой обидой, / Тайну от мира ревниво храня, / В сводчатой горнице Соломонида / Строго глядела из рам на меня* [Матусовский 1982: 344].

5. Богородица как высшее воплощение образа матери.

Богородица – наименование Пресвятой Девы Марии, родившей Богочеловека Иисуса Христа. Имя *Богородица* известно у всех православных славян. Народный культ *Богородицы* отличается от церковного большей приземлённостью и включённостью в быт: *Богородица* – защитница от бед, нечистой силы, напастей и страданий, небесная заступница, отзывчивая, милосердная и участливая. Поэтому к ней нередко обращаются в народных молитвах, заговорах, заклинаниях [Толстой 1995: 217]. К *Богородице* обращена молитва заключённых концентрационного лагеря в поэме «Голоса Равенсбрюка», узниками которого в 1944 г. стали и 300 монахинь, размещённых в брезентовой палатке. *Богородица* – последняя надежда измученных людей, которые просят защиты: ***Богородица пресвятая, / непорочная наша дева, / огради ты нас и помилуй / и спаси от печного чрева, / от покрытого облаками / ферстенбергского небосвода, / от горячего поддувала / и от чёрного дымохода; / от эсэсовских автоматов, / стерегущих нас неуклонно, / от паров кислоты синильной / и от газа спаси циклона. / Ты, знававшая все страданья, / всепрощающая Мария, / защити от сыпного тифа, / от кровавой дизентерии. / Огради нас от ран открытых / на руках и гниющих спинах, – / как заступница всех скорбящих, / как защитница всех невинных, – / от гружённых камнями тачек, / от тяжёлых катков дорожных, / от осмотров укрой врачебных, / от инъекций спаси подкожных*** [Матусовский 1982: 369]. «Образ божественной небесной Матери [курсив наш – Т. Д.] наделён чертами человечески-женскими» [Серова 2015: 207], что приближает *Богоматерь* к людям, нуждающимся в её защите и поддержке.

Автор использует традиционные и постоянные в православии эпитеты *Богородицы* – *пресвятая, всепрощающая*, называет Марию *защитницей* и *заступницей*, *непорочной девой*. Защитить узников от всех перечисленных бед, мучений, наверное, не под силу и *Богородице*, но в неё верят, *Пресвятая* остаётся в душах обречённых на мучения и смерть людей: *Но поскольку господь отсюда / не расслышит молений звуки, / ты останешься вместе с нами / в женском лагере Равенсбрюке, / в полосатой, как мы, одежде / ты останешься жить во мраке / либо в бункере-одиночке, / либо просто в штрафном бараке* [Матусовский 1982:

370]. Образ *Богоматери*, созданный поэтом, – продолжение православной традиции обращения к *Богородице* в молитвах, надления её милосердным отношением к страдающим, болеющим, ищущим защиту. На наш взгляд, *Мария* в «Голосах Равенсбрюка» – самый пронзительный из созданных Михаилом Матусовским образов *матери*, обращение к изображению *Богородицы* в произведении, созданном в 1972 г., свидетельствует и личном мужестве поэта.

6. Мать лирического героя. Лирический герой – один из способов раскрытия авторского сознания, он является художественным «двойником» автора-поэта, авторскому образу сопутствует особая искренность и «документальность» лирического излияния [Роднянская 1987: 185]. В аспекте соотношения категорий лирический герой – автор-поэт касательно Михаила Матусовского можно говорить об их тождественности. Поэтому, на наш взгляд, самым трогательным, прочувствованным сердцем и стал созданный Матусовским в поэтических произведениях образ *матери* лирического героя, в котором прочитывается облик матери поэта, Эсфири Михайловны, предстающей перед читателем в разных ролях:

1) прежде всего, это женщина, обладающая мудростью, умением помочь нуждающимся в поддержке: *Как заводила на кухне беседу, / Мудро решая любые дела. / Как помогала в несчастье соседу / Словом, деньгами и всем, чем могла. // Как ухитрялась оказывать милость / Так, что спасённый заметить не мог. / Как, не жалея, вещами делилась / С теми, кто наши переступит порог* [Матусовский 2011: 277] – эмпирические факты эстетически претворяются и обобщаются, образ матери приобретает черты нравственного идеала женщины-матери;

2) *мать*, умеющая готовить вкусную еду, щедро готова делиться с другими: *Как кочергой она в печке гремела, / Ставя на пламя чугуны или медь. / Как свои корзиночки делать умела – / Этого вам никогда не суметь; Борец в полведёрной кастрюле варила, / Чтоб человечество всё накормить* [Матусовский 2011: 277]. Полагаем, что здесь прослеживается связь не только с традициями гостеприимства, а и с одним из самых популярных фольклорных мотивов кормления-угощения (*Будет бабушка встречать, //*

внучка кашкой угощать), нашедшим продолжение в литературных произведениях (например, девица из «Сказки о царе Салтане...» А. Пушкина: *Кабы я была царица, – / Говорит одна девица, – / То на весь крещёный мир / Приготовила б я пир*);

3) она изо всех сил помогает сыну, уехавшему учиться в Москву и ведущему очень скучную жизнь: *Хоть денег всегда не хватало, / Не ставил я их ни во что. / Из клетчатого одеяла / Мне мама скроила пальто* [Матусовский 1982: 385].

Автобиографическим является стихотворение «Вернулся я на родину», музыку к которому в 1946 г. создал Марк Фрадкин. Это первая песня на стихи Михаила Матусовского, и здесь автор описал внешний облик матери: *В своей домашней кофточке, в косыночке горошками / Седая, долгожданная меня встречает мать* [Матусовский 1982: 565]. Так доверительно, искренне описанный образ близок и дорог не только для самого писателя, но и для многих фронтовиков, возвратившихся домой. Внешняя незатейливость образа, на наш взгляд, связана с «поэтикой безыскусности». И главным здесь является эпитет *долгожданная*, вобравший в себя чаяния и воевавших, и ждавших с фронта своих родных. В стихотворении «Снова на родине» возвращение в родной город автор сравнивает с приездом в гости к матери: *Снова гудок вокзальный / Слышу на склоне дня, / Будто из дали дальней / Кто-то позвал меня. / Будто я в гости к маме / Прибыл издалека* [Матусовский 1957: 30].

Самые печальные строки связаны с местом упокоения матери: *Спит под Луганском в донецкой могиле / Мама, еврейская мама моя* [Матусовский 2011: 278], используя форму слова *мама*, поэт подчёркивает, как дорога него память о матери: *Как надо бы мне опять / Сыскать переулок милый, / Без спутников постоять / Над маминою могилой* [Матусовский 1982: 252].

Таким образом, в поэтических произведениях Михаила Матусовского создана галерея образов матерей, которые продолжили фольклорные, литературные традиции русской культуры. Образ матери в стихотворениях характеризуют черты, присущие и современницам поэта: умение сопереживать и помогать людям, способность воспитать сыновей-защитников Родины, готовность самим стать на защиту родного края.

Список литературы

1. Васягина, Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян / Н. Н. Васягина // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 6. – С. 138–144. – Библиогр.: с. 143.
2. Кабакова, Г. И. Мать / Г. И. Кабакова // Славян. древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения. – Т. III. – 2004. – С. 203–208. – Библиогр: с. 208.
3. Кириллова, И. Ю. Образ-символ матери в современной драматургии Поволжья (на примере чувашской и марийской литературы) / И. Ю. Кириллова // Уч. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. – 2024. – Т. 46. – № 1. – С. 34–39. – Библиогр.: с. 37. – DOI: 10.15393/uchz.art.2024.988.
4. Короткова, А. И. Концепт «мать» в русском фразеологическом фонде / А. И. Короткова, Н. В. Черникова // Актуальные проблемы образования и воспитания: интеграция теории и практики: материалы Нац. контент-платформы (г. Мичуринск, 12 декабря 2019 г.) / Под общ. ред. Г. В. Коротковой. – Мичуринск : Изд-во Мичуринск. ГАУ, 2019. – С. 271–273. – Библиогр.: с. 273.
5. Матусовский, М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – Москва : Република, 2011. – 304 с.
6. Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни / М. Матусовский. – Москва : Худ. лит., 1982. – 639 с.
7. Матусовский, М. Л. Всё, что мне дорого. Стихи и песни / М. Л. Матусовский. – Москва : Советский писатель, 1957. – 119 с.
8. Матусовский, М. Л. Слушая Москву / М. Л. Матусовский. – Москва : Московский рабочий, 1948. – 179 с.
9. Мелексетян, М. В. Образ матери в русской поэзии XX века: А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Мелексетян Марина Валерьевна. – Москва, 2009. – 26 с.
10. Набигулаева, М. Н. Образ матери в поэзии Расула Гамзатова / М. Н. Набигулаева // Вест. Ин-та языка, лит-ры и иск-ва им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. – 2020. – № 23. – С. 47–54. – Библиогр.: с. 52. – DOI: 10.31029/vestiyali23/7

11. Роднянская, И. Б. Лирический герой / И. Б. Роднянская // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Сов. энцикл., 1987. – С. 185.

12. Серова, А. Д. Лирическая интерпретация образа матери в поэзии Ларисы Васильевой [Электронный ресурс] / А. Д. Серова // Вест. Тамбов. гос. ун-та. – 2015. – № 11 (151). – С. 205–210. – Библиогр.: с. 209. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskaya-interpretatsiya-obraza-materi-v-poezii-larisy-vasilievoj> (дата обращения: 02.05.2025).

13. София Суздальская [Электронный ресурс] // Древо: открытая православная энциклопедия. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/8342.html> (дата обращения: 02.05.2025).

14. Сулейманова, Т. А. Образ матери в творчестве Н. А. Некрасова [Электронный ресурс] / Т. А. Сулейманова, Д. А. Алиматов // ЖАМУнун Жарчысы. – 2022. – № 1. – С. 161–166. Библиогр.: с. 166. – Режим доступа: [https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/JAGUSULEIMANOVAT2022-1\(50\).pdf](https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/JAGUSULEIMANOVAT2022-1(50).pdf) (дата обращения: 02.05.2025).

15. Толстой, Н. И. Богородица / Н. И. Толстой // Славян. древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / Под. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения. – Т. I. – 1995. – С. 217–219. – Библиогр.: с. 219.

УДК 81'37+82.09.08

Евтых Э.И., Рябина А.Г.

*Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, РФ*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ СВОЙСТВО КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

В статье рассматриваются особенности реализации интертекстуальности в креолизованных текстах интернет-мемов. Анализируются основные формы интертекстуальных включений, такие как цитирование, реминисценция,

интерпретация сюжета, языковая игра, пародия. Эффективность интертекстуальности определяется способностью оперативно активизировать различные тексты в сознании реципиентов, создать многослойные смыслы и обеспечить ироничное восприятие исходных произведений.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интернет-мем, креолизированный текст, вербальный элемент, невербальный элемент.*

Evtykh E.I., Ryabinina A.G.
*Kuban State University,
Krasnodar, Russia*

INTERTEXTUALITY AS A KEY PROPERTY OF CREOLIZED TEXTS OF INTERNET MEMES

The article examines the features of the implementation of intertextuality in creolized texts of Internet memes. The main forms of intertextual inclusions are analyzed, such as quoting, reminiscence, plot interpretation, language play, and parody. It has been established that through intertextuality, implemented Internet memes are able to quickly activate various texts in the recipients' minds.

Keywords: *intertextuality, Internet meme, creolized text, verbal element, non-verbal element.*

На сегодняшний день интересным и актуальным направлением для обсуждения являются мемы как интернет-феномены. Особенности их влияния на культурную коммуникацию и на язык пользователей в целом, вызывают большое количество вопросов. Не так давно возникшее явление интернет-мема рассматривается с разных сторон и активно изучается рядом гуманитарных наук, таких как социология, культурология, психология, лингвистика и т. д.

Мемы – это не просто забавные картинки или видео, разлетающиеся по интернету. Они выполняют ряд важных социальных и коммуникативных функций. Во-первых, мемы служат инструментом для выражения эмоций, что позволяет людям кратко и

емко передать свои чувства, будь то радость, грусть, гнев или сарказм. Во-вторых, мемы способствуют формированию и поддержанию групповой идентичности, объединяя людей с общими интересами и ценностями. В-третьих, они выступают в качестве социального комментария, таким образом отражая актуальные события и тенденции, а иногда и критикуя их. Наконец, мемы играют важную роль в распространении информации и идей, часто облекая сложные концепции в доступную и развлекательную форму.

Особый интерес интернет-мемы представляют для лингвистики, поскольку нередко они являются примером смешанных или гибридных текстов, ведь чаще всего представляют собой сложные по структуре образования. Составную форму мемов ученые лингвисты определяют разными терминами, например, Е.П. Карташова и А.Р. Ахмедзянова [Карташова, Ахмедзянова 2019] считают, что мем – вид креолизованного текста. С.В. Канашина [Канашина 2017] выделяет мем как поликодовый текст. О.А. Никитина, О.А. Гудкова, Ф. Зандер [Никитина, Гудкова, Зандер 2018] определяют интернет-мем в качестве мультимодального феномена. Мы остановимся на определении интернет-мема как креолизованного текста. Стоит отметить, что выбор одного термина не подразумевает исключение другого, т.к. рассматриваемые понятия близкие и отражают одно явление с разных ракурсов. Отметим, что «креолизация мема заключается в объединении в себе элементов разных средств коммуникации (вербальных и невербальных): текст (словосочетания, фразы, цитаты), изображения, видео, звуки, GIF-анимацию. Функциональность элементов обеспечивается не простой «склеивкой», а созданием нового значения, часто юмористического или сатирического» [Евтых, Рябина 2024: 94].

Интертекстуальность является ключевым свойством интернет-мемов, представляющим также немалый интерес для ученых. Способность мемов включать отсылки к другим текстам, событиям или личностям, знакомым широкой аудитории, обеспечивает их высокую популярность и распространение.

Е.А. Баженова предлагает определение интертекстуальности как «текстовой категории, отражающей соотношенность одного текста с другими, диалогическое

взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова 2003: 104].

Одной из продуктивных форм проявления интертекстуальности в креолизованных текстах интернет-мемов является использование цитаты из художественных произведений и их экранизаций. В качестве примера¹ можно рассмотреть интернет-мем, в котором воспроизводится реплика персонажа из произведения «Гордость и предубеждение» мистера Дарси: *«Вы пленили мою бедную душу, и я люблю вас. Люблю! Люблю... И с этой минуты не хочу с вами расставаться»*. Следующий кадр представляет нам персонажа мистера Коллинза, занятого трапезой и произносящего: *«Какая великолепная обстановка, а картофель просто отменный. Много лет я не пробовал такого отменного картофеля...»* Дополнительный смысл создается с помощью вербального элемента: *«Выдуманнные персонажи VS Реальные мужчины.»* В данном случае сочетание вербальных и визуального компонентов формирует ироничную интерпретацию персонажей, где мистер Коллинз репрезентируется как более реалистичный мужской архетип по сравнению с романтизированным образом мистера Дарси.

Еще одной разновидностью интертекстуальности, широко используемой в креолизованных текстах интернет-мемов, является реминисценция. Примером² может служить текст: *«Никто: ____ / Героини Ремарка в каждом романе: “Я, наверное, не доживу до лета”»* В данном случае автор мема использует узнаваемый нарративный шаблон, характерный для творчества Эриха Марии Ремарка, где женские персонажи часто сталкиваются с трагической судьбой. Интересным элементом данного мема выступает его невербальный компонент – изображение персонажа Ёжика из анимационного сериала «Смешарики», что создает дополнительный интертекстуальный

---

¹ Для просмотра текста интернет-мема можно перейти по ссылке: <https://photos.app.goo.gl/1tim2hArTcnrVcCW7>

² Для просмотра текста интернет-мема можно перейти по ссылке: <https://photos.app.goo.gl/jZXKZNHTCpSQmWYF8>

пласт, соединяя художественную литературу с массовой культурой и усиливая комический эффект.

Аналогичные механизмы интертекстуального взаимодействия задействованы в интернет-меме ³, отсылающем к произведению Оскара Уайльда *«Портрет Дориана Грея»*. Вербальная часть креолизованного текста гласит: *«Альтернативная вселенная, где Дориан Грей годами сидит на диетах и фигачит в спортзале, не зная, что вместо него худеет портрет в подвале»*. В данном случае автор мема предлагает альтернативную интерпретацию сюжета оригинального произведения. Визуальный элемент представлен изображением Дориана Грея из экранизации романа, что способствует увеличению узнаваемости текста.

Интересный пример интертекстуальности в креолизованных текстах интернет-мемов демонстрирует мем ⁴, основанный на языковой игре и отсылающий к вселенной *«Гарри Поттера»*: *« — Эй, Люциус! Знаешь, что почувствовал Волан-де-Морт, когда поджег Поттера? / — Что? / — Запах гари»*. В данном случае юмористическая составляющая реализуется посредством фонетической омонимии (созвучности имени «Гарри» и существительного «гарь»), что создает каламбурный эффект. Вербальный элемент взаимодействует с визуальным рядом, обеспечивая мгновенную узнаваемость отсылки.

Еще одним примером ⁵ реализации интертекстуальности в креолизованных текстах интернет-мемов является текст, который не только отсылает к произведению Ф.М. Достоевского *«Преступление и наказание»*, но и представляет собой пародийную интерпретацию образа его главного героя — Родиона Раскольникова. Вербальный компонент мема включает структуру диалогического противопоставления: *«Старуха: спокойно доживает свои дни / Какой-то нищий студент,*

---

³ Для просмотра текста интернет-мема можно перейти по ссылке: <https://photos.app.goo.gl/6BULtPR6VhUq5D2P7>

⁴ Для просмотра текста интернет-мема можно перейти по ссылке: <https://photos.app.goo.gl/t98u2dSz1SyUp2av5>

⁵ Для просмотра текста интернет-мема можно перейти по ссылке: <https://photos.app.goo.gl/D2hH7bHJAwj9U87v7>

придумав теорию». Логическое завершение мема представлено визуальным элементом, в котором молодой человек резко наносит удар топором, что эксплицитно отсылает к ключевому эпизоду романа. Дополнительный интертекстуальный пласт формируется за счет включения отрывка из известной научно-популярной телепередачи «Галилео», в котором роль Раскольникова фактически исполняет ее ведущий — Александр Пушкин. Подобная семиотическая контаминация, объединяющая классическую литературу и элементы массовой культуры, усиливает комический эффект мема и повышает его узнаваемость среди широкой аудитории.

Таким образом, креолизованные тексты интернет-мемов демонстрируют различные способы реализации интертекстуальности, включая цитирование, реминисценцию, интерпретацию сюжета, языковую игру и пародию. Современные интернет-мемы часто представляют собой сложные конструкции, основанные на контаминации различных интертекстуальных включений. Их эффективность в интернет-коммуникации определяется способностью оперативно активизировать различные тексты в сознании реципиентов, создать многослойные смыслы и обеспечить ироничное восприятие исходных произведений.

Данная статья может быть использована для дальнейшего изучения мемов как комплексного культурного феномена. Анализ механизмов интертекстуальности в мемах позволяет понять принципы их создания и функционирования, а также оценить их влияние на современную коммуникацию и культуру. Материалы статьи могут быть полезны исследователям в области лингвистики, медиаисследований, социологии и культурологии, а также всем, кто интересуется современными интернет-трендами и эволюцией языка.

Список литературы

1. Баженова, Е. А. Интертекстуальность / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – С. 104.

2. Евтых, Э. И., Рябина, А. Г. Современный интернет-мем как креолизованный текст: специфика построения, основные свойства, прагматика / Э. И. Евтых, А. Г. Рябина // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2024. – С. 93–101.

3. Канашина, С. В. Интернет-мем как поликодовый текст / С. В. Канашина // Языковое бытие человека и этноса. – 2017. – № 19. – С. 106–112.

4. Карташова, Е. П., Ахмедзянова, А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «Человека творящего» / Е. П. Карташова, А. Р. Ахмедзянова // Вестник Марийского государственного университета. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 426–430.

5. Никитина, О. А. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса / О. А. Никитина, О. А. Гудкова, Ф. Зандер // Язык и культура. – 2018. – № 43. – С. 74–87.

УДК 81'42+81'373+82.09

Егоркина О.В.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

СЕМЬЯ В РОМАНАХ «УГРЮМ-РЕКА» И «ТИХИЙ ДОН»

В статье рассматривается концепция семьи в романах «Угрюм-река» В.Я. Шишкова и «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Проводится сопоставительный анализ образов представителей рода Грозовых и Мелеховых. На основе взаимоотношений в семье сделаны выводы о судьбе целого рода.

Ключевые слова: семья, род, метафора реки, образ дома, вера, тип, символ, «Угрюм-река», «Тихий Дон».

Egorkina O.V.

*Scientific supervisor: Sharavin A.V., Doctor of Philology, Professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

FAMILY IN THE NOVELS « GLOOMY RIVER» AND «SILENT DON»

This article examines the concept of family in the novels «Gloomy River» by V.Ya. Shishkov and « Silent Don » by M.A. Sholokhov. A comparative analysis of the characters of the Gromov and Melekhov families is provided. Based on the relationships within the family, conclusions are drawn about the fate of the entire clan.

Keywords: family, clan, river metaphor, image of home, faith, type, symbol, «Gloomy River», « Silent Don».

Роман-хроника «Угрюм-река» и роман-эпопея «Тихий Дон» создавались в один исторический период. В начале 20 века тема семьи в литературе рассматривается в новом ключе. В ходе исторических изменений, изменений ценностей в сознании людей, меняются и отношения в семье. В произведениях 19 века уже намечается распад семьи как важнейшей для человека общины. Примером тому служат семейные хроники «Господа Головлевы», «Братья Карамазовы». В произведениях Шишкова и Шолохова мы можем наблюдать продолжение этого пути.

Прежде, чем приступить к анализу «мысли семейной», следует обратить внимание на названия романов. Можно отметить двойную антитезу «тихий» - «угрюмый» и «Дон» - «река». Эпитет *тихий* показывает внешнее спокойствие, внутреннюю силу и непредсказуемость. В эпиграфе река называется свирепой, что показывает враждебность к тому, кто собирается ее покорить. В противопоставлении мужского и женского начал заметна связь с финалом романа. Но в обоих случаях названия выдвигают на первый план силу, непокорность стихии. Важна сама метафора реки как непрерывного движения жизни: «Так плывут дни по Угрюм-реке, так колеблется вся жизнь людей между берегом и берегом» [4, с. 521].

В центре романа-хроники «Угрюм-река» находится история рода Громовых. Заметим, что фамилия главного героя соотносится с эпитетом «угрюмый» из названия произведения. На протяжении всего повествования возникает мотив проклятья. Петр Данилович ослушивается родителя, забирая клад себе, забывая слова отца о том, что и с потомков его «взыщется» за страшные грехи «...с тебя, с Прошки, со всего кореню нашего...» [3, с. 12]. Неоднократно проклиная сына и Петр. Судьба Прохора – это возмездие за родовые грехи. В финале в его речи также звучит проклятие, создающее кольцевую композицию: «Будь проклято чрево, родившее меня!» [4, с. 551]. Мотив столкновения отца и сына Громовых – воплощение традиционного русского конфликта между отцом и сыном, в том числе проецирующегося и на убийство царственным правителем своего наследника (Иван Грозный и его сын, Петр Первый и царевич Алексей). Данный мотив стал частотным для русской прозы [5], [6].

Отношения в семье Громовых нельзя назвать крепкими. В начале мы еще видим искренние чувства отца и матери к сыну, искреннюю дружбу и любовь. Расчет, жажда наживы, алчность, эгоизм и ревность – вот что является катализатором разложения. Порода Громовых – душегубы: «Душегуб... Ну и хорошая наша порода!» [3, с. 15]. Дед Данило «не одну душу загубил». Петр достает золото, разгребая руками грязь. Прохор добивается материального успеха, убив любимую женщину, предав друга и избавившись от отца.

В портретных характеристиках всех членов семьи Громовых преобладают «звериные» черты: длинная борода, лохматость, орлиные глаза. Все эти характеристики концентрируются в образе Прохора. Он совершенно не похож на способного, стремящегося к знаниям, чувственного юношу, которым предстает в начале. Прохор – это тип дельца, который показан нарочито грубо, снижено: «Да, Прохор Петрович – рвач, хищник, делец в свою пользу» [4, с. 225].

Прохор прямо называет себя преступником, перечисляет свои падения. Текстуально проецируются ассоциации с теорией Раскольников, так как герой также считает, что имеет право: «Тот человек, которого воспоминания о смелом факте могут довести до безумия, не есть человек. Это не более как получеловек;

это, простите, слякоть. А слякоть никогда не в силах совершить поступка, имя которому на лживом языке людей есть преступление. Значит, лишь удел сильного совершать большие преступления» [4, с. 367]. Не раз в образе Прохора подчеркивается inferнальность, причем сниженная: «взлохмаченный, бородатый, как низверженный с неба сатана» [4, с. 159]. Дьявольское начало в нем подкрепляет и сравнение со змеей, аспидом. Чем больше Прохор покоряет реку, тайгу, поработывает людей, тем меньше человеческого в нем остается: «он как бы оглох на оба уха и вконец очерствел сердцем» [4, с. 250]. Прохор – «людоед», он весь в раздвоении. Звериное в нем всегда на дыбах, на стороже.

В финале мы видим разрушение величия Прохора Громова перед смертью: «Лишь бы найти хоть поганенький выход» [4, с. 574]. Эпитет *поганенький* показывает ничтожность положения таежного дельца, «преступника крупного масштаба» в сравнении с жизнью-рекой, которая «текла к океану времен, в беспредельность».

В романе также возникает понятие «громовщина», которое можно истолковать как паразитирующее, разрушающее начало, когда жажда наживы берет верх над духовными отношениями и постепенно разобщает семью и разрушает личность, превращая ее в ненасытного зверя.

Семья Мелеховых предстает в начале сплоченной, неделимой. Несмотря на разногласия, ее члены не теряют духовной связи. У них есть общее дело – труд на благо семьи. Мелеховы – это единый механизм, в котором каждый выполняет индивидуальную функцию. В эту общину начинает проникать «вирус» индивидуализма. Мы видим распад этой семьи на всех уровнях: разрушен дом, погибают родители и дети, отец похоронен вдали от родины, мать умирает одинокой, не дождавшись сына, Наталья лишает права на жизнь нерожденного ребенка, Дуняшка вступает в союз с «врагом», нарушая уклад казачьего бытия, основанный на уважении к старшим.

В образе Григория также преобладают «звериные» черты: волчьи зубы, орлиный нос, дикий вид. Григорий тоже борец и искатель, но стремится он, в отличие от Прохора к правде, «под крылом которой мог бы посогреться всякий».

Обратим внимание на женские образы. Отношение к женщине в этих семьях схоже. В семье Мелеховых материнство олицетворяет Ильинична. Она является хранительнице дома Мелеховых. Ее жизнь загублена работой и жестокостью мужа, но несмотря на это, это сильная и мудрая женщина, она не разделяет людей на «белых» и «красных», для нее важен сам человек: «Ильинична – эта мудрая и гордая старуха – и с места не двинулась». Дети к ней относятся с теплотой, уважают ее как мать. Однако и она в конце остается одинокой: «Она стала лишней в доме, в котором прожила почти всю свою жизнь. Дуняшка с мужем работали так, словно на пустом месте создавали собственное гнездо» [7, с. 635]. Наталья – продолжение линии матери-казачки. И у Ильиничны, и у Натальи подчеркиваются «загубленные от работы руки», обе погибают, отдав себя семье.

В доме Громовых мать не получает ни любви, ни уважения со стороны мужа, напротив, тот увлекается молодой Анфисой, не скрывая свою неверность. Так относится впоследствии к жене и Прохор. Изначально он видит в Нине капитал для своего дела, а затем помеху для него же. Однако перед смертью Прохор вспоминает мать, а «провождает» его к башне Нина.

Тесно связан с темой семьи образ дома и его эволюция. От маленькой хибарки дед Данило «до каких хором своими руками достукался». Отправной точкой является берлога («из берлоги вылез»), которая через «черный труд, чрез плутни, живодерство» становится просторным домом, где затем и живет Петр с семьей. Дом Прохора – это постоянно разрастающаяся резиденция «Громово». Башня «Гляди в оба», окутана ореолом таинственности: «то ли душа чья томится в той жуткой башне». Показная роскошь дома Прохора отсылает к тому, как и отец не зная, куда вложить деньги, «заводил обстановку». Здесь звучит мотив переселения: разрушение старого дома в селе Медведево и воздвижение башни на месте сгоревшей хибарки в тайге символизирует уход от рода. Однако меняя место жительства, Прохор не меняет образ жизни, который вели его предки – он забирает с собой жителей села, как и отец, ведет разгульную жизнь, перенасыщаясь материальными благами, сходит с ума, предчувствует возмездие: «А Прохору снова почудилось: за спиной его кто-то топчется, дышит огнем и

смадом...»[4, с. 369]. Это преследует Прохора родовое проклятье, довлеющее над ним всю жизнь.

Дом Мелеховых возведен над берегом, он находится на границе старого и нового, его занимают то красные, то белые. Дом в «Тихом Доне» является традиционным образом дома-ковчега, символизирующий и в материальном, и в духовном плане силу, сохраняющую все сущее и гарантирующую его возрождение. [2, с. 13] В конце романа дом Мелеховых разрушен, как и семья: Петр погиб, Дарья покончила с собой, Пантелей Прокофьевич больше не глава семьи, Наталья умерла, хозяйство разрушено и так далее – всё это этапы постепенного крушения того, что в начале романа связывало семью. Но Григорий возвращается к тому, что раньше было домом, что дает надежду на возрождение семейных и национальных традиций.

Важно обратить внимание на то, какое значение вера имеет для каждого поколения. Мелеховы – традиционная казацкая семья, вера для них является жизненной опорой. Однако, если для старшего поколения религиозные устои нерушимы, то для младшего они носят формальный характер и не спасают героев от греха. Примером тому служит связь Аксиньи и Григория, измены и самоубийство Дарьи, преднамеренный аборт Натальи. В семье Громовых, напротив, члены старшего поколения не обладают искренней верой. Дед Данило надеется откупиться от земных грехов: «Бедным... Богаделенку построй какую...» [3, с. 12], Петр Громов, раскапывая клад, лишь от страха вспоминает о Боге. Иное отношение к христианским ценностям имеет главный герой Прохор. Религиозное чувство в его душе эволюционирует от веры к неверию, к утрате Бога в душе, к скатыванию в безумие под гнетом совершенных преступлений. [1, с. 5] «Я, сегодняшний, ничему не верю, ничему не верю: нет в мире того, чему можно бы поверить. Достоверна лишь смерть... я верю только в смерть, только в смерть, как в избавительницу от всякого неверия» [4, с. 550] - подводит итог своей жизни герой. Символично, что дочь Нины и Прохора зовут Вера, ведь отец безразличен к ребенку.

Таким образом, мы видим распад семьи, как духовного объединения, ослабевание родственных связей вследствие влия-

ния исторических событий и преобладания личного над семейным. Если в «Тихом Доне» показано физическое вырождение рода, то в «Угрюм-реке» – это нравственная смерть членов семьи. В романе Шолохова один за одним уходят представители рода Мелеховых: «... смерть возлюбила их курень», а на пепелище остается лишь Григорий с сыном: «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром» [7, с. 779]. У Шишкова погибают члены семейства Громовых. Остается лишь дочь и жена Нина, которая бросает все свои «глупые затеи» и решает продолжать дело мужа, что символизирует победу материального над духовным.

Список литературы

1. Скаковская, Л. Н Концептосфера Романа В. Я. Шишкова «Угрюм-Река» / Л. Н. Скаковская // Вестник Тверского государственного университета. – 2015 . – № 3. – С. 101–107.
2. Цыценко, И. И. Концепция Семьи в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон»: специальность 10.01.01 «Русская литература»: Автореферат на соискание кандидата филологических наук / И.И. Цыценко; Московский государственный педагогический университет им. М А Шолохова. – Москва, 2005. – 32 с.
3. Шишков, В. Собрание сочинений в восьми томах / В. Шишков. – Том 4. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 529 с.
4. Шишков, В. Собрание сочинений в восьми томах / В. Шишков. – Том 5. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 593 с.
5. Шаравин, А. В. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 135–143.
6. Шаравин, А. В. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья вторая / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 144–150.

7. Шолохов, М. А. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Кн. 3 и 4 / М. Шолохов. – Москва : Художественная литература, 1968. – 794 с.

УДК 82-1

Жиляков С.В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал),
Старый Оскол, Россия*

**ОБРАЗНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО КАК ЖАНРООБУСЛОВЛИ-
ВАЮЩИЙ ФАКТОР СТИХОТВОРНОГО «ВОСПОМИНАНИЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX – XX ВЕКОВ)**

В статье на материале русской лирики XIX – XX веков предполагается исследовать образно-лингвистические компоненты стихотворного «воспоминания» с целью выявления на основе проведенного анализа присутствия в нем семантических констант, которые выступают жанрообуславливающим фактором, идентифицирующим жанр в качестве обладателя самостоятельной поэтики.

Ключевые слова: жанр, стихотворное «воспоминание», образ, слово, компонент, поэзия.

Zhilyakov S.V.

*Belgorod national research state University,
branch in Stary Oskol, Stary Oskol, Russia*

**FIGURATIVE AND LINGUISTIC COMPONENTS OF THE ARTIS-
TIC WHOLE AS A GENRE-DETERMINING FACTOR OF POETIC
“MEMORY” (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN POETRY
OF THE 19TH – 20TH CENTURIES)**

The article, based on the material of Russian lyrics of the 19th – 20th centuries, proposes to study the figurative and linguistic components of poetic “memories” with the aim of identifying, on the basis of the conducted analysis, the presence of semantic constants in

it, which act as a genre-determining factor identifying the genre as the owner of independent poetics.

Keywords: *genre, poetic "memory", image, word, component, poetry.*

Всякий текст, в том числе литературный, как система (сплетение) знаков и смыслов, обладает свойством эмерджентности (от англ. *emergent* – «возникающий внезапно, неожиданно появляющийся»), проявляющейся в том, что любое целое больше совокупности (суммы) частей, ее составляющих. Эмерджентность всегда фактически противится анализу, пытаясь вынести его за скобки в качестве факультативного метода исследования. Однако творческое сознание, напротив, стремится преодолеть оболочку всякого целого, заглянуть вглубь структуры, увидеть внешне непроявленную сторону, достичь недр изнанки, импонирующей ему, сознанию, своей потаенностью и постоянной непроницаемостью, несмотря на понимание наличного его существования.

В применении данного положения к литературе, можно сказать, что жанровый анализ подразумевает, прежде всего, погружение в потаенные глубины художественного целого без последствий анатомического разрушения его организации, сохраняющей ткань эстетического единства структуры, состоящей из органичной взаимосвязи определенных элементов. В роли последних могут выступать образно-лингвистические компоненты – те текстовые константы, без наличия которых вряд ли возникнет формосодержательное и идейно-тематическое единство текста, который в самом общем приближении называется художественным произведением литературы. Повторяемость и тиражированность этих компонентов структуры из произведения в произведение, от автора к автору, особенно в период литературы «рефлексивного традиционализма», консервирующего нормо-каноническое единство художественного целого, отвечает основному требованию литературного жанра – выразителя и носителя определенного мировоззрения (в лирике – мироотношения, согласно С.И. Ермоленко), – выработанное с помощью типического высказывания, чья устойчивость обусловлена не только темой и композицией, но еще и стилем [Бахтин 1997: 159], неотъемлемым

признаком которого, безусловно, является слово, воплощенное в художественном образе.

Жанр литературный как типическое и устойчивое высказывание обладает рядом специфических требований художественности, названных исследователями факторами – жанрообуславливающими, жанроформирующими и жанрообразующими [Головко 2015: 68 – 74]. Художественный образ, выраженный поэтическим словом, является строительным материалом (элементом) для идейно-тематического единства произведения, напрямую соотносящегося с жанровым содержанием, и относится к факторам жанрообуславливания, представляющего «как область художественного опыта («жизненный мир» жанра), предшествующего субъект-объектным отношениям, которые реализуются в процессе эстетического познания (создания произведения в жаровой парадигме)» [Головко 2009: 139]. И по этой причине он, художественный образ – выразитель эстетического мировоззрения, вместе с лингвистическими единицами (словами), так сказать генуинно принадлежит жанровой архаике – ядерному принципу, участвующему в жанровой конструкции.

В этой связи предполагается, что стихотворное «воспоминание», в качестве жанра воспроизводящее относительно постоянный миробраз, должно уже на доопытном уровне обнаруживать в своем содержании типичный набор признаков (образно-лингвистических средств), по которым оно маркируется.

Стихотворное «воспоминание», эмансипировавшись от материнского жанра элегии в результате наметившегося в нем кризиса в 1820-ых годах XIX века [Зырянов 1999: 5], вызванного разрушением прежней целостности жанра присущей генетически ему эстетической двойственностью [Вацуру 1994: 17 – 18], [Зырянов 2003: 111], обрело достаточный уровень самостоятельности (хотя и сохранило некоторые элегические приметы, к примеру, медитативное одиночество), временно трансформировавшись в элегию-воспоминание (В.И. Козлов), а затем и вовсе в отдельную жанровую форму с двумя очевидными атрибутами – типично-устойчивым номинативом и анамнестическим принципом рефлексии, подчиняющим себе, подобно императиву речевого акта, все поэтическое высказывание целиком. Ускоряет этот объ-

ективный исторический процесс интенсификация мотива идиллии и иных жанровых элементов. Нижеприведенные примеры могут служить подтверждением этой идеи о жанровой автономности стихотворного «воспоминания».

Присутствие мотива идиллии, который разворачивается в жанровую концепцию, противостоящую урбанистическому мирообразу, формирует в пределах рефлексии «воспоминания» пространственные контуры родного дома, определяемые перформативом очага, умиротворенности в неизменной обстановке тишины [Тюпа 2012: 21 – 22].

Интересно, что внутреннее убранство и уют дома (*locus amoenus* – «приятный уголок», по Э.Р. Курциусу) в «воспоминании» встречаются как отдельно и обособленно от около(внешне)домового локуса, так и вписываются в него, растворяясь в нем, даже противостоя ему. Обо всем по порядку.

Третий вариант соотношения внутреннего (идиллической миромодели) внешнему (природному окружению) находим в «Воспоминании» (1831) Ф.Н. Глинки. Пейзаж, на фоне которого разворачивается воспоминание о крестьянских трудовых буднях, замещает собой внутридомовой уют, становится композиционно-тематическим контуром жанра. В этой связи визуализированный метод описания доминирует в виде образно-лингвистических средств изображения природного блаженства.

Вектор лирической рефлексии, влекомый какой-то внутренней ретроспективной ностальгией и ощущением умиротворенности, находит пристанище в природной красоте родных и дорогих сердцу мест, как бы вторит детскому томлению души по прекрасному. В результате перед читателем разворачивается целая галерея вегетативных образов, ассоциирующихся с жизненной энергией, в центре которой водно-световая стихия:

Я вспоминаю *сенокосы*
На свежих, ровных берегах,
Где *зной дневной* сменяют *росы*;
И крупный *жемчуг* на *лугах*
Блестит под желтою луною;
И ходит *ковшик* пировой
Между веселыми косцами... [Глинка 1949: 123]

Повсюду царит полная гармония человека и природы, не нарушаемая урбанистической антитезой:

Вдали заботен темный город,

Но на покосах шелковых

Всяк *беззаботен*, бодр и молод

Под звуком песен удалых. [Глинка 1949: 123 – 124]

Второй вариант репрезентации отношения «внешнего-внутреннего» показан в «Воспоминании» (1995) И. Бродского. Идиллическая картина, *гармонически правильно вписана* в урбанистический пейзаж при помощи следующей метафоры, напоминающей стиль английского поэта-метафизика Дж. Донна: «*Дом был прыжком геометрии* в глухонемую зелень / парка, чьи праздные статуи, как бросившие ключи жильцы, слонялись в аллеях, оставшихся от извилин...» [Бродский 2018: 619]. Она настолько притягивает своей душевной теплотой и заботой родительского дома, что образная система стихотворения находится как будто в застывшем состоянии прошлого, словно приглашает к ретроспективному путешествию во времени. В приведенном отрывке произведения находится констелляция образов, сочетающая в себе семантику вегетации, умиротворенного искусства, органично взаимодействующие с миром цивилизации. В основании такого взаимодействия лежит тотальная *тишина* памяти, проникающая, но не беспокоящая внутреннее (дом) и внешнее (придворовая территория) пространство родных пределов:

Но шторы были опущены. Крупнозернистый гравий,
похрустывая осторожно, свидетельствовал не о
присутствии постороннего, но торжестве махровой
безадресности, окрестностям доставшейся от него.

[Бродский 2018: 619]

Образно-ассоциативные концепты дома, выраженные *бесшумностью, опущенными шторами*, приятностью зеленого цвета *листвы*, указывают на пасторально-идиллическое мироощущение, которое руководит воспоминанием лирического «я». Оно полностью захватывает его сознание. Интересно, что образ дома – архетипический и потому симптоматичный для «воспоминания», предварительно фигурирует в эпиграфе, взятом из стихотворения Ш. Бодлера без названия («Я не забыл наш белый дом в

предместье, / Маленький, но безмятежный»), также окруженный коннотациями душевной успокоенности.

По контрасту с идиллическими картинами в «воспоминании», если оно вызвано тревожными переживаниями исторических или иных событий, возникает балладное ощущение страха перед неизведанным будущим – оно противостоит идиллическому ощущению гармоничной полноты мира. При этом, что логично, меняется и в целом описание прошлого, оно представляется в окружении зимнего состояния природы. Так, визуальный ряд зимнего урбанистического пейзажа предвещает балладную тревогу, вызванную ожиданием динамичных социальных потрясений в «Воспоминании» (1924) С.А. Есенина:

Я помню жуткий

Снежный день.

Его я видел мутным взглядом.

Железная витала тень

«Над омраченным Петроградом» [Есенин 2004: 199]

Помимо того, что балладное начало оттеняется звуковым рядом шипящих (*жуткий, снежный, железная*), живописующим жгуче-брутальное (*ужасное*) состояние атмосферы, царившей в те дни над Северной столицей. Смыслостроение баллады происходит из генетического антагонизма перформативу идиллии, корреспондирующего с антонимичной семантической связкой «шум – тишина», улавливаемой указанным сквозным звуко-сим-волизмом.

На игре противопоставлений концептов «внутреннего – внешнему», отражающих разницу идиллического и балладного, построено «Воспоминание» (1911 – 1912) Есенина. Поэтика антитезы, синтаксически иллюстрированная противительным союзом «а», видна с первой строфы:

За окном, у ворот

Вьюга завывает,

А на печке старик

Юность вспоминает. [Есенин 2004: 12]

Очевиден тот же набор образно-лингвистических маркеров, обрамляющих хронотоп родного крова (его границы четко очерчены индексами «за окном», «у ворот»), инспирирующий

собственно лирическую рефлексию жанра «воспоминания», участие в которой принимают балладный миробраз, сотканный из сочетания *за окном, у ворот вьюга завывает*; идиллический миробраз, индексируемый сочетаниями *на печке* (трансформация архаического очага), *вспоминает*.

Показательно (возвращаясь к «Воспоминанию» 1924 года Есенина), что эти же околореволюционные события вызывают сходные чувства страшных испытаний в восприятии лирического «я» в «Воспоминании» (1917) И.А. Бунина. Контраст балладного и идиллического распределяется на композиционно-топосном уровне следующим образом. Идиллическому началу соответствует внутреннее пространство дома, озаряемое светом, исходящим из метонимии домашнего очага в образе свечи, оно занимает две первые строки; балладное же соотносится с *задомовым* ночным пейзажем (заклучительная пара стихов), таящим в себе непроизвольное волнение:

Золотыми цветут остриями

У кровати полночные свечи.

За открытым окном, в черной яме,

Шепчет сад беспокойные речи. [Бунин 1987: 353]

Лексический набор слов, антагонически коррелирующий с интерьером (*золотыми, кровати, свечи*) и экстерьером (*черной, яме, беспокойные, ночи*), еще ярче подчеркивает фонически и интонационно их диалектическое единство, используя в строках ряд ‘колыбельных’ звуков (о, у, ы, е).

Чуть ранее написанное «Воспоминание» (1909) Н.С. Гумилева репрезентирует балладный мотив тревоги перед неизвестностью, приходящей к лирическому герою из внешнего мира, находящегося за стенами родного крова, играющего (‘по законам идиллии’) защитную функцию: «Ты прислоняешься к стене, / А в сердце ужас и тревога. / Так страшно слышать в тишине. / Шаги неведомого бога» [Гумилев 1991а: 355]. Все же и он перемежается с образами ночи, сна, в который погружено волнующееся сердце. (Заметим, элегический образ ночи, одиночества – обстоятельства, способствующие ретроспективной рефлексии, исполненной в исповедальной модальности, задал еще А.С. Пушкин, от которого генетически («Воспоминание», 1828) ведет свою хронологию жанр стихотворного «воспоминания».) Естественно, что

состояние душевного анахоретства влечет за собой в текстуальное пространство соответствующие лингвистические концепты – покинутости, мистичности и проч. (Кстати сказать, в числе основных принципов, отличающих акмеизм от символизма, Н.С. Гумилев называет таинственность. «Всегда помнить о *непознаваемости*», но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма» [Гумилев 1991б: 19].)

Наконец, обособление идиллического мотива, тематикообразующего «воспоминание», встречается в стихотворении «Я помню счастливые годы...» (1853) И.С. Никитина. Отрадно-восторженное и в то же время умиротворенно-радостное описание природы, предстающее в отроческом взгляде наблюдателя из окна дома, занимает большую часть произведения, становится ведущей темой:

С какую *детскою отрадой*
Глядел я на *кудрявый лес*,
Весенней дышащий прохладой,
На свод *сияющих небес*... [Никитин 1965: 103]

Несмотря на то, что беззаботному миру детства, отождествленному с природной гармонией, суждено в скором времени столкнуться с жизненной нуждой, воспоминания о нем наиболее предпочтительны и ценны для лирического «я».

Генетически обязанные элегии «воспоминание» перенимает целый строй стилистических примет, объединенных печальной томительностью, тоской, окружающей лирического субъекта в его медитативном локусе – доме. В «Воспоминанье» (1839) Е.П. Растопчиной «Но вам являлась ли она, / Раздумья томного полна, / В *тоске тревожной и смятенной*...» [Растопчина 1986: 103] рисуется ситуация обреченного на одиночество субъекта, погруженного в тягостные раздумья (лирическая ситуация подчеркиваются анафорическими предложными повторами «Когда») о смертном итоге, перемежаемые радужными мечтами: «*Когда с прелестных черных глаз / Слеза жемчужная струится... / Когда змеєю вороной / Коса от плеч к ногам ложится... / Когда мечта ее стремится / В мир лучший, в мир ее родной, / Где обретет она покой, / Иль в тесный гроб, иль в *склеп могильный*...*» [Растоп-

чина 1986: 103]. Череда образов, ассоциативно связанных с возвышенными мечтами (мир лучший, мир родной) приземляется скоротечностью жизни – и в этом противоречии раскрывается настоящему неподдельная натура главной героини произведения. Примечательным образом имманентное и трансцендентное сосредоточенно и целенаправленно пересекаются в процессе воспоминания, диалектически сглаживая противоречия возможного (мир грез) и необходимого (топос смерти), представленные в обстановке одиночества, располагающей к представлению указанных образов-концептов. Думается, поэтому, здесь элегия заключает с «воспоминанием» паритет, который задается, скорее, художественной необходимостью коллизии, контурно намечающей иное – поэзное начало, вернее, эскизно представляющей переход от лирической к лиро-эпической форме.

Примечательно, что, если и не смертная интенция лирического сознания оказывается доминирующей в расширенном формате «воспоминания» – поэме «Блудный сын» Н.С. Гумилева, то и она не лишена идиллического мироощущения, воспроизводящего архетипический ветхозаветный сюжет с вытекающей из него идеей возвращения к райской умиротворенности отчего дома, могущей трактоваться как возвращение к самому себе (эта экзистенциальная реверсивность подчеркивается анафорическими указательными союзами), к той первоначальной предначертанной связи с Богом («И в горечи сердце находит уладу: / *Вот* сад, но к нему подойти я не смею, / Я помню... мне было три года... по саду... // За садом возносятся гордые своды, / *Вот* дом – это дедов моих пепелище...») [Гумилев 1991а: 151–152]). Показательно и отнюдь неслучайно в данном анамнестическом контексте, что В.И. Тюпа данное произведение возводит к началу неотрадиционализма в литературе [Тюпа 1998: 97], оно, действительно, реанимирует экзистенциально нагруженные образы ‘классического’ «воспоминания» (сад, дом, состояние сердечной отрады и проч.). Именно этот аспект реконструкции классического сюжета с сопровождающим его образно-лингвистической, во многом идиллической, структурой становится решающим в жанровом определении поэмы.

Таким образом, проведенный анализ образцов мнемонического жанра «воспоминания» позволил прийти к расширенному

пониманию образно-содержательного и структурно-тематического аспектов его художественного целого. Лингвистические маркеры (слова), складывающиеся в художественный образ и репрезентирующие в разной комбинации сочетания мотива идиллии (репрезентанты – ностальгия, блаженство на фоне природы, вегетативная семантика, описание природы (сада), световая стихия), а также баллады (концепты – тревога, волнение, страх, зимняя стужа и проч.), могут свидетельствовать о том, что в структуро-сложении стихотворного «воспоминания» принимают участие оба жанра. При этом основной (стержневой) лексемой «воспоминания» является дом, околodomовое (экстерьер и интерьер) пространство, в котором репродуцируется главная идея или к которому направлено лирическое сознание субъекта, включающее в себя соответствующий ретроспективный эмоционально-ассоциативный фон. Он часто наполняется лексемами, несущими концептуальные значения «ночного мира» (одиночество, томление, мечтание), которые сохранили генетическую преемственность элегии, непосредственно участвующей в происхождении изучаемого жанра. Однако, бесспорно, траурно-мортальная модальность элегии, направленная на предощущение смерти («memento mori»), в «воспоминании» преодолевается именно в достижении эстетической ценности самого психологического акта воспоминания, призванного, скорее, насладиться тем ностальгическим (идиллическим) опытом прошлого, неподдельно заряжающим позитивной энергией лирического субъекта – актанта поэтического высказывания.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – Москва : Русские словари, 1997. – С. 159–286.
2. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 880 с.
3. Бунин, И. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. I. Стихотворения, 1888 – 1952; Переводы / Под ред. Ю. Бондарева и др. – Москва : Художественная литература, 1987. – 687 с.

4. Вацуро, В. Э. Лирика пушкинской поры / В. Э. Вацуро. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 241 с.

5. Глинка, Ф. Н. Избранное / Ф. Н. Глинка / Подг. текст. В.Г. Базанова. – Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1949. – 489 с.

6. Головкин, В. М. Герменевтика литературного жанра [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В. М. Головкин. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2015. – 184 с.

7. Головкин, В. М. Понимающий потенциал литературного жанра как проблема теоретической поэтики М. М. Бахтина / В. М. Головкин // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 136–140.

8. Гумилев, Н. С. Сочинения : в 3 т. Т. I. Стихотворения; Поэмы Н. С. Гумилев / Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. – Москва : Худож. лит., 1991. – 590 с.

9. Гумилев, Н. С. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилев / Подгот. текста, примеч. Р. Тищенко. – Москва : Худож. лит., 1991. – 430 с.

10. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 4. / С. А. Есенин. – изд. 2-е. – Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / Сост., подгот. текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – 544 с.

11. Зырянов, О. В. Пушкинская феноменология элегического жанра / О. В. Зырянов // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 11. – С. 5–12.

12. Зырянов, О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 548 с.

13. Никитин, И. С. Полное собрание стихотворений / И. С. Никитин. – Москва : Советский писатель, 1965. – 616 с.

14. Ростопчина, Е. П. Стихотворения Проза. Письма / Е. П. Ростопчина / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Романова. – Москва : Сов. Россия, 1986. – 448 с.

15. Тюпа, В. И. Генеалогия лирических жанров / В. И. Тюпа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 8–31.

16. Тюпа, В. И. Постсимволизм. Теоретические очерки истории русской поэзии XX века / В. И. Тюпа. – Самара : Сенсоры. Модули. Системы, 1998. – 155 с.

УДК 81'42+82-3

Закирова О.В.

Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Елабуга, РФ

ОБ АСЕМАНТИЧНОСТИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАСНЫХ ГЛАГОЛА

Настоящая статья посвящена вопросам асемантичности тематических элементов в структуре производной глагольной основы. Цель работы – рассмотреть причины отсутствия значения у ряда тематических гласных. Исследование показало, что к одной из причин десемантизации тематических гласных глагола можно отнести утрату глагольными основами соответствующих производящих слов.

Ключевые слова: *тематические гласные, асемантичность, производная основа, основа глагола, десемантизация.*

Zakirova O.V.

*Yelabuga Institute (branch) of the Kazan (Volga Region)
Federal University, Yelabuga, Russia*

ON THE ASEMBLYNESS OF THE THEMATIC VOWELS OF THE VERB

This article is devoted to the issues of the asemaniticism of the thematic elements in the structure of the non-derivative verb base. The purpose of the work is to consider the reasons for the lack of meaning in a number of thematic vowels. The study showed that one of the reasons for the desemantization of the thematic vowels of the verb can be attributed to the loss of the verb bases of the corresponding generating words.

Keywords: *thematic vowels, asementicism, non-derivative base, verb base, desemantization.*

В ряду асемантических элементов в морфемной структуре слова, неоднократно становившихся объектом изучения (Голев 2012, Земская 2004, Кукушкина 2008 и др.) особое место занимают так называемые тематические гласные глагола в основе инфинитива, которые незаслуженно, на наш взгляд, обделены вниманием исследователей.

Известно, что тематические гласные «различаются по выполняемым функциям» (Немченко 1984, с.43). Одни могут выполнять словообразовательную и формообразующую функции и обладать соответственно, словообразовательным или грамматическим значением, а значит, являться полноценными аффиксами. Например, суффикс *-и-* со значением ‘производить действие с помощью предмета, названного в производящей основе’ (сверл-о – сверл-и-ть, мотыг-а – мотыж-и-ть, уют-о – уют-и-ть), или суффикс *-а-* со значением несовершенного вида в глаголах, образованных путём имперфективации (исчезнуть – исчез-а-ть, лишить – лиш-а-ть).

Другие тематические гласные лишены значения, но по форме тождественны указанным суффиксам. Рассмотрим соотношение непроизводного глагола и его исторически производящей основы на примере некоторых глаголов с асемантическими элементами с опорой на «Этимологический словарь русского языка» М.Фасмера (далее Фасмер) и «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (далее ЭССЯ). Сопоставим производные и непроизводные глаголы со сходными по форме компонентами в структуре основы инфинитива

Сравним глаголы бел-и-ть и люб-и-ть. Тематическая гласная *-и-* в глаголе бел-и-ть имеет значение /

‘наделять объект свойством, названным в производящей основе’, которое устанавливается путём сопоставления семантики производной основы бел-и-ть и производящей основы белый (словообразовательный тип: румянить, пьянить и др.) [Грамматика 80, с.334]. Установить значение идентичной тематической гласной в глаголе люб-и-ть не представляется возможным по причине непроизводности основы. Однако этимология слова

свидетельствует, что глагол любить восходит к старославянскому любити, который в свою очередь, по мнению многих исследователей, является производным от прилагательного любь ‘милый, приятный’ [Фасмер 1986: 584; ЭССЯ 15: 176 – 181]. Таким образом, установление исторических отношений производности слова любить с прилагательным любь указывает на то, что асемантический компонент основы -и- был раньше словообразовательным суффиксом и обладал значением ‘наделять объект свойством, названным в производящей основе’, как аффикс -и- в глаголе белить. Поскольку прилагательное любь выпало из словарного состава языка, то утратились семантические связи с исторически производящим словом и суффикс -и- превратился в асемантический компонент основы слова.

Рассмотрим глаголы дым-и-ть и кур-и-ть. Основа глагола дым-и-ть, будучи производной от существительного дым, вычленяет в своей структуре словообразовательный суффикс -и-, который передает значение ‘выделять, испускать то, что названо мотивирующим существительным’ (глаголы входящие в тот же словообразовательный тип: чадить, коптить, искрить и др.) [Грамматика 80: 334]. А основа глагола кур-и-ть относится к непроемному, поскольку существительное курь ‘дым, чад’ вышло из употребления [ЭССЯ 13: 123 – 130]. Утрата соответствующего производящего привела к десемантизации её структурного компонента -и-.

В отдельных случаях трудно определить, каким значением обладала асемантическая морфема, или значение формулируется предельно обобщенно, как, например, в глаголе кус-а-ть, восходящему к существительному кусь ‘кусок, ломоть’ [ЭССЯ 12: 65-67], и в глаголе дел-а-ть, производящей базой которому послужило слово дело ‘деятельность’ [ЭССЯ 5: 7]. В основах указанных инфинитивов утраченное значение тематической гласной -а- может быть соотнесено с неотчетливо выраженным значением суффикса -а- в производных глаголах, называющих ‘действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’ (обед – обедать, ужин – ужинать, свет – светать, петля – петлять и др.) [Грамматика – 80, с.345].

При наличии у производящего нескольких значений семантика тематической гласной будет различной. Слово леч-и-ть, образованное от существительного лека, обозначало и лекарство, и лечение, и способ лечения [ЭССЯ 14: 192]. При условии истолкования данного глагола посредством существительного лека ‘лекарство’, семантика тематической гласной -и- приближена к значению ‘наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным’ подобно глаголам страш-и-ть, смеш-и-ть и др. В ином случае семантика -и- будет такой же, как семантика компонента -а- в основе инфинитива кус-а-ть.

Таким образом, в рассмотренных примерах процесс десематизации тематических гласных напрямую связан с демотивацией основ глагола: в случаях, когда происходит архаизация или полное отмирание соответствующих производящих слов, тематическая гласная утрачивает семантику и теряет способности выполнять словообразовательную и формообразующую функции, при этом основа инфинитива продолжает оставаться членимой.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 1: Роль фактора регулярности / Н. Д. Голев // Вестник КемГУ. 2012. – № 2 (50). – С. 123–127.
2. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – Москва : Языки слав. культуры, 2004. – 893 с.
3. Кукушкина, О. В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфонологии / О. В. Кукушкина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. – № 5. С. 9 – 29.
4. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – Высшая школа, 1984. – 255 с.
5. Русская грамматика. В 2 томах / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – Москва : Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.

7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: Вып. 5 (*dělo — *dyǝzъlъ). – Москва : Наука, 1978. – 232 с.

8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст]: Вып. 12 (**kouľkъ — *kroma / *kromъ). – Москва : Наука, 1985. – 186 с.

9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст]: Вып. 13 (*kroměžirъ — *kužiti). – Москва : Наука, 1987а. – 285 с.

10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст]: Вып. 14 (*labati — *lěterlъjъ). – Москва : Наука, 1987б. – 344 с.

11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст]: Вып. 15 (*letina – *loкась). – Москва : Наука, 1988. – 264 с.

УДК 81'373+81'371+81'42

Золотых Л.Г.

Сычуаньский университет, г. Чэнду, Китай

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ВЕКТОРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Статья направлена на обоснование значимости лингвокультуры в процессе отражения ценностного мира народов России конца XX – начала XXI веков. Выявлены и рассмотрены некоторые направления эволюции лингвокультуры России выделенного периода в рамках взаимодействия научных парадигм лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: лингвокультура, русский язык, языковая ситуация, когнитивно-дискурсивный подход, ценность.

**COGNITIVE-DISCURSIVE VECTORS OF RUSSIAN
LINGUOCULTURE IN THE LATE 20TH AND
EARLY 21ST CENTURIES**

The article explores the pivotal role of linguoculture in shaping and reflecting the value systems of the peoples of Russia during the late 20th and early 21st centuries. It identifies and analyzes key trends in the evolution of Russian linguoculture throughout this period, drawing on the interplay between the theoretical frameworks of linguoculturology and cognitive linguistics.

Keywords: *linguoculture, Russian language, linguistic landscape, cognitive-discursive approach, values.*

Работа с иностранными студентами обостряет внимание не только к лингвистическим явлениям русского языка, но требует, как известно, от преподавателя страноведческой и лингвокультурной эрудиции. Процесс преподавания русского языка во внеязыковой аудитории координирует направленность страноведческой и лингвокультурной информации в зависимости как от объективных факторов (строгое идеологическое вето со стороны руководства на определённые темы), так и субъективных (уровень знания русского языка студентами). Когда началась моя профессиональная деятельность в Китае, количество вопросов не только от студентов, но самой себе значительно увеличилось.

Большое видится на расстоянии... Известная фраза с глубоким смыслом, которая достойна стать одним из объектов исследования лингвокультуры. В литературоведческих исследованиях и сегодня находят новые дискурсивные интерпретации этой строке из стихотворения Сергея Есенина «Письмо к женщине». А в лингвистических работах эта цитата осмысливается в ряду прецедентных высказываний, крылатых выражений, образных слов и т.п., употребление в различных контекстах.

В моём сознании произошла смысловая актуализация выражения «*большое видится на расстоянии*» в 2016 г. под влиянием ситуации, когда я прочитала более 60 бакалаврских сочинений студентов выпускного курса китайского вуза, выданных мне

не проверку. Многие фразы, с одной стороны, сильно «царапали» моё национальное самосознание. Никак не могла я согласиться с высокой частотностью оценки водки в жизни русского человека, а следовательно, и с такими выводами, как «Россия знакома китайскому народу, она представляет древнюю культуру водки. <...> Когда водка соединяется с культурой, она становится своеобразным культурным и политическим символом». Ещё неприятнее было читать в некоторых работах, что «русские женщины очень красивые, поэтому все они <...>» имеют отношение к древнейшей женской профессии. В то время я не могла ответить на вопросы: Что это? Ложные стереотипы? Отсутствие страноведческой компетенции? Незнание культуры страны изучаемого языка? И возникали классические вопросы: Кто виноват? и Что делать? И ответ: студенты не знают / плохо знают новую Россию.

Начало работы в Сычуаньском университете (Чэнду) в 2017–2018 учебном году стало новым этапом в моей педагогике сотрудничества уже на международном уровне. Мои китайские студенты, выросшие в своей культурной и идеологической среде и получающие огромный поток информации об истории и современности России из Сети (нередко фейковой), и я, как представитель двух российских эпох – советской и современной демократической, анализируем, спорим, аргументируем. Почти все мои студенты были в России: кто на учебной стажировке, кто в ежегодно организуемых факультетом русского языка Института иностранных языков Сычуаньского университета летних и зимних языковых школах в СПбГУ, МГУ, Казанском и других российских университетах. И эти поездки порождают у студентов новые вопросы, которые требуют объективных комментариев и аргументации представителя русской лингвокультуры. Пытливые умы моих китайских студентов, вопросы китайских коллег Сычуаньского университета предопределили когнитивно-дискурсивный подход в осмыслении такого понятия, как ‘лингвокультура’, в рамках взаимодействия научных парадигм лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной семантики, истории, политологии, культуры и обоснование значимости лингвокультуры в процессе отражения ценностного мира народов России конца XX – начала XXI веков.

Существенные изменения современной языковой ситуации в России детерминированы интеграцией идеологических, политических, экономических, социальных, культурных, образовательных изменений, вызванными реформами перестройки (1985–1991 гг.) и последующим распадом СССР 26 декабря 1991 г. Активизация различных процессов в русском языке (демократизация, неологизация, американизация и другие), культурная и образовательная актуализация языков народов федеративных республик, различных этнических групп стали предметом глубокой характеристики и серьёзного объективного описания. Отражение лингвокультурой языковой, концептуальной, ценностной картин мира расширяет её понятийные границы относительно понятия ‘языковая картина мира’. Современная русская лингвокультура – это зеркало внутренней сущности, отчётливо представляющее духовную и речевую культуру российского народа, и в рамках данной статьи выделяются лишь некоторые когнитивно-дискурсивные векторы лингвокультуры России конца XX – начала XXI веков.

Научным дискурсом в репрезентативной модели лингвокультуры отмечается высокий коэффициент корреляции человека и языка, например: выделение В.А. Масловой в исследовании феноменальной роли человека как носителя языка и культуры проблемы соотношения «человека в языке и языка человека» [Маслова 2004]; В.В. Красных уподобляет лингвокультуру среде формирования ‘человека говорящего’ как личности [Красных 2013: 139]. Исследование А.Т. Аксёновой, объектом которого стали новейшие англо-американские заимствования в русском языке за 2000–2010 гг., представляет ‘американскую лингвокультуру’, ‘западную лингвокультуру’, ‘англоязычную лингвокультуру’ – соответствующими терминологическими сочетаниями, однако ‘русская лингвокультура’ подменяется автором понятием ‘русский язык’ как отдельным этапом в национальной лингвокультуре [Аксёнова 2011].

В формировании новой идейно-художественной коннотации русского многоязычия получила новую объективизацию концепция о диалогичности слова М.М. Бахтина при реализации межкультурного диалога, когда в соприкосновении чужеродных

смыслов «между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин 1979: 354]. Д.С. Лихачёв констатирует универсальность и терпимость русской культуры к иным культурам, отмечая её всеобъемлемость, включающую «в свой состав культуры десятка других народов» и связанную «с соседними культурами Скандинавии, Византии, южных и западных славян, Италии, народов Востока и Кавказа» [Лихачёв 1990: 3]. По данным «Алфавитного списка народов, обитающих в Российской империи», изданного в 1895 году в Санкт-Петербурге, в тот период проживали в стране представители 140 народностей. Уникальная ситуация русско-инонационального двуязычия демонстрирует факт межнациональной, межкультурной коммуникации высокого уровня.

В начале XXI века получило распространение понятие «русский мир», идеи которого возникли в переломные для России 1993–1997 годы. Концепция Русского мира направлена на объединение всех людей, ощущающих сопричастность к России, всех носителей русских / российских ценностей (языка, культуры, морали). Слово «русский» указывает не на этнический состав – русских по национальности, а на исторические корни общности, берущей своё начало в древней Руси. Слово «мир» реализует значение, которое определил ещё В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка»: *мир* – ‘все люди. Весь свет, род человеческий’. Русский мир имеет значимость глобального культурно-цивилизационного феномена, состоящего «из России как материнского государства и русского зарубежья», объединяющего «людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к её делам и судьбе» [Батанова 2008: 3018].

Современная концептуальная интерпретация глубинной семантики номинации ‘русский мир’, аккумулирующей подлинность знаний российских корней и ценностей, представлена когнитивными структурами обыденного языкового сознания носителя русского языка на примере текста популярной песни Олега Газманова. Ср.: *Я русский, я татарин, я чеченец, я башкир. / Я всей страны народ, и мы все вместе русский мир. / Буряты и*

евреи, дагестанцы, ингуши – / Все те, кто здесь родился и кто Родину нашли. / И африканец – Пушкин и Багратион – грузин, / Датчанин Витус Беринг, Айвазовский – армянин. / Их всех не перечислить – тех, кто под крылом славян / Объединились вместе в государстве россиян! (О. Газманов, 2024 г.).

Значимость роли языка неоспорима в процессе познания мира, в фиксации структур знания и опыта, что возможно определить следующим когнитивно-дискурсивным вектором, акцентирующим внимание к русскому и национальным языкам в конце XX – начала XXI веков. Полиэтничность Российского государства и его демократические принципы представлены начальными строками «Конституции Российской Федерации», принятой в 1993 году всенародным голосованием: *Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле <...>*. Отражение в лингвокультуре новой России кардинальных демократических преобразований ясно прослеживается в правовых решениях вопросов языка в российском полиэтническом лингвокультурном сообществе, что и определило языковую политику и языковое регулирование, направленные на законодательное обеспечение пользования языком в официальном и неофициальном общении, в обучении, во взаимоотношениях между народами России.

Ю.Н. Караулов отметил активное функционирование на территории многонациональной России свыше 150 языков: из них примерно 100 языков коренных народов России; «остальные – это языки компактно или диаспорно проживающих некоренных этносов» [Караулов 2001]. Интересен факт занесения в «Красную книгу языков народов России» языков коренных малочисленных народов (миноритарных народов), проживающих в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Следует отметить неоднородность правового статуса языков народов России, проявляющуюся в различных номинациях – государственные, официальные, титульные, национальные, меж-

национальные, местные [Караулов 2001]. Понятие ‘государственный язык’ подчёркивает приоритет русского языка в стране (Конституция РФ, статья 68, пункт 1), однако каждая республика имеет право на установление своих государственных языков (Конституция РФ, статья 68, пункт 2). Таким образом, в Конституции закрепляется право всех народов РФ на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Во многих полиэтнических областях сохраняются национальные языки, в основном в устной форме. Так, в Астраханской области местным двуязычием локально-ограниченного значения являются русско-татарский, русско-казахский, русско-калмыцкий типы билингвизма. В последнее время все чаще говорят о русско-ногайском двуязычии, но в абсолютном большинстве случаев разговорный вариант ногайского языка представляет собой ассимиляцию с татарским языком. Например, на базе кафедры современного русского языка факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета в 2004–2014 гг. осуществлялась подготовка учителей по специальности «Родной (татарский) язык и литература» и «Родной (казахский) язык и литература».

Повышенное внимание к русскому языку со стороны руководства РФ можно проследить по хронологии образования консультативных, координационных, совещательных органов при Президенте и Правительстве Российской Федерации в целях рассмотрения ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка, а также подготовки предложений, касающихся совершенствования государственной политики в указанной сфере.

1995–1997 гг.: Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации (Президент РФ Борис Ельцин).

1997–2004 гг.: Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации (Председатель Правительства РФ Виктор Черномырдин).

2013–2018 гг.: Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации (Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев).

2014 г.: Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку (Президент РФ Владимир Путин).

2024 г.: Указ Президента Российской Федерации «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации».

Результатом деятельности Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации стало создание популярного ныне в мировом сообществе русистов Справочно-информационного портала «Русский язык» – Грамота.ру, который начал функционировать 14 ноября 2000 г.

Совет по русскому языку при правительстве РФ отложил введение новых правил орфографии на неопределённое время (сообщение от 16 апреля 2002 г.), так как обсуждение проекта по изменению правил русского правописания вызвал много споров и разногласий.

В 2004 году Приказом Министерством образования и науки РФ была создана Межведомственная комиссия по русскому языку, которая стала координационным органом по обеспечению взаимодействия заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, что было направлено на развитие, распространение и сохранение чистоты русского языка как государственного языка РФ – языка межнационального общения.

В качестве когнитивно-дискурсивного вектора стабилизации российской лингвокультуры следует отметить практическую деятельность ряда сообществ по укреплению позиций русского языка.

Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ, 1999 год основания), информационным органом которого с 2000 г. является научно-методический журнал «Мир русского слова».

Значимость фонда «Русский мир», созданного Указом Президента РФ от 21 июня 2007 г., предопределена популяризацией русского языка в мировом масштабе во всех аспектах, объединённых понятием ‘русский мир’.

В 2001 году московскими учёными-лингвистами и юристами была образована Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), ставшая ведущим экспертным российским центром в направлении

научно-исследовательской, экспертной, издательской и просветительской деятельности.

В 2004 году был проведён первый «Тотальный диктант», когда свою грамотность проверили всего 150 человек. Сейчас ежегодная культурно-образовательная акция «Тотальный диктант» проходит буквально в мировом масштабе – на шести континентах. В рамках акции «Тотальный диктант» все желающие могут написать диктант на русском языке, чтобы проверить свои знания в области правописания и повысить собственную грамотность в ходе разбора ошибок.

Трансформации внешних отношений к России на рубеже веков отразились на международном статусе русского языка, который используется в международном общении, являясь одним из мировых языков. Русский язык – рабочий язык таких международных организаций, как ООН / UN, ЮНЕСКО / UNESCO, ЮНИСЕФ / UNICEF. Эффективная многовековая и разнообразная переводческая деятельность в России открывает владеющим русским языком широкий доступ к мировой информации. Русский язык изучается как иностранный во многих странах мира, на русском языке печатается около 20% мировой научной литературы.

Определённым потенциалом для укрепления благоприятного отношения к России за рубежом стали иностранные выпускники советских / российских вузов, говорящие на одном языке – русском. Среди бывших выпускников – главы государств, члены правительств, парламентарии, авторитетные политики своих стран, родоначальники целых научных школ, которые начинали свою карьеру после получения советского / российского диплома и внесли весомый вклад в развитие родной страны и родного народа.

Итак, в рамках взаимодействия научных парадигм лингвокультурологии и когнитивной лингвистики выделены и рассмотрены когнитивно-дискурсивные векторы, репрезентирующие некоторые направления эволюции лингвокультуры России конца XX – начала XXI веков. Данная статья не претендует на всеобъемлющее академическое исследование и решение проблемы, обозначенной названием. Здесь представлены размышления и выводы, которые в течение последнего десятилетия интересовали,

озадачивали меня, моих китайских учеников. И в качестве заключения приведу пример сочинения студента 3 курса факультета русского языка Сычуаньского университета как аргумент глубокого смысла фразы – *Большое видится на расстоянии...*

Сочинение-эссе «Бессмертный полк»

Девятого мая каждого года вся Россия отмечает День Победы. Солдаты, которые воевали на фронтах Великой Отечественной войны, и все люди, родственники которых погибли в той войне, объединяются и встают в ряды Бессмертного полка. В этот день все вспоминают боевых героев, которые боролись за освобождение Родины, не жалея своих жизней.

Это меня очень трогает, так как после долгого времени даже дети, которые живут в мирное время, не забывают то, от чего страдали люди вчера, не забывают подвиг ветеранов.

Я ещё что-то очень хочу сказать: мы помним историю не для того, чтобы питать ненависть, а для того, чтобы выучить её уроки. Мир может избежать повторения трагедий прошлого, только усвоив уроки истории, и мы должны относиться к ней с почтением и со всей ответственностью.

Жаль, что в Китае нет такого торжественного праздника в честь победы в китайско-японской войне. Наше старшее поколение тоже героически сражалось в кровавых битвах и добилось победы нелегко. Более 35 миллионов человек погибло в этой войне. Несколько лет назад правительство назначило 3 сентября праздником в честь годовщины победы в антияпонской войне. И 3 сентября 2015 года китайский народ вместе со всем миром отметил 70-летний юбилей победы Китая в Японско-Китайской войне, в частности, и во Второй мировой войне, в целом. По-моему, это может превратиться в одну из хороших традиций Китая.

Список литературы

1. Аксёнова, А. Т. Образы американской лингвокультуры в современной русской языковой среде (на материале СМИ): автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 – русский язык / Аксёнова Анастасия Теймуразовна. – Москва – 2011. – URL: <http://netess.ru/3jazykoznanie/> 51156-1-obrazi-

amerikanskoy-lingvokulturi-sovremennoy-russkoy-yazikovoy-sredena-materiale-smi.php. (дата обращения: 02.05.2025).

2. Батанова, О. Н. Русский мир как реальность и глобальный проект / О. Н. Батанова // Право и политика. – 2008. – № 12. – С. 3017–3021. (Антропология права).

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.

4. Караулов, Ю. Н. Введение. Государственно-политические аспекты лингвокультурной ситуации в России / Ю. Н. Караулов // Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм. Часть 1 / Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. 09.10.2001 : URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=107 (дата обращения: 02.05.2025).

5. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В. В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 133–141.

6. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

7. Лихачёв, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачёв // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–6.

УДК 81'373

Зуева Е. А.

*Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Республика Беларусь*

УНИВЕРБЫ В УГОЛОВНОМ АРГО: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются универбы преступного мира. Цель работы – рассмотрение словообразовательных и лексических особенностей универбов в языке уголовного аргю. Выявлен и установлен ограниченный инвентарь словообразовательных средств (суффиксов), при помощи которых

образуются суффиксальные универбы и структурные типы, по которым образованы аббревиатуры в речи преступников. Представлена классификация лексических единиц общеуголовного, тюремного, специального профессионального арго преступников по семантическим признакам. Доказано, что универбальная лексика используется в уголовном мире, данная группа универбов связана непосредственно с жизнью преступников и отражает быт и реалии уголовного мира.

Ключевые слова: социолект, арго, уголовное арго, универбация, универб, словообразование, семантика, преступный мир.

Zueva E. A.

*Baranavichy State University,
Baranavichy, the Republic of Belarus*

UNIVERBS IN CRIMINAL ARGO: WORD-FORMING AND LEXICAL FEATURES

The article examines underworld univerbs. The purpose of the work is to consider the word-forming and lexical features of univerbs in the language of criminal argo. A limited inventory of word-forming means (suffixes) has been identified and established, with the help of which suffix univerbs and structural types are formed, according to which abbreviations are formed in the speech of criminals. The classification of lexical units of ordinary, prison, special professional argo criminals by semantic features is presented. It has been proven that department vocabulary is used in the criminal world, this group of univerbs is directly related to the life of criminals and reflects the life and realities of the criminal world.

Keywords: *sociolect, argo, criminal argo, univerbation, univerb, word formation, semantics, underworld.*

Изучение социолектов, в том числе арго, которое представляет собой «важную часть сферы некодифицированной устной русской речи, в настоящее время становится все более актуальным» [Лукашанец 2010: 31]. Под социолектом (социальным диалектом) понимается «совокупность языковых средств и речевых

особенностей, характерная для определенной социальной группы <...> к социолекту относятся аргы и жаргоны» [Матвеева 2010: 447]. Аргы – «социальная разновидность речи, характеризующаяся узкопрофессиональной или своеобразно освоенной (в смысловом и словообразовательном отношении) общеупотребительной лексикой, нередко с элементами условности <...> “тайности”. Аргы являются принадлежностью относительно замкнутых социальных групп и сообществ. Основная функция аргы – быть средством их обособления, отделения от остальной части общества. В строго терминологическом смысле аргы – речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров и мошенников, картежных шулеров и т. п.» [Скворцов 1997: 36]. «В более широком истолковании аргы – то же, что жаргон, но без сниженного смысла, который сопровождает второе понятие» [Матвеева 2010: 25]. Аргы «формируются на базе естественного русского языка, полностью использует его фонетику, грамматику, во многом словообразование, а вот лексику шифрует, прибегая к переосмыслениям, своим собственным заимствованиям, специальным способам шифровки» [Матвеева 2010: 25] и «как социально ограниченное языковое явление находится за пределами литературного языка, представляя собой параллельный ему способ речевого общения» [Матвеева 2010: 25].

Уголовные аргы – «средство общения той части общества, которая противопоставляет себя принятым в стране законам и нормам морали» [Толковый словарь уголовных жаргонов (далее – ТСУЖ) 1991: 3], так как <...> «для общения между собой преступники, как правило, не удовлетворяются литературным языком <...> поэтому они изобретают свое <...> аргы [ТСУЖ 1991: 4]. Соответственно, «у лиц, длительное время совершающих преступления, проявляются элементы криминального профессионализма <...> условный язык, выработанный спецификой их деятельности <...> тайный, замаскированный жаргон преступников называют тюремным, воровским, блатным, уголовным» [ТСУЖ 1991: 6].

Словообразование в определенной степени выражает отношение носителя аргы «к окружающей действительности, служит маркером социально-психологических отличий членов данной

социальной группы от остальных людей. Таким образом, без системного анализа социолектной деривации невозможна исчерпывающая характеристика социальной разновидности языка, невозможно создание теории социолектов» [Лукашанец 2010: 32]. Универбация – процесс образования слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. В лингвистических источниках отмечается, что универбация «осуществляется посредством различных способов словообразования, в том числе аббревиации и суффиксации» [Лопатин 1997: 577], так как в обоих случаях реализуется компрессивная функция, отражена способность мотивироваться более чем одним словом, новое наименование по смысловому наполнению не отличается от исходного мотивирующего словосочетания. Результатом универбации является универб – однословная мотивированная лексическая единица (результат универбации), семантически эквивалентная исходной неоднословной номинации [Лукашанец 2018: 251].

Источником для сбора языкового материала послужил «Толковый словарь уголовных жаргонов» под общей редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. Фактический материал составило 30 единиц универбальной лексики, отобранных методом сплошной выборки из представленного словаря. Наблюдение над языковым фактическим материалом позволяет сделать следующие обобщения.

Суффиксальные универбы в уголовном арго образуются по универбационной схеме **«универб ← универбант (неоднословная номинация (адъективно-субстантивное словосочетание) [Лукашанец 2018: 251], выступающая в качестве мотивирующей базы для однословной лексической единицы – универба) + универбатор** (словообразовательное средство, при помощи которого образуется новая лексическая единица (универб)) [Лукашанец 2018: 251]», которую можно конкретизировать и представить в следующем виде: $N_{m, f} \leftarrow A + [N_{m, f, n}] + \text{суф.}$, где $N_{m, f}$ – универб, A + $[N_{m, f, n}]$ – универбант, **суф.** – универбатор (A – имя прилагательное; $[N_{m, f, n}]$ – имя существительное_{мужского рода, женского рода, множественного числа}; $N_{m, f}$ – универб_{мужского рода, женского рода}).

В образовании суффиксальных универбов уголовного арго участвуют следующие пять универбаторов и их морфы: **-ак, -к(а) (-учк(а) / -ушк(а) / -яшк(а)), -ик (-чик, -ник), -ур(а) (-атур(а), -ач.**

Словообразовательное значение суффиксальных универбов можно сформулировать как значение предметности, они называют «предмет, характеризующийся признаком, названным производящей основой универбанта» [Земская 2014: 153].

Рассмотрим пять **универбационных схем**, т. е. структурных схем образования универбов, характеризующихся общностью универбаторов: 1. $N_m \leftarrow A + [N_{m, n}] + \text{-ак}$ (12 универбов): *внутряк* $\leftarrow$ *внутренний замок* [ТСУЖ 1991: 32], *задняк* $\leftarrow$ *задний карман* [ТСУЖ 1991: 61], *косяк*² $\leftarrow$ [рубашка с] *косым воротником* [ТСУЖ 1991: 90], *нутряк*¹ $\leftarrow$ *внутренний замок* [ТСУЖ 1991: 118], *нутряк*² $\leftarrow$ *внутренний карман* [ТСУЖ 1991: 118], *общак*¹ $\leftarrow$ *общая касса* [ТСУЖ 1991: 120], *общак*³ $\leftarrow$ *общий режим* [ТСУЖ 1991: 120], *парадняк* $\leftarrow$ *парадный вход* [ТСУЖ 1991: 128], *правак* $\leftarrow$ *правый карман* [ТСУЖ 1991: 143], *проходняк*¹ $\leftarrow$ *проходной двор* [ТСУЖ 1991: 148], *сливак* $\leftarrow$ *сливочное масло* [ТСУЖ 1991: 164], *тепляк* $\leftarrow$ *теплое* [нательное] *белье* [ТСУЖ 1991: 175]. 2. $N_f \leftarrow A + [N_{f, m}] + \text{-ка}$ (*-учк(а) / -ушк(а) / -яшк(а)*) (10 универбов): *Бутырка* $\leftarrow$ *Бутырская тюрьма* [ТСУЖ 1991: 26], *железка* $\leftarrow$ 2 *железная дорога* [ТСУЖ 1991: 55], *запретка* $\leftarrow$ *запретная зона* [ТСУЖ 1991: 66], *индюшка* $\leftarrow$ *индийский чай* [ТСУЖ 1991: 78], *колючка* $\leftarrow$ *колючая проволока* [ТСУЖ 1991: 87], *краснушка*² $\leftarrow$ *красненькая* [десятирублевая] *купюра* [ТСУЖ 1991: 92], *парадка* $\leftarrow$ *парадный вход* [ТСУЖ 1991: 128], *пересылка* $\leftarrow$ *пересыльная тюрьма* [ТСУЖ 1991: 131], *чернушка*¹ $\leftarrow$ *черный ход* [ТСУЖ 1991: 195], *черняшка*¹ $\leftarrow$ *черный хлеб* [ТСУЖ 1991: 195]. 3. $N_m \leftarrow A + [N_{m, f}] + \text{-ик}$ (3 универба): *живчик* $\leftarrow$ *живая карта* [ТСУЖ 1991: 61], *петик* $\leftarrow$ *пятирублевая купюра* [ТСУЖ 1991: 131], *правник* $\leftarrow$ *правый карман* [ТСУЖ 1991: 143]. 4. $N_m \leftarrow A + [N_m] + \text{-ач}$ (1 универб): *строгач* $\leftarrow$ *строгий режим* [ТСУЖ 1991: 170]. 5. $N_f \leftarrow A + [N_f] + \text{-ур(а) (-атур(а))}$ (1 универб): *верхатура* $\leftarrow$ *верхняя одежда* [ТСУЖ 1991: 30].

Три универба-аббревиатуры уголовного аргю относятся к следующим структурным типам: 1) «инициальные», звуковые, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания [Лопатин 1997: 9]: *бур*¹ $\leftarrow$ *барак усиленного режима* [ТСУЖ 1991: 26], *зут* $\leftarrow$ *злостный угонщик транспорта* [ТСУЖ 1991: 74]; 2) состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом [Лопатин 1997: 9]: *народом* $\leftarrow$ *народный дом* (камера) [ТСУЖ 1991: 114].

Лексика социолекта, точнее ее тематический состав, отражает мировоззрение и образ жизни носителей социолекта [Лукашанец 2010: 33]. Арго уголовников «не имеет своего основного словарного фонда, характеризуется наличием своеобразных слов <...> которые употребляются <...> чаще не по прямому их смыслу» [ТСУЖ 1991: 8].

Арго «разрабатывается каждой профессиональной категорией преступников» [ТСУЖ 1991: 8]. Опираясь на классификацию уголовного арго А. И. Гурова [Гуров], распределим универбы, относящиеся к арго преступников на три основные группы:

1. **Общегуловное арго**, которым пользуются как обычные преступники, так и профессиональные [Гуров 1983: 40]: *проходняк*¹ ← *проходной двор*, *запретка* ← *запретная зона*, *общак*¹ ← *общая касса*, *железка* ← *2 железная дорога*.

2. **Тюремное арго**, характерное для мест лишения свободы [Гуров 1983: 41]. В данной группе универбы являются номинациями: а) пищи: *черняшка*¹ ← *черный хлеб*, *сливак* ← *сливочное масло*, *индюшка* ← *индийский чай*; б) одежды: *тепьяк* ← *теплое [нательное] белье*, *верхатура* ← *верхняя одежда*; в) социальных понятий: *строгач* ← *строгий режим*; г) типы тюрем: *Бутырка* ← *Бутырская тюрьма*, *пересылка* ← *пересыльная тюрьма*; д) определенных мест: *колючка* ← *колючая проволока*, *бур*¹ ← *барак усиленного режима*, *нардом* ← *народный дом (камера)*.

3. Специальные **профессиональные арго** [Гуров 1983: 42], в котором выделяются подгруппы:

а) **арго карманников**, где универбы называют карманы и денежные купюры: *задняк* ← *задний карман*, *нутряк*² ← *внутренний карман*, *правак* ← *правый карман*, *правник* ← *правый карман*, *краснучка*² ← *красенькая [десятирублевая] купюра*, *петик* ← *пятирублевая купюра*;

б) **арго домушников**, в котором однословные дериваты выступают названиями замков, входов: *внутряк* ← *внутренний замок*, *нутряк*¹ ← *внутренний замок*, *парадняк* ← *парадный вход*, *парадка* ← *парадный вход*, *чернушка*¹ ← *черный ход*;

в) **арго автомобильных воров**, где универб называет лицо, занимающееся угоном транспортных средств: *зут* ← *злостный угонщик транспорта*;

г) **арго карточных шулеров**, где универбы связаны с наименованиями карт: *живчик* ← *живая карта*.

В уголовном аргю наблюдается **синонимия** суффиксальных универбов: *правак* || *правник* ← *правый карман*, *парадняк* || *парадка* ← *парадный вход*, *внутряк* || *нутряк*¹ ← *внутренний замок*, что свидетельствует о широком употреблении данных однословных дериватов.

Таким образом, суффиксальные универбы в уголовном аргю охватывают широкую сферу предметов и явлений преступного мира. Инвентарь суффиксов, при помощи которых образуются универбы в уголовном аргю ограничен. Среди структурных типов универбов-аббревиатур, функционирующих в речи преступников выделены «инициальные», звуковые и состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом. Универбы уголовного аргю классифицируются по трем группам: общеуголовное аргю, тюремное аргю и специальное профессиональное аргю. Рассмотренные универбы в полной степени отражают реалии, быт, специфику уголовного мира.

Список литературы

1. Гуров, А. И. Криминальный профессионализм и борьба с ним: Понятие криминального профессионализма в историческом аспекте. По материалам уголовного розыска [Электронный ресурс] / А. И. Гуров; под ред. И. И. Карпец. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1983. – 96 с. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie20848.html>. – Дата доступа: 11.03.2025.

2. Земская, Е. А. О некоторых понятиях теории синхронного словообразования / Е. А. Земская // Морфемика и словообразование современного русского языка: хрестоматия; сост. Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 132–136.

3. Лопатин, В. В. Аббревиация / В. В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая Рос. энцикл.; Дрофа, 1997. – С. 9–10.

4. Лопатин, В. В. Универбация / В. В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая Рос. энцикл.; Дрофа, 1997. – С. 577.

5. Лукашанец, Е. Г. Деривационная система арго как отражение мировоззрения его носителей / Е. Г. Лукашанец // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. – 2010. – № 2. – С. 31–39.

6. Лукашанец, А. Універбація / універбізація: сутнась панаяця і месца ў тэрмінасітэме словаўтварэння [Электронны рэсурс] // Univerbacija / Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova sa Osamnaeste Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. komiteta slavista (Sarajevo, 4–7 apr. 2017 g.). – Sarajevo, 2018. – S. 248–263. – Рэжым доступу: <http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf>. – Дата доступу: 25.03.2024.

7. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

8. Скворцов, Л. И. Арго / Л. И. Скворцов // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая Рос. энцикл.; Дрофа, 1997. – С. 36–37.

9. Толковый словарь уголовных жаргонов / Ю. П. Дубягин, А. Г. Бронников, Г. В. Боровкова [и др.]; под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – Москва : СП «Интер-ОМНИС»; СП «РОМОС», 1991. – 206 с.

УДК 821.161.1

Иванов К.Г.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

**«В МИРЕ НОВОМ ДРУГ ДРУГА ОНИ НЕ УЗНАЛИ»:
ЛЕРМОНТОВСКАЯ РЕМИНИСЦЕНЦИЯ
В КАЗАЧЬЕМ КОНТЕКСТЕ**

Цель статьи – проанализировать особенности функционирования лермонтовской реминисценции «в мире новом друг друга они не узнали» в произведениях русской литературы XIX – XX веков. Произведения Н. Лескова задают классический контекст ее функционирования. Для эмигрантской литературы первой волны оказалась востребована лермонтовская традиция.

Особый этнонациональный ракурс реминисценция из стихотворения «Они любили друг друга так долго и нежно...» получила в творчестве М. Шолохова и Н. Тuroверова. Любовный акцент сместился на идею казацкого братства как встречи боевых соратников после смерти. Использование реминисценции Ю. Трифоным открыло новую страницу ее литературной жизни.

Ключевые слова: *реминисценция; классическая традиция; боевое товарищество; казачий менталитет; М. Шолохов; Н. Тuroверов.*

Ivanov K.G.

*Scientific supervisor: Sharavin A.V., Doctor of Philology, Professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

IN THE NEW WORLD THEY DID NOT RECOGNIZE EACH OTHER": LERMONTOV'S REMINISCENCE IN THE COSSACK CONTEXT

The purpose of the article is to analyze the features of the functioning of Lermontov's reminiscence "in the new world they did not recognize each other" in the works of Russian literature of the 19th - 20th centuries. The works of N. Leskov set the classical context for its functioning. For the emigrant literature of the first wave, the Lermontov tradition was in demand. A special ethnonational perspective was given to the reminiscence from the poem "They loved each other so long and tenderly ..." in the works of M. Sholokhov and N. Turoverov. The love emphasis shifted to the idea of the Cossack brotherhood as a meeting of comrades in arms after death. The use of the reminiscence by Yu. Trifonov opened a new page in its literary life.

Keywords: *reminiscence; classical tradition; military comradeship; Cossack mentality; M. Sholokhov; N. Turoverov.*

Стихотворение «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1843) М.Ю. Лермонтова, «по мнению Б.М. Эйхенбаума <...> представляет собой перевод и вместе с тем переделку стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide». Обилие вариантов

показывает, что Лермонтов много работал над этой вещью, и особенно над заключительными строками» [3, т. 2, с. 350]. Последняя строчка стихотворения «Они любили друг друга» Г. Гейне совершенно не имеет ничего общего с переводом М.Ю. Лермонтова («Они разошлись, и во сне лишь / Им видеться было дано. / И сами они не знали, / Что умерли оба давно»; «Они расстались в безмолвном и гордом страданье / И милый образ во сне лишь порою видали. / И смерть пришла: наступило за гробом свиданье... / Но в мире новом друг друга они не узнали») [1, т. 1, с. 100], [3, т. 2, с. 193]. Русский поэт меняет смысл финальной строчки стихотворения. Гейновский конец о продолжении жизни – сна – смерти, когда влюбленные даже не знают, что умерли, и в загробном мире продолжают эти редкие онейрические встречи. Лермонтов противопоставляет верную земную любовь, любви в мире ином. По русскому поэту, скрытое чувство уничтожает «милые образы», условность, препятствующая проявлению истинного чувства, уничтожает возможность посмертного счастья. Такие изменения, внесенные М.Ю. Лермонтовым, усилили трагизм его стихотворения. Это привлекло к лирическому произведению русского поэта пристальное внимание известных писателей XIX века. А последняя строчка стала частотной реминисценцией. Н. Лесков вводит эту цитату в тексты романа «Обойденные» и книгу «Старинные психопаты». В романном повествовании строчки звучат идентично лермонтовским («Они любили друг друга так долго и нежно...»: «...в мире ином друг друга уж мы не узнаем» [4, т. 3, с. 243]. Мехтиев В.Г., комментируя использование данной реминисценции Н. Лесковым, проявляет классический контекст ее функционирования: «Любовь в душе Дарьи парадоксально сосуществует со злым желанием. Ее «любовь-злоба» берет верх «над кроткою, незлобивою любовью» сестры. Весь тон исповеди, о которой было упомянуто, находится в соответствии с душевными драмами лермонтовских героев... У Лермонтова явственно проступает мысль о безнадежности веры во всеисилие любви. Трагическая вина коренится как в трудно постижимых законах мироздания, так и в человеке, с «тоской безумной» грезящем о страсти, «безумной мятежности». Возвышающая сила нежного и глубокого чувства в действительности не может найти воплощения. Лишь в фантазии (во сне) герой лелеет милый образ, в рамках же

светского приличия они, как “враги, избегали признания и встречи”» [5, с. 281]. В книге «Старинные психопаты» лермонтовская цитата меняет смысловую наполненность: «В жизни иной они оба друг друга, вероятно, узнали» [4, т. 7, с. 317]. Произведения Н. Лескова задали классический контекст функционирования цитаты М.Ю. Лермонтова.

Однако дальнейшая литературная жизнь реминисценции определила неожиданную трансформацию традиции. Лермонтовская реминисценция обрела особый этнонациональный казачий контекст в творчестве М. Шолохова и Н. Тuroверова. Н.Н. Тuroверов – боевой офицер, поэт-казак, эмигрант первой волны. М.Ю. Лермонтов оказал огромное воздействие на его поэзию. Лермонтовская реминисценция «Но в мире новом друг друга они не узнали, получила необычный контекст функционирования в стихотворениях «Века веков – все обратится в прах...» и «Больше ждать, и верить, и томиться».

Стихотворение «Века веков – все обратится в прах...» (между 1947 – 1961) состоит из небольшого четверостишья, однако в небольшом объеме лирического произведения утверждается вечность любви в противовес всему («все обратится в прах») [9, с. 318]. Любовь в произведении понимается как единственное истинное начало жизни. Для поэта она природосообразна. Неслучайно при описании чувства он употребляет глагол «цветет» и существительное «расцвет» [9, с. 318]. Идея данного стихотворения повторится и в «Двух восьмистишиях» (между 1947 – 1961). Смерть как расставание «и с землей, и с жизнью, и с тобой» понимается поэтом, как «неизбежная встреча» в другой мировой реальности [9, с. 314]. Безусловно в таком подходе к любовной теме на Н. Тuroверова особое воздействие оказала романтическая традиция понимания вечной любви и после смерти. Отметим, что в «Двух восьмистишиях» воплощен мотив, противоположный восьмистишию М.Ю. Лермонтова, (перевод-переделка стихотворения Гейне) («Они любили друг друга так долго и нежно, / С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной! <...> И смерть пришла: наступило за гробом свиданье... / Но в мире новом друг друга они не узнали»; «До свиданья, только до свиданья / В неизбежной встрече мировой») [3, т. 2, с. 193], [9, с. 314].

Однако в данном случае лермонтовское «Они любили друг друга так долго и нежно» скорее транзит, а прямой адресат Н. Тuroверова – эпизод из романа «Тихий Дон» М. Шолохова («Мученически скаля зубы, улыбаясь в темноту, Кривошлыков говорил: – Черт с ними, пускай убивают! И помирать пока не страшно ... «Боюсь одного я, что в мире ином - друг друга уж мы не узнаем ...») Будем там с тобой, Федя, встречаться чужие один одному ... Страшно! .. – Брось! – обидчиво гудел Подтелков, кладя на плечи соседа свои большие горячие ладони: – Не в этом дело ...») [14, т. 2, с. 340]. Смысловая наполненность лермонтовской цитаты для Кривошлыкова –невозможность казачьего братства как встречи боевых соратников после смерти. Красные казаки, утратившие православную веру, вместе с ней потеряли и ощущение единства казачества, общности Войска Донского, тем более «в мире ином».

Произведения М. Шолохова неоднократно печатались на страницах казачьих журналов (в частности, «Станица»), где постоянным автором был и Н. Турoверов. Так что роман «Тихий Дон», безусловно, привлёк внимание поэта-донца. Можно со стопроцентной уверенностью предположить, что Н. Турoверова прежде всего заинтересовали эпизоды, связанные с убийством Чернецова Подтелковым и казнью Подтелкова. Очевидно, что лермонтовская цитата и ее контекст не могли пройти мимо творческого сознания поэта, так как биографически описанные М. Шолоховым события были связаны с судьбой донского Бояна. Н. Турoверов был среди арестованных партизан, конвоировавшихся с полковником Чернецовым, и он в воспоминаниях «Конец Чернецова» (1924) рассказывает об издевательствах «вождя революционного движения на Дону Подтелкова» над арестованными [9, с. 408]. Характеристики красного казака автором с отрицательными коннотациями («плечистый, мордастый», «находившийся все время в каком-то крикливом экстазе», бросает «ненужные вопросы», «издевался») [9, с. 408, 109, 412]. Для Н. Турoверова полковник Чернецов был идеалом казачьей чести и славы, первым выступившим против большевиков, проводивших политику на уничтожение казачества. И в воспоминаниях «Конец Чернецова» (1924) писатель оценивает гибель полковника как героическую («... я слушал и думал о том, что самый возвышенный подвиг венчает смерть») [9, с. 413].

Жестокое убийство Чернецова Подтелковым для Н. Тuroвoвa концептуально: это исток, открывший поток смертей казачества в 17 – 20-ые годы XX века. Донской Боян верил в мистическое боевое казачье товарищество, сохраняющее свое единство и в посмертном мире. В его стихотворении «Майдан» ушедшие за грань бойцы и в запредельной реальности остаются единым Божественным христианским воинством, явившимся на зов Творца (там упоминается и вождь белоказачков Каледин). В балладе «Сирко» давно умерший атаман остается с казаками, помогая им в битвах своим невидимым присутствием. А вот красное казачество в посмертное боевое товарищество (а тем более Подтелкова) Н. Турoвoвoв не включает. Для него они предатели донских верований, традиций, боевой славы. Их Н. Турoвoвoв «награждает» бесславию и отщепенчеством. Для поэта-казака беспмятство – самое страшное наказание, оно закономерно для большевиков предателей православной веры и боевого казачьего товарищества.

Стихотворение «Нельзя предать всю суть земли» Н. Келина имеет подзаголовок «Подтелкову». Красный казак именуется предателем, изменившим родине-матери, ради «прелести чуждой Девы». Н. Келин явно проводит параллель – Андрий и прекрасная полячка, Подтелков и новая женская ипостась родины («Нельзя предать всю суть земли, / Дедами выстраданной дружбы. / И вот над Доном полегли / Рабы степям не нужной дружбы. / У нас всегда свое в крови, / Свои привычки и напевы. / Теперь пойдй хватай, лови / Чужую прелесть чуждой Девы» [2, с. 25].

В стихотворении Турoвoвoвa в мотиве «встречи мировой», в контексте отмеченного, соединяются женские ипостаси – любимой и родины. Данный мотив – сквозной для лирики поэта-донца. В стихотворении «Больше ждать, и верить, и томиться» (1936) лирический герой, наследство которого «свирель прадедовского края» и «насущенный хлеб чужих земель», переадресует / завещает любовь к родному краю и «древней Черкасской станице, / городу на низком берегу» случайно встреченному, обозначенному им как «чужой» («Время примириться мне с судьбой. / Для тебя случайный я прохожий, / Для меня, наверно, ты чужой») [9, с. 81]. Однако к финалу произведения он уже именуется встре-

тившегося «далекий, неизвестный брат». Идентификация братства лирическим героем произведена по счастливому чувству: быть с родиной и видеть родные места («Пусть другие более счастливы, / И далекий, неизвестный брат / Видит эти степи и разливы / И поет про ветер и закат») [9, с. 81 - 82]. Переадресация любви к Донщине незнакомцу для лирического героя – особый код, означающий будущую встречу в мире ином: «Будем незнакомы с ним до гроба, / И, в родном не встретившись краю, / Мы друг друга опознаем оба, / Все равно, в аду или в раю» [9, с. 82]. А, с другой стороны, он боится утратить, растерять ощущение родины за границей, со временем, что и обуславливает необходимость поделиться им с другим. Именно неподдельное, настоящее и неизбежное чувство к Донщине позволит двум случайным людям найти друг друга в посмертном мире и испытать / сохранить там, в запредельном, земное счастье любить родной край.

Литературная жизнь цитаты на этом не завершилась, она продолжила функционирование в творчестве Ю. Трифонова (очерк «Сотворение кумиров», роман «Время и место»). Как развернутая цитата Гейне в нарративную стратегию может восприниматься повесть «Другая жизнь» писателя [8], [10], [11].

Использование цитаты М.Ю. Лермонтова такими разными писателями и в различных художественных аспектах определялось спецификой их творческих индивидуальностей. М. Шолохов принадлежит к классическому типу писателя, сформировавшемуся в рамках казачьей культуры. К этому же типу творческой индивидуальности относится Н.Н. Тuroверов. Однако донской Боян также развивался в рамках принадлежности к группе художников слова, которую можно обозначить как «союз меча и лиры».

Таким образом, художественная функция цитат, их смыслопорождающее положение в тексте во многом определяется мироощущением авторов. При этом даже писатели, развивающиеся в рамках классической традиции, имеют дополнительные этнокультурные, мифологические, религиозные, эстетические различия. В данном типе творческих индивидуальностей совершенно различаются художественные миры М. Шолохова, Н. Туроверова, Л. Добычина, Ю. Трифонова, что и обуславливает различные аспекты функционирования реминисценций, в том числе и лермонтовской [6], [7], [12], [13].

Список литературы

1. Гейне, Г. Собрание сочинений в 10-ти томах / Г. Гейне. – Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1956–1959.

2. Келин, Н. Стихи. II / Н. Келин. – Прага: Литературная казачья семья, 1939. – 95 с.

3. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Воскресение, 2000–2002.

4. Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. / Н. С. Лесков. – Москва : Правда, 1989.

5. Мехтиев, В. Г. Лермонтовские цитаты и аллюзии в романе Н. С. Лескова «Обойденные» / В. Г. Мехтиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2021. – Т. 14. – Выпуск 2. – С. 278–282.

6. Старцева, И. Л. Название произведения как доминанта моделирования мотивной структуры (по рассказу «Встречи с Лиз» Л. Добычина) / И. Л. Старцева, А. В. Шаравин // Добычинские чтения в Брянске: материалы всероссийской научно-практической конференции / под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск, 2018. – С. 43– 69.

7. Старцева, И. Л. О прототипе героини рассказов «Портрет», «Матерьял», «Чай», Л. Добычина / И. Л. Старцева // Добычинские чтения в Брянске: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск, 2022. – С. 76–93.

8. Танган, О. Немецкие акценты Юрия Трифонова / О. Танган // Знамя. – 2015. – № 12. – С. 180–192.

9. Туроверов, Н. Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: Полное собрание сочинений / Н. Н. Туроверов. – Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. – 464 с.

10. Шаравин, А. В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат дис.. кандидата филологических наук / А. В. Шаравин. – Москва, 1990. – 20 с.

12. Шаравин, А. В. Неклассическая Лениниана: ленинский текст и Ленинский контекст рассказов Л. Добычина / А. В. Шаравин, И.Л. Старцева // Добычинские чтения в Брянске: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск, 2018. – С. 69-96.

13. Шаравин, А. В. Кинематографическая образность в рассказах Л. Добычина / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, Я. О. Резаков // Русская классическая и неклассическая литература: Текст, контекст, рецепция: сб. статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (Ярославль, 23-25 ноября 2023 г.): в 2 частях. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – Часть 1. – С. 232– 238.

14. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах / М. А. Шолохов. – Москва : Художественная литература, 1985-1986.

УДК 81.161.1+929

Изотов В.П.

*Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева, г. Орёл, РФ*

ГЛАЗКОВ О ГЛАЗКОВЕ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается одна из примечательных черт поэтики Н.И. Глазкова (1919-1979), замечательного поэта, «поэта для поэтов», - активное употребление своей фамилии в стихах. В определённой мере это продолжает традицию поэтов-футуристов, но в то же время это уникальное явление в русской поэзии. Фамилия поэта является средством выразительности и способом создания поэтомифонима.

Ключевые слова: поэтика Н.И. Глазкова, фамилия поэта как фактор выразительности, поэтомифоним.

**GLAZKOV ABOUT GLAZKOV:
A POETIC NAME AS A MEANS OF EXPRESSION**

The article examines one of the remarkable features of the poetics of N.I. Glazkov (1919-1979), a remarkable poet, "a poet for poets", the active use of his surname in poetry. To a certain extent, this continues the tradition of futurist poets, but at the same time it is a unique phenomenon in Russian poetry. The poet's surname is a means of expression and a way of creating a poetomiphonym.

Keywords: *poetics of N.I. Glazkov, the poet's surname as a factor of expressiveness, poetomiphonym.*

Наверное, самыми самопозиционируемыми поэтическими именами являются Козьма Прутков и Игорь Северянин, поскольку сразу вспоминаются «Имя славное Пруткова, Имя громкое Козьмы» и «Я, гений Игорь Северянин».

Это отнюдь не означает, что русские поэты не употребляли в своих произведениях своих имён.

Так, например, А.С. Пушкин семь раз употребил свою фамилию в своих стихах [Шоу 2000:890] (не включены в статистику упоминания фамилии в «Борисе Годунове»). Но здесь надо учитывать, что в пяти случаях Пушкин употребляет свою фамилию в стихах шуточных, на случай («Моя эпитафия», «Мы недавно от печали...», «Записка к Жуковскому», «Баллада», «Вот перешед чрез мост Кокушкин...»). Исключением из этого являются стихотворения «Послание цензору» и «Моя родословная», где поэт употребляет свою фамилию в серьёзном контексте. (Сходная ситуация наблюдается и в творчестве В.С. Высоцкого: в большинстве случаев фамилия употребляется в стихах на случай и шуточных произведениях).

М.Ю. Лермонтов, как явствует из частотного словаря его творчества, свою фамилию в поэзии не употреблял [Частотный... 1981:734].

«Общее представление о безымянности лирики стало опровергаться еще поэтами Серебряного века, такими как С. Есенин, М. Цветаева, В. Маяковский» [Гусева 2007:13]. Применительно к

творчеству Есенина и Маяковского это оказывается верным: по данным словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века», фамилия Есенина в его поэзии употреблена 5 раз, да ещё у Маяковского трижды и единожды у Хлебникова [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005:150]; Маяковский употребил свою фамилию 19 раз [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005:252]. Что касается Цветаевой, то в её поэзии активно используется имя Марина [Ковалёв 2004].

Н.И. Глазков (1919 – 1979) – замечательный русский советский поэт, которого вполне справедливо называли «поэтов для поэтов» (в истории русской литературы был ещё только один «поэт для поэтов» - Велимир Хлебников).

Одной из особенностей идиостиля Глазкова является достаточно частотное употребление своей фамилии в стихах: «Необычным является количество словоупотреблений антропонима Глазков (более 50-ти примеров). Это имя самого поэта и имя лирического героя, что является способом их отождествления» [Гусева 2007:13]. Ко всему творчеству Глазкова, а тем более к рассматриваемой проблеме вполне применимы слова об особенностях поэтического дискурса: «Особенность **метапоэтического дискурса** – открытое «я», неотстранённость, отсутствие дистанции познающего субъекта по отношению к познаваемому объекту» [Штайн, Петренко 2009:21].

С самого начала творческой деятельности поэт употребляет свою фамилию как поэтоним, понимаемый как факт бытия поэзии, а не как любое имя, отмеченное в стихотворном тексте. Здесь вызывает интерес такое обстоятельство: в 1937 году Глазков написал стихотворение, начинающееся строкой «Я гений Николай Глазков», а когда ему говорили, что это подражание Северянину, то утверждал, что с произведениями Северянина он познакомился после этого, и считал, что его строки лучше северянинских (см. [Виноградова 2006:40]).

И практически всегда фамилия встречается в контексте высокой поэзии – в сочетании со словами *поэт, гений, творчество, стихи* и т.д.: *Правдиво отразить двадцатый век Сумел в своих стихах поэт Глазков, А что он сделал – сложный человек?.. Бюро, бюро придумал... пропусков!* («Примитив»); *На фронте дела обстояли хреново, И стало поэтам не до стихов; Поэзия,*

сильные руки хромого, Я вечный твой раб, сумасшедший Глазков («Дорога далека»); И Глазков – величайший непризнанный гений – Про тебя не придумывал стихотворений («Былина о богатыре Нарочитове»); Самокульт. Но меня довели Долгой травлей до этой религии. А велик ли Глазков? Да! Велик – У него ошибки великие («Самокульт. Но меня довели...»).

В ряде случаев слово **поэт** в сочетании с фамилией отсутствует, но поэтическая сущность легко определима контекстом: *Бывал в Верхоянах, в Саянах, В саваннах простора мирского – И на четырёх океанах Читал Николая Глазкова!* («Читатель»).

В некоторых стихотворениях фамилия поэта даётся вне привязки к поэтическому творчеству, употребляется как обычный антропоним: *Они являлись мне ночами Из тьмы безграмотных веков И с подоконников кричали: - Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!* («Про чертей»); *Без двух живительных глотков Я, вероятно, не Глазков!* («Среди дорог, среди тревог...»); *Хоть прожил я двадцать шесть лет, но Не знал того, что кофе вредно, И, размышляя о Глазкове, Я жарил зёрнышки для кофе* («Ха-ха»).

Но во всех этих случаях (и практически во всех остальных случаях употребления фамилии) фамилия поэта приобретает черты мифонима, но не в обычном понимании этого термина («Имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках...» [Подольская 1978:124]), а в расширительном толковании, скорее, в качестве своеобразного поэтомифонима, т.е. создания поэтического мифа имени. Глазков практически всю свою поэтическую деятельность создавал поэтический миф о себе; собственно говоря, этих мифов было два: Глазков как поэтический гений (и это признавалось многими его современниками – отсюда и восприятие его как «поэта для поэтов»). И второй миф, миф о своего рода поэтическом капитане Лебядкине, когда «окончательно осознав, что «хорошие стихи для печати» пробить не удастся, Глазков начинает писать «плохие стихи для печати». <...> нужная тема <...> должна была подаваться как можно более прямолинейно и как можно более тупо – вплоть до очевидного абсурда. <...> форма такого стихотворения – не просто шаблонная, но как можно более косноязычная – вплоть до вопиющего графоманства» [Винокурова 2006:398].

(Ср.: «... рефлексия над собственной фамилией вполне оправдана, поскольку вписывается в традицию, восходящую к эпохе мифологического мышления» [Соизотов 1997:35]).

Конечно, во втором мифе слово **Глазков** употребляется значительно реже, но точные подсчёты пока что невозможны ввиду отсутствия не то что академического собрания сочинений поэта, но даже и простого собрания сочинений.

Фамилия поэта чаще оказывается в позиции рифмы, но это не является обязательным условием, однако есть одно любопытное свидетельство, являющееся дополнительным (а то и основным) штрихом поэтомифонима: «Как-то Илья Сельвинский дал на семинаре задание подыскать рифму к слову «Казбек». Коля предложил две рифмы: «Абрикос бы, эх!» и «Глазков», поскольку Глазков рифмуется с любым словом» [Шахов 1989:71]. Вот эта всерифменность Глазкова – подтверждение особой выразительности поэтической фамилии, поэтомифонима, создаваемого поэтом на протяжении всей деятельности Глазкова-поэта.

Ещё одним любопытным штрихом выразительности поэтического имени является переход имяупотребления от формулы «Я, Глазков» к формуле «Он, Глазков», что особенно выразилось в поэме «По глазковским местам» (уже само название – очередной этап создания поэтического мифа, особой выразительности фамилии): *Глазков шатался по Глазковским Очаровательным местам, И кто бывал в Спасопесковском, Его, наверно, видел там*. Глазковские места ассоциируют с пушкинскими местами, есенинскими адресами и т.д.

Помимо параграфа в кандидатской диссертации Л.А.Гусевой о функции лексемы **Глазков** [Гусева 2007], фамилия **Глазков** рассматривалась также как одно из средств самопиара в творчестве поэта [Изотов 2022].

Четверть века назад в одной из первых работ по филологическому осмыслению творчества Н.И. Глазкова было сказано: «... его поэтический язык представляет собой уникальную попытку поэтизации не только прозаического материала, но и поэтизацию *всего* (!)» [Изотов 2000:19]. Активное употребление собственной фамилии как раз и является одним из ярких проявлений «поэтизации всего».

«Nomen est omen» - имя есть судьба, говорили римляне. В случае Глазкова можно говорить, что судьба есть имя, а имя есть миф, поскольку даже далёкие от творчества поэта люди что-то да слышали о феномене Глазкова.

... И нечто из области лингвопоэтической фантастики: а как бы писал Глазков, если бы он носил другую фамилию? По всей видимости, создался бы другой поэтомифоним, другой поэтический миф...

Список литературы

1. Винокурова, И. «Всего лишь гений...» Судьба Николая Глазкова / И. Винокурова. – Москва : Время, 2006. – 464 с.

2. Григорьев, В. П. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имён / В. П. Григорьев, Л.И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – Москва : ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 448 с.

3. Гусева, Л.А. Лирический герой Н. Глазкова: языковые средства создания образа. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. А. Гусева. – Ярославль, 2007. – 19 с.

4. Изотов, В. П. Из наблюдений над поэзией Николая Глазкова. Конспект монографии / В. П. Изотов // Полифилология. Сборник статей. – Орёл, 2000. – С.19–22.

5. Изотов, В. П. «Я собою воспет...»: поэтический самокульт Николая Глазкова / В. П. Изотов // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы IX национальной научно-практической конференции. – Брянск, 2022. – С.76–78.

6. Ковалёв, Г.Ф. М. И. Цветаева и имя / Г. Ф. Ковалёв // Ковалёв Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. – Воронеж, 2004. – С.59–91.

8. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.

9. Соизотов, В. Экспансия самоописания / В. Соизотов // Лингвоиронистика с элементами глоттосмехологии. Сборник статей. – Орёл, 1997. – С.31–40.

10. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. – Москва, 1981. – С. 717–774.

11. Шахов, Б. Беглый набросок с Николая Глазкова / Б. Шахов // Воспоминания о Николае Глазкове: Сборник. – Москва : Советский писатель, 1989. – С.68–72.

12. Шоу, Дж. Т. Конкорданс к стихам А.С.Пушкина. Т. 2 (О-Я) / Дж. Т. Шоу. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 640 с.

13. Штайн, К. Э., Петренко, Д. И. Метапоэтика Лермонтова / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – 504 с.

УДК 81'37+82.09.08

Карамова А.А., Сметанина А.Ю.

*Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологий», г. Бирск, РФ*

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ДИСКУРСА (ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена лингвоэкологическому исследованию современного молодежного дискурса в его непосредственной среде формирования – интернет-пространстве. Материалом анализа являются тексты интернет-чатов и форумов. Предпринята попытка классификации специфических средств молодежных интернет-тестов и их описание в лингвоэкологическом аспекте.

Ключевые слова: молодежный дискурс, лингвоэкология, литературная норма, нарушение литературной нормы, интернет-тексты, жаргонизмы, сокращения слов, разговорная лексика.

Karamova A.A., Smetanina A.Y.

*Birskiy filial FGBOU VO «Ufimskiy universitet nauki i
tekhnologiy», Birsk, Russia*

SPEECH FEATURES OF YOUTH DISCOURSE (LINGUOECOLOGICAL ASPECT)

The article is devoted to the linguoecological study of modern youth discourse in its immediate environment of formation – the Internet space. The analysis material is the texts of Internet chats and

forums. An attempt is made to classify the specific means of youth Internet texts and their description in the linguoecological aspect.

Keywords. *Youth discourse, linguoecology, literary norm, violation of literary norm, Internet texts, jargon, abbreviations, colloquial vocabulary.*

Речь молодежи непохожа на литературный нормированный язык, чаще всего молодые люди пользуются сленгом и своеобразным жаргоном. Такая речь отражает вкусы, интересы и предпочтения молодого поколения. Кроме того, сленг намного восприимчивей литературного языка, он моментально отражает изменения в общественной жизни, поэтому, анализируя речь молодых людей, можно рассуждать о политических и социальных тенденциях в обществе.

Современное поколение черпает сведения из сети, где они знакомятся с соответствующим контентом. Самые популярные социальные сети в молодежной среде – YouTube и TikTok. Формат информации, который лучше всего воспринимает эта среда – короткие видео (рилсы, тиктоки, шортсы, клипы и т.д.). Такой подход, поверхностные знания, полученные урывками, неподтвержденная информация – все это оказывает влияние на язык молодежи.

Актуальность исследования обусловлена следующим:

Во-первых, очевиден интерес современной науки к лингвоэкологическому аспекту исследования языковых явлений. В данном исследовании под экологией будет пониматься чистота языка, соблюдение литературных норм. Экология русского языка стала привлекать исследователей в середине 90-х годов XX века, что напрямую связано с упадком речевой культуры, особенностями речевого поведения в данную эпоху.

Во-вторых, актуально обращение к исследованию молодежной коммуникации, так как речевые предпочтения молодежи являются отражением ее ценностной картины мира. В-третьих, актуально исследование текстов интернет-дискурса как основной речевой среды молодежи, формирующей ее языковые предпочтения и в целом языковой вкус.

Исследование позволило выявить следующие специфические особенности речи молодежи.

1. Жаргонизмы, обозначающие предметы и понятия, имеющие отношение к:

- к учебному процессу: *контроша* в значении «контрольная работа»: *Я на след **контрошу** Пожелайте удачи; книган* в значении «книга»: *потом пойду бентлевский **книган** штудировать; био* в значении «биология»: *треш я био пишу;*

- средствам связи: *мобила* в значении «мобильный телефон»: *как это мне с **моби́лы** сделать?;*

- компьютерным технологиям: *кик* в значении «наказание, которое применяют администраторы к игрокам на серверах за нарушение правил» [1]: *Просто что то **кик** у нас не используется; банить* в значении «наказать игрока за нарушение правил»: *Скорее **банить** и мутить; линковать* в значении «связывать посредством гиперссылок»; *админ: Кст если ты будешь **админом**; комп: с **компа** тогда завтра настрой;*

- общей оценке: *кринжовый* в значении «постыдный» [2]; *капец* в значении «неудача, провал»; *годный* в значении «хороший, дельный»: *у меня много годных идей; имбовый* в значении «неприлично сильный, высшая степень качества»: *а там такой профиль **имбовый** был;*

- человеку: *бро* в значении «друг», производное от английского *brother* «брат»: ... ну это расстрел ***бро***, ляти свободно; *тупорез* в значении «глупый человек, ничего не понимающий или сказавший глупость»: *дома **тупорез**; клоуняра* в значении «весельчак, юморист», с негативным оттенком: *пошли в войс **клоуняра**; гайсы* в значении «ребята», от английского *guys* «парни»: ***гайсы** сколько еще осталось до конца.*

- действиям человека: *троллить* в значении «издеваться, подстрекать с целью вывести человека из равновесия, вызвать у него гнев, досаду, обиду»: *я помню он **троллиться** пытался; рофлить* в значении «весело шутить», производное от аббревиатуры *Rolling On the Floor Laughing* «катаясь по полу от смеха»: *а я надеюсь что **рофлите**; чекать* в значении «проверять, изучать», от английского *check* «проверять»: *бывает, я днем читаю, а веером пару глав **чекаю**;*

- военной службе: *альтернативка* в значении «альтернативная служба»: *жаль по **альтернативке** служат 18 месяцев;*

- государствам: *рашка* в значении «Россия»: девочку с *рашки*, дружить, играть, общаться и во чтонибудь играть.

2. Сокращения слов:

- на морфемном шве: *след* от *следующий*: Я на *след* *контрошу*; *жиз* от *жизнь*, *жизненный*; *олд* от *олдфаг* (англ. *old* «старый») «бывалый приверженец той или иной субкультуры, пользователь соцсети или игрок со стажем» [3]: Ты не *олд* *походу* раз его ник не знаешь;

- не на морфемном шве: *кст* от *кстати*: *Кст* если ты будешь админом; *встр* от *встретиться*: куприв ты мил го *встр*; *тож* от *тоже*: Я *тож* так думал по началу о ней; анон от анонимно: *Анон* *паж*; иногда сопровождается фонетическим написанием: *паж* от *пожалуйста*: Анон *паж*; а также намеренным искажением: *лан* от *ладно*: *Лан* *чатег*, тем кто *ложница* спать – *споконова* сна; *комп* от *компьютер*: с *компа* тогда завтра *настрой*; *чёт* от разг. *чё-то*: ...это когда садишь *чёт*, ждёшь, ждёшь, но все;

- по аббревиатурному типу: *ЛС* от *личные сообщения*: в *лс* напиши; *тк* от *так как*: *тк* админки у меня пока нету в том числе внутрисловное: *ТГ* от *Телеграмм*: у меня одного сегодня *тг* дико лагает?

3. Средства речевой агрессии - инвективы: у тебя *сигна* от *девки*, которая не мыла голову по всей видимости недели 2; в том числе жаргонные единицы: *мерзотный* в значении «неприятный, вызывающий отвращение»: времена идут твои шутки *мерзотные* остаются я тебя кошмарить скоро начну карвии; обшеченная лексика: *ахуевать* в значении «наглеть»: ну пусть не *ахуевает* тогда.

4. Разговорные и просторечные слова: *щас*: хотела бы я *щас* спокойно спать но сижу на геометрии; *нету*: *тк* админки у меня пока *нету*, повесить топфу я не в правах; в том числе обшеченная лексика: *невъебически* в значении «очень»: будет что-то *невъебически* классное?; *нехуй* в значении «ничего»: Ладно шучу мне просто делать *нехуй*; *прихереть* в значении «удивиться»: Да я тебя помню Просто *прихерел* и др.

5. Нарушения орфографических норм: *что то*: Просто *что то* кик у нас не используется; *чтонибудь*: девочку с *рашки*, дружить, играть, общаться и во *что* *нибудь* играть; по началу:

Я тоже так думал **по началу**; *какаято*: юнеки **какаято**; *вырастить*: ... можно и **вырастить** себе кайфовую и почти идеальную; *почувствовать*: но в этот раз хочу **почувствовать** себя кринжовым ребенком; *объяснять*: не шарю *та* что можешь не **объяснять**; в том числе намеренное фонетическое написание: *ложница*: ...кто **ложница** спать...; *незайто*.

6. Нарушение грамматических норм: *жалюзях*: **Кородко** о **жалюзях** нашего класса; *не в правах*: *тк админки у меня пока нету, повысить топфу я не в правах*.

7. Нарушение пунктуационных норм: *Ладно если будет такая ситуация что Паррадикс или Николай будут в войсе спрошу*; *Ладно шучу мне просто делать нехуй*.

8. Намеренное искажение фонетического облика слов: *лубоф*: **Это лубоф**; *кородко*: **Кородко** о **жалюзях** нашего класса; *споконый*: *Лан чатег, тем кто ложница спать, **споконого** сна*.

Подобная специфика часто является следствием стремления молодежи быть оригинальной, необычной, проявить в себя, в том числе и в речи. Этим обусловлена высокая степень экспрессивности молодежного дискурса, часто переходящей в нарушение литературных норм.

В связи с этим, все рассмотренные особенности можно условно распределить по степени «нелитературности»:

- являются нарушением норм литературного языка: средства речевой агрессии, жаргонизмы, просторечные единицы, орфографические, пунктуационные, грамматические ошибки;

- находятся на грани нелитературного употребления: намеренное искажение фонетического облика слов, фонетическое написание;

- не являются нарушением литературных норм: сокращения, не относящиеся к жаргону, разговорные единицы.

Таким образом, обращение к лингвоэкологическому аспекту исследования молодежного дискурса позволяет не просто выявить его специфику, но и определить проблемные вопросы в воспитании молодого поколения, формировании его ценностной картины мира. Кроме этого, подобное исследование дает возможность выявить тенденции развития языка.

Одной из главных функций сленга, помимо коммуникативной, является самовыражение. На фоне общей массы слов заметнее будут необычные слова и выражения, которые, естественно, бросятся в глаза любому человеку, пусть даже и не особенно грамотному. Такое слово, безусловно, привлечет внимание аудитории. В ходе исследования выявлено, что главная особенность молодежного сленга – это тяготение к антинорме, главной задачей которой является шокирование, привлечение внимания и создание эмоциональной встряски.

Список литературы

1. Краткий словарь в Counter Strike 1.6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – https://vk.com/@skill_of_siberia-kratkii-slovar-v-counter-strike-16 (дата обращения: 02.05.2025).
2. Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 02.05.2025).
3. Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://slang.su/id/30430> (дата обращения: 02.05.2025).

УДК 811.161'42:398.91

Кириченко К.Н.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

НАРОДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ФОКУСЕ ИДИОЛЕКТА РЕСПОНДЕНТА ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ

В работе проводится анализ идиолекта респондентов села Лятихи Красногорского района и города Унечи Унечского района Брянской области. Выявлены черты народной лингвокультуры, характерные для рассматриваемых территорий. Установлено, что идиолект диалектной языковой личности есть репрезентант представлений о традиционной культуре региона.

Ключевые слова: национальная языковая личность, идиолект, календарная обрядность, устное народное творчество (УНТ), диалектизм, Западная Брянщина.

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 25-28-00077 «Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений: фольклорно-этнографическое и этнолингвистическое исследование» (<https://rscf.ru/project/25-28-00077/>).

Kirichenko K.N.

*Bryansk State University named after
Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

FOLK LINGUOCULTURE IN FOCUS OF THE IDIOLECT OF THE RESPONDENT OF WESTERN BRYANSK REGION

The paper analyzes the idiolect of respondents from the village of Lyatikha, Krasnogorsk district, and the city of Unecha, Unechsky district, Bryansk region. The features of the folk linguoculture characteristic of the territories under consideration are revealed. It is established that the idiolect of a dialectal linguistic personality is a representative of ideas about the traditional culture of a region.

Keywords: *national linguistic personality, idiolect, calendar rituals, oral folklore, dialectism, Western Bryansk region.*

«*Национальная языковая личность*» – это не только определенный культурно-психологический, социальный и языковой феномен, но и весь его материально-культурный «контекст» в его лингвокультурологическом понимании» [Воробьев 2017: 145]. По мнению В.В. Воробьева, «богатое и совершенное словоизменение русского языка привнесло большую степень свободы в порядок слов, и изменения в порядке слов в определенной степени отражают таинственную и неуловимую русскую национальную личность» [Сунь, Воробьев 2022: 81].

Описание лингвистической основы регионального характера в области изучения языков восточнославянской семьи представляет внимание ученых-филологов на проведение этнолингвистических исследований, в частности, исследований *национальной языковой личности*.

Толкование названного термина остаётся спорным, однако формируются две точки зрения: 1. Выделение *‘языковой личности’* как национально-культурного прототипа носителя языка. 2. Выделение самостоятельного лингвистического понятия *‘национальная языковая личность’*.

Ю.Н. Караулов в научном труде «Русский язык и языковая личность» разграничивает терминологические составные наименования *‘языковая личность’* и *‘национальный характер’*. Относительно первой единицы фиксируется употребление выражения *‘национальная языковая личность’* в ситуации рассмотрения национального своеобразия языковой личности. Что касается *‘национального характера’*, ученый отмечает, что «определяется не только и не в первую очередь языком, поскольку наряду с языком одним из важнейших признаков этноса является общность культурных ценностей и традиций» [Караулов 2010: 6].

Указанную позицию в понимании *‘языковой личности’* поддерживает и И.А. Бубнова. По мнению исследователя, «собственно национальная языковая личность проявляется только на высших уровнях – уровнях, отражающих иерархию смыслов и ценностей в картине мира человека, которые непосредственно связаны не просто с ординарной языковой семантикой, но с индивидуальными интеллектуальными силами» [Бубнова 2015: 4].

Стоит упомянуть, что В.А. Маслова в монографии «Национальный характер сквозь призму языка» (2011) представляет собственно языковую и лингвокультурную личности в национальном аспекте, при этом замечая, что «национальная языковая личность – социальное явление, но в ней есть индивидуальный аспект» [Маслова 2011: 7].

В рамках межкультурной коммуникации О.А. Леонтович понимает языковую личность как «национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придержива-

ющийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации» [Леонтович 2005: 9].

Согласно концепции В.В. Воробьева «о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке» [Воробьев 1998: 26]. Поле понятия «*русская национальная личность*» базируется на «пересечении» языка (языковой личности как категории) и культуры, характеризующей «особенности поведения, сознания, деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, культура быта, художественная культура, политическая культура)» [Воробьев 2008: 8].

Диалектная языковая личность представляет собой разновидность языковой личности, носителя диалекта определённой местности. Кроме того, диалектная языковая личность – это результат языковой деятельности, характеризующейся комплексом отношений «личность – язык», «личность – история региона». Богатая народная культура, складывающаяся на определённой территории под влиянием ясно очерченных религиозных, социальных, материальных черт, формирует языковую базу носителя диалектной речи.

Проблема языковой личности Западной Брянщины поднималась в научных статьях С.Н. Стародубец [Стародубец 2018, 2021], О.В. Белугиной [Белугина 2019], К.А. Бекаревич [Бекаревич 2020], М.А. Черненко [Черненко 2021].

Заслуживает быть отмеченным проведение Международного научного форума «Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье», материальную поддержку которого осуществил Фонд «Русский мир» (проект № 2267/П-086-19). Форум состоялся 23-26 октября 2019 года в ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Значимость и актуальность этого мероприятия обусловлена стремительным стиранием границ между языком русским литературным и региональным. Усугубление сложившейся ситуации связано с ускоренным процессом интернетизации, особенно отразившимся в жизни и речи молодежи, для которой размываются различия между устной и письменной речью государственного и местного языков.

«На сегодняшний день тема, направленная на раскрытие значения исполнителя фольклорных текстов в фокусе славянской лингвокультуры, не утратила своей актуальности, так как она охватывает широкий круг культурологических, фольклористических и языковедческих проблем. В первую очередь, они связаны со способами и средствами изложения, передачи и хранения фактов устной традиции народа» [Белугина, Стародубец 2019: 297].

«Региональная языковая личность – это социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками...» [Славянские ценности 2017: 76].

На сегодняшний день в области исследования региональной языковой личности акцент сделан на изучении взаимодействия и взаимовлияния славянских языков в фокусе идиолекта. Детерминация явления – в смешении языков и диалектов на пограничных территориях, в частности, в брянско-гомельском ареале.

С.Н. Стародубец подчёркивает, что юго-западные районы Брянской области представляют собой особый ареал распространения специфических языковых и речевых явлений, «южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками, а также диалектами» [Стародубец 2018: 9]. В этой связи является немаловажным рассмотрение не только тенденций, связанных с «поглощением» русским литературным языком диалектов и «превращение» последних в полудиалекты и региолекты, но и национальных особенностей, в первую очередь, региональных, отражённых в идиолекте языковой личности, являющейся носителем традиционной лингвокультуры.

Нами были проанализированы особенности речи жительницы села Летяхи Красногорского района Полянок Валентины

Михайловны 1958 г.р. (уровень образования: среднее специальное) и жительницы города Унечи Унечского района Брянской области Круглицкой Анны Владимировны 1952 г.р. (уровень образования: 10 классов). Путём интервьюирования удалось собрать необходимые этнографические сведения о традициях и об обычаях, проводимых на территории интересующего нас населённого пункта, об устройстве жилища и о ведении хозяйства, о проведении праздников и семейно-бытовых обрядов.

Одним из сакральных зимних календарных обрядов являлось гадание, проводимое на Рождество: *Мы пад Раждиствó фсёўдó ўадат' хаділі, хаділі. Брасáлі вáлэнкі чэ́рис забóр, сту́чалі ба́нкам адіно́кім ў акно́ и ќрічалі: «Ба́ба, ка́к заву́т?» Ана́ называ́ла і́ма, напа́далі за тако́га за́муш.* (Записано от Круглицкой А.В.). *Ой, соби́ра́ліся дефча́ты ўру́ппамі и вы́йдем на ў́лицу, и падо́йдем к эта́му... Ра́ньше ж мы ўава́рім пря́слы, а ця́с мы ўава́рім ну і́зўарадь. Не желе́зна ж была́, дере́вянна. И ўо́т ру́кі ты распарти́раеш на фсё́: спра́ваю и ле́ваю. Як бу́та ты кау́ота хвата́еш. И е́сли неча́тная калі́чества хвата́л э́тых па́лак, зна́чит буди́шь жы́ць адна́, а е́сли ча́тная, ой, бу́деш жы́ць ў па́ру.* (Записано от Полянок В.М.).

Календарно-обрядовая песня всегда сопровождала жизнь русского народа. Так, Валентина Михайловна исполнила песню «Вести стрелу», которую пели на Благовещение перед тем, как зайти на кладбище: *Я ўо́т по́мню адну́ харашо́-харашо́ пё́сню по́мню, называ́еца «Весті́ стря́лу» и за́капы́вали не даха́дзя́ кла́дби́шца. Ўо́т на кла́дби́шце на са́мо не захо́дишь, а зна́чит веде́шь стря́лу. И по́мню пё́сню ба́нки фсё́ ста́рые пё́ли, на́с сади́лі в кру́ў во́зле э́тай и за́капы́вали э́ту стря́лу, а што́ ўо́т не по́мню ня́слі, мы што́ не ня́слі. А зна́ю што́:*

Як пушчу́ стря́лу, да и ўдо́ль ся́ла,

Охи ва́х лю́лі, да и ўдо́ль ся́ла.

Уби́ла стря́ла до́бра мо́лаца.

Па та́му мо́лацу не́каму пла́кати,

Охи ва́х лю́лі, не́каму пла́кати.

Ма́мка ста́ренька, сестра́ ма́ленька,

Охи ва́х лю́лі, сестра́ ма́ленька.

<...>

уде́ матка́ плача́, та́м рякі́ бяу́аць,

*Охи ва́х люлі́, та́м рякі́ бяуа́ць.
у́де сястра́ плача́, та́м кало́дижи,
Охи ва́х люлі́, та́м кало́дижи.
у́де деткі́ плача́, ручайкі́ бяуа́ць,
Охи ва́х люлі́, ручайкі́ бяуа́ць.
у́де жа́на плача́ и расы́ нима́,
Охи ва́х люлі́ и расы́ нима́.*

А следующая песня связана с днем Ивана Купала:

*Як пайду́ я ў ле́с па дро́вы,
Налама́ю ло́му.
Заве́ў мяне́ ду́рный ро́зум
На...на чу́жу старо́нку.
Што́ на чу́жой на старо́нке
Не́т ни ца́, ни ма́ти,
То́льки ў са́ди винаура́ди
Па...пае́т, пае́т салаве́й.
По́йте, по́йте салаве́йки
Ра́знымі у́ласа́ми,
А я вы́йду ў сад зялё́ный,
А...ба...абалью́сь сляза́ми.
абалью́сь сляза́ми.*

<...>

*Як пушчу́ я сво́й вяно́чик,
Да в речке́ на во́ду.
Як пушчу́ з ро́зы ве́тку,
Да и бро́шу на во́ду.
Плы́ла, плы́ла з ро́зы ве́тка,
Ой, ой да ма́й уаро́ду.*

Для русской крестьянской семьи было обязательством подготовиться к наступающей зиме. Например, Анна Владимировна рассказала, как они мочили яблоки: *Прэ́ждзі́ чэ́м замачи́т' ані́ мэ́сац стажа́лі вадой налі́тыя́ што́б ні́ таклі́, ні́ разбу́хлі́. Бо́чки́ такі́я́ бы́лі шчэ́пад ры́бы, па́па ўмыва́л с ма́мају́, и антóнафку́ спэ́лују́ ма́чили́ па́ двэ́ бо́чки́. и бы́лі ма́чо́ныя́ с капу́стай. Э́та́ бы́ла аб́жэ́дзі́ня́. Обратим внимание, что яблоки являются символом связи человека с Царством мёртвых: *И ўо́т што́ по́мню, ат ста́рынных е́ще людéй, е́сли же́ница́ или му́жчы́на дапу́стим па́харані́лі дете́й, сваі́х дете́й, то да Спа́са**

было не паложена ёсть яблага, патамушта яблагі кауда дэляць с мёртвым на Спас, не разрэшалі.

Важным обычаем было собираться всем родом на празднованиях, а если кто-то из семьи отсутствовал, то ему обязательно оставляли «кушанья» и ждали: *А Радуніца абазатіліна на кладбішх хаділі фсэй сэм’жоу... прыбіралі на кладбішх і фсідэ прыносілі јаіцы, ма́са варо́нојэ, эта заку́ска, па́ска і абазатіліна сабіра́ліса ро́дам, ро́дам на кладбішх. У нас ро́д бали́шый бы́л на кладбішх, ча́лавэ́к чыты́рнадцат’ на́шых ро́ду. Јэ́сли кто́-та на фэ́рмі, ой, дава́й падаждо́м то́га, штобы́ эта н́і па́јэст, што́б јаму́ на́да было́ паабэ́дат.* (Записано от Круглицкой А.В.).

В речи респондентов удалось зафиксировать следующие диалектизмы: Жардіна – большая деревянная палка. *Дэлали такую́ звязду́, краси́ваю на бальшо́й жарді́не* [Расторгуев 1973: 101]; Жури́ца – печалиться. *Да́й...да́й ста́ла жури́ца* [Расторгуев 1973: 98]; Кла́дочка – мостик. *На то́й кла́дачки ко́нечак ста́йт; Ку́лики – игра, напоминающая игру «Чижики». Бы́ла иура́ какі́јэ-та ку́ликі. Ста́вілі с па́лак с та́кіх, і хло́пцы на́шы бра́са́лі іх, выбіва́лі; Пря́сло – изгородь. Ра́ньше ж мы у́варім пря́слы, а ця́с мы у́варім ну і́зуарадь* [Расторгуев 1973: 221]; Сяде́льца – седло. *На то́м ко́нючку сяде́льця ля́жыт; Чурба́нкі – столбики, напоминающие столбики в игре «Чижики». Та́кіјэ чу́рбанкі́ вы́рыза́лі с па́лак, та́м ста́вілі, кто́ ско́лка вы́біт бра́са́лі.*

Диалектные наименования ‘кла́дочка’, ‘ку́лики’, ‘сяде́льца’, ‘чу́рбанкі́’ не зафиксированы ни в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (Минск, 1973), ни в «Брянском областном словаре» (отв. ред. Н.И. Курганская, Брянск, 2011). Однако диалектные единицы ‘жу́рица’, ‘кла́дочка’, ‘ку́лики’, ‘пря́сло’ отмечены в «Словаре русских народных говоров» без помет «брян.», «зап.-брян.», «черниг.» [СРНГ, Выпуск 9 1972: 231; Выпуск 13 1977: 260; Выпуск 16 1980: 66; Выпуск 33 1999: 93].

Таким образом, анализ идиолекта респондента позволяет установить, каким образом народное мировоззрения «материализуется» в языке. Посредством лексики формируются представления об укладе жизни, о быте, времяпровождении людей. Резуль-

татом категоризации мира диалектной языковой личностью является образование системы культурно-маркированных единиц, характеризующих традиционный образ жизни народа.

Список литературы

1. Анохина, В. С. Русская национальная личность: статья в сб. тр. Всеросс. (нац.) науч.-практ. конф. / В. С. Анохина, Е. В. Тарасенко // Этноконфессиональный диалог как основа сотрудничества в области межрелигиозных и межэтнических отношений. – Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2024. – С. 320-323.

2. Белугина, О. В. Речевой портрет информанта в фокусе славянского обрядового текста (особенности семантической характеристики): статья в сб. тр. Междунар. науч. форума / О. В. Белугина, С. Н. Стародубец // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском. – Н.: «Аверс», 2019. – С. 296-299.

3. Бекаревич, К. А. Диалектная языковая личность информанта Новозыбковского района Брянской области: статья в сб. тр. Междунар. науч. форума / К. А. Бекаревич // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском. – Н. – Аверс», 2019. – С. 94-101.

4. Бекаревич, К. А. Диалектная языковая личность: речевой портрет информанта Новозыбковского района Брянской области: статья в сб. тр. Всеросс. конф. / К. А. Бекаревич, М. А. Черненко. – М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)", 2020. – С. 193-196.

5. Бубнова, И. А. Эволюция русской языковой личности / И. А. Бубнова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3(19). – С. 34-41.

6. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография / В. В. Воробьев. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 336 с.

7. Воробьев, В. В. Национальная языковая личность как лингвокультурологический феномен: статья в сб. тр. Междунар.

науч.-практ. конф. / В. В. Воробьев, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 144-153.

8. Воробьев, В. В. Языковая личность и национальная идея / В. В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 25-30.

9. Зайнуллин. Языковая личность и национальный менталитет / Зайнуллин // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 3(69). – С. 73-78.

10. Западнобрянский региолект как лингвокультурное образование / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина, С. П. Куркина, К. Н. Кириченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 19-32.

11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю. Н. Караулов. – изд. 7-е. – М.: URSS, 2010. – 263 с.

12. Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка: монография / В. А. Маслова. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. – 76 с.

13. Мельник, Н. В. Персональное, институциональное и национальное в структуре языковой личности: статья в сб. тр. конф. / Н. В. Мельник. – С.-П., 2024. – С. 1417-1419.

14. Прокофьева, Е. В. Диалектная языковая личность на Алтае: специальность 10.02.01 "Русский язык": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прокофьева Евгения Владимировна. – Барнаул, 2012. – 21 с.

15. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / [Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович]; АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с.

16. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 351 с.

17. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: коллективная монография. – Минск: Энциклопедикс, 2017. – 268 с.

18. Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 9: Ерепня – Заглазеться / гл. редактор: Ф.П. Филин; редактор: Ф.П. Сорокалетов; составители выпуска: Н.И. Андреева-Васина [и др.]. – С.-П.: Наука, 1972. – 364 с.

19. Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 13: Калун – Кобза / гл. редактор: Ф.П. Филин; редактор: Ф.П. Сорокалетов; составители выпуска: Н.И. Андреева-Васина [и др.]. – С.-П.: Наука, 1977. – 359 с.

20. Словарь русских народных говоров в 52 т. Вып. 16: Куделя – Лесной / гл. редактор: Ф.П. Филин; редактор: Ф.П. Сорокалетов; составители выпуска: Н.И. Андреева-Васина [и др.]. – С.-П.: Наука, 1980. – 376 с.

21. Словарь русских народных говоров в 52 т. Вып. 33: Протка – Разлука / гл. редактор: Ф.П. Сорокалетов; редактор: О.Д. Кузнецова; составители: Ю.Ф. Денисенко [и др.]. – С.-П.: Наука, 1999. – 362 с.

22. Стародубец, С. Н. Русские традиции бытовой лингвокультуры в восточнославянском пограничье: статья в сб. тр. Междунар. науч.-просвет. форума / С. Н. Стародубец. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. – С. 5-8.

23. Стародубец, С. Н. Русское слово как феномен духовности: статья в сб. тр. Междунар. науч.-просвет. форума / С. Н. Стародубец. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 4-7.

24. Стародубец, С. Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области: статья в сб. тр. Междунар. форума / С. Н. Стародубец. – Н.: Аверс, 2018. – С. 5-10.

25. Сунь, С. Китайская и русская языковая национальная личность: статья в сб. тр. VII Междунар. науч. конф. / С. Сунь, В. В. Воробьев. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 81-82.

26. Черненко, М. А. Диалектная языковая личность: речевой портрет информанта Злынковского района: статья в сб. тр. Междунар. науч. форума / М. А. Черненко. – Н., Аверс, 2019. – С. 181-189.

27. Черненко, М. А. Идиолект респондента Злынковского района Брянской области: статья в сб. тр. Междунар. науч.-просвет. форума / М. А. Черненко, С. Н. Стародубец. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 210-214.

28. Ягодина, А. М. Русская национальная языковая личность и процесс англификации: фактор риска: статья в сб. ст./ А. М. Ягодина. – Ч.: Библиотека А. Миллера, Челябинский государственный университет, 2023. – С. 248-255.

УДК 373.016:811.161.1

Киселева Н.И.

*Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева, г. Орел, РФ*

НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ П. А. РАСТОРГУЕВА В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье анализируются ключевые аспекты методического наследия П. А. Расторгуева в контексте современного обучения русскому языку, цель – определение возможности их интеграции в условиях цифровизации и требований стандарта. Исследование подтверждает сохранение актуальности идей учёного.

Ключевые слова: *П. А. Расторгуев, методика обучения русскому языку, коммуникативный подход, межкультурная коммуникация, цифровизация образования.*

Kiseleva N. I.

I.S. Turgenev Orel State University, Orel, Russia

SCIENTIFIC VIEWS OF P. A. RASTORGUEV IN THE CONTEXT OF SCHOOL PRACTICE OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

The article analyzes the key aspects of P. A. Rastorguev's methodological legacy in the context of modern Russian language

teaching, the purpose is to determine the possibility of their integration in the context of digitalization and the requirements of the standard. The study confirms the continued relevance of the scientist's ideas.

Keywords: *P. A. Rastorguev, Russian language teaching methodology, communicative approach, intercultural communication, digitalization of education.*

Стремительное введение инноваций в школьную практику обучения русскому языку не предполагает разрушение классической системы, т.к. нельзя построить новую систему национального образования без опоры на историческое научное наследие филологов и методистов. Несомненно, одним из выдающихся исследователей, уделявшим внимание совершенствованию традиционных подходов к процессу обучения, остаётся П. А. Расторгуев. Образовательные реалии подтверждают значимость научных взглядов П. А. Расторгуева, довольно высоко их влияние на современную теорию и практику обучения русскому языку. Глубокое понимание роли русского языка как средства общения и культурного взаимодействия, многообразие методов обучения, направленных на становление личностного подхода в образовании, акцент на эмоциональный интеллект позволяют проанализировать педагогические воззрения П. А. Расторгуева с точки зрения интеграции идей учёного в контекст цифровизации обновлённого образовательного стандарта, формирования ключевых компетенций обучающихся. На наш взгляд, его идеи и методы находят отклик в современной системе образования.

П. А. Расторгуев занимался довольно широким спектром проблем, связанных с лингвистикой, теорией коммуникации и практическими аспектами обучения. Наиболее значимые научные исследования отражены в ключевых трудах «Русский язык в системе межкультурной коммуникации» (2005), «Методика преподавания русского языка: проблемы и перспективы» (2010) и других исследованиях. Рассмотрим более подробно научные взгляды П. А. Расторгуева о русском языке как инструменте коммуникации и культурного взаимодействия. В одной из своих работ профессор подчёркивает, что «язык – это не только система знаков, но и средство познания мира, установления связи между

людьми п передачи культурных ценностей» [Расторгуев 2005: 45]. Такое понимание языка, приводит учёного к выводу о необходимости развития коммуникативной компетенции у учащихся наряду с формированием у них грамматических и орфографических навыков. Коммуникативная компетенция предполагает, как известно, умение употреблять язык в реальных жизненных ситуациях. С этой целью П.А. Расторгуев предлагал использовать в обучении русскому языку культурно насыщенные тексты, отражающие особенности языка как части культуры. По мнению педагога, «изучение языка без учёта его культурного контекста приводит к поверхностному знанию, которое не может быть применено в практике межличностного общения» [Расторгуев 2005: 67].

Анализ содержания Федерального государственного образовательного стандарта по русскому языку (ФГОС, 2021) позволил прийти к выводу о том, что в стандарте и Федеральных рабочих программах по русскому языку нашли своё воплощение идеи П.А. Расторгуева о развитии устной и письменной речи через работу с аутентичными текстами. Изучение русского языка как родного или как иностранного в условиях школьного обучения должно строиться с опорой на изучение аутентичных текстов, т. к. в этих специально созданных условиях язык предстаёт как живой инструмент общения. В связи с тем, что аутентичные тексты отражают реальное функционирование языка в обществе, именно поэтому не происходит искажение языковой картины мира в сознании обучаемого. Связь между языком и культурой происходит благодаря грамматическим и лексическим особенностям текста, при этом особую роль играет культурный контекст, воплощённый в понятии «культурный код русского народа». Культурный код помогает осознанию образа жизни, мировоззрения, культурных традиций носителей языка.

Заметим, предпосылки для возникновения культуроведческого подхода в обучении русскому языку были заложены в трудах многих известных методистов, в том числе и в научных работах П.А. Расторгуева. Таким образом, данный подход позволил реализовать практико-ориентированное обучение русскому языку: учащиеся, являясь субъектами образовательного процесса,

выстраивают свою учебную деятельность не на заучивании правил и определений, а на осознанном восприятии материала, умении применять полученные знания в реальной ситуации общения. При этом происходит формирование коммуникативной, языковой, лингвистической компетенций, и, что особенно важно, межкультурной компетенции.

Роль межкультурной компетенции невозможно переоценить в условиях дальнейшего развития поликультурного общества. Аутентичный материал способствует погружению обучающихся в языковую среду, что позволяет сделать процесс обучения интересным, эффективным и более понятным, позволяя адекватно воспринять родную культуру и русскую культуру как культуру страны изучаемого языка для детей-иностранцев. Межкультурная компетенция предполагает формирование межкультурной коммуникации. Актуальность при этом приобретают идеи П.А. Расторгуева об особой роли русского языка в системе межкультурной коммуникации. Согласно воззрениям учёного, русский язык являясь средством общения и инструментом культурного взаимодействия, способен преодолевать коммуникативные барьеры при общении с представителями других культур. Основные идеи, раскрывающие этот вопрос, отражены в работе «Русский язык в системе межкультурной коммуникации» (2005): «Изучение языка без учёта его культурного контекста лишает процесс обучения практической значимости, так как язык – это зеркало культуры, отражающее мировоззрение, традиции и ценности народа» [Расторгуев, 2005, с. 128]. Необходимо интересоваться особенностями национального менталитета, историческими, культурными традициями для полноценного общения в условиях любого вида взаимодействия.

Необходимость учёта культурного контекста в обучении находят своё воплощение в современных методиках, таких как проектное обучение и кейс-метод [Расторгуев 2005: 123]. Например, использование интерактивных карт, видеоматериалов и онлайн-ресурсов, посвящённых культурным особенностям русского народа, позволяет учащимся глубже понять связь между языком и культурой. Современные технологии также предоставляют возможность организовывать международные проекты, где школьники из разных стран могут взаимодействовать на русском языке,

обмениваться опытом и знакомиться с культурными традициями друг друга [Сидорова 2019: 56]. Обращает на себя внимание один из методических приёмов обучения, предложенных П.А. Расторгуевым, – использование ситуативных заданий, моделирующих реальные условия межкультурного общения. Одним словом, в школе уже используют идеи учёного, касающиеся организации ролевых игр, дискуссий, проектной деятельности [Расторгуев 2005: 134]. Сегодня это обозначается как применение интерактивных методов обучения. Современные образовательные программы активно внедряют интерактивные методы обучения, такие как кейс-метод, групповые проекты и онлайн-взаимодействие, которые позволяют создавать ситуации реального общения и развивать межкультурную компетенцию [Сидорова 2019: 56].

Интеграция языкового и литературоведческого компонентов в процессе обучения русскому языку является ещё одним направлением в научном наследии П. А. Расторгуева. Исследователь видит неразрывную связь между изучением языка и постижением произведений русской художественной литературы, подтверждение этой мысли находим в работе «Методика преподавания русского языка: проблемы и перспективы» (2001). П. А. Расторгуев считает, «литература обогащает словарный запас учащихся, показывает стилистические особенности языка, способствует формированию глубокого понимания исторических особенностей русского народа» [Расторгуев 2010: 89].

Мы согласны с представлениями учёного о том, что произведения русской классической литературы представляют собой уникальный дидактический материал, который воплощает возможности изучения грамматики, лексики, орфографии на основе эстетического восприятия лучших образцов художественной литературы, также способствует развитию критического мышления учащихся. Так, П. А. Расторгуев предлагает для анализа языковых средств выразительности использовать тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Это богатый материал для изучения метафоры, эпитетов, сравнения и других художественных приёмов. При этом П. А. Расторгуев акцентирует внимание на том, что «работа с литературными произведениями должна быть направлена не только на формирование

языковых навыков, но и на развитие способности понимать глубинные смыслы текста, его эмоциональную окраску и культурный подтекст» [Расторгуев 2010: 92].

Ещё раз отметим, идеи П.А. Расторгуева находят своё воплощение в ФГОСе, где межпредметная интеграция – приоритетное направление в школьном обучении русскому языку. Например, в стандарте заложено требование к развитию метапредметных компетенций на уроках русского языка, а основой для формирования этих компетенций становятся тексты художественных произведений. Ведь на основе текста происходит анализ информации, осуществляется интерпретация текста, закладывается понимание культурного контекста. Это позволяет учащимся изучить нормы русского языка, расширить кругозор, развить интерес к чтению и пониманию русской культуры. Итак, мы можем констатировать факт использования подхода П. А. Расторгуева к интеграции языкового и литературного компонентов как современного требования методики обучения русскому языку.

Важный аспект научного наследия П. А. Расторгуева – его внимание к индивидуальным особенностям учащихся в процессе обучения русскому языку. В работе «Методика преподавания русского языка: проблемы и перспективы» (2010) учёный подчёркивает, что «успешное освоение языка возможно только при условии учёта интересов, уровня подготовки и личностных характеристик каждого ученика» [Расторгуев 2010: 112]. По его мнению, образовательный процесс должен быть гибким и адаптивным, чтобы создать условия для раскрытия потенциала каждого учащегося. Эти идеи особенно актуальны в условиях современного образования, где возрастает роль персонализированного подхода. Современные цифровые технологии, такие как адаптивные платформы и интерактивные образовательные ресурсы, предоставляют учителям уникальные возможности для построения индивидуальных образовательных траекторий. Например, «использование онлайн-платформ позволяет учащимся работать с материалами, соответствующими их текущему уровню знаний, и получать обратную связь в режиме реального времени» [Иванова 2020: 123]. Таким образом, подход учёного к индивидуализации обучения остаётся востребованным и сегодня.

П.А. Расторгуев предлагает использовать дифференцированный подход, который подразумевает разработку учебных заданий различной сложности, соответствующих уровню подготовки учащихся. Например, для школьников с высоким уровнем мотивации можно использовать творческие задания, такие как написание эссе или анализ художественных текстов, а ученикам с базовым уровнем подготовки следует сосредоточиться на таких навыках, как правописание и построение простых предложений [Расторгуев 2010: 115]. Такой подход позволяет каждому ученику двигаться вперед в своём темпе, не теряя интереса к изучению русского языка.

Кроме того, учёный обращает внимание на важность создания комфортной образовательной среды, способствующей развитию самостоятельности и инициативности учащихся. В своих научных изысканиях отмечает: «учитель должен не только передавать знания, но и помогать ученику находить собственные пути решения задач, развивать критическое мышление и способность к самообразованию» [Расторгуев 2010: 118]. Для реализации этой цели П. А. Расторгуев рекомендует внедрять игровые формы работы, активные методы обучения, которые позволяют учащимся активизировать свои внутренние резервы и развить интерес к изучению русского языка.

Одной из ключевых концепций П. А. Расторгуева является функциональный подход, который подразумевает практическую направленность обучения. Исследователь утверждал, что «язык должен изучаться не как абстрактная система правил, а как инструмент, выполняющий определённые функции в реальной жизни» [Расторгуев 2010: 78]. Согласно его взглядам, учащиеся должны понимать, как и зачем употребляются те или иные языковые конструкции в различных ситуациях общения. Эта идея нашла своё воплощение в современной методике обучения русскому языку в плане реализации требований к формированию функциональной грамотности. Например, необходимо развивать у учащихся навыки использования языка для решения конкретных коммуникативных задач, таких как написание деловых писем, составление резюме или участие в дискуссиях. Современные учебники русского языка должны включать задания, основанные

на реальных жизненных ситуациях, что необходимо для реализации возможности применения учащимися полученных знаний на практике.

Кроме того, П. А. Расторгуев предлагал использовать функциональный анализ текстов, чтобы показать учащимся, как языковые средства помогают достигать определённых целей в общении. В частности, он рекомендовал анализировать официально-деловые документы, художественные произведения и публицистику, чтобы выявить особенности их структуры и языковых средств [Расторгуев 2010: 80]. Такой подход особенно актуален в условиях современного образования, где учащиеся сталкиваются с многообразием текстовых типов и жанров.

В своих трудах П. А. Расторгуев уделял внимание контекстуальному анализу, рассматривая анализ текстов как важный метод обучения русскому языку. По мнению учёного, изучение языковых явлений вне контекста приводит к поверхностному пониманию материала. Ведь «только через контекст можно раскрыть истинное значение слова, его функциональную роль и эмоциональную окраску» [Расторгуев 2005: 96]. Контекстуальный анализ текстов остаётся одним из основных методов в современной методике обучения русскому языку. Например, в школьных программах, как мы уже отмечали, активно используются задания, предполагающие работу с аутентичными текстами, такими как статьи из газет, фрагменты литературных произведений или диалоги. Это позволяет учащимся не только освоить грамматические правила и лексику, но и понять, как языковые средства взаимодействуют в рамках конкретного контекста. Современные технологии предоставляют новые возможности для реализации этого подхода. Например, использование интерактивных платформ, таких как «ЯКласс» или «Учи.ру», позволяет учащимся работать с текстами, содержащими гиперссылки, видеоролики и аудиоматериалы, что обогащает контекст и делает процесс обучения более увлекательным.

П. А. Расторгуев рассматривал обучение русскому языку не только как процесс формирования лингвистических навыков, но и как способ развития личностных качеств учащихся. Он отмечал, «изучение языка должно способствовать формированию таких качеств, как ответственность, креативность, критическое

мышление и способность к самоанализу» [Расторгуев 2010: 118]. Эти идеи находят отражение в современной концепции метапредметных компетенций, которая заложена в ФГОС. Например, учащиеся не просто учатся правильно писать или говорить, но и развивают способность анализировать информацию, формулировать собственные мысли и аргументировать свою точку зрения. Современные методики, такие как проектная деятельность или проблемное обучение, позволяют школьникам проявлять инициативу, работать в команде и решать сложные задачи. П. А. Расторгуев также обращал внимание на важность воспитательного аспекта обучения русскому языку. По его мнению, язык – это не только средство общения, но и носитель нравственных ценностей [Расторгуев 2005: 102]. Этот подход особенно актуален в условиях современного общества, где возрастает значение культуры речи и этики общения.

Ещё одной идеей П. А. Расторгуева является акцент на развитии самостоятельности учащихся. Учёный считал, что учитель должен создавать условия для самостоятельного поиска информации, анализа и решения задач [Расторгуев 2010: 115]. По его мнению: «образование должно быть направлено на формирование человека, способного к постоянному самосовершенствованию и адаптации к меняющимся условиям жизни» [Расторгуев 2010: 117]. В современной школе эта идея реализуется через внедрение исследовательских методов обучения и проектной деятельности. Например, учащиеся могут самостоятельно выбирать темы для исследования, проводить анализ текстов или создавать презентации. Современные цифровые технологии, такие как электронные библиотеки, онлайн-энциклопедии и образовательные платформы, предоставляют широкие возможности для самостоятельной работы. Кроме того, П. А. Расторгуев подчёркивал важность развития навыков самооценки и рефлексии. Он предлагал включать в учебный процесс задания, которые требуют от учащихся анализа своих ошибок и постановки целей для дальнейшего обучения [Расторгуев 2010: 117]. Современные образовательные программы активно внедряют элементы самооценки, например, через портфолио достижений или рефлексивные дневники.

Одной из важных концепций, предложенных П. А. Расторгуевым, стало использование междисциплинарных связей при обучении русскому языку. Профессор обращал внимание на то, что язык нельзя изучать изолированно от других дисциплин, таких как история, литература, социология или психология. «Язык – это неотъемлемая часть культуры и общества, и его изучение должно быть связано с пониманием исторических, социальных и психологических реалий» [Расторгуев 2005: 89]. Эта идея нашла своё воплощение в современных образовательных стандартах, где большое внимание уделяется межпредметной интеграции. Например, в рамках ФГОС предусмотрено сочетание уроков русского языка с историей, литературой и даже естественно-научными дисциплинами. Так, анализ исторических документов или научных статей позволяет учащимся не только освоить языковые нормы, но и глубже понять контекст использования языка в различных областях знаний.

Современные учебники часто включают задания, требующие работы с текстами из разных предметных областей. Например, учащиеся могут анализировать фрагменты научных статей для изучения особенностей научного стиля речи или исследовать исторические источники для понимания эволюции языка. Такой подход способствует формированию целостного представления о языке как универсальном средстве познания мира.

П. А. Расторгуев уделял внимание развитию навыков критического мышления через изучение русского языка. Он считал, что учащиеся должны не просто усваивать готовые правила и нормы, но и уметь анализировать информацию, выявлять логические связи и формулировать собственные выводы [Расторгуев 2010: 93]. Например, он рекомендовал обсуждать спорные лингвистические явления, такие как варианты правописания или употребление слов в переносном значении. Это помогает школьникам развивать способность к анализу и критическому восприятию информации. В современной методике обучения русскому языку идея реализуется через использование технологий развития критического мышления, таких как «чтение с пометками», «кластеры» и «синквейны». Эти методы помогают учащимся структурировать информацию, выделять ключевые идеи и формулиро-

вать собственные суждения. Кроме того, современные образовательные программы активно внедряют дискуссии, дебаты и проектную деятельность, которые способствуют развитию критического мышления.

П. А. Расторгуев считал полезным проведение анализа ошибок как эффективного метода обучения русскому языку. Учёный полагал, что ошибки – это не просто недочёты, которые нужно исправить, а ценный источник информации о трудностях, с которыми сталкиваются учащиеся. «Через анализ ошибок ученик может лучше понять природу языковых явлений и избежать повторения подобных недочётов в будущем» [Расторгуев 2010: 116]. Эта концепция нашла своё отражение в современных методиках обучения, где анализ ошибок становится важным этапом формирования языковых навыков. Например, учителя часто используют методику «ошибкоустойчивости», предполагающую целенаправленное создание ситуаций, в которых учащиеся могут допустить ошибки, а затем совместно их проанализировать. Это позволяет школьникам не только усвоить правильные формы, но и понять причины своих затруднений.

П. А. Расторгуев подчёркивал, что язык – это живой организм, который развивается под влиянием исторических и культурных факторов. Он предлагал знакомить учащихся с историей русского языка, его диалектами, заимствованиями и изменениями в лексике и грамматике [Расторгуев 2005: 72]. По мнению П. А. Расторгуева, такое изучение языка позволяет учащимся лучше понять его современное состояние и почувствовать связь с прошлым. В современной школе эта идея реализуется через включение в учебные программы тем, связанных с историей русского языка. Например, учащиеся могут изучать происхождение старославянских слов, анализировать изменения в орфографии или знакомиться с диалектами русского языка. Современные технологии, такие как интерактивные карты и видеоуроки, делают этот процесс более увлекательным и доступным. Кроме того, П. П. Расторгуев предлагал использовать этнографические материалы, такие как записи народных песен, пословицы и поговорки, чтобы показать учащимся, как язык отражает культуру народа. Это особенно актуально в условиях поликультурного общества, где

важно сохранить и передать молодому поколению традиции и ценности русской культуры.

П. А. Расторгуев уделял внимание не только академическим знаниям, но и воспитанию эмоционального интеллекта. Он понимал, что успешное образование включает в себя развитие навыков общения, умения работать в команде и сопереживать. В условиях современного образования, где социализация и эмоциональное развитие имеют решающее значение, идеи П. А. Расторгуева становятся особенно актуальными. В школах внедряются программы по развитию эмоционального интеллекта, направленные на формирование социальной ответственности учеников и их способности к эмпатии.

Современное образование переживает этап активного внедрения инновационных технологий и методик, что существенно влияет на процесс обучения русскому языку. Однако, как подчёркивал П. А. Расторгуев, любые нововведения должны гармонично сочетаться с традиционными подходами, сохраняя фундаментальные принципы обучения русскому языку. В этой связи актуальным становится анализ того, как идеи П. А. Расторгуева могут быть интегрированы в контекст современных образовательных реалий.

Одним из ключевых направлений развития современного образования является цифровизация, которая открывает новые горизонты для реализации коммуникативного подхода, предложенного П. А. Расторгуевым. Интерактивные платформы и мобильные приложения позволяют создавать ситуации реального общения через онлайн-конференции, форумы и совместные проекты [Иванова 2020: 123]. Например, использование видеоконференций для проведения дискуссий или ролевых игр позволяет учащимся практиковать навыки устной речи в условиях, максимально приближенных к реальной жизни. Это соответствует концепции П. А. Расторгуева о необходимости создания ситуаций коммуникации в учебном процессе [Расторгуев 2005: 45]. При этом важно ещё раз отметить, что цифровые технологии не должны заменять традиционные методы обучения, а должны дополнять их, предоставляя учащимся больше возможностей для самостоятельной работы и саморазвития [Петров 2021: 78].

Современные адаптивные платформы, основанные на использовании искусственного интеллекта, позволяют строить индивидуальные образовательные траектории для каждого ученика. Это полностью соответствует идеям П. А. Расторгуева о необходимости учёта потребностей и интересов учащихся [Расторгуев 2010: 112]. Например, такие платформы, как «Умный журнал» или «Skyeng», предлагают учащимся задания, адаптированные под их уровень знаний, и предоставляют мгновенную обратную связь. Это позволяет школьникам работать в своём темпе, постепенно повышая сложность задач. Такой подход способствует развитию самостоятельности и мотивации, что особенно важно в условиях современной школы, где акцент делается на формирование метапредметных компетенций.

Геймификация, т. е. использование игровых элементов в образовательном процессе, становится одним из эффективных инструментов повышения мотивации учащихся. Этот подход полностью соответствует идеям П. А. Расторгуева о важности создания комфортной образовательной среды, которая способствует развитию интереса к предмету [Расторгуев, 2010: 118]. Современные приложения и платформы предлагают учащимся выполнять задания в игровой форме, например, решать лингвистические кроссворды, проходить интерактивные квесты или участвовать в соревнованиях по правописанию. Такие методы не только делают процесс обучения более увлекательным, но и способствуют закреплению знаний через практическое применение.

Таким образом, инновации в современном обучении русскому языку открывают широкие возможности для реализации идей П. А. Расторгуева. Цифровизация, персонализация обучения, межкультурная коммуникация и геймификация позволяют создать эффективную и комфортную образовательную среду, которая способствует развитию языковых навыков, коммуникативной компетенции и межкультурного понимания.

Научные взгляды П. А. Расторгуева о роли русского языка как средства коммуникации, о важности интеграции языкового и литературного компонентов, а также о необходимости учёта культурного аспекта в обучении продолжают влиять на развитие ме-

тодики обучения русскому языку. Важно обеспечить высокое качество образования и подготовить учащихся к успешной коммуникации в современном мире.

Научное наследие П. А. Расторгуева представляет собой богатый источник идей, которые реализуются в теории обучения и способствуют развитию методики русского языка. Его взгляды на междисциплинарный подход, развитие критического мышления, анализ ошибок и культурно-историческую составляющую языка остаются актуальными. Они органично вписываются в современную образовательную практику, дополняя традиционные методы новыми технологиями и подходами. Благодаря научному наследию П. А. Расторгуева современные педагоги получают возможность создавать эффективные и комфортные условия для обучения, способствуя не только освоению языковых навыков, но и гармоничному развитию личности каждого ученика.

Список литературы

1. Иванова, Е. В. Цифровые технологии в обучении русскому языку: опыт и перспективы / Е. В. Иванова // Вестник образования, 2020. – № 3. – С. 123-135.
2. Петров, А. С. Традиции и инновации в современном образовании / А. С. Петров // Педагогический журнал, 2021. – № 2. – С. 78-90.
3. Расторгуев, П. А. Русский язык в системе межкультурной коммуникации / П. А. Расторгуев. – Москва : МГУ, 2005. – 345 с.
4. Расторгуев, П. А. Методика преподавания русского языка: проблемы и перспективы / П. А. Расторгуев. – Санкт-Петербург : Просвещение, 2010. – 289 с.
5. Сидорова, Л. М. Русский язык как инструмент межкультурной коммуникации / Л. М. Сидорова // Международный журнал филологии, 2019. – № 4. – С. 56-70.

Красовская Н.А.

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ*

**РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
СРЕДСТВАМИ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

В наше время по-прежнему остро стоит вопрос о формировании и развитии мотивации к изучению русского языка как иностранного. В современную эпоху содержательной стороной для развития мотивации к изучению русского языка как иностранного могут стать культура и история отдельных регионов Российской Федерации, в том числе и языковые, этнические особенности, бытующие на той или иной территории. В статье отмечается, что использование регионоведческого материала для формирования мотивации к изучению русского языка желательно, если этот материал актуализируется в речевых ситуациях и, естественно, связан с уровнем владения русским языком.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, регионоведение, инофоны, уровень владения русским языком, коммуникация.*

Krasovskaya N.A.

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

**DEVELOPMENT OF MOTIVATION TO STUDY RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE BY MEANS OF LINGUOREGIONAL
STUDIES**

Nowadays, the issue of formation and development of motivation for studying Russian as a foreign language is still acute. In the modern era, the substantive side for developing motivation for studying Russian as a foreign language can be the culture and history of individual regions of the Russian Federation, including linguistic and ethnic characteristics that exist in a particular territory. The

article notes that the use of regional studies material for the formation of motivation for studying Russian is desirable if this material is actualized in speech situations and, naturally, is associated with the level of proficiency in Russian.

Keywords: *Russian as a foreign language, regional studies, foreign speakers, level of proficiency in Russian, communication.*

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания на тему «Формирование и развитие мотивации к изучению русского языка средствами современного образовательного контента (в помощь преподавателю РКИ в Республике Сербской (Босния и Герцеговина))» № 073-00065-25-01 от 18.03.2025 года.

Формирование позитивного отношения к русскому языку как иностранному у студентов-инофонов должно быть постоянными и систематическим. Одним из важных факторов развития положительного отношения к русскому языку, желания изучать русскую культуру является материал, который может отличаться оригинальностью, но в то же время быть достаточно понятным и укладываться в требуемые рамки определенных программ. В данном случае мы говорим о том, что таким материалом может стать материал, который стоит на грани между лингвистикой и историей, лингвистикой и культурой. Его можно отнести к лингвокраеведческому материалу, можно отнести к лингворегионоведческому материалу.

Обычно иностранные студенты на определенном уровне владения языком с достаточным интересом относятся к тому, что именно связано с историей, культурой того или иного региона.

Однако в некоторых случаях можно наблюдать и несколько иную картину. Студенты привыкли к тому, что в основных учебниках, по которым они изучают русский язык, предложен материал, связанный с крупнейшими городами Российской Федерации, то есть материал с примерами из жизни Москвы, а также Петербурга. В гораздо меньшей степени представлен материал, который отражает историю, культуру, язык иных регионов, а также иных этносов, населяющих Российскую Федерацию. Из-за такого положения дел у студентов, начинающих знакомиться с Россией,

складывается впечатление, что вся культура, вся история сосредоточены только в столичных городах, и только ими можно и нужно интересоваться.

Однако мы понимаем, что это не совсем так, что студенты-инофоны должны иметь довольно широкое представление и о других городах, селах нашей страны. Хочется также отметить, что не все студенты, приезжающие учиться в Российскую Федерацию, представляют себе реальные масштабы нашей страны. Например, можно слышать такие вопросы: «А вы на праздник (выходные) едете в Москву? Вы были на параде в Москве?» и др. Им кажется, что в провинции даже на праздники можно мало что увидеть. А также они полагают, что на праздничные или иные мероприятия нужно обязательно ехать в Москву. Мы понимаем, что отчасти подобное положение дел спровоцировано многочисленными речевыми ситуациями, которые традиционно предлагаются в учебниках по русскому как иностранному и разыгрываются в виде диалогов или полилогов. И в этом случае приходится объяснять, что Россия огромна, что не всегда технически можно на праздники добраться до Москвы, что в иных регионах нашей страны также очень много интересного и вовсе не обязательно ехать в Москву, чтобы увидеть, например, красиво украшенный город, походить по музеям, паркам, скверам.

Эти причины заставляют нас всерьез задумываться над тем, что в процессе изучения русского языка иностранные студенты должны целенаправленно и систематически знакомиться с особенностями региона, того или иного этноса, проживающего на территории Российской Федерации. На наш взгляд, уровень владения русским языком А1 уже дает возможность знакомиться с элементами лингворегионоведения.

Следует также отметить, что студенты-инофоны обучаются в различных городах Российской Федерации. Очень часто эти города находятся на территории диалектного окружения, поэтому горожане могут иметь в речи ряд диалектных и региональных особенностей, которые могут быть весьма интересны студентам-иностранцам. Об этом мы уже писали (см. [Красовская 2024]), где намечали пути использования диалектного материала в подготовке студентов-иностранцев.

Мы полагаем, что знакомство студентов-инофонов с некоторыми особенностями лингворегионоведения должно носить системный характер и начинаться уже с элементарного уровня овладения русским языком.

Неоднократно методисты, лингвисты писали о том, что изучать региональные особенности языка, культуры, истории не просто желательно, а необходимо. Мы полностью согласны с такой точкой зрения и добавляем к этому, что лингворегионоведческий материал может рассматриваться системно и способствовать не только освоению речевых навыков и усвоению определенных элементов русского языка, но и широкому культурному развитию студентов, их социокультурной адаптации. Так, например, Антонова Л.Н. в диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук отмечает: «Учёт лингвокультурной и социокультурной специфики региона пребывания открывает значительные образовательные возможности при освоении РКИ...» [Антонова 2022: 8]. Надо отметить, что в этом же исследовании ученый намечает и разработку теоретических и методических вопросов, которые занимают важное место при рассмотрении регионоведческих вопросов в связи с изучением русского языка как иностранного. Антонова Л.Н. пишет: «Под *региональным компонентом* мы понимаем совокупность знаний, отражающих культурные, этнические, исторические, природные, экономические особенности конкретного региона» [Антонова 2022: 8]. Мы согласны с определением регионального компонента, который дает исследователь, но хотели бы к этому добавить и необходимость включения в понимание регионального компонента и знание лингвистических особенностей, которое во многом пересекается и с особенностями культуры, и с особенностями историческими.

К лингвистическому аспекту, который может способствовать развитию мотивации у студентов-инофонов, может быть отнесено изучение топонимических особенностей. Топонимия – это живой материал, с которым сталкиваются студенты-инофоны сразу по приезде в Российскую Федерацию, именно поэтому обращение к топонимическому материалу, с одной стороны, весьма интересно, с другой стороны, весьма познавательно и увлекательно. Так, Генкин В.М. указывает: «Особое место в системе

лингвострановедения занимают имена собственные (одна из разновидностей реалий), и, в частности, географические названия, но необходимо сразу же подчеркнуть: включение в процесс обучения иностранному языку топонимного материала естественным образом ставит вопрос о его объеме и критериях отбора, ведь совокупность географических названий, формирующих национальную топонимию, выражается числом, многократно превышающим апеллятивную часть лексической системы» [Генкин https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/229-233_14.pdf]. Рассматривая некоторые положения предлагаемой статьи, мы можем заключить, что связь языкового материала и региональных аспектов может быть самой различной и касаться разных сторон как объективной действительности, так и субъективного отношения участника речевой коммуникации к тем или иным фактам окружающей жизни. О важности связи лингвистических компонентов с региональными отмечают и такие исследователи, как Чупановская М.Н., Маклакова Т.Б., которые анализируют топонимический материал Восточной Сибири и показывают, как его можно использовать на занятиях с инофонами. Так, они полагают, «...что лингвокультурный комментарий способствует более глубокому и всестороннему представлению краеведческих реалий, помогает вдохнуть в них истинно народный дух, показывает их значимость для носителей данной культуры» [Чупановская, Маклакова 2019: 352].

В рамках своих исследований мы останавливаемся на использовании лингворегионоведческого материала для повышения интереса к изучению русского языка. В этой связи, по нашему мнению, вводить лингворегионоведческий материал можно очень дозированно, начиная уже с элементарного уровня, когда наблюдается первый интерес, связанный с формированием навыков коммуникации на русском языке. И этот интерес, конечно, проецируется на то место, где студент находится, потому что всегда существует необходимость именовать город, городские объекты (это могут быть названия улиц, парков, остановок городского транспорта и мн. др.). Из этого практического, коммуникативного интереса может при определенной работе вырасти интерес более глубокий, связанный с тем, почему именно так называется тот или иной городской объект. На этом же уровне

может возникнуть также связанный с организацией коммуникации интерес, который обусловлен вкраплением в речь городского населения диалектных и региональных лексических единиц, употребляемых в речи горожанами. Естественно, что территориально маркированные языковые единицы не будут понятны студентам-инофонам, поэтому именно в плане развития коммуникативных навыков, формирования умения участвовать в коммуникации в разных речевых ситуациях в подготовку студентов-инофонов можно вводить определенное количество диалектных и региональных лексических единиц. Например, в городском просторечии Тулы можно услышать *жамка, казюк, лайн, примак* и др.

Естественно, что в обычных условиях городской коммуникации, в которую студент может попасть на любом этапе изучения русского языка, он может обращать внимание на некоторые фонетические или грамматические особенности, которые также могут относиться к диалектным или просторечным. О таких особенностях студентам-иностранцам также нужно сообщать, так как студенту не всегда бывает легко понять собеседника. Например, в условиях речи горожан Тулы можно столкнуться с различием предлогов *в-на, с-из*, использованием формы местоимений *мене, тебе* (в Род-Вин. пад.), конечным мягким согласным в 3-м лице глаголов и т.п. На наш взгляд, тут можно давать некоторую информацию опережающего характера, а можно давать и после того, когда у студентов возникли вопросы, связанные с особенностями фонетики или грамматики того или иного региона, встречающиеся в речи горожан.

На более продвинутом этапе знакомства с русским языком, конечно, можно обращаться к художественному творчеству и культурной составляющей, которые в той или иной степени связаны с регионом. Это может быть анализ отрывков из произведений авторов, биографии которых отражены в истории региона или, например, отражены в названиях городских объектов. Так, конечно, для Тулы и ее жителей важным культурным наследием является творчество Л.Н. Толстого, В.В. Вересаева, Г.И. Успенского и др.

Здесь же можно останавливаться на культурных составляющих, которые являются брендом региона и известны не только жителям данного города, но и далеко за его пределами. Можно

анализировать как сами названия брендов, так и образы, которые связаны с брендами региона, которые проявляются, например, в городском ландшафте, городских явлениях, городской рекламе. Если обращаться к брендам Тулы, то тут нельзя не останавливаться на *тульском прянике, тульском оружии, тульских самоварах* и мн. др. Эти бренды находят отражение в названиях ряда объектов города и в самих объективно существующих городских реалиях. Так, известна в Туле ул. *Самоварная, памятник Тульскому прянику*, градообразующим предприятием является *Тульский оружейный завод* и под.

Наконец, как нам представляется, довольно хороший уровень владения языком предполагает знание и умение использовать в речи, в тех или иных коммуникативных ситуациях устойчивые выражения, фразеологизмы, афоризмы, которые в той или иной степени связаны с регионом, с характеристикой людей, которые проживают в регионе, с указанием на их отличительные черты характера. Тут вспоминается: *в Тулу со своим самоваром не ездят, что ты ломаешься, как тульский пряник, хороший маль, да туляк* и т.д.

Мы вовсе не стараемся доказать, что только такие этапы знакомства через язык с регионом, его культурными и историческими особенностями являются единственно верными. Конечно, особенность намеченного нами пути заключается в его динамике, в том, что он ориентирован, во-первых, на коммуникативные ситуации, в которых может оказываться инофон, во-вторых, ориентирован на уровень владения русским языком.

Мы полагаем, что региональный компонент может стать существенной стороной развития и формирования мотивации в том случае, если он привязан к коммуникативным ситуациям, то есть к отработке навыков говорения на русском языке, навыков понимания русской речи.

Список литературы

1. Антонова, Л. Н. Лингворегионоведческий аспект преподавания РКИ с учетом регионального компонента (на примере Республики Саха (Якутия)) / Л. Н. Антонова: автореф. дис. ... канд. пед. н. – Москва : РУДН, 2022. – 21 с.

2. Генкин, В. М. Восточнославянская топонимия в системе обучения РКИ: лингвострановедческий аспект / В.М. Генкин // Педагогика. – С. 229–233. [Электронный ресурс]. – URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/229-233_14.pdf (дата обращения: 06 мая 2025).

3. Красовская, Н. А. Лингворегионоведение в аспекте изучения русского языка как иностранного (некоторые обобщения опыта работы) / Н. А. Красовская // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2024. – Вып. 4 (20). – С. 193–204. – URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-193-204> (дата обращения: 06 мая 2025).

4. Чупановская, М. Н., Маклакова, Т. Б. Региональный компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (лингвокультурный комментарий краеведческого материала Иркутской области) / М. Н. Чупановская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Том 12. – Вып. 3. – С. 348–352.

УДК 82.09+82'282+81'42

Куприянова А.А.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

ИСТОРИОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. ПРОСКУРИНА В ИТОГОВОЙ КНИГЕ МЕМУАРОВ «НА ГРАНИ ВЕКОВ»

В статье рассматривается вторая книга мемуаров П. Проскурина как произведение, отразившее историософские взгляды писателя. Писатель представляет положение России как державы между Западом и Востоком, акцентирует роль страны в мировой истории будущего человечества. Обращение к концепции державности России Проскурина-философа позволяет раскрыть новые грани в оппозиции «Восток - Запад - Россия» в художественном мире прозаика.

Ключевые слова: историософия; консерватизм; историзм; миссия России; мемуаристика; П. Проскурин.

Kupriyanova A.A.

*Scientific supervisor: Sharavin A.V., Doctor of Philology, Professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

P. PROSKURIN'S HISTORIOSOPHICAL VIEWS IN THE FINAL BOOK OF MEMOIRS «ON THE EDGE OF THE CENTURIES»

The article examines the second book of memoirs by P. Proskurin as a work that reflects the writer's historiosophical views. The writer presents Russia's position as a power between the West and the East, and emphasizes the country's role in the world history of the future of humanity. The appeal to the concept of Russia's sovereignty by Proskurin the philosopher allows us to reveal new facets in the opposition "East - West - Russia" in the artistic world of the prose writer.

Keywords: *historiosophy; conservatism; historicism; mission of Russia; memoirs; P. Proskurin.*

Литературоведы, характеризующие творчество П. Проскурина 90-х годов XX века, отмечали кардинальное изменение художественной манеры писателя, эволюцию его творческой индивидуальности. Действительно, с этой концепцией можно согласиться. Творческое движение П. Проскурина обозначилось в его тяготении к фантастике, притчевости, метафорике, символизму, мистике, понимании истории как столкновения масонских обществ со славянскими посвященными-родовичами, анализ inferнальной стороны власти и т. д. Все это стало следствием того, что писатель уходил от исторического материализма к историософии. «Историософия в самом общем плане есть поиск смысла в истории, в религиозном аспекте – поиск провиденциального, часто трагического и драматического, смысла мира и человеческой жизни... Историософский подход стремится обосновать идею о том, что исторический процесс является не набором разрозненных случайных событий, фактов и явлений в бытии народов, подчиненных логике выживания и сохранения своего эмпи-

рического существования, но неким целостным процессом, имеющим высшую, метафизическую цель (духовное задание, миссию)», – отмечает Ю. Кот [3, с. 34].

Бражников развивает идею об историософском тексте как взаимодействии метафизики и семиотики истории: «... историософия... – это не только метафизика, но и семиотика истории. Историософский текст – это произведение или ряд произведений в рамках национальной письменной традиции, в которых исторические события (уже произошедшие, происходящие или только ожидаемые в будущем) образуют определенную знаковую систему» [1, с. 12]. Историософия П. Проскурина направлена на проблему осмысления русской цивилизации, русского мира как проблемы фундаментального стратегического характера. Писатель осознавал судьбоносность русской идеи не только для нашей страны, но и для всего мира. П. Проскурин в мемуарной книге «На грани веков» подошел к проблеме русской цивилизации глобально, разрабатывая ее комплексное, многоплановое видение. Авторы монографии «Философия русской идеи» обозначили структуру русского мира как состоящую из четырех частей: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация [4, с. 210]. Данный подход – методологическое решение проблемы русской историософии у П. Проскурина. Геополитическая реальность определяется для писателя вопросом: «Что произошло с Россией?» [5, с. 424]. П. Проскурин строит парадоксальные догадки: «Накликali беду ее вдохновенные пророки? Тютчев? Достоевский? Лесков? Федоров?» [5, с. 424]. Мемуарист дает расшифровку «темного» места: гении России, пророчествующие ей великое будущее, привлекли излишнее любопытство Европы («Своим гением, своим космическим пониманием духовности они невольно привлекали излишнее любопытство Европы, всегда ревниво следившей за русской жизнью, Европы, в основном уже успокоившейся и умиротворенной, давно оставившей поиск души и Бога, и лениво и сытно колышущейся в прилизанных и мелко-одинаковых берегах размеренной животной жизни. Россия всегда подсознательно раздражала Европу своей вечной взлохма-

ченностью и неуспокоенностью» [5, с. 424]. Геополитическая реальность определяется по Проскурину антагонизмом России и Европы как антагонизм духовного и материального, динамики и статики, развития и стагнации, Богоискательства и Богоотступничества. Россия подсознательно вызывает у Запада любопытство, раздражение, зависть, экспансию и страх. И это связано как с огромной территорией нашей страны, так и с миссией России – спасением человечества, светом с Востока, объединением всех различных цивилизаций в единую земную («Была и чисто физическая причина – огромность самой массы и протяженность из материка в материк, что тоже возбуждало острую зависть, экспансию и страх»; «Только русский опыт бытия был полнокровным и естественным опытом движения к единству земли и человечества, и только такой путь может принести расцвет земной цивилизации, только у России и русского народа был изначально заложен объединительный фермент в сплочении Востока и Запада, и никому другому этого больше не дано – так решило провидение, вложившее в русской гений непрестанный, изнуряющий поиск космического озарения смысла явления человека в бескрайней пустыне космоса» [5, с. 424, 433].

Русская цивилизация определяется русской национальной государственной идеей как идеей имперской – вот главный тезис П. Проскурина («Русская государственная имперская идея – естественное, концентрированное выражение смысла славянской, тем более русской, евразийской цивилизации, по духовному взлету и степени концентрации самовыражения, не имеющей себе равных в истории человечества» [5, с. 438]. Противоречия с Западом невозможно разрешить, потому что Россия, как и другие страны, стремящиеся к независимости, воспринимаются Старым и Новым Светом как «посягательство на международный элитарный правящий строй, по природе своей глубоко паразитический» [5, с. 425]. И свою безопасность «мировая элита» отождествляет с «беспрекословной рабской покорностью всех без исключения народов мира» [5, с. 425]. Переноса разговор об угрозах Запада Ираку, П. Проскурин отмечает демагогию лидеров Европы и Америки: им не нужен независимый Кувейт, за который так ратуют Миттеран, Тэтчер, Буш, им нужны природные ископаемые независимых стран Азии («Запах иракской нефти возбуждает их

дряхлую душу, омолаживает ее мефистофельскую суть, – в мире так и не исчезает запах серы») [5, с. 425]. Запросы верхнего элитарного эшелона достигли «пагубности своего фантастически уродливого, сверхгигантского уровня личного потребления» [5, с. 425]. Это и определяет политику войн, которую «эти господа, эти сторожевые монстры» несут миру, они «пойдут и на атомную обработку гордого и свободолюбивого иракского народа» [5, с. 425]. Данная небольшая дневниковая запись от 03. 10. 90 года важна для П. Проскурина: писатель проецирует подоплеку иракских событий на отношения Запада и России. Старый и Новый Свет лишь демагогически выражает озабоченность недемократичностью русских, главная их цель – покорить или уничтожить свободолюбивый народ, захватить огромную территорию страны и ее природные ресурсы. Эти причины, по П. Проскурину, и обусловили уничтожение советской империи. Привела к гибели страны перестройка России, затеянная прозападной «командой Ельцина» [5, с. 418]. Итогом ее стала, считал П. Л. Проскурин, «... Россия, кровью умытая, до неузнаваемости искалеченная непрошенными "перестройщиками"» [5, с. 544]. Это осмысление уничтожения страны, русского государства и позволило писателю осознать прошлое и правителей СССР совершенно с других позиций.

Для П. Проскурина при оценке «вождей» империи, начиная с династий рюриковичей и романовых, главным признаками величия оказываются слияние с народом, честолюбие и страсти, при этом писатель для характеристики использует эпитеты, многократно усиливающие эмоциональную реакцию читателя: «Все великие люди (Сталин, Черчилль, Моисей, Александр Македонский, Наполеон, Ленин) сходны в одном: внешняя скромность, умение как бы раствориться в народе, слиться с ним и в то же время **бешеные, сатанинские страсти, бешеное честолюбие**» [5, с. 526]. Писатель, трудно сказать имплицитно или сознательно, строит фразу так, что она контекстуально отсылает к высказыванию Родиона Раскольникова о личностях «право имеющих» («... законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято

чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь») [2, т. 6, с. 199-200]. П. Проскурин ассоциирует с кровью ради будущей гармонии, которую проливали «право имеющие», сигнализирует читателю, что он помнит о преступлениях великих. Однако писатель понимает: вожди, правители, делающие Россию могущественной империей, проходят по другому измерению и предъявить им нарушение нравственно-этических законов было упрощенным взглядом на историю. А вот к слабым правителям, губящим страну, П. Проскурин беспощаден: постперестроечная власть у него – «ельциновское палачество» «над русским народом» [5, с. 540]. Так же беспощаден писатель и к некомпетентным руководителям государства. Характеристика Н. С. Хрущева выдержана в духе сатирического романа-хроники «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Возникают параллели между градоначальниками (Брудастый, имевший в голове органчик, выдававший несколько запрограммированных фраз, и Прыщ, имевший голову, фаршированную трюфелями) и советским руководителем, разоблачившим культ Сталина («Черчилль о Хрущеве – он, Хрущев, хотел перепрыгнуть пропасть в два приема. О человек, у которого в речах мало смысла, у него же в котелке давления не хватает, а чтобы его создать, необходимо много думать, где же родиться умной мысли, если в башке пусто от непрерывной болтовни?») [5, с. 526].

Мемуары П. Проскурина, когда он описывает перестроечных вождей, обретают черты политического памфлета. Людоедская и сатанинская сущность – главное, что для писателя определяет новоявленных руководителей страны. П. Проскурин даже не считает нужным как-то реалистически объективизировать свои плакатные афоризмы, не без основания считая, что такая гротескная характеристика непредвзято, лучше любого правдивого изображения, дает представление о сущности этих двух вождей перестройки. Впрочем, отмеченные референции он подкрепляет сценами обнищания народа и развала государства, дискредитации и уничтожения сил, ставящих задачи национального возрождения русской государственности, возвращения Россия на самобытный

путь развития и утверждение равноправного отношения с иностранными державами. П. Проскурин во второй книге мемуаров «На грани веков» рассуждает о возможности изобразить какие-то человеческие черты у созданных им образов-фантомов, людей-масок Ельцина и Горбачева: «Горбачев и Ельцин ... – две тяжкие гири на ногах российского народа. Несомненно, в художественном исследовании подобных «людей-масок», в романе, допустим, повести или трагедии, вполне могли бы проступить и некоторые положительные их качества, – человек, даже самый омерзительный, не может быть создан природой из одного зла, из одной беспросветной тьмы. И они, вышепоименованные фантомы, биологические носители русской беды, надо думать, любили своих близких, жен, детей, внуков, страдали, мучились, ошибались, впадали в запой, блудливо по-мелкому грешили, в них были бы подмечены и смешные, комические, а то и трагикомические черточки» [5, с. 547-548]. Однако писатель-государственник не может по-другому судить тех, кто уничтожил могущество супердержавы, поставив ее в экономическую и политическую зависимость от Запада. И в связи с этим, замечает П. Проскурин, в мемуарах только «попытка обобщить» в лицах Горбачева и Ельцина положение России на грани XX и XXI веков («Можно и необходимо понять и многое другое в характерах и поведении ряда особ, вознесенных на самые вершины власти над другими людьми и целыми народами, но у нас здесь всего лишь попытка обобщить по мере сил характерные особенности российской действительности на стыке эпох, а для этого прежде всего необходимы конкретные факты и результаты выводы») [5, с. 548].

Если для писателя ясны причины провозглашения перестройки Горбачевым и Ельциным – это их прозападность, отсутствие русских национальных корней, предательство национальных интересов, жажда обогащения, то ответ на вопрос, почему это принял русский народ, приводит П. Проскурина к рассуждению о русском характере. Расследование приводит мемуариста к «Окаянным дням» Бунина, к расследованию писателем-эмигрантом русской души: «Он не мог понять и принять, может быть, одного – обнажившейся в одночасье двойственности и зыбкости русской души, ее падкости на всяческие лжепосуды и лжеобещания, но этого никто и никогда не поймет и не объяснит, такой уж

она выродилась из европейско-азиатского мрака, русская душа» [5, с. 425]. Русский народ, по П. Проскурину, был пойман на стандартную уловку сатаны – жажда обогащения, миражи золотого тельца. Писатель рисует фантазмагорическую картину страны, где все одержимы дьявольским стремлением захватить, присвоить несмотря ни на что и вопреки всему («Все торгуют, жажда денег огромна, всемогуща – она управляет толпой, движет каждым ее мускулом, каждым трепетом нерва. Деньги, деньги, деньги! Злата, злата, злата! Сей вожделенный стон навис над Москвой, над новой, теперь уже капиталистической Россией, рвущейся в пещерный век частной собственности. Хоть обглоданная кость, но моя, все мое, от японского презерватива до отдаленных Галактик, на всем моя мета, мое несмываемое клеймо собственника, – на Кремле, на Боге, на душе ребенка. Безумие собственности волнует, будоражит кровь, заставляет раздуваться ноздри» [5, с. 441]. П. Прокурина не устраивает положение могущественной некогда империи, в 90-ые годы ставшей страной третьего мира, по существу, колонией Запада.

Будущее России в мемуарах П. Проскурина имеет два варианта. Первый – апокалипсический. По П. Проскурину, Россию уничтожит раздражение белой расы глобалистов против русской цивилизации, идущей по пути к «единству земли и человечества» [5, с. 433]. Вывод писателя: «Гибель России – гибель всей белой расы» [5, с. 433]. Проскурин воссоздает апокалипсическую картину мира, сожженного в ядерном огне: «Когда над сожженной пустыней человечества, где... все... будут уравнены по беспощадным законам восставшей и мстящей природы, послышится... голос последнего Рокфеллера или Буша, в ответ ему прозвучит далекий сожалеющий смех, и это будет русская загадочная улыбка над пустыней мира...» [5, с. 433]. Последний катаклизм в мемуарах П. Проскурина завершается явлением Бога, у русского советского писателя – это знак земного мира и перемещения русского начала в другие запредельные миры («Над Вечной могилой стоял Творец и вопрошающе глядел на дело рук своих, а русский смех, знакомый и равнодушный, отдавался уже в глубинах космоса, в каких-то других, запредельных мирах») [5, с. 433]. Для писателя аксиома, что русское начало космическое, и оно не по-

гибнет при любом апокалипсическом варианте. Идеальный русский менталитет для него сродни одухотворенности Вселенной, квинтэссенции Божественной духовности и осмысленности Космоса. Проскурин моделирует вариант апокалипсиса, усиливая необратимость, трагичность и катастрофичность утраты России для мира и Творца.

Однако писатель предполагает и оптимистичный вариант судьбы русского государства. Для него Россия в конце 90-х годов XX века как богатырь на распутье, выбирающий из трех путей: «Итак, теперь перед Россией высветилось три дороги: смириться с режимом, начать освободительную борьбу или вновь вступить на путь Ивана Калиты – крупица за крупицей восстанавливать и наращивать национальное здоровье, копить силы и ждать еще одного своего крестного часа» [5, с. 453]. И пусть, отмечает П. Проскурин, с логической точки зрения ни один из предложенных путей нереален и все они «ведут к катастрофе российской государственности и уходу в небытие русского народа», по концепции тютчевской веры в Россию: «Но кто, хоть однажды, проник в замыслы творящего Космоса?» [5, с. 453]. Писатель делает вывод, что страна уходит в неизвестность нового века и тысячелетия, однако живущие в русской душе «живительное зерно неуспокоенности в поисках истины», «жажда нового созидания», «стремление властного зова к неведомым вершинам» и определяют неуничтожимость русской цивилизации, ее «сакральность, крестный русский путь от самой ее космической природы предназначение» [5, с. 547]. Финал мемуаров отражает веру писателя в бессмертие русского народа и русской цивилизации («Хотя русский народ северный - крепкой породы, должен выжить»), но, чтобы это стало аксиомой, необходимо «взвалить тяжесть решения и ответов на свою собственную совесть...» [5, с. 549]. Итоговая книга П. Проскурина корреспондирует с его первым романом «Глубокие раны». Произошло углубление историзма писателя, в итоге вылившееся в его историософию [6], [7].

Для П. Проскурина русская историософия в мемуарах «На грани веков» – важнейший компонент Русского мира, определяющий общественно-политический и нравственный идеал. Предназначение России в ее миссии – спасения человечества, путем

объединения всех национальных цивилизаций в единую гармоничную земную.

Список литературы

1. Бражников, И. Л. Русская литература XIX–XX веков: историософский текст / И. Л. Бражников. – Москва : МПГУ, 2011. – 240 с.

2. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972 – 1988. Преступление и наказание. Роман в 6 ч. с эпилогом. – Ленинград : Наука, 1973, т. 6. – 423 с.

3. Кот, Ю. В. Историософская парадигма русского мира (нравственно-религиозные аспекты) / Ю. В. Кот // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 2 (112). – С. 32-42.

4. Кочеров, С. Н., Париков, О. В. Философия русской идеи: Монография / С. Н. Кочеров, О. В. Париков. – Москва : Издательский Дом «Русская Философия», 2022. – 300 с.

5. Проскурин, П. Порог любви / П. Проскурин. – Орел : Изд-во «Картуш», 2023. – 560 с.

6. Старцева, И. Л. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая / И. Л. Старцева, А. В. Шаравин, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 135-143.

7. Старцева, И.Л. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья вторая / И. Л. Старцева, А. В. Шаравин, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 144-150.

Крылова В.А., Кузнецова Н.В.
МБУДО «Юность», г. Белгород, РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются причины использования фразеологизмов военной тематики в текстах публицистического стиля, дается анализ их происхождения.

Ключевые слова: публицистический стиль, фразеологические единицы, фразеологизмы военной тематики.

Krylova V.A., Kuznetsova N.V.
MBUDO «Youth», Belgorod, Russia

THE USE OF MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE MODERN LANGUAGE

The article describes the reasons for the use of military phraseological units in the texts of the journalistic style, analyzes their origin.

Keywords: journalistic style, phraseological units, and phraseological units of military themes.

В современном обществе средства массовой информации являются самыми влиятельными средствами, формирующими взгляды людей. Это связано со всеобщей глобализацией потоков информации, развитием и доступностью разных способов информирования и коммуникации, значительным расширением круга аудитории средств массовой информации.

СМИ формируют информационное пространство, без которого невозможно представить ни одну сферу жизни современного человека.

Конституционно закреплённая свобода СМИ и запрет цензуры делает их еще более влиятельными, так как они могут свободно формировать общественное мнение, при этом использовать различные источники информации. С появлением такой неограниченной свободы появились и новые языковые единицы.

В газетных, журнальных статьях, в официальных интернет ресурсах используется публицистический стиль, который активно использует фразеологические обороты, использование которых помогает проявить индивидуальность, формировать образ автора.

Фразеологизмы обладают выразительными, изобразительными значениями, которые отличают его от обычных языковых единиц. Это особенная их языковая выразительность обусловлена тем, что фразеологизмы не только выражают реалистичную характеристику лиц, предметов, действий, но и передают мнение говорящего. Светлый *подвиг* – самоотверженный искренний поступок, *смертный бой* – очень тяжелый, ожесточенный.

Фразеологизмы современного языка постоянно обновляются. В связи с проведением СВО наш язык пополняется новыми фразеологическими оборотами военной тематики.

К фразеологизмам военной тематики можно отнести:

- фразеологизмы, которые связаны с какими-то военно-историческими событиями: Мамаево побоище;
- высказывания известных людей: Если враг не сдастся – его уничтожат;
- *отдельные* элементы военной терминологии: вступить в бой, бередить рану, вылетать пулей, бить в одну точку, и т.д.

Часто стали встречаться фразеологизмы- обстоятельства: идти в ногу, в ружьё, единым фронтом, на два фронта, на пушечный выстрел и др. Их употребление связано с тем, что во время проведения боевых действий нужно чётко понимать способ выполнения каких- то действий.

Фразеологизмы могут быть однозначными (*ночные ведьмы*), так и многозначными (*поднимать оружие*).

Фразеологические обороты отличаются эмоциональной окрашенностью и могут иметь:

- 1) положительную окраску, например, жизнь отдал служению родине;
- 2) отрицательную окраску: штабные крысы;
- 3) нейтральную окраску: ахиллесова пята.

К русским фразеологическим оборотам относятся выражения, связанные с практикой рукопашного боя: лежащего не бьют, бить смертным боем, нож к горлу, шпагу в ножны переть как танк

В русском языке используются и заимствованные фразеологические обороты: пустить в бой тяжелую артиллерию и др.

Также могут встречаться калькированные фразеологизмы: на войне как на войне; разрубить узел; со щитом и на щите; идущий на смерть приветствует тебя и др. Часто используются интернациональные фразеологизмы: *быть в авангарде, регулярные войска, надеть эполеты, тяжелая артиллерия и др.*

Такие фразеологические обороты очень активно употребляются в русском языке, но их военное происхождение остается не проявленным. Такая лексика, по мнению отечественного лингвиста В.М. Мокиенко, не является пережитком прошлого, а напротив, находит свое применение в различных ситуациях повседневной коммуникации [Мокиенко 2010.3]

Существуют и собственно авторские фразеологизмы. Автором многих из них является русский полководец А.В. Суворов, который сформулировал основополагающие принципы военной доктрины А.В. Суворов использовал простой, доступный для понимания народа язык. Это помогало ему сделать свою более доходчивой: дисциплина – мать победы, стреляй редко, да метко, пуля дура, штык молодец.

Применяются в русском языке и иностранные авторские слова и высказывания: Я не боюсь армии тигров во главе с овцой; я боюсь армии овец во главе с тигром (Александр Македонский), Бог придумал войну, чтобы американцы учили географию (Марк Твен), Люди, чем старше, объявляют войны. Но воевать и умирать должны молодые (*Герберт Гувер*).

Элементами военной тематики, военными терминами в данный момент времени активно пополняется русская фразеология, особенно фразеология публицистического стиля. Военный термин – это специальное профессиональное наименование, которое имеет простую или сложную структуру (словосочетание), с профессиональными доминированными понятиями из области военного делопроизводства военной науки, техники, делопроизводства, жизнедеятельности войск, и т.д.), в семантической структуре которого непременно наличествует сема «военный», «боевой» [Гарбовский 2009.1]

В настоящее время наш язык активно пополняется фразеологией военной направленности. Военная терминология проникает во многие аспекты нашей жизни: политику, журналистику, частные разговоры.

Современный разговорный язык наполнился словами и выражениями, из жаргона военнослужащих: ветрушка, зеленка, контрабас.

Большое количество этих слов изначально использовалось только в устной речи военнослужащих и никогда не применялось в официальных источниках, но в настоящее время такие слова очень плотно закрепились в публичном языке выступлений благодаря их частому использованию в средствах массовой информации. Такая лексика является производной от официальной терминологии: *самоволка* – самовольное оставление места службы, часто используются сокращения: *АК* – автомат Калашникова. Эта лексика высокоэмоциональна, поэтому охотно используется в общественно-политической коммуникации. На базе такой лексики и создаются очень яркие фразеологические обороты: *дембельский аккорд* – хороший поступок или подарок подразделению солдата, увольняющегося в запас, *резиновый день* – среда, день, в который во всех частях проходят мероприятия радиационно-химическо-биологической защиты. [Дубенец 2003. 2]

Обогащение публицистической лексики фразеологическими оборотами военной направленности может идти несколькими путями.

1. Может проникать в публицистический стиль именно военная терминология, которую используют в ее прямом значении: *Сирийская армия отбила очередную атаку боевиков*.

2. Переходить в общее употребление на языковом поле словосочетаний терминологического характера: *нештатная ситуация, гремучая смесь*: (о дипломатах) (Из газ. интервью).

3. Формироваться путем использования слов и речевых оборотов военной тематики: чиновничья обойма, полевой командир, страшный как атомная война (бомба), проводить/провести мозговую атаку: Приходится периодически перетрясать чиновничью обойму [Чепасова А.М. 2006.4]

Военная лексика постепенно проникает и в разговорный стиль, способствуя развитию его лексико-фразеологической системы.

Можно выделить отдельную группу новых слов, связанных с СВО на Украине. В последнее время появилось очень много неологизмов, которые используются блогерами в интернет – ресурсах. Даже в телепрограммах и дебатах известных журналистов и политологов можно услышать такие слова: ватники, укропы, хохлы, даунбасс, свидомиты... Эти слова уже довольно прочно вошли в нашу речь.

Появилось еще много неологизмов: ато – антитеррористическая операция; бандеровец – лексический неологизм, производная от имени лидера украинского национализма ;ватник - человек настроенный лояльно по отношению к России ; Даунбассы-ополченцы, жители Донбасса;колорады - люди , которые носят георгиевские ленты .Украинские националисты считают, что это не цвет великой Победы, а цвет колорадского жука, который измучил местных земледельцев; луганда – оскорбительное название Луганской области, используется укронацистами; майдаун – оскорбительный термин, который относится к людям поддерживающим современную киевскую власть; псакнуть – сказать что-то глупое, с самым умным видом; свидомит – свидомиты – то же самое, что майдауны, только более ориентированные на Европу; укроп – украинский патриот; щеневмерлик – украинец, который слепо верит в победу Украины и многие другие.

Самое активное употребление военной лексики и фразеологических оборотов приходится на периоды вооруженных конфликтов; так, в настоящее время современный язык публицистики значительно обогатился новыми словами и фразеологическими единицами.

Список литературы

1. Гарбовский, Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи) / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство: «Либроком», 2009. – 144 с.
2. Дубенец, Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке / Э. М. Дубенец. – М.: Глосса-Пресс, 2003. – 256 с.

3. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – Москва : Высшая школа, 2010. – 436 с.

4. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. Пособие / А. М. Чепасова. – Челябинск, 2006. – 256 с.

УДК 811.161'42:398.91

Лазаренко Е.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Новозыбков, РФ

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассмотрены особенности употребления жителями приграничных с Беларусью территории Брянщины диалектных наименований, связанных с наименованием частей тела человека. Данные языковые единицы широко распространены в речи жителей юго-западных областей Брянской области и являются характерной этнолингвистической чертой исследуемого региона, позволяющей говорить о родстве восточнославянских языков.

Ключевые слова: *диалектизмы, диалект, языковые единицы, Брянская область, диалектные номинации, пограничье.*

Lazarenko E.V.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Novozybkov, Russia

FEATURES OF NAMES OF PARTS OF THE HUMAN BODY IN BRYANSK DIALECTS

The article examines the peculiarities of the use of dialect names associated with human body parts by residents of the Bryansk region bordering Belarus. These linguistic units are widely distributed in the speech of residents of the southwestern regions of the

Bryansk region and are a characteristic feature of the ethnolinguistic feature of the region under study, which makes it possible to speak about the kinship of the East Slavic languages.

Keywords: *dialectisms, dialect, linguistic units, Bryansk region, dialect nominations, borderlands.*

По своему географическому положению Брянская область является уникальной территорией. «Эта территория интенсивных историко-культурных, этнических и языковых контактов» [Стародубец 2023: 209]. Юго-западные ее районы «относятся к расположенной на левом берегу Днепра части так называемого Восточного (или Левобережного) Полесья (включающем также Чернигово-Сумскую зону Украинского и Гомельскую область Белорусского Полесья) и характеризуются особым этническим своеобразием и уникальной традиционной и материальной культурой» [Белугина 2016: 6].

Такое месторасположение обусловило специфику брянского диалекта. Его принято считать переходным на основании того, что он распространяется на той территории, где функционирует белорусский язык, и постепенно переходит в юго-восточный диалект.

Характер брянских говоров складывался в условиях тесного контактирования трёх восточнославянских языков. Поэтому учёные разных времён по-разному квалифицировали эти говоры: как белорусские, как южновеликорусские, как переходные между русским и белорусским языками.

Например, П. А. Расторгуев определил говоры Западной Брянщины как южновеликорусские, развивавшиеся в прошлом и развивающиеся в настоящем на белорусской основе. В. И. Чагишева классифицировала говоры Брянской области как особую группу южновеликорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия.

Изучению диалектных особенностей языка жителей Брянской области посвящено множество научно-исследовательских работ, в которых рассматривается употребление диалектизмов жителями пограничья в разных сферах их деятельности.

Актуальность данной публикации обусловлена спецификой языка жителей юго-запада Брянской области», который

«представляется особо значимым ещё в связи с тем, что данные районы Восточного Полесья, несмотря на глобальную индустриализацию, до сих пор во многом сохраняют архаичные черты духовной и материальной славянской культуры» [Белугина 2017: 8].

Нами был проведен анализ, с использованием «Брянского областного словаря», расшифровок фольклорно-этнографических записей, сделанных студентами Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, хранящихся в фольклорно-этнографическом архиве филиала БГУ в городе Новозыбкове. На основе этого анализа была осуществлена работа, направленная на изучение диалектных языковых единиц, характеризующих части тела человека: верхняя часть тела (голова), торс, верхние и нижние конечности.

1. Лексико-тематическая группа «Верхняя часть тела человека». Во время анализа картотеки диалектных наименований была определена группа слов, описывающих голову и все, что к ней относится, включая зубы.

1.1. Голова

Балдѣшка – голова [Мызников 1965: 78]. («*А балдѣшку ты́ доманѣ забы́ў*» – из записи 2024 г., пгт. Мирный, Гордеевский район); **башка́** – голова [Мызников 1965: 163] («*Ни́ трасі́башко́й*» – из записи 2017 г., с. Шеломы, Новозыбковский район).

1.2. Волосы

Пáтлы – волосы [Мызников 1965: 273] («*Мáткадо́ууала-старшóуасы́на за́нѣпаслу́шáнá за́пáтлы*» – из записи 2001 г., с. Старый Ропск, Климовский район); **волóсса** – волосы [Мызников 1965: 63] («*Валóсá зачáшы*» – из записи 2017 г., с. Шеломы, Новозыбковский район); **кудѣли** – кудри [Филин 1965: 397] («*Мáмаздѣлалапрікрáсны́якудѣ́ли*» – из записи 2024 г., с. Фёдоровка, Злынковский район); **очѣсок** – клочок волос [Мызников 1965: 66] («*Бáбакі́нулаачѣ́сак ў́нѣ́чку*» – из записи 2024 г., с. Шеломы, Новозыбковский район); **пѣсья** – растрепанные нерасчесанные волосы [Курганская 2011: 245] («*Яна́ свáзáласва́й пѣ́сја ф́хвóст*» – из записи 2001 г., с. Катичи, Новозыбковский район); **колтун** – запутанный клочок волос [Мызников 1965: 196] («*Якíјэ ў́нѣ́жалтуны́ на́уалавѣ́*» – из записи 2024 г., пгт. Мирный, Гордеевский район).

1.3. Глаза

Глядѣлки – глаза [Мызников 1965: 227] («*Ўсѣ гладѣлки пра гладѣла*» – из записи 2018 г., д. Тростань, Новозыбковский район); **вѣчи** – глаза [Мызников 1965: 165] («*Чаго ты на мѣнѣ вѣчи выдлуціў*» – из записи 2017 г., с. Верещаки, Новозыбковский район); **бѣльмы** – глаза [Курганская 2011: 24] («*Ам испуўама́лчика ткрѣушырако́ бѣ́лмы*» – из записи 2017 г., с. Новое Место, Новозыбковский район).

1.4. Нос

Сопѣтка – нос [Мызников 1965: 328] («*Зату ба́ба Зѣнкаўчо́расапа́ткуразбѣла*» – из записи 2016 г., с. Творишино, Гордеевский район); **шнѣбель** – нос [Мызников 1965: 341] («*На сѹ́жшнѣ́бѣл' куда́ на́на́да*» – из записи 2024 г., с. Рожны, Клинцовский район);

1.5. Рот (зубы)

Халѣва – рот [Курганская 2011: 337] («*Чаго халѣ́вуза-крѣ́й*» – из записи 2024 г., с. Старый Ропск, Климовский район); **ка́чки** – челюсть [Мызников 1965: 146] («*Ка́чки выдвѣ́нуў*» – из записи 2024 г., с. Старый Ропск, Климовский район); **ча́вки** – челюсти [Курганская 2011: 347] («*Ўсѣ́ ча́фкисва́ло*» – из записи 2017 г., г. Клинцы, Клинцовский район); **ска́лы** – зубы [Мызников 1965: 373] («*Ска́лы павыпа́да́ліу мѣ́нѣ́ра́на*» – из записи 2024 г., с. Рожны, Клинцовский район).

1.6. Уши

Ву́хи – уши [Мызников 1965: 240] («*Шѣ́ ты ву́хи навастрѣ́ў*» – из записи 2017 г., с. Шеломы, Новозыбковский район).

1.7. Шея

Хлу́т – шея [Мызников 1965: 229] («*Ја́кмѣ́нѣ укусі́ўкама́рза хлу́т*» (Гордеевский район, пгт. Мирный) 2016).

2. Лексико-тематическая группа «Торс». К данной группе относятся диалектные единицы, описывающие части туловища.

Цѣ́цки – грудь [Мызников 1965: 247] («*А́ то у́на́шѣ́дрѹ́шкѣ́цѣ́цкѣ́ па́каду́шкѣ́*» – из записи 2023 г., с. Катичи, Новозыбковский район); **мамо́н** – живот [Мызников 1965: 352] («*Шѣ́ ты вы́ва́ліўсво́јмамо́н*» – из записи 2023 г., с. Катичи, Новозыбковский район); **чре́сла** – поясница [Мызников 1965: 326]

(«Разбалэлас' **чрѣсла** у'манá» – из записи 2016 г., п. Ирпа, Климовский район); **серѣдина** – поясница [Курганская 2011: 296] («Шó' тау'ман' **сърѣдина**балйт» – из записи 2024 г., пгт. Мирный, Гордеевский район).

3. Лексико-тематическая группа «Конечности». К данной группе относятся лексические диалектизмы, называющие верхние и нижние конечности человека.

Рўца – рука [Мызников 1965: 276] («**Рўца**быўáу' мазўт'эпóсл'эрабóт» – из записи 2024 г., д. Ларневск, Красногорский район); **долóнь** – ладонь [Мызников 1965: 114] («Он'прат'инуў' к'мин' **свају' далóнь**» – из записи 2017 г., г. Клинцы, Клинцовский район); **длáнь** – ладонь [Мызников 1965: 69] («Уа'далкавз'алапáт'рубл'óу' за'уаданá на' **длáнь**» – из записи 2017 г., пгт. Климово, Климовский район); **лытки** – колени [Мызников 1965: 226] («Карóткинаш'ысвйткí/ нам'эрз'лínaш'ылы'ткí» – из записи 2015 г., с. Чернооково, Климовский район); **влóнья** – колени [Курганская 2011: 52] («На'мáш' свају' **влóнь**жамáз'у» – из записи 2018 г., с. Чуровичи, Климовский район); **цырли** – цыпочки [Курганская 2011: 347] («Шó' ты' п'ратн'ймна' **цýрлах**б'эуáжш» – из записи 2023 г., г. Новозыбков, Новозыбковский район).

Таким образом, в речи людей, проживающих на территории Брянской области, присутствует множество диалектных языковых единиц, которые используются при описании частей тела. Данный факт является отражением языковой ситуации, характерной для приграничных регионов, так как «лингвокультурное пространство Брянской области, уходящее своими корнями в глубокое прошлое, сохраняет многочисленные реликтовые особенности общеславянской и восточнославянской культуры. Являясь одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, Брянщина наиболее полно сохранила в различных проявлениях архаические элементы традиционной народной, духовной и материальной культуры. Все это находит отражение и в языке жителей пограничного региона» [Белугина 2014: 62].

Культурно-языковая среда Брянской области, сохранившая элементы общеславянской культуры, отражает богатую историю

и традиции этого региона. Это проявляется в языке местных жителей, который несёт в себе особенности, указывающие на глубокие корни культурного населения.

Список литературы

1. Белугина, О. В. Особенности функционирования обрядовой лексики юго-западных районов Брянской области / О. В. Белугина. – Климово: Издательский дом "Авангард", 2017. – 210 с.

2. Белугина, О. В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Белугина Ольга Владимировна. – Брянск, 2016. – 272с.

3. Белугина, О. В. Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области / О. В. Белугина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68.

4. Курганская, Н. И. Брянский областной словарь / Н. И. Курганская. – 2-е изд., испр. и доп. – Брянск, 2011. – 361 с.

5. Словарь русских народных говоров: В 52-х т. / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Москва: Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1965.

6. Стародубец, С. Н. Современные этнолингвистические исследования материальной и духовной культуры российско-белорусского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // XV Конгресс МАПРЯЛ : Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2024. – С. 209-214.

7. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П.А. Расторгуев. /Авт. вступ. Статьи Н.Д. Расторгуева и Е.М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – 295 с.

Лебедева Я.В.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского», г. Новозыбков, РФ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ: ВОЗРАСТНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются особенности развития языковой культуры подростков в контексте возрастной психологии и психолингвистики. Акцент сделан на психологические и коммуникативные характеристики учащихся 5–9 классов, влияющие на формирование речевых навыков. Проанализированы теоретические подходы к определению понятия «языковая культура», выявлены структурные компоненты данного феномена, а также определены методические аспекты, которые необходимо учитывать при обучении подростков русскому языку. Отмечается важность создания благоприятной образовательной среды, способствующей развитию осознанного и творческого использования языка. Особое внимание уделено мотивации речевой деятельности, культуре речевого этикета и формированию рефлексии в процессе обучения.

Ключевые слова: языковая культура, подростковый возраст, речевое развитие, коммуникативная компетентность, методика обучения, мотивация речевой деятельности.

Lebedeva Ya.V.

*Bryansk State University named after Academician
I.G. Petrovsky, Novozybkov, Russia*

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE CULTURE OF TEENAGERS: AGE AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

The article examines the specific features of the development of adolescents' language culture within the framework of developmental psychology and psycholinguistics. The study focuses on the

psychological and communicative characteristics of students in grades 5–9, which influence the formation of speech skills. Theoretical approaches to the concept of "language culture" are analyzed, the structural components of this phenomenon are identified, and methodological aspects that should be taken into account when teaching adolescents the Russian language are determined. The article emphasizes the importance of creating a favorable educational environment that fosters conscious and creative use of language. Special attention is paid to speech activity motivation, speech etiquette culture, and the development of reflection in the learning process.

Keywords: *language culture, adolescence, speech development, communicative competence, teaching methods, speech activity motivation.*

Вопрос формирования языковой культуры обучающихся занимает одно из центральных мест в современной педагогической науке и методике преподавания русского языка. «Воспитание культуры человека, прежде всего, связано с культурой речи, так как последнее выступает в качестве важнейшего условия», — как верно отмечает Гузель Фаяновна Ахмедзянова [1: 221]. Следует отметить, что языковая культура представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, включающий не только знание норм литературного языка, но и способность адекватно использовать языковые средства в зависимости от коммуникативной ситуации, соблюдать принципы речевого этикета, а также демонстрировать уважительное отношение к собеседнику. Более того, в условиях динамично развивающегося информационного общества особую значимость приобретает развитие навыков эффективной коммуникации, что обуславливает необходимость целенаправленной работы по формированию языковой культуры в образовательном процессе.

Необходимо подчеркнуть, что исследование данной проблемы приобретает особую актуальность в контексте работы с подростками — учащимися 5–9 классов, поскольку, как отмечает Елена Вячеславовна Волкова, «Средний школьный возраст – это переход от детства к юности, период «полуребенка-полувзрослого»» [2: 85], — и именно этот возрастной этап характеризуется

активным становлением языковых и коммуникативных компетенций. Как показывают психолого-педагогические исследования (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), подростковый возраст отличается выраженной динамикой когнитивного и речевого развития, что непосредственно влияет на процесс формирования языковой культуры. В частности, в этот период наблюдаются интенсивное развитие абстрактного мышления, способствующее более осознанному усвоению языковых норм; повышенная чувствительность к социальному взаимодействию, что обуславливает значимость речевого поведения в коммуникации; стремление к самоидентификации, проявляющееся в выборе определенных языковых стратегий.

Таким образом, психологические и лингвистические особенности подросткового возраста нельзя игнорировать при построении системы обучения русскому языку.

С точки зрения современной методики, ключевая проблема заключается в выявлении возрастных и психологических закономерностей развития языковой культуры у подростков, которые должны быть учтены при проектировании образовательного процесса. В частности, требует решения вопрос о том, каким образом можно оптимизировать методические подходы к обучению с учетом специфики речевого развития учащихся данной возрастной группы.

Основной целью данной статьи является комплексное рассмотрение особенностей развития языковой культуры подростков в контексте возрастной психологии и психолингвистики. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Проанализировать ключевые теоретические подходы к определению понятия «языковая культура» в современной науке.
2. Выявить психологические и коммуникативные особенности подросткового возраста, влияющие на становление речевых навыков.
3. Определить методические аспекты формирования языковой культуры в условиях школьного обучения.

В современной лингводидактике и психолингвистике понятие языковой культуры трактуется как комплексная система зна-

ний, умений и навыков, обеспечивающих соблюдение норм литературного языка в различных видах речевой деятельности. Следует подчеркнуть, что данная категория не сводится исключительно к формальной грамотности, а предполагает осознанное владение коммуникативными стратегиями, позволяющими оптимизировать речевое взаимодействие в зависимости от социокультурного контекста. Таким образом, можно заключить, что языковая культура представляет собой динамическую систему, включающую нормативный, коммуникативный и эстетический компоненты, что обуславливает необходимость комплексного подхода к ее формированию в образовательном процессе.

Анализ научных исследований в области лингводидактики и методики преподавания русского языка позволяет определить основные структурные компоненты языковой культуры, которые имеют фундаментальное значение для образовательного процесса. Первым и наиболее базовым компонентом выступает грамотность, подразумевающая уверенное владение системой орфографических, пунктуационных и грамматических норм, что обеспечивает правильность как письменной, так и устной речевой деятельности. Сложно не согласиться с тем, что «для того, чтобы сформировать и развивать функциональную грамотность у обучающихся, нужно, чтобы педагог сам владел соответствующими навыками на высоком уровне» [5: 215].

Не менее важным аспектом является чистота речи, предполагающая сознательное исключение из речевой практики ненормативной лексики, жаргонизмов и избыточных языковых элементов, что в значительной степени способствует повышению общей культуры речевого общения. Особую значимость приобретает коммуникативная целесообразность — способность адекватно подбирать и использовать языковые средства с учетом конкретной ситуации общения, социального статуса собеседника и коммуникативных целей высказывания. Завершающим, но не менее важным компонентом выступает эстетика речи, проявляющаяся в стремлении к выразительности, использованию богатого лексического запаса и стилистическому разнообразию, что в конечном итоге способствует формированию индивидуальной речевой манеры и развитию языкового вкуса у обучающихся. Эти взаимо-

связанные компоненты в своей совокупности образуют целостную систему языковой культуры, требующую комплексного подхода в процессе обучения.

Особое значение в данном контексте приобретает развитие речевого вкуса, культуры дискуссии и навыков самоконтроля, что позволяет учащимся осознанно корректировать собственную речевую практику.

Подростковый возраст (11-15 лет) представляет собой особый этап развития, характеризующийся комплексом специфических психофизиологических и социальных процессов, оказывающих существенное влияние на формирование речевых навыков. Как показывают исследования в области возрастной психологии, этот период отличается рядом ключевых особенностей, непосредственно воздействующих на языковое развитие. Прежде всего, наблюдается ярко выраженное стремление подростков к самоутверждению и самовыражению, что находит отражение в их склонности к активному экспериментированию с различными языковыми формами. Параллельно происходит интенсивное освоение молодежного сленга и жаргонизмов, которые выполняют важную социальную функцию, выступая средством групповой идентификации и маркером принадлежности к определенной субкультуре. Характерной чертой данного возрастного этапа является также повышенная эмоциональность и экспрессивность речевого поведения, что связано с гормональной перестройкой организма и становлением эмоционально-волевой сферы. Одновременно с этим происходит активное формирование критического мышления, способствующего развитию рефлексивного отношения как к собственной речи, так и к речевым проявлениям окружающих. Однако важно понимать, что указанные возрастные особенности обладают амбивалентным характером: с одной стороны, они могут способствовать развитию языковой культуры через осознанный выбор эффективных речевых стратегий, а с другой - создавать определенные препятствия для этого процесса в случаях чрезмерного увлечения неформальной лексикой и некодифицированными языковыми формами.

Психологические факторы играют ключевую роль в становлении речевых компетенций подростков. Прежде всего, сле-

дует отметить значение мотивации речевой деятельности, которая может быть внутренней, проявляющейся в искреннем интересе к языку и стремлении к саморазвитию. Как отмечает Наталья Ивановна Кочергина, «характерная отличительная черта положения ученика в обществе определяется тем, что его обучение – это обязательная, общественно значимая деятельность» [3: 47], поэтому мотивация школьника может быть и внешней, связанной с получением оценки или социального одобрения.

Кульзираш Шаехметовна Танкина, учитель русского языка и литературы, отмечает, что «современное образование в школе предполагает ориентацию обучения не только на усвоение учащимися определенных знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и творческих способностей» [4: 170]. И потому не менее важным аспектом является эмоциональный фон на уроке: психологический комфорт способствует раскрепощению речи и свободному самовыражению учащихся, тогда как напряженная обстановка может создавать серьезные коммуникативные барьеры. Особую значимость в процессе формирования речевых навыков приобретает способность к рефлексии и самоконтролю, позволяющая подросткам осознанно анализировать собственные речевые ошибки и последовательно их корректировать. Существенное влияние на речевое развитие оказывает микросреда, включающая семью, школу и интернет-пространство, которые формируют определенные речевые паттерны, не всегда соответствующие нормам литературного языка. Наконец, важнейшим компонентом языковой культуры является освоение норм речевого этикета, включающее умение вести конструктивный диалог, аргументированно выражать свою позицию и соблюдать принципы вежливого общения. Все эти психологические факторы в совокупности создают основу для эффективного формирования языковой культуры в подростковом возрасте.

Таким образом, эффективное формирование языковой культуры у подростков возможно лишь при учете их возрастных и психологических особенностей, а также создании благоприятной образовательной среды, стимулирующей осознанное и творческое использование языка. Развитие языковой культуры подростков представляет собой сложный процесс, зависящий от возрастных и психологических особенностей личности.

Формирование речевых навыков в подростковом возрасте требует учёта следующих факторов: психологических характеристик возраста; социальной среды и влияния ближайшего окружения; методических подходов, способствующих развитию языковой культуры.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка и внедрение методик, направленных на активизацию мотивации речевой деятельности подростков и формирование их коммуникативной компетентности в различных видах речевой практики.

Список литературы

1. Ахмедзянова, Г. Ф. Обогащение словаря детей старшего дошкольного возраста фразеологизмами / Г. Ф. Ахмедзянова, Л. Ю. Маштакова // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 9. – С. 221-227.

2. Волкова, Е. В. Возрастные особенности учащихся и особенности формирования лексических навыков в средней школе / Е. В. Волкова // Современные тенденции развития науки и образования: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Прага, 21 декабря 2022 года. – Нефтекамск : Научно-издательский центр "Мир науки", 2022. – С. 85-88.

3. Кочергина, Н. И. Особенности развития познавательной сферы учащихся с учетом возрастных и психологических особенностей / Н. И. Кочергина, С. И. Алферова, Л. С. Корчакина // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 65-3. – С. 45-49.

4. Танкина, К. Ш. Создание эмоционального фона, стимулирующего успешную деятельность обучающихся на уроке литературы / К. Ш. Танкина // Двадцать вторые Чередовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 17 апреля 2024 года. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2024. – С. 169-176.

5. Фрисс, Н. В. Функциональная грамотность педагога как основа развития функциональной грамотности обучающихся / Н. В. Фрисс // Инструменты, механизмы и технологии современного инновационного развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Оренбург, 10 ноября 2023

года. – Уфа : Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2023. – С. 216-220.

УДК 81'373.612.2:811.161.3

Мальчикова Т.А.

*Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь*

АНТИТЕЗА «ЖИВОЕ-МЁРТВОЕ» В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Предметом исследования в данной статье является специфика образной системы в повести А. Платонова «Котлован» (1930 г.). «Неодушевлённость», характерная для образов живой природы, отображает настроение героев и становится «общим фоном» всего произведения. Для изображения предметного мира произведения автор, напротив, использует лексику, более подходящую для описания одушевлённых объектов, в результате чего неживая природа наделяется чертами «живого» (она может действовать, чувствовать, осознавать). Через данную антитезу («“мёртвые” персонажи» – «“живой” предметный мир») реализуется основная идея повести: «жизнь» мира неживой природы представляется автору «Котлована» более «настоящей», истинной, нежели «безжизненное» существование героев повести.

Ключевые слова: *Котлован, живой, неодушевлённый, мёртвый, антитеза.*

Malchikova T.A.

*Gomel State University named after Francis Skaryna,
Gomel, Republic of Belarus*

THE «LIVING – DEAD» ANTITHESIS IN A STORY «THE FOUNDATION PIT» BY A. PLATONOV

The subject of the research in this article is the specificity of the figurative system in the story “The Foundation Pit” by A. Platonov (1930). “Inanimateness”, which is natural for the images of

living nature in the story, reflects the mood of the characters and sets the general background of the entire work. Inanimate nature, on the contrary, is endowed with the features of "the living" (it can act, feel, be aware), since to depict the objective world of the work the author uses the vocabulary, which is more suitable for describing animate objects. Through this antithesis ("dead" characters – "living" objective world) the main idea of the story is realized: the "life" of the world of inanimate nature seems more real and true to the author of "The Foundation Pit", than "lifeless" existence of the characters of the story.

Keywords: *Foundation Pit, living, inanimate, dead, antithesis.*

Важной особенностью системы персонажей повести А. Платонова «Котлован» (1930 г.) является отсутствие витальности. Под витальностью понимается стремление к жизни, энтузиазм, оптимизм, энергичность. Персонажи, «стремящиеся жить», как правило, активно взаимодействуют с другими героями, проявляют интерес к жизни, к окружающему миру, осознавая себя его органичной частью, способны проявлять чувства, испытывать положительные и отрицательные эмоции. В данном произведении большинство героев (например, землекопы), напротив, не чувствуют, не ощущают, не испытывают эмоций. Стоит отметить, что для описания персонажей автор использует лексику, свойственную, скорее, вещественному миру. В то же время для изображения предметного мира произведения (неживая природа, материалы (грунт, камень и т. п.), объекты быта и др.) А. Платонов использует лексику, более подходящую для описания одушевлённых объектов. Данный парадокс становится предметом исследования образной системы повести «Котлован».

Парадоксальная противопоставленность «живого» неодушевлённого мира и «мёртвого» одушевлённого наблюдается уже с первых страниц повести. Например, пейзаж во время пути Вощева из города представлен так: «Лишь вода и ветер населяли вдаль этот мрак и природу» [Платонов 2021: 15]. В то же время в бараке землекопов «лампа освещает бессознательные челове-

ческие *лица*» [Платонов 2021: 15], сами спящие «худы, как умершие» [Платонов 2021: 15], «лежат *замертво*» [Платонов 2021: 16]. Стоит отметить, что вся жизнь трудящихся посвящена физическому труду («...он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей тёплой силы в камень» [Платонов 2021: 28]), потому они и существуют лишь физически, «телесно».

Приоритет физического труда становится причиной «обездушивания», которое непременно влечёт за собой «внутреннюю» смерть героя: «существуют *без всякого излишка жизни*» [Платонов 2021: 16], «*лица их были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение*» [Платонов 2021: 18]. Чувства и эмоции, свойственные сознательному восприятию, представлены на «телесном» уровне («ты одним своим *телом радуешься*» [Платонов 2021: 27], «они своё *тело* на работе *жалеют*» [Платонов 2021: 46], «изнемогшее тело» [Платонов 2021: 56] и др.).

«Люди, – по выражению героя повести Сафронова, – нынче стали дороги, *наравне с материалом*» [Платонов 2021: 18]. Материал, в свою очередь, «мёртв и пустынен», следовательно, такими качествами наделяется и человек. Теперь он воспринимается как **предмет, элемент, вещество**: «Пусть это *пролетарское вещество* здесь полежит» [Платонов 2021: 56], «класс свой будем скоро чистить от *несознательного элемента*» [Платонов 2021: 78].

Таким образом, в «Котловане» «безжизненные живые» оказываются противопоставленными неживым, неодушевлённым объектам («камень *нагревался*, а Козлов постепенно *холодел*» [Платонов 2021: 28]). Мир неживой природы выходит на первый план, вытесняя важные составляющие сознания и чувственного восприятия человека, становится приоритетным («Там он начал тщательно работать над выдуманными частями общепролетарского дома, чтобы *ощущать предметы и позабыть людей*» [Платонов 2021: 37], «теперь же ему хотелось беспрерывно *заботиться о предметах и устройствах*, чтоб *иметь их* в своем уме и *пустом сердце вместо дружбы и привязанности* к людям» [Платонов 2021: 38]).

«Безжизненность», характерная также для живой природы (животный и растительный мир), отображает настроение героев

и создаёт общий фон всего произведения: «Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева» [Платонов 2021: 10], «На выкопшенном пустыре пахло умершей травой» [Платонов 2021: 21], «Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз» [Платонов 2021: 28], лежали четыре или больше мёртвые овцы» [Платонов 2021: 123], «вечерний ветер шевелил тёмную, мёртвую воду» [Платонов 2021: 128], «мёртвые лопухи блестяли» [Платонов 2021: 131] и т. д.

Неживая природа, как отмечалось выше, напротив, наделяется чертами «живого», может действовать, чувствовать, осознавать: «скучно лежала пыль» [Платонов 2021: 5], «тоскливая глина» [Платонов 2021: 23], «поле так скучно лежит» [Платонов 2021: 46], «грунт перестал терпеть вечность» [Платонов 2021: 63] и др.

Некоторые персонажи повести «Котлован» (т. н. «живые» персонажи – Вощев, Прушевский) ещё не утратили способность мыслить и чувствовать: они думают, размышляют, испытывают потребность в духовном и интеллектуальном развитии («У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу» [Платонов 2021: 17], «...зато имелось ликующее предчувствие, приводившее тело Вощева в дребезжащее состояние радости» [Платонов 2021: 19], «Вощеву дали лопату, он сжал её руками, точно хотел добыть истину из земного праха...» [Платонов 2021: 21] и т. д.). Они не только «телесно» существуют, участвуя в создании общепролетарского дома для будущих поколений, но и духовно живут, поскольку сохраняют в себе индивидуальность.

Стоит отметить, что к «думающим» (и потому живым) героям можно отнести ещё одного по-настоящему живого персонажа: девочку Настю (неслучайно полное имя Насти, умершей в конце повести, обозначает «воскресшая»). С её появлением жизнь рабочих значительно меняется. Теперь они трудятся не «впустую», не просто «обращая всю жизнь своего тела в удары по мёртвым местам» [Платонов 2021: 23], а с верой, что жизнь «посредством устройства дома можно организовать впрок для будущего неподвижного счастья и для детства» [Платонов 2021: 33].

Отношение строителей котлована к Насте реализует расхожее представление о детстве как символе счастливого будущего:

«он теперь допускал возможность того, что *детство вырастет, радость сделается мыслью и будущий человек найдёт себе покой в этом прочном доме*» [Платонов 2021: 23].

Образ девочки противопоставлен образам духовно «мёртвых» взрослых (рабочих и землекопов). Она способна испытывать чувства, проявлять эмоции: «*негодовала Настя*» [Платонов 2021: 84], «*удивлялась Настя*» [Платонов 2021: 84], «*Настя засмеялась*» [Платонов 2021: 121], «Настя, глядя на почерневшего, обгорелого медведя, *радовалась*» [Платонов 2021: 121] и т. п. Следует, однако, заметить, что автор называет девочку хоть и «*радостным*», но «*предметом*», «элементом» будущего: «...приветствовал девочку, пришедшую с Чиклиным, как *элемент будущего*» [Платонов 2021: 67], «Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю – это ж наш *будущий радостный предмет*» [Платонов 2021: 82].

Особый статус «мёртвых» людей подчёркивают реплики героев повести «Котлован»: «Мёртвые *тоже люди*» [Платонов 2021: 70], «...*умерла и хорошая стала*» [Платонов 2021: 79], «...лучше б умерли и стали важными» [Платонов 2021: 84], «Все *мёртвые* – люди *особенные*» [Платонов 2021: 84] и др. В «Записных книжках» А. Платонов отмечает: «*Мертвецы* в “Котловане” – *семя будущего* в отверстии земли» [Платонов 2000: 43], «Если *сравнить живых с умерш<ими>*, то *живые* – *г***о*» [Платонов 2000: 48].

По словам А. К. Булыгина, в работе «“Котлован” Андрея Платонова. Проблематика и поэтика», в «Котловане» «происходит “переход в иное царство” – смерть либо физическая, либо духовная, которая для Платонова даже более страшна, чем гибель плоти» [Булыгин 2002: 100]. Таким образом, котлован из места для счастливой жизни трансформируется в место смерти, становится «домом» мертвецов, несмотря на то, что их цель – «воскресить» будущее.

Важным также является эпизод с «возвращением» гробов в деревню. Для крестьян жизнь преимущественно связана с физическим трудом, от которого зависит их выживание на земле. Как и строители общепролетарского здания, персонажи-крестьяне практически утратили стремление к самопознанию (осмысле-

нию самих себя, рефлексиям) и потому духовно умирают, чувствуя также приближение смерти физической: «...он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы: то ли он утомился или же *умирал по мелким частям* на ходу жизни [Платонов 2021: 76]. Стоит обратить внимание, что для крестьян в погребении «Котлована» «лечь в свой гроб» – это буквально единственная цель существования. «У нас каждый и *живёт оттого, что гроб свой имеет...*» [Платонов 2021: 76], – говорит «опухший от ветра и горя» [Платонов 2021: 75] человек, пришедший к Прушевскому, чтобы вернуть конфискованные гробы.

К. А. Баршт в работе «Поэтика прозы Андрея Платонова» также отмечает, что заранее заготовленные жителями деревни гробы, представляют собой «не место смерти, а место будущей жизни, возможно, *более осмысленной настоящей*, чем их теперешнее существование» [Баршт 2005: 173–174]. Вероятно, поэтому «жизнь» мира неживой природы представляется автору «Котлована» более «настоящей», истинной, нежели «обездушенное» существование персонажей повести.

Список литературы

1. Платонов, А. П. Котлован / А. П. Платонов – Москва : Мартин, 2021. – 160 с.
2. Платонов, А. П. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисловие, примечания Н. В. Корниенко / А. П. Платонов – Москва : Наследие, 2000. – 424 с.
3. Булыгин, А. К. Котлован Андрея Платонова. Проблематика и поэтика / А. К. Булыгин – Санкт-Петербург : РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2002. – 237 с.
4. Баршт, К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. – 2-е изд., дополн. / К. А. Баршт. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005 – 480 с.

Матусевич Е.Н.

ГУО «Средняя школа № 4 г. Червеня»,
г. Минск, Республика Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТА ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С УЧЁТОМ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Цель данного исследования – продемонстрировать лингвистически-историческую основу формирования текстов не только по заказу (к примеру, туристической отрасли), но и повседневной коммуникации жителей. Полученные результаты демонстрируют глубокий анализ существующей языковой картины и потенциал использования его с целью формирования текста для туристско-ориентированной аудитории.

Ключевые слова: билингвизм, когнитивная дефиниция, национальной специфики, этнолингвистика, историческая память, культурный код, картина мира.

Matusevich E.N.

4'th school in Cherven, Minsk, Republic of Belarus

THE MAKING OF THE TOURISTIC DISCOURSE TEXT ACCORDING TO THE COGNITIVE LINGUISTIC

The aim of the search is to show the linguistic-historical base of text in the needed text (for example touristic sphere) but and everyday communication. The result shows the deep analysus of the current outlook and the potential to use it with the aim to form the touristic-oriented auditory.

Keywords: bilingualism, cognitive definition, national specificity, ethnolinguistics, historical memory, cultural code, outlook.

Современная семантика превратилась из науки описательной в объяснительную, т.е. стала когнитивно направленной. Однако главное в данном случае то, что объяснительная

направленность когнитивной лингвистики поддерживается двумя стратегиями: исследованием эволюции языковых явлений и моделированием картины мира. Нас интересует вторая стратегия – моделирование картины мира.

Поскольку когнитивная семантика ставит целью моделировать концептуальные структуры – фрагменты картины мира, как бы ни называлась конкретная область лингвистики, которая стремится к этой цели, она будет когнитивной. В этом смысле показателен пример этнолингвистики. Республика Беларусь – уникальный пример изучения влияния языка на менталитет в силу своего официального билингвизма.

История событий, которые на протяжении более тысячи лет (на некоторых территориях) происходили, также повлияла на мировоззрение.

Затронем последние два с половиной столетия. Именно этот период косвенно можем назвать общей историей с современной Россией – когда территории белорусской земли вошли в состав Российской империи и позже стали частью СССР.

Немало важным остаётся факт идентификации людей независимого периода существования Республики Беларусь – людям уже сложнее ассоциировать себя со словом русский. Так не каждый житель страны знает о вкладе солдат белорусского происхождения во время взятия Порт-Артура (*Русско-японская война*) и непосредственного не только участия, но выведение армии к победе в ходе *Русско-турецкой войны* 1878 г. благодаря стратегическому уму генерала *Иосифа Гурко* (родом из Могилевской губернии).

Ниже представлены архивные документы времён Великой Отечественной войны из Минской области Червень и района. В документах продемонстрированы четкие шаги по созданию благодаря комсомольской организации подпольных и партизанских бригад, которые в тылу врага сражались до последнего вздоха.

Также продемонстрированы страницы из архивной книги, в которой представлены материалы времён войны событий в Могилеве. Благодаря такому лингвистически-архивному сравнению материалов одного периода, становится понятным, как история влияет на сознание ныне живущих, так как в корне

отличающиеся мотивы и стремления людей того периода сформировали в сознании людей картину геройства, а в случае с оккупированной белорусской землей и предательства - полицаи (в Республике Беларусь невозможно изменение названия органов с милиции на полицию, так как все помнят о предателях под этим названием в годы войны).

Стоит отметить, что в риторике ведущих телевизионных СМИ, и даже из уст известных актёров России, когда речь идёт о Великой Отечественной войне, о событиях, связанных с ней, и, конечно же, Победы в ней, однобокая интерпретация повествовании «Победа российского народа», и даже в тех случаях, когда исторический момент был связан сугубо с территорией белорусской земли – оборона Брестской крепости. Мы, потомки прямых участников тех лет, внуки чудом выживших узников концлагерей, считаем, что это равносильно предательству памяти тех, кто отдавал свои жизни, становясь подпольщиками и партизанами в белорусских лесах, в основном, по зову сердца, для того, чтобы не дать врагу подойти ближе к Москве.

Задачей этнолингвистики является реконструкция культуры и изучение менталитета носителей, их способов концептуализации мира, воплощенных в языке, т. е. этнолингвистика очевидным образом имеет когнитивную направленность. Именно таким образом эти задачи осознаются исследователями-этнолингвистами: *Анна Вежбицкая* разработала свой *lingua mentalis* с целью выявления национальной специфики тех или иных концептов; ключевое понятие этнолингвистики Ежи Бартминьского – когнитивная дефиниция. Объяснительная направленность исследования, претендующего на статус когнитивного, ориентирует исследователя на выявление механизмов языковых и культурно-языковых изменений.

По словам *А.В. Костиной*, «любой продукт творческой деятельности включается в активную культурную циркуляцию только через аппарат массовой культуры, так как любой артефакт в потребительском обществе становится ценностью, если он является продуктом массового потребления. В подобной ситуации имманентная духовность народной культуры

вытесняется имитацией духовности, ее тексты утрачивают магическую многозначность и в тиражировании девальвируются» [2, с. 296].

Только массовая культура «решает», что станет широко известным и будет воздействовать на пути развития человечества, а что останется невостребованным. С другой стороны, если какое-либо явление соответствует характеру и «стратегии» развития массовой культуры, востребовано ею, то оно будет активно тиражироваться. Интернет весьма способствует созданию такой особой реальности, изменению картины мира. С одной стороны, информация легко доступна, а с другой – трудно верифицируема. А поскольку обращение к Интернету по самым разным поводам приобрело массовый характер, то вполне можно говорить об изменении массового сознания.

Стремление к интерпретации и объяснению фактов языка и фактов культуры, моделирование картины мира, ее фрагментов и эволюционных механизмов сближает когнитивную лингвистику с многими частными областями гуманитарных наук.

Только глубокий анализ и знакомство с истинными фактами поможет ныне живущим поколениям действительно понять ценность человеческой жизни. В данном контексте Республика Беларусь – идеальный пример патриотизма и преданности, любви к Родине и ценности жизни. А благодаря грамотно выстроенному туристическому маршруту будет возможность досконально не только услышать, но и увидеть те объекты, которые создавались и создаются для передачи памяти следующим поколениям. Стоит отметить, что как и тексты белорусских авторов наполнены и пропитаны высочайшими чувствами к друг другу, себе, природе, так и работы скульпторов и архитекторов – на высоте, когда работы в камне говорят: «Мемориальный комплекс Ала», «Мемориальный комплекс «Тростенец», и, к сожалению, многие другие, так как любая дорога в Беларуси ведёт к захоронениям или местам, связанным с Великой Отечественной войной.

См. далее *Приложение*.

ПОЛИТМАССОВАЯ РАБОТА В ОТРЯДАХ.

В политическом направлении проделанно комсомольскими организациями следующее:

проведено 77 собраний и бесед на темы "Комсомолец первый в боях", "Речь товарища ЛЕНИНА на 3 съезде РСМ" - задачи комсомолов молодежи, авангардная роль комсомола в повседневной жизни партизанских отрядов. Беседы из брошюры "Сталинградская битва", "Борьба с танками" и др. Проведено 9 докладов на международные темы "Италия в войне 1943 года", "Остатки троцкистской банды в 1943 году", "Красная Армия наступает" и др. Выпущено 56 номеров стенной газеты и боевых листов, в которых участвует 60-70 % комсомольцев. Выпущено 2 номера художественного журнала. Первый в партизанском отряде "ПРАВДА", второй отряд "КИРОВА". Имеется 30 агитационных групп, которые занимаются повседневной агитационной работой среди подразделений. Результатом этой работы является то что комсомольская организация района выросла на 76 человек. Передано с комсомола в кандидаты партии 38 человек. РИ ДКСМБ всю политикомассовую работу направляет на активизацию боевых действий отрядов. Материальное состояние молодежи и комсомольцев бригад хорошее. Однако есть болезненные явления в отдельных личностях по части нарушения воинской дисциплины. Отряд имени комсомола комсомолец ВАСКОБОВИЧ был нарушен приказ командира о подрыве вражеского моста. Товарищу ВАСКОБОВИЧУ вынесено предупреждение, комсомольское собрание обязало его в кратчайший срок задержать вражеский эшелон. Отряд имени ИРЧЕНКО за не выполнение боевого приказа комсомольцу ВЕРНИКОВСКОМУ вынесено предупреждение, а комсомольца товарища ДИТВИНЕНКО исключить из членов ВЛКСМ.

ПОЛИТМАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ.

Фашистские злодеи в своем бесстыдном начинают сжигать путем бомбежек наши деревни терроризировать наше население путем уничтожения его в специальных "душегубках". Теперь как ни когда жители деревень трудного района являются в этой помощи населению. Из 30 групп агитаторов выделяются комсомольцы для проведения бесед с населением. На ярких фактах фашистского зверства комсомольцы агитаторы разбрасывают листовку пропаганду о построении "Свободной Белоруссии". Лучшими агитаторами являются КУЛИНОВИЧ, ДУБОВИЧ, КАШАЛЬ, РАБИНОВИЧ, ДИТВИНОВ, КАШАЛОВ, ГУНО, МАКА, ВАХРИНОВ и др. Этих комсомольцев население знает, как истинных сынов своей Родины. Задачами для проведения бесед служат центральные газеты Правдивые из Родины, выпускаемые ежедневно газеты и листовки и сводки информации. Результаты политикомассовой работы с населением являются отряды отважные молодежь ити в партизанские отряды. Добыча комсомольцами и партизанами оружия от населения так же является одним из фактов политической работы в деревнях. Путем этой работы собрано оружие для обороны 206 тыс. рублей.

ПОЛИТ-МАССОВАЯ РАБОТА В ОТРЯДАХ.

Полит-воспитательная работа комсомольских отрядов и бригад в истекшем году была направлена на беспрекословное выполнение боевых приказов, на укрепление воинской дисциплины, на идеальное воспитание комсомольцев и молодежи, в духе беззаветной любви и преданности к нашей Советской Родине и большевистской партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА, в духе явной любви и ненависти к немецко-фашистским захватчикам.

Неуклонно выполняя решения вышестоящих комсомольских и партийных органов проделана следующая работа: за м-ц выпущено 32 номера стенных газет, 270 боевых листов и 10 отрядных журналов. В газетах отражаются хорошие и плохие стороны жизни и деятельности отрядов, героика и проявляемая партизанами. Один из номеров стенных газет отрядов был посвящен 25-ти летию ВЛКСМ. Выпуск боевых листов, газет и журналов в таком большом количестве и привлечение широких масс молодежи к участию в них дает возможность еще лучше проводить воспитательную работу, и печать в отрядах является одним из воспитательных средств.

Через печать комсомольцы соревнуются по боевым делам и культурной жизни отряда. Социалистическим соревнованием охвачены все подразделения.

Комсомольцы активно участвуют в выпуске отрядных журналов например: журнал "За Родину" отряда им. Кирова - комсомольцы в выпуске этого журнала помогли очень много!

В результате воспитательной работы и социалистического соревнования во многом укрепились дисциплина комсомольцев и молодежи. Социалистический договор между звеньями отряда им. КАЛИНИНА выполнен на 200%. Комсомольцы являются образцом выполнения боевых приказов, как например: комсомольская подрывная группа тов. ЛЯШКЕВИЧА отряда "Разгром" пустила под откос три вражеских эшелона - при плане - два.

Из числа лучших комсомольцев выделены агитаторы, которые провели большую работу среди комсомольцев и молодежи, направляя свою работу на выполнение боевых приказов. По сравнению с прошлым отчетным м-цем количество агит-групп увеличилось на 38 групп. Комсомольцами-агитаторами проведено с личным составом бесед - 154 на темы: о международном положении, наступлении Красной Армии, авангардной роли комсомола в войну, о подготовке и проведении 25 годовщины ВЛКСМ, об истории комсомола. Большую воспитательную работу с молодежью провели комсомольцы отрядов им. Комсомола и им. Чкалова. 1-й минской бригады. В результате молодежи дала основ прилив в члены ВЛКСМ.

Работа всех групп агитаторов направляется на улучшение боевой деятельности отряда и на работу с населением. Агитаторам, посылаемым на задания дается материальное и инструктаж. С комсомольцами-агитаторами отряда им. Кирова проведено три семинара на темы: как лучше строить работу среди населения. Комсомольцами агитаторами проведено четыре беседы с личным составом рот.

Полит-воспитательная работа РК ЛКСМБ проводит через ком.комиссаров по комсомолу бригад и отрядов, которые отправятся в своей работе на мирский актив.

С молодежью, вновь вступающей в отряд проводится также воспитательная работа. Комсомольцы агитаторы рассказывают про героическую историю комсомола, его участие на фронтах в годы отечественной войны, об истории отряда. На проводимых комсомольских собраниях молодежи приглашаются на эти собрания, в целях приобщения ее к комсомолу. В этом следует отметить как лучший образец работы в отряде "Правда" результатом чего является новый прилив в ряды комсомола. Вступая в комсомол товарищу от комсомола дается паричение по взрыву ж.д. эшелонов или других шевивших боевых операций, пример: тов. ГЛЕЦВИЧ, МАЦКОВСКИЙ, ПОСЛДОВИЧ этого ж. отряда вступая в комсомол обязались подорвать по одному ж.д. эшелону, свое обещание выполнили.

ПОЛИТ-МАССОВАЯ РАБОТА С НАСЕЛЕНИЕМ.

Помощниками комиссаров по комсомолу и составом РК ЛКСМБ проводится большая полит-массовая работа с населением. Для проведения этой работы создано 108 агитгрупп с числом агитаторов более 400 человек. Ими проведено 466 бесед в деревнях, на темы: число комсомольцев и молодежи белоруссии тов. СТАЛИНУ, обращение Минского Обкома КП/О/Б до партизан и партизанок и всего населения временно оккупированных областей, о международном положении, зверствах чинимых нитлеровцами над мирным населением и др.

Хорошо поставлена работа по агитации на селе комсомольцами отряда "КОМСОМОЛЕН" партизанской бригады "За Советскую Белоруссию", которыми проведено 10 собраний и более 16 бесед в закрепленных за отрядом деревнях. Лучшими агитаторами по району являются РОЗУМНИН - отряд им. С. ЛАЗО, КУШКОНИЧ - отряд "Ураган", ИВАНОВСКАЯ, - отряд РУБИН, ПРАВОСЛОВ - отряд "Комсомолец", ПОВОРОТНЫЙ, МУРИЛОВ, ПРАТАСЕВИЧ - отряд им. Кирова, отряд им. КИРОВА, КОРЕНЬ, РАЗВНОК, ШАТКОВСКАЯ, ВОРОБЬЕВ, РОГОВЕЦ, отряд им. Буденного, ГЛЕЦВИЧ, ПРАТКОВСКАЯ, ВАСИЛЕВСКАЯ, ШИЛИН, ЕРЯКОВ - отряд Правда, отряды Правда, ЛУКИН, КУЧЕРАВИЧ отряд им. Калинин.

Результатом проведенной полит-массовой работы с молодежью деревень является прилив молодежи в партизанские отряды. Только один отряд Правда за октябрь м-ц вырос на 63 человека молодежи, отряд им. Дрченко на 70. Всего по району принято в отряды 843 человек молодежи. Большую работу провели комсомольцы по разложению гарнизона лр-ка, например отряд им. Дрченко комсомолец тов. ГЛЕЦВИЧ в результате своей работы перевел 42 человек, ошивших изменников и полицейских.

ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА.

Подпольных организаций в районе - 24, количество членов их - 150 чел. Сам свою работу организации проводят под непосредственным указанием РК ЛКСМБ. В основном

О Т Ч Е Т

ЧЕРВЕНЬСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РК КСМБ ЗА ОКТЯБРЬ 1943 г.

В Червёньском районе находится пять партизанских бригад, в которых насчитывается 1874 чел. молодежи. В этих бригадах так же находится 845 члена ВЛКСМ, которые объединяются в 50-ти первичных комсомольских организациях.

Число членов ВЛКСМ по-бригадно и количество организаций в них:

1. 1-я Минская м/б - 183 чл. ВЛКСМ и 9 организаций.
2. Им. КИРОВА - 121 " " " 7 " "
3. Им. ПРАВДА - 163 " " " 14 " "
4. РАЗГРОМ - 249 " " " 10 " "
5. ЗА СОВЕТСКУЮ БЕЛОРУССИЮ - 172 чл. ВЛКСМ, 10 организ.

За отчетный м-ц комсомольская организация района выростила на 113 человек. Передана из комсомола в кандидаты КМЛ/с/ 13 лучших комсомольцев. В комсомольских организациях за октябрь м-ц проведено 72 комсомольских собрания, на которых ставились вопросы разного характера - например: заслушивалась работа командиров комсомольцев в выполнении боевого плана, о подготовке к 25-й годовщине ВЛКСМ, шло о подготовке к 26 годовщине Октября, о дисциплине, приеме в члены ВЛКСМ и ряд других вопросов.

РК КСМБ провел за отчетный м-ц 4 заседания бюро РК, на которых ставились вопросы о состоянии политико-воспитательной работы в отрядах, приеме в члены ВЛКСМ, утверждение решений первичных комсомольских организаций, о выполнении боевого плана комсомольцами.

РК провел два совещания актива комсомола в бригадах - "Разгром" и "За Советскую Белоруссию", с постановкой вопроса о задачах комсомола в тылу врага и подготовка к встрече с фронтами.

Секретарь РК по пропаганде тов. ШИПУЛЯ провела три совещания с работниками комсомола 1-й Минской бригады/до ее разделения/ по вопросам работы в отрядах.

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛА.

Активизируя свои боевые действия комсомольцы района в каждом днем повышают свои боевые дела, когда за сентябрь м-ц бригады имели 108 подорванных эшелонов, то за октябрь м-ц бригады имеют около 142 эшелонов, комсомольцы в выполнении боевых планов идут в авангарде и в выполненном плане на комсомол падает более 60% выполненного.

Все боевые операции связаны с именем комсомола, например: немцы в октябре м-це силой до двух рот приехали в деревню Петровинка ограбить и уничтожить жителей, партизаны отряда "Победа" сгруппировали свои силы атаковали пр-ка, в результате немцы были выгнаны из деревни оставив нагретое партизанами снаряжение, немцы сжигали деревню, сражаясь на смерть. Комсомольцы были в первых рядах атакующих. Командование отряда вынесла благодарность многим комсомольцам как АНКУТ, МУСТАЙН и др.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

БЮРО ЧЕРВЕНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РК ЛКСМБ от 3-го октября 1943 года.

Заслушав и обсудив доклад тов. комиссара по комсомолу бригады "За Советскую Белорусию" тов. КОРОТКЕВИЧА "О состоянии политико-воспитательной работы среди комсомольцев и молодежи бригады" РК ЛКСМБ отмечает, что за последние два месяца комсомольские организации бригады предали большую воспитательную работу среди личного состава отряда, как-то: Подживается комсомольское хозяйство, организации их порядка в работе комсомольских руководителей отрядов дано внимание бригаде в августе и сентябре м-цах усилить боевые действия (август м-ц бригады имела 18 крушений ж.д. эшелонов, в сентябре м-це бригада имеет 35 крушений ж.д. эшелонов). ~~Заслушав и обсудив доклад тов. комиссара по комсомолу бригады~~

На ряду с этими достижениями в работе РК ЛКСМБ отмечает ряд существенных недостатков.

Неправильно, с опозданием проводится в жизнь директива, присланная райкомом в июле м-це, в частности пункт о восстановлении в чл. ВЛКСМ, прибывших в отряд бывших комсомольцев. Помощник комиссара по комсомолу бригады тов. Короткевич и помощники комиссаров отрядов еще слабо руководят воспитательной работой комсомольцев и молодежи. Как результат этого пьянство, бесцельная стрельба все еще продолжается. Отенгазета в отряде им. Кузнецова "Победитель" выпускается редко и не затрагивает всех вопросов жизни отрядов. Боевые листки, как непосредственные спутник подразделения, почти не выпускается, за исключением отряда им. С. ДАЗОВА. В газетах, боевых листках, которые выпускаются зачастую смазывается лицо комсомолца, то-есть судя по газете комсомольцев в отряде нет-их не показывают.

Группы агитаторов есть, но помощники комиссара по комсомолу не руководят непосредственно агитаторами. Планов работы агитаторов нет. Партийная организация, комиссары отрядов мало требовательны к своим помощникам, не руководят ими.

РК ЛКСМБ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. В целях налаживания учета комсомольских кадров предложить помощнику комиссара бригады по комсомолу тов. КАРПЕНЧЕНКО и помощникам комиссаров по комсомолу отрядов:

а) лиц прибывших в партизанские отряды до 1-го мая 1943 года включительно и зарегистрировавшихся членами ВЛКСМ - считать их таковыми.
б) лиц прибывших в отряд после этого срока и заявивших о принадлежности к ВЛКСМ - восстанавливать только с подтверждением двух членов ВЛКСМ или одного члена партии, а так же имеющего подтверждающие документы. Не имеющих подтверждения не утверждать, но оставить права вступления в ВЛКСМ на правах несовершенно молодежи.

2. Предложить помощникам комиссаров по комсомолу бригады и отрядов мобилизовать весь свой актив на поднятие воспитательной работы среди комсомольцев и молодежи, с целью поднятия боевой деятельности и дисциплины и ликвидации пьянства, бесцельной стрельбы, мародерства.

3. Организовать стенные газеты, боевые листки в подразделениях и направлять их работу на отражение всех вопросов жизни, деятельности и биты отряда.

4. Обогатить инициативу помощника комиссара отряда им. С. ДАЗОВА тов. СОКОЛОВА о переписки лучших подрывников комсомольцев и считать одним из лучших средств воспитательной работы.

5. Напомнить секретарям партийных организаций, комиссарам о том, что они отклонились от прямой обязанности руководства комсомолом. Просить районный комитет партии принять серьезные меры на недостатки партийного руководства комсомолом данной бригады.

6. Данное постановление проработать на комсомольских собраниях, с предварительной подготовкой вопросов, касающихся самой комсомольской организации.

СЕКРЕТАРЬ ЧЕРВЕНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО
РК ЛКСМБ.

(Ильготович).

БАРО ЧЕРВЕНЬСКОГО ПОШТОМНОГО Р.К. ЛОМ В ОТ 5 ОКТЯБРЯ 1943 ГОДА.

Первую с достижением имеет место ряд недостатков. Пом. комиссара по ком. со-
молу тов. Комедов недостаточно руководит своим активом, не опирается в своей не-
редставительной работе на актив, фактически работая тов. Комедов (работает одному)

Разведки являются главными и самыми отчаянно-работящими подразделениями. Дисциплина разведки и высокая боевая стрельба, неадекватное поведение с населением не может дать хороших результатов в боевой деятельности отряда. Нельзя допускать таких факторов, когда население Ловкинского с/п Боржисского р-на обвиняет недовольство и протест на поведение разведки отряда "Искра".

Недостаточный рост комсомольской организации и рост партийной организации за счет лучших проверенных товарищей.

Бюро РК ЛКСМБ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Работу комсомольской организации партизанского отряда "Искра" считать удовлетворительной.
2. Назвать пом. комиссара по комсомолу тов. Комедову на неправильное руководство комсомольским активом.
3. Предложить тов. Комедову всю комсомольскую работу свести к широкой сети агитки, возложить в комсомольскую работу всех комсомольцев.
4. И. И. КОМОВ отмечает плохую работу разведки отряда "Искра", редкостью командиров отряда "Искра" ввести в состав разведки лучших комсомольцев, проявившихся на боевых делах, а тов. Комедову подобрать и назначить в разведку комсомольцев, состоящих с командованием отряда.
5. Создать помощников комиссаров по комсомолу отрядов систематически проводить работу отрядов с агитаторами, давать им конкретные задания и проверять их выполнение.
6. Предупредить пом. комиссара по комсомолу тов. Вилуху, что газеты "Звезда" и "Патриот комсомола" читать тов. Комедову возложить в работу печати, а всю комсомольскую организацию отряда в печати боевую жизнь отряда и ход сотрудничества.
7. Вся работа проводится под руководством и наблюдением жезловой воинской дисциплины, а в отношении боевых приказов командира.
8. Давать постановление проработать на комсомольских собраниях отрядов.
9. Просить партийные организации оказывать практическую помощь пом. комиссарам по комсомолу в руководстве и работе комсомолом в отряде.

Секретарь Червешского подрайонного
Р.К. ЛКСМБ

(CIVILAT-08M4).

Оценочно в 8 экз.

Зак. № 1 в деле

Экз. № 1 - в дело
Экз. № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 - адресату.

БОЕВАЯ РАБОТА КОМОСОМЛА.

Комсомольцы района являются инициаторами в боевой жизни партизанских отрядов. Новое боевое отрядами жизни отрядов связано тесно с именем комсомола. Комсомольцы бригады "За Советскую Белоруссию" имеют на своем счету 18 вражеских эшелонов, комсомольцы первой миной бригады в 70 % являются участками спуска 45 вражеских эшелонов. Авторитетными за свою боевую работу являются комсомольцы бригады "РАВИНО" тов. Камедов, Камель, Яковлев, Смольский, Каватов и др. Лучшие командиры Духовицкий - комсомолец первой миной бригады Т.Т. Туманик, Орлов, Печков, Аланосенко, Деваневский и др. Комсомольцы являются инициаторами во вооруженных отрядах. В течение своей жизни добиваются вооружения автоматическим оружием, так комсомолец первой миной отряда Демин после в гарнизон за оружием по пути попал на засаду, был ранен, но оружие себе добыл. Партизан-рамен за группой попал в гарнизон истремил засаду взял ручной пулемет и 4 винтовки. Всего добыто оружия комсомольцами по бригаде "За Советскую Белоруссию" 3 пулемета, 40 винтовок, около 30 гранат, патронов и другое вооружение. По бригаде "РАВИНО" 3 пулемета, 2 автомата, 7 винтовок, по первой миной пулеметов, винтовок, за боевые дела с комсомолец представлен к правительственной награде, орденом 30 человек.

ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА.

Вся подпольная работа комсомольских организаций в районе направлена на уничтожение фашизма. Всего подпольных организаций в районе 17. В городе Червоне 3. Количество комсомольцев состоящих в организациях по деревням:

1. Березовка - 2 человека	10. Романчи - 3 человек
2. Юлимов Луг - 9 "	11. Дредава - 3 "
3. Горки - 3 "	12. Сов. Романчи - 5 "
4. Г. Слобода - 4 "	13. Райд. Слобода - 3 "
5. Череминка - 3 "	14. Вздошница - 3 "
6. Грабенек - 5 "	15. Торжак - 3 "
7. Майзарово - 2 "	16. Лутор - 3 "
8. Дерци - 3 "	17. Выханка - 3 "
9. Пельтига - 3 "	

Всего в организациях состоит 69 человек, всего на учете бывших членов ЛКСМ не состоящих в организациях 69 человек. Проводимая работа разделяется на агитационную, диверсионную и агентурно разведывательную. В агитационной работе проведено следующее: распространено листовок разно оодержания около 300 экз., газет центральных и подпольных райкомов около 300 экз., против созданного в районе О.Б.И. РК ЛКСМ выносил листовки с призывом о не вхождении в этот союз. По диверсионной работе за отчетный период ни чего не проделано. По агентурно разведывательной работе комсомольцев из подпольных организаций являются членами особых отделов. Комсомольцы организации деревни Горки ввезли в центральную сеть гестапо из деревни Петровка в плете Яким. Подпольная организация города Червоня передала в партизанский отряд одну винтовку.

РАСОВ. СЕКРЕТНО.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ЗАСЕДАНИЯ БЮРО ЧЕРВЕНСКОГО ПОДПОЛКОВНОГО РК КВ/Б/В от 20. СЕНТЕБРЯ 1943 Г.

Заслушав доклад командира партизанского отряда "ЗНАМЯ" тов. БЕЗРА и командира отряда тов. ЗОЛНУХА о боевых действиях и полит. массовой работе отряда за сентябрь м-ц и половину октября 1943 г. в Червенский подпольный РК КВ/Б/В отмечает, что партизанский отряд "ЗНАМЯ" выполняя указания тов. СТАЛИНА, решение 3-го Пленума ЦК КВ/Б/В и постановления межрайонного и районного комитетов партии о активизации боевых действий и усилении полит.-массовой работы среди партизан и населения и расширении партизанского движения за сентябрь и июль м-цы добились некоторых успехов в работе по сравнению с успехами предыдущих м-цев. На основании усиления полит.-массовой работы среди партизан возмозилась боевая активность всего отряда в целом. Отряд за м-ц июль-июль 1943 года спустил под откос 4 вражеских эшелона, разбито паровозов 2, разбито и повреждено 23 вагона, прервано движение по ж.д. на 17 часов, убито и ранено 130 гитлеровцев, взорвано рельсы на ж.д. - 133. Некоторые успехи в боевой и политической работе за июль и июль м-цы 1943 года успокоили командование п/отряда "Знамя". Штаб и командно-политический состав отряда не развил первых успехов в систематическую повседневную борьбу против немецких оккупантов, так как этого требует партия ЛЕНИНА-СТАЛИНА, так как этого требует Родина. За август и сентябрь м-цы спустили 2 вражеских эшелона, уничтожено паровозов - 2, разбито и повреждено вагонов - 3, разбиты цистерны с ГСМ - 4, прервано движение на ж.д. на 16 часов, убито и ранено - 38 гитлеровцев, отряд вырос за сентябрь м-ц на 8 человек.

Такое резкое снижение роста отряда и боевой активности говорит о том, что командир отряда тов. БЕЗРА, комиссар отряда тов. ЗОЛНУХА, начальник штаба тов. НАСЛОНОВ не понесли ответственности за порученное им дело, не мобилизовали партийно-комсомольскую организацию и весь личный состав отряда на активную борьбу против немецких оккупантов, не руководят и не контролируют работу подпольных групп, лучший опыт подпольников не популяризируется среди бойцов партизан. Роль и авторитет младшего командира в отряде стоит не на должной высоте.

Боевой приказ командира - приказ Родины не доводится до сознания каждого бойца.

Полит.-массовая работа в отряде стоит на низком уровне и проводится не так достаточно и как результат этого рост отряда в личном составе и вооружении крайне недостаточен. Имеются среди отдельных партизан факты пьянства, разоружения, незаконных действий, неправильных отношений к женщинам и населению.

Работа разведки как общевойсковой так и агентурной поставлена недостаточно. Слабо развита сеть агентурной разведки в гарнизонах пр-ка, районных центрах, ж.д. станциях, предприятиях и т.д., а так же внутри отряда. Данные войсковой разведки о передвижении пр-ка, вооружении, численности и целях не поступают в штаб отряда несвоевременно и зачастую ложные, что не дает возможности штабу отряда принять быстрое, четкое, тактически разработанное решение по нанесению удара по пр-ку. Штаб командира отряда по разведке тов. БЕЗРА этим делом руководит недостаточно и не мобилизовал разведку на выполнение поставленных перед ней задач.

Партийно-комсомольская работа в отряде поставлена не на должную высоту своего положения, в результате коммунисты и комсомольцы не являются инициаторами выполнения боевого приказа командира - приказа Родины и как вывод рост партийной и комсомольской организации совершенно недостаточный.

Исходя из этого бюро Червенского подпольного РК КВ/Б/В

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Работу партизанского отряда "ЗНАМЯ" за отчетный период признать неудовлетворительной.

2. Обязать командира отряда тов. ВЕРА, комиссара тов. ЗОБИНА, нач. штаба тов. БАСИЛЬЕВА и зам. командира по разведке тов. ГАРЕДЖОГО мобилизовать партийно-комсомольскую организацию и весь личный состав отряда на немедленное и неуклонное выполнение УКАЗАНИЙ ТОВА. СТАЛИНА, решения 5-го пленума ЦК КП/б/Е и постановлений межрайонного и районного комитетов партии. По вопросу активизации партизанской борьбы против немецких оккупантов, развертывание полит-массовой работы среди партизан и населения и рост отряда в личном составе и вооружении, вовлечение новых слоев населения в отряд.
3. Широко развернуть полит-массовую работу в отряде и среди населения. Организовать проведение докладов на темы из жизни и борьбы действующей Красной Армии на фронте отечественной войны и партизанских отрядов против немецких оккупантов. Полит-массовую работу проводить на живых примерах из жизни и зверских расправ немецких извергов над мирным населением, воспитывая в народе любовь и преданность к своей Родине, героической Красной Армии, партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА, уверенность в победе над врагом и скором приходе Красной Армии, воспитывая ненависть и злобу к фашистским захватчикам, поднимать народ на всенародную борьбу во имя освобождения нашей Родины.
4. Охвалить социализмом все приказы командира - приказы Родины, систематически ежемесячно проверять ход его, обсуждать результаты на партийных комсомольских и общепартийных собраниях, освещать в отрядной печати.
5. Обязать нач. штаба тов. БАСИЛЬЕВА наладить работу штаба, четко, своевременно и тактически продуманно разрабатывать планы проведения боевых операций и заданий, доводя их до сознания каждого бойца, оказывая практическую помощь и контролировать их выполнение. Поднять роль и авторитет младшего командира.
6. Организовать занятия с личным составом отряда по тактической, строевой и политической подготовке, изучению мат. части оружия, подрывное дело, охватив этими занятиями весь личный состав и особенно новое пополнение. Опыт лучших бойцов подрывников должен стать достоянием всех партизан, а лучшие бойцы противиться себе в борьбе с врагом должны поощряться командованием.
7. Обязать зам. командира по разведке тов. ГАРЕДЖОГО в кратчайший срок наладить работу разведки как войсковой так и агентурной, усилить внутриотрядную разведку. Усилить работу по разложению вражеских гарнизонов, по проведении диверсионно-террористических актов в гарнизонах, на коммуникациях, на предприятиях, складах и т.д.
8. Обязать командование отрядов повести решительную борьбу с фактами пьянки, мародерства, нарушения дисциплины, неправильного отношения к населению, привлечения виновных к самой строгой ответственности. Улучшить полит-массовую работу среди населения, вовлечь его в борьбу против немецких оккупантов и всеми средствами оберегать население от зверской расправы и насильственного угона в рабство в Германию.
9. Обязать комиссара отряда тов. ЗОБИНА не менее одного раза в месяц проводить партийные, комсомольские и общепартийные собрания, на которых подводить итоги боевых действий за истекший м-ц и задачи на предстоящий м-ц. Повседневно систематически заниматься ростом партийной и комсомольской организации за счет лучших, проверенных отряда тов. ВЕРА, комиссара тов. ЗОБИНА, нач. штаба тов. БАСИЛЬЕВА, что за неустранимые указанные недостатки и допущенные впереди их не будут приняты меры воздействия.
11. Данное постановление проработать на закрытых партийных собраниях, мобилизовав партийно-комсомольскую организацию и весь личный состав отряда на неуклонное его выполнение.

СЕКРЕТАРЬ ЧЕВЫНСКОГО
ПОДПОЛКОВНИК РК КП/б/Е

/КРАВЕЦКО/.

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – Москва, 2001. – № 2. – С.13–25.

2. Костина, А. В. Массовая культура и культура народная: диалог или конфронтация? / А. В. Костина // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов / Государственный республиканский центр русского фольклора; отв. ред. А.С. Каргин. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2005. – С. 272–308. 123

3. Прохоров, Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю. Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва, 2005. – Вып. 30. – С. 74–94.

4. Подпольные обкомы КП(б)Б. Фонды НАРБ, 1941 — 1969 гг.:

Барановичский — ф. 3501, 26 ед. хр., 1942 — 1944 гг.

Белостокский — ф. 3630, 12 ед. хр., 1944 г.

Брестский — ф. 4290, 106 ед. хр., 1941 — 1949 гг.

Вилейский — ф. 3726, 66 ед. хр., 1942 — 1944 гг.

Витебский — ф. 3793, 209 ед. хр., 1942 — 1947 гг.

Гомельский — ф. 3913, 3 ед. хр., 1943 г.

Минский — ф. 3953, 26 ед. хр., 1942 — 1969 гг.

Могилевский — ф. 4159, 48 ед. хр., 1942 — 1947 гг.

Пинский — ф. 4092, 27 ед. хр., 1942 — 1944 гг.

Полесский — ф. 4126, 30 ед. хр., 1941 — 1945 гг.

Макарцова Е. А.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЮБВИ (СРАВНИ-
ТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧУВ-
СТВА ЛЮБВИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ф. САГАН «НЕМНОГО
СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ» И ПОВЕСТИ В. ТОКАРЕВОЙ
«ДЕРЕВО НА КРЫШЕ»)**

Данная статья посвящена раскрытию этнонациональных особенностей изображения чувства любви на примере двух произведений русской и французской женской прозы. Читателям представляется возможность наблюдать за динамикой межличностных отношений, в частности, за процессом возникновения, развития и распада чувств, что способствует наглядному подтверждению двойственной природы любви: с одной стороны, она способна возрождать человека из состояния отчаяния, дарить ему второе дыхание и радость бытия; с другой стороны, любовь может привести к разрушению личности и утрате того, что для нее дорого.

Ключевые слова: *любовь, психология, чувства, отношения, жанр, гендер, женская проза, героиня, автор.*

Makartsova E. A.

*Scientific supervisor: Sharavin A.V., Doctor of Philology, Professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

**THE ETHNONATIONAL SPECIFICS OF LOVE (COMPARA-
TIVE ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGY OF DEPICTING
FEELINGS OF LOVE USING THE EXAMPLE OF F. SAGAN'S
NOVEL "A LITTLE SUN IN COLD WATER" AND V. TO-
KAREVA'S NOVELLA "A TREE ON THE ROOF")**

This article is devoted to the disclosure of the ethnonational features of the depiction of feelings of love using the example of two

works of Russian and French women's prose. Readers have the opportunity to observe the dynamics of interpersonal relationships, in particular, the process of the emergence, development and disintegration of feelings, which contributes to the visual confirmation of the dual nature of love: on the one hand, it is able to revive a person from a state of despair, give him a second wind and the joy of being; On the other hand, love can lead to the destruction of a person and the loss of what is dear to her.

Keywords: *love, psychology, feelings, relationships, literature, novel, woman, female prose, heroine, author.*

«Любовь – труд сердца», – говорил Антуан де Сент-Экзюпери в книге «Цитадель» [4, с. 75]. Это чувство, дарованное человеку свыше, которое украшает его жизнь, обогащает и развивает его душу и даёт возможность восхождения на гору жизни. Старец Зосима из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» говорил о любви следующее: «Любовь такое бесценное сокровище, что на неё весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи ещё выкупишь» [3, с. 68]. Мы можем говорить о том, что жизнь — это и есть любовь, лишить себя возможности любить равносильно лишить себя возможности жить.

Интерпретация и психология любви в русской и французской литературе является одной из главных тем; к ней обращались все женщины, которые связывали жизнь с литературным поприщем. Их творчество, раскрывающее уникальный взгляд на любовь, отличный от мужского видения, даёт возможность читателям понять и прочувствовать все грани этого великого и всеобъемлющего чувства. Гендер русской литературы XX века прежде всего связан с урбанизированной жизнью, городской прозой [6, с. 259]. Неслучайно ряд критиков выделили такую черту в крестьянском, почвенном направлении как «женоненавистничество».

Французская женская проза более рациональна, социально ориентирована; она феминистична, так как поднимает вопросы независимости и равноправия женщин в обществе, показывает разрыв между стремлением к независимости и реальностью ограничений. В произведениях французской женской прозы героини предстают как активные, независимые и сильные личности, стремящиеся к самореализации и свободе выбора. Они отстаивают

свою равноправность с мужчинами, ищут свой путь, демонстрируя самостоятельность и решительность. Однако, несмотря на стремление к независимости, героини остаются уязвимыми перед силой своих чувств и эмоций, что привносит в их образы дополнительную глубину и сложность. Любовь в контексте французской женской прозы более чувственная, открытая, с философским подтекстом.

Француза Саган – душа французской литературы, одна из самых ярких представительниц «женской прозы», создала роман «Немного солнца в холодной воде», который рассказывает нам о любви двух совершенно разных по своей природе героев: Жилия Лантье и Натали Сильвенер. Главной темой произведения является двойственная природа этого чувства, которое также может созидать (спасать), как и разрушать (убивать).

Любовь Натали, огненной красавицы с зелеными глазами, из солнечного Лимузена спасает от депрессии главного героя романа, Жилия Лантье, журналиста из Парижа.

Женщина возникает в его жизни именно тогда, когда он больше всего нуждается в цельности, ибо сам герой разобщен с миром и чувствует свою ничтожность. *«Неужели этот тридцатипятилетний мужчина, который чуть свет садится на кровати и без всякой видимой причины нервно вздрагивает, неужели это и есть он? Неужели к этому привели его три десятка беззаботной жизни, полной веселья, смеха и лишь изредка омрачаемой любовными горестями?»* [3, с. 567]. В этом плане любовь выступает как здоровое чувство, способное исцелять.

Между героями возникает любовь-страсть, любовь – влечение, которая позже перерастает в более глубокое чувство.

Натали, центральная героиня романа Франсуаза Саган, демонстрирует свободу выбора в сфере как профессиональной деятельности, так и личной жизни. Пребывая в провинциальном городе, она занималась благотворительностью, а после переезда в Париж нашла работу в туристическом бюро. Отношение к свободным любовным связям во Франции XX века было более терпимым по сравнению с Россией того же периода. Натали – героиня, которая способна на сильные чувства и страсти, но в то же время испытывающая одиночество и неудовлетворенность от

своей жизни. Она смелая и решительная, стремящаяся к независимости молодая женщина, которая никогда не покажет, что она стала жертвой обстоятельств или совершила неправильный выбор, а будет идти вперёд, ища свой собственный путь, свою идентичность, с гордо поднятой головой. Это всё характерно для героинь французской женской прозы.

Будучи замужем за богатым и интеллигентным чиновником, Натали полюбила другого мужчину, первый раз, по-настоящему. Ее женская проницательность подсказывала ей, что он безвольный и слабохарактерный человек, но она любила его и верила в то, что любовь к ней возвысит его, и Жиль станет предпринимать решительные действия.

Чувства героев развивались, и к любви-страсти добавилось ощущение покоя и умиротворения. В своей любви к Натали Жиль обрёл самого себя, обрел душевный покой. *«Ему было хорошо в поезде, который неотвратно приближал его к дому сестры и к Натали, приближал его к любви и покою, и ему казалось, что такого сочетания никогда еще не бывало в его жизни»* [3, с. 629]. Здесь мы можем говорить о добродетельной природе любви, но также стоит отметить, что любовь Жили к Натали – это прежде всего любовь его к самому себе, к тем ощущениям и эмоциям, которые дарит ему эта женщина. Жиль – мужчина-потребитель, герой, который является типичным во французской женской прозе.

По своей природе главный герой – слабовольный, самовлюблённый человек, но ему не чужды светлые и хорошие мысли, а также самоанализ.

Жиль – порождение своей эпохи и окружающей его действительности. Герой привык к жизни в праздном Париже, где его интересовала не величественная сторона этого города, а парижские углы: ночные клубы, бары, публичные дома – те места, где ему было хорошо и комфортно. Искусство, театры, старинные памятники архитектуры несколько не занимали мужчину. Здесь мы открыто можем говорить о влиянии города на человека. Образ Парижа двойственен: с одной стороны – это прекрасный город, куда стремится человек, чтобы стать ближе к искусству и культуре, а другой стороны – это затхлые, грязные и сухие па-

рижские улицы, где царит пьянство, разложение и разврат. Интересна в этом плане будет метафора Э. Золя, который сравнивает Париж с человеческим телом. Мы не случайно говорим о двойственной природе Парижа, ведь каждый из влюблённых выберет одну из сторон города, которая ближе его душе.

Жиль будет вести прежний образ жизни, посещая ночные заведения, а Натали будет изучать Париж совершенно с другой стороны. Женщине будут интересны памятники архитектуры, старинные парижские дома, театры и музеи.

Инициатор любовных взаимоотношений героев была Натали, *«она с первого взгляда полюбила его»* [3, с. 596]. Чувство молодой женщины было глубоко, она понимала, что ей придётся многим пожертвовать, чтобы быть рядом с любимым. Она казалась спокойной, не показывая своих переживаний, но автор романа дает нам понять, что выбор оставить всю свою прежнюю жизнь ради любимого принёс ей немало страданий. Здесь мы можем говорить о мотиве жертвенной любви со стороны Натали, который часто встречается в контексте мировой литературы.

Отношения Жили и Натали (мужчины и женщины) описываются Ф. Саган чувственно, герои её романа открыто говорят о любви, и писательница откровенно показывает их любовь, что является также особенностью французской женской прозы.

Чувства молодой пары обречены на трагический финал. Жиль любит себя и тот порядок к жизни, к которому он привык, но еще он и любит Натали, которая оказывается выше его в духовном и интеллектуальном плане. В душе мужчины происходит раздвоенность, которая сопровождается агрессией, грустью, завистью, нелепыми изменами и жалобами на свою возлюбленную. Если Натали - цельная натура, о чем нередко упоминается в романе, то душа Жили неполноценная и неразвитая. Он не может взять ответственность за свою любовь, так как боится будущего, боится жизни в принципе. *«Жиль не решился сказать <...>, что лично он боится и счастливых, и несчастных волн, страшился и ответственности, ожидающей его на новом месте, и любви Натали, и будничности, и одиночества»* [3, с. 604].

Героя мучает собственная ничтожность рядом с Натали, которую он полноценно осознает, и он не может ничего сделать,

кроме как совершать по-детски глупые поступки, которые причиняют боль его возлюбленной. Здесь мы можем говорить о любви, как стремлении преодолеть систему различий, а также о глубоком психологизме романа и его философским уклоном, что также является спецификой французской женской прозы.

Жиль пытается отстоять свою свободу, которая, по сути, ничего не стоит и которая еще недавно приносила ему столько страданий, пытается изо всех сил выглядеть перед своими друзьями все тем же Дон-Жуаном, которого ни одна девушка не сможет покорить. И герой сам не понимает, зачем он пытается казаться тем, каким хотят его видеть, пытается казаться, а не быть.

Натали оставила ради любви все, у нее не было ни одного близкого человека. Женщина всем сердцем полюбила Жилья, а ее цельная натура не дала бы ей поступить иначе и вести двойную жизнь. Вскоре Натали начала понимать, что возлюбленный тяготится ею. Любовь, которая спасла героя вначале, теперь стала для него огромным камнем, который давил все сильнее. Чувство, которое они испытывали друг к другу, обернулось против них, против их личностных приоритетов.

Жиль задумывался о том, что хочется снова быть одиноким, лишь бы вновь и вновь не предстать перед судом этой женщины. Его пугала ее цельность, властность и прямолинейность. Впервые он чувствовал себя ниже женщины, понимал ее превосходство над ним, и ему было невозможно дотянуться до нее. Для героя любовь стала бременем, но тем бременем, без которого он не мог жить, и, когда Натали поняла это, она решила оставить Жилья, завершив свою жизнь самоубийством. Неслучайно известный психолог, Зигмунд Фрейд, говорил о том, что человек тянется к жизни настолько, насколько он тянется и к смерти. Услышанный разговор на кухне, измены и ложь возлюбленного, одиночество - совокупность этих факторов толкнули Натали на этот шаг. Женщина положила все на алтарь истинной любви. Жиль, их любовь, - единственное, что она имела, и, когда она поняла, что стала ему в тягость, она ушла. Здесь мы можем говорить о схожести героини Ф. Саган – Натали с героиней Л. Н. Толстого – Анной Карениной, которая также положила всю свою прежнюю жизнь на алтарь страсти и в конечном итоге покончила жизнь самоубийством, бросившись под поезд.

Ф. Саган не говорит нам о том, что будет дальше с главным героем, но мы считаем, что в произведении нет открытого финала. Любовь к такой женщине как Натали была для неразвитой и неполноценной души Жилья настоящим бременем.

Вероятно, герой продолжит свою прежнюю парижскую жизнь, к которой он так привязан и вздохнет с облегчением, но мысль о невосполнимой утрате будет терзать его сердце всю жизнь. Как мы уже говорили, Жиль – это думающий герой, поэтому он понимал, ценил и гордился, и сожалел, что такая красивая, развитая, интеллектуальная и цельная женщина выбрала его, а он не смог преодолеть свое тщеславие и самолюбие, чтобы стать достойным ее.

Переходя к русской женской прозе, стоит сказать о том, что она психологична, эмоциональна, интересна, с открытым финалом; она более душевна, чем французская женская проза, так как раскрывает глубокий внутренний мир героев и психологию их чувств. В произведениях русской женской прозы героини часто изображаются как жертвы несправедливого обращения со стороны мужчин или других персонажей. Однако, параллельно с этим, они предстают как женщины, наделенные внутренней красотой, верностью, любовью и способностью к самопожертвованию.

Следует отметить, что практически все русские писательницы и поэтессы в своих произведениях затрагивают тему семьи, где с особой силой проступают мотивы детства и всепоглощающей материнской любви, поэтому можно утверждать, что русская женская литература наиболее глубоко исследовала психологию любви не только в контексте отношений между мужчиной и женщиной, но и внутри семейного круга, между матерью и ребенком.

Виктория Самойловна Токарева, с именем которой воспринимается хорошая женская литература в России, создала небольшую автобиографическую повесть «Дерево на крыше», рассказывающую читателям о сложном любовном треугольнике, где сама писательница выступает одним из углов, а главной героиней делает свою соперницу Веру (прототипом которой стала известная актриса Любовь Соколова).

В произведении перед нами два основных типа любви: лю-

бовь – страсть южного, горячего Александра и безусловная, самозабвенная, жертвенная любовь терпеливой, всё прощающей Веры, что характерно для изображения отношений между мужчиной и женщиной в контексте русской женской прозы.

Александр практически до последних страниц повести не способен на глубокие и серьёзные чувства. Он так же быстро перегорает к возлюбленным, как и увлекается ими. Чувства Веры – это один из самых глубоких и самоотверженных видов любви, основанный на безусловном принятии возлюбленного, когда чувства не зависят от поступков избранника, его поведения или внешних обстоятельств. Женщина «...любила Александра, любого – трезвого и пьяного, и хамски безразличного. Он был ее ВСЕ, как Пушкин для России» [4, с. 314]. В русской женской прозе зачастую любовь связана с жалостью и милосердием, а мотив жертвенной, всепрощающей любви характерен для многих героинь отечественных произведений (Сонечки Мармеладовой из романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и бедной Лизы из повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина).

В России XX века культ традиционной семьи оказывал сильное влияние на общественные нормы. Женщина, изменяющая мужу, подвергалась осуждению и порицанию. Любовные треугольники и сожительство не одобрялись обществом, что зачастую приводило к чувству стыда у женщин, оказавшихся в подобных ситуациях. Именно поэтому любовь Лены - героини в повести В. Токаревой представляет собой сложный комплекс чувств и противоречий. *«Внутри Лены стояла печаль, как затемнение в лёгком. Что значило это затемнение: может, ничего серьёзного, а может, начало конца. Имя этой печали – Александр»* [4, с. 280]. Здесь мы можем видеть рассуждения этой героини: *«... любовь – она же как смерть. Ей ничего нельзя противопоставить. Придёт и накроет с головой. И слова "Как тебе не стыдно?" не работают»* [4, с. 315].

С одной стороны, Лена глубоко привязана к Александру, в котором нашла родственную душу по интересам, она жертвует своим положением в обществе, идёт на компромиссы, принимая сложность отношений в любовном треугольнике, а с другой - эта героиня не способна на безусловные чувства, как Вера, она ставит под угрозу свой дом, семью, где ее ждет любящий муж и дочь.

Лена любит Александра за его выдающийся талант, его хорошие качества, но ей не знакома обратная сторона жизни с этим человеком, а именно его измены, зависимость от спиртных напитков, неспособность принимать решения, в отличие от Веры, которая познала и горечь и радость с этим человеком и которая любит Александра со всеми его достоинствами и недостатками. Мы можем говорить о том, что любовь Лены – это любовь-привязанность, тёплая и искренняя.

Обе героини изображены по-разному. Лена – успешная творческая личность, которая в финале повести становится знаменитой писательницей. Вера – жертва обстоятельств, которая пережила блокаду и испытала многочисленные материальные трудности. Она представляет собой более традиционный образ женщины того времени. Героиня работала актрисой, но впоследствии посвятила себя домашним обязанностям, что соответствовало общепринятым ожиданиям от женской роли в российском обществе того времени. Обе героини демонстрируют разные грани женской любви, но их подходы и результаты этой любви кардинально различаются.

Также в повести В. Токаревой «Дерево на крыше» раскрывается не только психология любви между мужчиной и женщиной, но и психология материнской любви. Любовь Веры к своему ребенку (Иванушке) вытекала из любви к Александру и была намного сильнее. Никакие уговоры мужчины не заставили героиню прервать беременность.

В финале повести всё становится на свои места. Хотя и поступок героя принёс колоссальную боль обеим женщинам, но, несмотря на это, они стойко и мужественно приняли решение Александра. *«Вера сделала блестящую актерскую карьеру. Взяла количеством. И личность её не потускнела от постоянных унижений. Вера была похожа на деревце, выросшее на крыше. Вроде и земли нет, и корням некуда углубиться – а вот оно, деревце. Живое и шелестящее»* [4, с. 349]. В этом текстовом отрывке раскрывается метафора, лёгшая в название повести. Именно главную героиню В. Токарева сравнивает с деревом, выросшем на крыше. Ей некуда пустить корни, не за что зацепиться, так как земли нет, а она живет: сильная, живучая русская женщина, много тягот перенесшая, с тяжелой судьбой. Через годы Вера

умирает. На её могилу шли беспрерывно такие же русские женщины, как и она сама. Лицо Веры, запечатлённое на экране, её жизнь и страдания, её глубокая вера и покорность судьбе стали неотъемлемой частью её самой. Образ Веры сравним с образом христианской мученицы, которая стойко выдержала все удары судьбы.

Лена продолжала свою прежнюю жизнь, целиком уйдя в писательское творчество. *«Александр вычерпал Лену, разграбил, заставил страдать. Но эти страдания оказались конвертируемы, как золото. Она переплавila страдания в творчество. Стала знаменита и независима»* [4, с. 350].

На последних страницах произведения Александр будто прозревает. В. Токарева пишет о том: *«Что было в жизни Александра самое драгоценное: Вера, Ванечка, Ряба – все те, кого он так страстно не хотел»* [4, с. 361].

Повесть «Дерево на крыше» раскрывает читателям глубокую и непостижимую природу любви и человеческих взаимоотношений. Здесь мы можем убедиться в двойственной природе этого чувства: с одной стороны, любовь – источник вдохновения, наслаждения, счастья и радости, а с другой – сила, которой человек не всегда может управлять и которая может привести к разрушению, горю и бедствиям. Также, в отличие от романа Ф. Саган, в этом произведении раскрываются особенности детско-родительских отношений, связанных с тоталитаризмом матери Александра, и психология материнской любви, связанная с чувствами Веры к своему ребёнку.

Особенностью повести русской женской прозы является также натуралистические и мистические элементы. В. Токарева откровенно пишет о последствиях прерывания беременности и чарующе рассказывает о встрече главной героини с Иоанном Богословом.

Несмотря на то, что В. Токарева описывает сложные любовные взаимоотношения между героями, сравнивая их с Осипом Бриком, Лилей Брик и Владимиром Маяковским, она не стремится к откровенным сценам, а о любви говорит сдержанно, что является особенностью русской национальной традиции.

Виктория Токарева утверждает: *«Если в сердце нет любви,*

человек мертв. Живым он только притворяется». Это высказывание стало краеугольным камнем всего её творчества, в котором она выступает как тонкий и глубокий исследователь этого прекрасного чувства. В произведениях писательницы любовь не всегда идеализирована - в ней присутствуют боль, недопонимание и страдания. Однако *«...любовь — единственный луч света в повседневной будничной суете, а надежда на счастье — единственное, что заставляет продолжать жить...»* [5].

Таким образом, мы можем говорить о том, что каждая из женщин-писательниц обладает уникальным подходом к изображению чувства любви. В целом, несмотря на этнонациональные особенности, можно констатировать, что как во французской, так и в русской женской прозе любовь предстает в качестве глубокого и порой неподвластного разуму чувства, несущего с собой как счастье и радость, так и страдание и боль. Читателям представляется возможность проследить, как зарождаются чувства между людьми, крепнут, а после рушатся, что опять доказывает двойственную природу любви, этого чувства, которое способно вытаскивать человека из непроглядной тьмы, возвращать к жизни, дарить радость – с одной стороны, а с другой – разрушать и уничтожать человеческую личность и то, что ему дорого.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург – Москва : Речь, 2021. – 608 с.
2. Сент-Экзюпери, А. Цитадель / Антуан де Сент-Экзюпери. – Москва : АСТ, 2024. – 544 с.
3. Саган, Ф. Ангел хранитель. Здравствуй, грусть. Смутная улыбка. Через месяц, через год. Сигнал к капитуляции. Любите ли вы Брамса? Немного солнца в холодной воде: Романы / Ф. Саган. – Москва : Эксмо, 2003. – 688 с.
4. Токарева, В. Террор любовью. Дерево на крыше: повести, рассказы / В. Токарева – Санкт-Петербург : Азбука, 2023. – 480 с.
5. Токарева, В. С. В канун своего юбилея писательница Виктория Токарева рассказала "РГ" о юморе, генах и компьютере / В. С. Токарева [Электронный ресурс] // RG.RU: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2022/11/16/vnutrennij-golos-viktorii->

tokarevoj.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
(дата обращения: 11.04.2025).

6. Шаравин, А. В. Модификации жанра городского сказа 60-90-х годов / А. В. Шаравин // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 256–265.

УДК 821'09

Матюшкова А.И.

*Астраханский государственный медицинский университет,
г. Астрахань, РФ*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ФРОНТОВОГО ВРАЧА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Целенаправленность статьи определяется анализом парадигмальных характеристик как концептуальных свойств, формирующих модель языковой личности и определяющих её функционирование в различных социокультурных контекстах. Представлена интерпретация языковой личности хирурга Саввы Китайгородского в романе В. Аксёнова «Московская сага» в аспекте когнитивно-прагматической интеграции медицинского и морального дискурсов как семантическое отражение ценностных характеристик фронтового врача в художественном дискурсе.

Ключевые слова: языковая личность, прагматические особенности, парадигмальные характеристики, медицинский дискурс, моральный дискурс.

Matyushkova A.I.

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

REPRESENTATION OF PARADIGMATIC CHARACTERISTICS OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A FRONTLINE DOCTOR IN ARTISTIC DISCOURSE

The purposefulness of this article is determined by an analysis of paradigmatic characteristics as conceptual properties that form

the model of language personality and define its functioning in various sociocultural contexts. The interpretation of the linguistic identity of surgeon Savva Kitaygorodsky in the novel "Moskow saga" by V. Aksyonov is presented from the perspective of cognitive-pragmatic integration of medical and moral discourses as semantic reflection of value characteristics of frontline doctors in artistic discourse.

Keywords: *language personality, pragmatic features, paradigmatic characteristics, medical discourse, moral discourse.*

Современная лингвистика все чаще обращается к понятию 'языковой личности' как к ключевому элементу в изучении связи между языком, мышлением и культурой. Термин «языковая личность» получил широкое распространение благодаря работам Ю.Н. Караулова, который рассматривал её как совокупность способностей и характеристик человека, «со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками» [Караулов 2008: 7], проявляющихся в его речевой деятельности и обеспечивающих порождение и восприятие речи.

Языковая личность – это не только носитель языка, но и активный субъект коммуникативной деятельности, в которой проявляется его мировоззрение, ценности, уровень образования и опыт. В связи с этим актуальным становится рассмотрение парадигмальных характеристик языковой личности как концептуальных свойств – устойчивых, системообразующих признаков, отражающих её внутреннюю организацию, формирующих модель языковой личности и определяющих её функционирование в различных социокультурных контекстах [Стернин 2004].

Изучение парадигмальных характеристик позволяет не только лучше понять внутренние механизмы речевой деятельности, но и раскрыть глубинные связи между языком, мышлением и культурой. В условиях культурного многообразия и ускоренных процессов глобализации особое значение приобретает исследование языковой личности как носителя уникального лингвокультурного опыта.

Интерес к особенностям интерпретации языковой личности военного хирурга Саввы Китайгородского в романе Василия Аксенова «Московская сага» определены уникальностью образа

Саввы Китайгородского – профессора медицины, человека с сильным характером и яркой индивидуальностью. Через его речь, поведение, коммуникативные стратегии и внутренние установки формируется многослойный портрет языковой личности. Анализ этого персонажа через призму парадигмальных характеристик позволяет глубже понять, как в художественном дискурсе реализуется сложная внутренняя структура героя и каким образом язык становится отражением эпохи, среды и мировоззрения.

Сущность парадигмальных характеристик заключается в их инвариантных признаках, проявляющихся в различных аспектах речевой и языковой деятельности личности. Они выступают как основы, структурирующие языковое сознание и речевое поведение индивида.

Выделены следующие основные парадигмальные характеристики языковой личности Саввы Китайгородского как военного хирурга.

1. Национально-культурная обусловленность.

Языковая личность Саввы Китайгородского сформировалась в определённой социокультурной среде. Национальная культура накладывает отпечаток на систему ценностей, восприятие мира, способы категоризации и речевые стратегии [Маслова 2004]. Савва Китайгородский, как русская языковая личность, отличается экспрессивностью и метафоричностью.

Так, самоанализ Китайгородского после его публичного заявления идти на фронт, несмотря на официальную бронь и его значимость как высококвалифицированного специалиста для тыловых госпиталей, констатирует отсутствие логики, но актуализирует чувство патриотизма. В использовании автоквеситива – *Донкихотский нелепый порыв?* – Савва сам себя определяет человеком, не наделённым чувством реальности, не ощущающим действительность. Однако следующий автоквеситив, расширенный семантикой одновременного выражения и сомнения, и предположения: *Может быть, и на самом деле лишь чистый подсолнечный патриотизм* подвинул его к этому не очень-то рациональному поступку? – направляет его восприятие мира к систематизации наблюдаемого: *Ведь и на самом же деле душа была уязвлена нашествием чужого на свое. Сталин ли, Гитлер ли, большевики ли, нацисты ль, все-таки чужая подлость прет на*

родное злосчастье, и душа требует движения к своему народу [Аксёнов 2017: 410–411]. Таким образом происходит классификация нового опыта языковой личности сознанием в соотношении с сформировавшимся прежде концептуальными образованиями.

2. Когнитивная структура.

Когнитивный компонент отражает ментальные схемы и категории, характерные для конкретного индивида. Он включает в себя индивидуальные и коллективные образы, стереотипы, концепты, которые влияют на выбор языковых средств и интерпретацию действительности. Например, образ лётчика капитана Осташева, известного аса, сбившего десяток вражеских самолетов, сопоставляется Китайгородским с образом Андрея Болконского: *Интересно, что даже ранение у него напоминает о смерти Андрея Болконского», – вспомнилось Савве* [Аксёнов 2017: 405].

Через когнитивно-прагматическую интеграцию двух дискурсов медицинского и морального в речи военврача Саввы Китайгородского семантически актуализируются его ценностные ориентиры, среди которых ключевым является профессиональный долг, который выражается через лексику обязательства, устойчивые клише:

– *Этого, кажется, еще можно спасти,* – сказал Савва.

– *Только неизвестно, будет ли он благодарен нам за это спасение,* – пробормотал Дод Тышлер.

– *Тем не менее будем спасать,* – сказал Савва [Аксёнов 2017: 405].

Он легко переходит от научной терминологии к просторечию и даже к жаргону, если того требует ситуация. Например:

1) – *Долго держать его под хлороформом нельзя после такой потери крови,* – сказал Савва. – *Начинайте, Дод, футлярную анестезию.*

2) – *Не валяйте дурака!* – сказал Савва. – *Выполняйте приказ! Я вас назначаю своим заместителем по отходу в тыл!*

3) *Он склонился к лицу капитана Осташева:*

– *Как себя чувствуете?*

Тот вдруг начал ему с какой-то кривой лукавинкой подмигивать, зашептал:

– Яду мне дай, военврач, яду!

– *Мы еще с вами водки выпьем, капитан!* – произнес Савва обычную в таких случаях фразу [Аксёнов 2017: 414].

Репрезентация языковой личности посредством интеграции профессиональных и моральных качеств, организационных способностей главного хирурга фронтового госпиталя майора Китайгородского и его готовности к ответственности за свои решения представлена в следующем диалогическом противостоянии:

– *Всем, кто кончил операции, немедленно отступить!* – крикнул Савва.

– *Да ведь приказа же, приказа из штаба дивизии не было, Савва Константинович, – истерически завопил из приёмного покоя комиссар госпиталя Снегоручко.*

– *Там уже, наверное, некому приказывать!* – крикнул ему в ответ Савва.

Снегоручко вдруг выскочил в святая святых, в операционную. Он хватался за кобуру пистолета, глаза светились медяками.

– *Не паниковать! Застрелю!*

– *Уберите идиота!* – приказал Савва санитарам. Очередной и самый близкий взрыв потряс все здание.

<...>

«Отбились? Прекрасно! Поздравляю с новым доносом, товарищ Снегоручко», – подумал Савва [Аксёнов 2017: 412–413].

3. Идеологическая и ценностная ориентация.

Важной характеристикой является система ценностей, которая проявляется в языке через оценочную лексику, модальность, прагматические стратегии. Так, Китайгородский, человек, ориентированный на коллективизм, использует речевые конструкции, подчеркивающие принадлежность к группе, в отличие от индивидуалистически ориентированного носителя. Представим его аргументацию стратегией логического убеждения:

1) включение позиционирования: *Тогда вдруг на трибуну вылез профессор Китайгородский и сказал, что именно в связи с горизонтальным, а главным образом, с вертикальным медицинским обеспечением армии он намерен отправиться на фронт;*

2) использование манипулирования, нацеливаемого на желаемые логические выводы: *Он также подчеркнул, что, начиная еще с его первых шагов под руководством Бориса Никитича Градова, его исследовательская работа всегда имела определённый военно-медицинский аспект;*

3) детальная подача информации в актуализации значимости его исследовательской работы в военно-медицинском аспекте: *и было бы просто нелогично упускать возможность проверки этого аспекта в полевых условиях* [Аксёнов 2017: 410].

4. Тип речевого поведения

Эта характеристика отражает коммуникативные предпочтения: склонность к монологу или диалогу, степень откровенности, стремление к консенсусу или к доминированию в общении. Эти особенности тесно связаны с культурными нормами и личностными установками. Савву Китайгородского отличает уникальность его внутреннего монолога, ср.:

1) *Вот именно, думал он сейчас, бормоча «почти нормальное стихотворение» о спуске в темные глубины, <...> это было главной и истинной причиной моего порыва на фронт – доказать ей, что я не совсем тот, за кого она меня всю жизнь принимала.*

2) *Тем более странно выглядит здесь «дурацкий ля бемоль», сводящий последнюю строфу едва ли не к «буриме» <...> Эти мысли не покидали Савву, пока он точно и умело, не теряя ни одной секунды, работал в брюшной полости прославленного летчика Осташева* [Аксёнов 2017: 411].

5. Уровень языковой креативности.

Важными показателями языковой личности являются способность к порождению новых смыслов, использование нестандартных языковых средств, игра слов, например:

1) *Почему они «это» называют в женском роде, подумал Савва. Ведь это же очевидно – снаряд прилетел, значит, «он», а они говорят так, будто это бомба... Своя – чужая... Может быть, тут где-то слово «смерть» лежит в подсознании... своя – чужая?..* [Аксёнов 2017: 406].

2) *– Вы тоже отступайте, Тышлер! – жёстко сказал Савва Доду. – Мы тут все закончим без вас с брюшной полостью. Спасибо за помощь.*

– *А ноги?! – горячо зашептал Дод, тоже как не совсем нормальный. – С ногами-то, с ногами-то что?..*

– *Ноги возьмём в руки, – усмехнулся Савва. – Если успеем проскочить, то ногами займёмся завтра...* [Аксёнов 2017: 412].

6. Гибкость и адаптивность.

Языковые личности часто функционируют в поликультурной среде, где необходимо умение быстро перестраиваться, менять регистры, стили и языковые коды.

1) К примеру, ситуация проводов на вокзале военврача III ранга Китайгородского была как бы задана веселым настроением его жены Нины, которому Савва старался следовать: *Все мы плевали на ваши аксельбанты давным-давно, давным-давно! – басом пел в ответ Савва строчку песни из популярной пьесы. На душе у него, очевидно, кошки скребли, но он понимал из Нинкиной буффонады, что ей еще хуже, и продолжал ей подыгрывать. Подхватывал под руку, жарко шептал на ухо: «Вы обмшшулись, милочка, приняв гусара за кавалергарда, боевого коня за обозную лошадь!»* [Аксёнов 2017: 353].

2) Последний представленный автором диалог Саввы с фашистским офицером является завершительным аккордом, интерпретирующим языковую личность хирурга Китайгородского в аспекте когнитивно-прагматической интеграции медицинского и морального дискурсов как семантическое отражение ценностных характеристик фронтового врача в художественном дискурсе

– *Вы останетесь с нами, господин майор, – негрубо сказал он. – Все уходят, кроме вас.*

– *Я не могу! – вскричал Савва. – Ich kann nicht. Я здесь главный хирург! Ich bin Hauptdokter!*

Когнитивно-прагматическая интеграция медицинского и морального дискурсов является неотъемлемой частью речевой деятельности военного хирурга Саввы Китайгородского и отражает его глубинные ценностные установки как профессионала. Она позволяет создавать гибкий, многомерный дискурс, в котором соединяются научная точность и этическая чуткость, рациональность и эмпатия. Такое интегративное речевое поведение не только способствует эффективной коммуникации, но и формирует положительный образ фронтового врача как не просто специалиста, но носителя гуманистических идеалов.

Парадигмальные характеристики языковой личности Саввы Китайгородского представляют собой комплекс устойчивых признаков, определяющих когнитивно-коммуникативный облик индивида в языке. Речь Саввы Китайгородского отличается высокой степенью образности, лексическим богатством и стилистической разноплановостью. Он свободно владеет профессиональной медицинской терминологией, что подтверждает его научную и врачебную компетентность. Однако его язык не является сухой канцелярской речью – это живой и колоритный поток, насыщенный метафорами, иронией, порой сарказмом.

Список литературы

1. Аксёнов, В. П. Московская сага. Книга 2. Война и тюрьма / В. П. Аксёнов. – Москва : Эксмо, 2017. – 512 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Н. Л. Чулкина. – Москва : РУДН, 2008. – 139 с. – URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 23.03.2025).
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
4. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.

УДК 801.3

Милосердова Я.О.

Государственный университет просвещения, г. Москва, РФ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ ОБЪЁМА КОНЦЕПТА ЗЕМЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С. ВЫСОЦКОГО

В работе поставлена задача проанализировать реализации концепта земля через фразеологические экспликации объёма. Отмечено, что В.С. Высоцкий обращается как к зафиксированным и устоявшимся фразеологическим единицам,

так и выводит индивидуально-авторские варианты. Компонент земля может входить в структуру ФЕ, но чаще в произведениях Владимира Семеновича концепт реализуется с помощью фразеологизмов без указанной лексемы.

Ключевые слова: концепт, концепт земля, В.С. Высоцкий, фразеологизм, фразеологические экспликаторы

Miloserdova Ya.O.

State University of Education, Moscow, Russia

PHRASEOLOGICAL EXPLICATORS OF THE VOLUME OF THE CONCEPT LAND IN THE WORKS OF V.S. VYSOTSKY

The paper sets the task to analyze the realization of the concept of land through phraseological volume explicators. It is noted that V.S. Vysotsky refers to both fixed and established phraseological units and derives individual-author variants. The land component can be included in the structure of FE, but more often in Vladimir Semyonovich's works the concept is realized with the help of phraseological units.

Keywords: concept, land concept, V.S. Vysotsky, phraseology, phraseological explicators

Понятие «языковая личность» является интердисциплинарным термином, рассматриваемая в лингвистике с нескольких позиций: 1. Языковая личность, способная осуществлять речевую деятельность, – «речевая личность»; 2. Языковая личность обладает особенностями вербального поведения и является «коммуникативной личностью»; 3. Языковая личность представляет собой «национально-культурный прототип носителя определённого языка», то есть «этносемантическую личность» [Воркачёв, 2001: 64-67].

Языковая личность в лингвистике напрямую связана с языковой картиной мира, которая, по наблюдениям И.А. Ивановой, «является способом репрезентации, закрепления, хранения всей информации о мире, которой располагает тот или иной народ-носитель языка» [Иванова 2006: 48].

В свою очередь языковая картина мира отражается в идиолекте писателя. Так, по словам В.В. Леденёвой, «идиостиль является данностью, поскольку обнаруживает себя в результате текстопорождающей и эстетической деятельности языковой личности» [Леденёва 2001: 12].

Д.С. Лихачёв говорил о зависимости между содержанием концепта и «национальным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека», очевидно, что в данном случае концепт рассматривается как феномен сознания отдельного человека или социальной группы [Лихачев 1997: 280]. И.А. Иванова отмечает, что многочисленные труды, посвящённые изучению концептов, указывают на их многоуровневую структуру и связанную с этим сложность их описания [Иванова, URL].

Концепт как особый комплекс конкретной языковой картины будет определяться не только языковыми средствами выражения, но и будет обусловлен, как отмечает В.В. Красных, культурой знаний и представлений всех носителей этой культуры [Красных 2003: 146].

Язык Владимира Семёновича Высоцкого противоречив, в этом языке отражается жизнь. Язык – спутник и инструмент познания. «Песни Высоцкого близки и понятны русскому человеку. Высоцкий стал голосом народа: песни почти всех стилей: от лирики до блатных» [Милосердова 2024: 130]. Народность творчества напрямую связана с фразеологическими единицами, которые являются отражением народного опыта. Важным представляется рассмотрение значимого для творчества Владимира Семёновича Высоцкого концепта *земля* и связанных с ним фразеологических экспликаторов, которые в текстах могут выполнять различные функции: подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства, определения.

Интересно обращение барда к сакральной формуле *Мать – сыра земля*. Несмотря на то, что эта формула не вошла в устоявшиеся фразеологизмы, в работах можно найти отнесение к ФЕ. Например, в работе М.И. Галяутдинова, Н.В. Коноплёва: «мать сыра-земля, фразеологизм передаёт восхищение землёй как первоисточником всего в этом мире» [Галяутдинов, Коноплёв 2015: 205]. Наиболее интересно обращение барда к формуле в произведении «Песня о Земле»:

*Кто сказал: «Все сгорело дотла?
Больше в Землю не бросите семя»?
Кто сказал, что Земля умерла?
(«Песня о Земле»)*

В словаре славянских древностей зафиксировано, что мотив материнства в поверьях о земле имеет отношение не только к универсальному плодоносящему началу. Это отражение мы видим и в произведении барда: «Больше в Землю не бросите семя».

Также находим ФЕ «сгореть дотла», использованный по отношению к рассматриваемому концепту. Так, бард описывает состояние после пережитого ужаса войны.

*Он мне: «Внемли!», и я внимал
Что он с Земли вчера сбежал
Решил: «Нырну я в гладь и тишь!»
(«Песня Билла Сигтера»)*

В произведении «Песня Билла Сигтера» компонент *земля* не входит во фразеологическую единицу, однако напрямую связан с индивидуально-авторским вариантом ФЕ *тишь да гладь*, который получает в песне вид *в гладь и тишь*. Так бард характеризует рассматриваемый концепт.

*Я теперь в дураках – не уйти мне с земли –
Мне поставила суша капканы:
Не заметивши сходней, на берег сошли –
И навечно – мои капитаны.*

(«Я теперь в дураках – не уйти мне с земли»)

В песне «Я теперь в дураках – не уйти мне с земли» концепт реализуется как место пребывания человека, а фразеологическая единица *в дураках* означает обман, который связывает человека и землю.

*Я лошадкам забитым,
что не подвели,
Поклонился в копыта,
до самой земли,
Сбросил с воза манатки,
повёл в поводу...
(«Очи чёрные»)*

В произведении «Очи чёрные» находим вариант фразеологизма *поклониться до самой земли*, который соотносится с древним обычаем земных поклонов как почитания родной земли.

Поклонился в копыта,

до самой земли

(«Очи черные»)

Отметим, что в этом произведении находит отражение и индивидуально-авторский вариант фразеологизма – *поклониться в копыта*.

Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной -

И колумбовой, и магелланной!

(«Баллада о брошенном корабле»)

В этом примере находим единицу *земля обетованная*, то есть, место, куда очень хочется попасть, место счастья. В произведении барда местом счастья и изобилия становится вся земля.

Король сказал: «Он с вами справится шая».

И пошутил: «Пусть будет пухом вам земля».

(«Рыцарский турнир»)

Фразеологизм *пусть будет пухом земля* находит ироническую реализацию в рассматриваемой песне Владимира Семёновича. В большинстве случаев ФЕ используется как выражение скорби, в песне подчеркнуто «пошутил».

Пусть будет пухом вам земля!

Я буду пищей для червей

(«Про любовь в средние века»)

В песне «Про любовь в средние века» присутствует индивидуально-авторская ФЕ – *пища для червей*, в которой заключено значение смерти. Благодаря этому авторскому варианту рассматриваемый концепт раскрывается наиболее ярко, так как часто в произведениях барда концепт *земля* реализуется в значении последнего пристанища человека.

Таким образом, с учётом того, что фразеологизмы являются зеркалом национальной культуры и менталитета, рассматриваются фразеологические экспликативы объёма концепта *земля* в произведениях Владимира Семеновича Высоцкого. Учитывается, что анализируемый концепт может быть как универ-

сальным, так и индивидуально-авторской реализацией. В рассмотренных нами примерах более частотны случаи, когда фразеологическая единица служит для описания или пояснения раскрываемого значения концепта. Если условно принимать сакральную формулу *Мать – сыра Земля* как ФЕ (учитывая, что это спорный вопрос), то отмечаем, что наиболее ярким примером реализации является «Песня о Земле». Также интересно, что Владимир Семёнович обращается к народному варианту *земной поклон* в произведении «Очи чёрные», при этом в этой же песне мы можем найти индивидуально-авторский вариант *поклониться в копыта*. Так, благодаря анализу реализации объёма рассматриваемого концепта через фразеологические экспликативы, приходим к выводу, что песни барда стали народными в том числе и благодаря тому, что фразеологические единицы понятны и знакомы носителю русского языка, а *земля* является универсальным компонентом культуры каждого народа.

Список литературы

1. Воркачѳв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
2. Галютдинов, М. И. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом "земля" (на примере фразеологических единиц английского и русского языков) / М. И. Галютдинов, Н.В. Коноплѳва // Вопросы языкознания в когнитивном аспекте: сборник научных статей / Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2015. – С. 203–208.
3. Иванова, И. А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / И. А. Иванова. – Москва, 2006. – 201 с.
4. Красных, В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С.146–148.

5. Леденёва, В. В. Идиостиль как система отношений / В. В. Леденёва // Вестник ТГУ. 2001. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-sistema-otnosheniy> (дата обращения: 25.03.2025).

6. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва, 1997. – С. 280–287.

7. Милосердова, Я. О. Реализация концепта "земля" в произведениях В.С. Высоцкого 1973 г / Я. О. Милосердова // Майские чтения (Язык и репрезентация культурных кодов): материалы XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых, Самара, 16 мая 2023 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2024. – С. 130–132.

УДК 81'37

Милютина Ю.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия*

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ «ТАЙНИКИ» ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются неисчерпаемые возможности фразеологии русского языка как сокровищницы народной мудрости и культурного наследия. Подчеркивается многогранность фразеологических единиц, их способность отражать исторический опыт народа, его ценности, обычаи и мировоззрение. Анализируются примеры образности, экспрессивности и эмоциональной окрашенности фразеологизмов, позволяющие говорящим выразить широкий спектр чувств и оценок. Особое внимание уделяется проблеме сохранения и популяризации фразеологического богатства русского языка, а также необходимости его изучения и использования в современной коммуникации.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, русский язык, культура, народная мудрость, лингвистика, выразительность, образность, коммуникация.

Milyutina Yu.V.

*Bryansk State University named
after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

THE INEXHAUSTIBLE CACHES OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

The article examines the inexhaustible possibilities of the Russian language's phraseology as a treasure trove of folk wisdom and cultural heritage. It emphasizes the multifaceted nature of phraseological units and their ability to reflect the historical experience, values, customs, and worldview of the Russian people. The article analyzes examples of the figurative, expressive, and emotional nature of phraseological units, which allow speakers to express a wide range of feelings and assessments. Special attention is given to the issue of preserving and promoting the phraseological wealth of the Russian language, as well as the need to study and use it in modern communication.

Keywords: *phraseology, idiom, Russian language, culture, folk wisdom, linguistics, expressiveness, imagery, communication.*

Лексика и фразеология языка – та составная часть, которая наиболее активно реагирует на любое дыхание общества, называя новые реалии и понятия, входящие в духовную и материальную жизнь этого общества. Изучая эту жизнь, мы сталкиваемся с лексиконом той или иной эпохи, а, рассматривая словарный состав, ученые непременно становятся и исследователями эпохи. Но познание лексикона языка связано с глубоким изучением специфики самого слова.

На современном этапе развития науки о языке исследование фразеологических единиц немыслимо без изучения их национально-культурной специфики, без рассмотрения роли фразеологизмов в репрезентации культуры народа. «Особую роль в... трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет... фразеологический состав

языка, так как в образном содержании его единиц воплощено... культурно-национальное мировидение» [Телия 1996: 231]. Следует отметить, что связь языка и культуры реализуется через культурную коннотацию, которая возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологизма посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами, отражающими народный менталитет.

Исследователь В. А. Маслова считает необходимым анализ языковых фактов не только с позиции активного носителя языка, но и с позиции внешнего наблюдателя – на основе изучения и анализа универсальных терминов культуры, извлекаемых из текстов разных времен и народов, при этом всякий фразеологизм – это текст, т.е. хранитель культурной информации. Автор отмечает: «Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [Маслова 2001: 87].

Рассмотрим лишь некоторые стороны единиц, способные дать нам более глубокие практические навыки в усвоении особенностей этой языковой единицы. Опрошение языковой единицы может происходить и в сфере устойчивых сочетаний слов. В качестве примера приведем анализ Н.М. Шанским происхождения фразеологизма *собаку съест*. Высказывались на эту историю различные точки зрения. Так, А.А. Потебня высказал предположение, что фразеологизм возник в крестьянской среде и его появление обусловлено земледельческим трудом: «*лишь тот, кто искусился в этом труде, – писал ученый, – знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду – и собаку бы съел*» [Потебня 1990: 83]. В русских народных говорах (нижегородских) обнаруживается аналог рассматриваемого выражения с замещенным глагольным компонентом: нижегор. *собаку сожрал кто-либо* в значении «умеет поговорить, занять разговором кого-либо» (*Ты, чай, знаешь? Баить-то он собаку сожрал*) [СРНГ Т. 39: 139].

Укажем точку зрения на происхождение данного выражения исследователя О.Н. Трубачева, посвятившего одну из своих работ вопросам происхождения названий животных, указывает, что «бесспорно общеславянским названием собаки является *рьсь*,

известное с самого начала как родовое обозначение животного» [Трубачев 1960: 19], а слово *собака*, в котором этимологи предполагают иранское либо тюркское заимствование, «в качестве основного родового названия животного безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории» [Трубачев 1960: 29].

М.И. Михельсон снабжает фразеологизм комментарием, указывающим на такие черты в образе собаки, как смелость и ловкость: «*Собаку съел = дока, 19 изучил дело; насобачился = набил руку (сделался смелым, ловким, как собака)*» [Михельсон 1997: 412].

Исследователь С.В. Максимов в его «Крылатых словах» привел аргумент парадоксального характера. В качестве примера ученый приводит трансформации ряда таких выражений: «*голод – не тетка, пирожка не подсунет*» сократилось в «*голод – не тетка*»; «*на чужой каравай рот не разевай, а раньше вставай, да свой затевай*» – стало «*на чужой каравай рот не разевай*»; «*как заведенные часы*» – «*как часы*» и т.д.

В.И. Даль зафиксировал выражение «*собаку съел, а хвостом подавился*». Думается, что наиболее близок к научной истине академик Н.М. Шанский. Нельзя обойтись без внимания к происхождению фразеологизмов. Известный фразеолог Вероника Николаевна Телия отмечает: «Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для сохранения мировидения и связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности и по этой причине, как правило, свидетельствует о ее культурно-национальном опыте и традициях [Телия 1996: 215].

В работе с учащимися фразеологизмы такого рода дают им возможность более глубоко проникнуть в культурные традиции народа. Так, широкое изучение фразеологии, в составе которой имеются цветонаименования, показывает широкий спектр использования этих наименований не только в русском литературном языке и особенно в его говорах, но и в других языках. При этом, как показывают исследования, в той или иной культуре цвет нередко приобретает символические значения, которые дополняются символическими значениями и самих реалий [Евстратова 2003 :45].

Известный ученый Татьяна Аполлоновна Иванова размышляет о том, что слово *синий* выступает в этом фразеологизме несомненно в устаревшем значении [Иванова 2004: 199-201]. Большинство ученых-этимологов полагает, что слово родственно глаголу «сиять» и прилагательному «сивый». Макс Фасмер на основании фактов разных языков указывает, что слово выступало в значениях «черный, темный» (др.-инд.), «пепельного цвета», «сероватый» (лит.) и др. [Фасмер III 1971: 624]. В древних русских памятниках находим примеры, в которых слово имеет значение «черный». Например, в памятниках XV века: «*синяя яко сажа*», «*синий яко сажа*». Ученые, описывая различные тематические группы русской лексики, находят определение *синий* в значении «черный» среди наименований живой природы: растений, рыб и пр. Справедливо считают, что «синий» в устаревшем значении стало в русском языке даже постоянным эпитетом. Так, у Мельникова-Печерского *синь кафтан* – вовсе не синяя одежда, а одежда праздничная. «*У него водились и синь кафтан ради праздника, и добрые кони на дворе...*» («На горах»). Действительно, диалектолог Г.Г. Мельниченко подчеркивал: «*Синяя одежда – праздничная, суконная одежда, даже не синего цвета*» [Мельниченко 1961: 184].

В басне И.А. Крылова, как известно, встречаемся с выражением *попался как ворона в суп*. Полезно будет узнать не только о том, что в баснях множество народных слов и выражений, созданных самим поэтом, вошли в пословицы, об авторском происхождении которых мы очень часто даже не подозреваем: *Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона; как белка в колесе; слонато я и не приметил; услужливый дурак опаснее врага; а ларчик просто открывался; Васька слушает да ест; у сильного всегда бессильный виноват; попался как ворона в суп* и мн. др. Последнее выражение является переделкой другого: «*попал как кур во щи*» [Иванова 2004].

О баснях И.А. Крылова В.Г. Белинский восхищенно писал: «...все это выражено в таких оригинально-русских, непереводаемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, – что сам

Пушкин не полон без Крылова в этом отношении» [Белинский: 265 - 266].

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» А.С. Пушкин заметил, что ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, знаменитого французского писателя, но «мы, кажется, можем предпochесть ему Крылова» [Пушкин: 14].

«Крылов, – писал академик В.В. Виноградов, – возводит народную речь на высшую ступень литературного достоинства. В его баснях живая устная речь обнаруживает всю широту и глубину своих стилистических возможностей. Указав широкие пути синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью, создав художественные образы глубокого реализма, Крылов подготовил Пушкину путь к народности» [Виноградов 1978: 52-53]. Это важное положение, вовсе не умаляющее достижений А.С. Пушкина в области реформирования русского языка и создания «нового» русского литературного языка на народной основе. Оно лишь подчеркивает значимость другого великого русского поэта.

Исследователь Т.А. Иванова подробно рассматривает в историческом плане разные значения слова *щиз*, в результате у читателя складывается ясная картина истории и этого слова, и фразеологизма в целом, и в произведениях И.А. Крылова.

На поэтический язык конца XVIII – начала XIX столетия оказывали заметное влияние поэтические слова-символы, в том числе традиционная поэтическая фразеология. Такая фразеология создавалась, в частности, за счет совмещения в ней двух значений: прямого и возникшего на его основе значения переносного. Например, *лира*, *свирель* – музыкальные инструменты и символ поэзии, *Муза* – живое мифическое существо, покровительница поэтического творчества и символ поэзии, *Парнас* – горный массив, место обитания бога Аполлона и Муз и символ [Иванова 1968: 162].

Из музыкальных инструментов (*арфа*, *труба*, *цевница*, *свирель*, *лира*) наиболее частотным символом выступала, несомненно, *лира*:

*На лире золотой Державин возгремел,
Бессмертную в стихах бессмертных он воспел.*

Поэтическая фразеология формировалась также вокруг символов поэзии, поэтического творчества: названий бога как вдохновителя поэтического искусства (Феб, Аполлон), богинь как покровительниц поэзии (Музы, Парнаасские девы, царицы, сестры, аониды, Камены и др., но преобладали Музы), крылатого коня, служившего Музам и Аполлону (Пегас).

Среди слов, раскрывающих историю русской культуры, совершенно неожиданным для читателя окажется слово *вокзал*. Слово первоначально в русском языке имело два фонетических варианта: *воксал* и более позднее *вокзал*. Что оно иностранное, у слушателей не вызовет удивления, но его происхождение в английском языке-источнике весьма неожиданно. В своем первоисточнике оно связано с историей английской культуры и с конца XIX в. означало здание с залами для танцев, концертов и т.п. От англ. *Vauxhall*: *Vaux* – фамилия и *hall* – зал. Это название небольшого селения под Лондоном, в котором с 1760 г. его владелица Джейн Вокс устроила Общественный сад с фонтанами и различными украшениями. Для фешенебельной публики там стали устраиваться концерты. Это начинание и слово было подхвачено и в России. Ср., «Павловский вокзал» под Петербургом: чудесный парк в Павловске, где великий Иоганн Штраус со своим оркестром десять сезонов подряд давал свои великолепные концерты.

Еще один лексико-семантический сюрприз для читателя. А.С. Пушкин так описывает танец Онегина с Ольгой: «...*Онегин с Ольгою пошел, Ведет ее, скользя небрежно, И, наклонясь к ней, шепчет нежно Какой-то пошлый мадригал*». Как понимать слово «пошлый» в этом тексте? В первой главе романа читатель наталкивается на слова «эпиграф», «анекдот»: «*Он знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать...Дней минувших анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей...*» (I.6). Что за такая любопытная способность – разбирать эпиграфы, для которых, к тому же, надо знать латынь? Онегин знал великое множество анекдотов от самого Ромула. Может быть, он как раз и шептал Ольге один из таких анекдотов?

Но все совсем не так. У древних греков слово *epigraphe* обозначало «надпись», в том числе на памятнике. Сейчас, как все знают, у нас оно имеет совсем другое значение. Слово пришло к

нам в XVIII веке из французского *anecdote*, куда, в свою очередь, попало из греческого *anecdotes*: букв. Означает «неизданный, неизвестный». В русском языке оно получило новые значения: «1. *Устар.* Краткий прозаический рассказ о малоизвестном историческом событии (в этом значении как раз слово употреблено в романе А.С. Пушкина). 2. *Разг.* Происшествие, случай необычного характера. *Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот* (Гоголь. Нос, 2). Обратимся к пьесе «Ревизор». Сколько здесь лексико-семантических трудностей, мешавших и мешающих читателю XX-XXI веков понять многие высказывания героев «[Квартальный:] Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен» (I,4). Что такое *частный дом*? И почему ему, спрашивается, живущий в частном, а не в государственном доме человек не может быть употреблен к делу? Разгадка очень интересна.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Избранные письма. В 2 т. Т. 1. / В. Г. Белинский. – Москва: Художественная литература, 1955.
2. Виноградов, В. В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – Москва, 1978. – 320 с.
3. Евстратова, С. Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов в аспекте славяно-финно-угорских взаимоотношений / С. Б. Евстратова // Славянские языки: от прошлого к настоящему: к XIII международному съезду славистов. – Любляна, 2003. – С. 43–53.
4. Иванова, Н. Н. К истории поэтической фразеологии конца XVIII-XIX в. (глагольные сочетания со словами-символами поэзии) / Н. Н. Иванова // Русская литературная речь в XVIII в. – Москва, 1968. – 236 с.
5. Кохтев, Н. Н., Розенталь Д. Э. Русская фразеология: Около 700 фразеологизмов: Для иностранных учащихся / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – 2-е изд. – Москва : Рус. яз., 1990. – 303 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

7. Марканова, Ф. А. Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И.С. Тургенева / Ф. А. Марканова. – Ташкент, 1968. – 693 с.

8. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сб. образ. слов и иносказаний: в 2 т. / М. И. Михельсон. – Москва : Terra, 1997. – 779 с.

9. Потехина, А. А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., А.Б. Муратова. – Москва : Высш. ш к., 1990. – 344 с.

10. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: Художественная литература, 1976.

11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1. –41. – Москва; Ленинград : Наука, 1965-2007.

12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

13. Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологическое исследование / О. Н. Трубачев. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 116 с.

14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986-1987.

УДК 801.3

Минкин К. С.

Институт образования

НИУ Высшая школа экономики, г. Москва, РФ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛИ АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА «ВОИТЕЛЬНИЦА»)

В статье рассматривается функционирование фразеологических единиц в очерке Н.С. Лескова с точки зрения прагматики. В ходе исследования изучено место ФЕ в идиостиле автора, отмечены особенности использования узусных устойчивых оборотов, пословиц и поговорок, что позволяет судить о неповторимости языка произведений автора.

Ключевые слова: прагматика, стилистика, Н.С. Лесков, фразеология, фразеологизм, идиома.

Minkin K. S.
Institute of Education
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE PROSE OF N.S. LESKOV AS A FEATURE OF AUTHOR'S IDIOSTYLE (ON THE EXAMPLE OF THE ESSAY «VOITELNITSA»)

The article examines the functioning of phraseological units in N.S. Leskov's essay from a pragmatic perspective. During the study, the place of these units in the author's idiolect was analyzed, highlighting peculiarities of usage of conventional stable expressions, proverbs, and sayings that allow to judge about the uniqueness of the language used by the author.

Keywords: pragmatics, stylistics, N.S. Leskov, phraseology, phraseologism, idioms

Введение

Предметом исследования многих гуманитарных наук сегодня является текст и человек, порождающий его. В канве антропоцентрической научной парадигмы текст художественного произведения рассматривается как неотъемлемая часть мировой и национальной культуры, смысловое пространство, продукт речемыслительной деятельности автора и, конечно же, как источник информации, эстетически воздействующий на человека. В этой связи рассмотрение художественного текста с точки зрения выявления в нем особенностей функционирования тех или иных языковых единиц в отрыве от восприятия этого текста человеком практически невозможно. По словам Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [1]. В этой связи особое место в изучении различных языковых средств, обеспечивающих структурно-

смысловую цельность текста, занимает прагматика, предопределяющая по Ч. Морису изучение «поведения знаков в реальных процессах коммуникации» [6]. При таком подходе интерпретация языковых единиц возможна только при соотнесении знаков и восприятия их человеком. В свою очередь, устойчивые обороты стоит относить к числу наиболее активных средств выражения авторской позиции в тексте художественного произведения. Они «являются ключевым выражением, отражающим образное видение автора» и обладают высоким экспрессивным потенциалом, что позволяет рассматривать данные языковые единицы как на внутритекстовом, так и внешнетекстовом уровнях и представляет большой интерес для прагматического исследования. Проблемой изучения устойчивых оборотов в прозе Н.С. Лескова посвящены труды О.А. Головачевой [3], В.В. Леденевой [4]. Однако стоит заметить, что функционально-прагматический анализ устойчивых оборотов прозы 60-х годов Н.С. Лескова до сих пор не проводился, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Научная новизна исследования заключается в изучении фразеологизмов как средства языка, благодаря которому человек в той или иной речевой ситуации достигает поставленной цели, помимо этого, в проекте предложено изучение условий реальной жизни, при которых привычное фразеологическое выражение может приобретать новые смысловые и стилистические оттенки, трансформироваться, обретая новое лексическое значение, не свойственное узуальному устойчивому обороту. Изучение взаимосвязи между средствами языка и условиями жизни человека позволяет по-новому взглянуть на фразеологизмы, определив их место в речемыслительной деятельности.

О.А. Головачева в своей докторской диссертации отмечает, что «прагматические установки автора реализованы через взаимодействие системных и текстовых аспектов языка в их единстве, что позволяет представить особенности идиостиля и идиолекта публициста – яркой языковой личности» [3, с 17]. К таковым Ольга Алексеевна относит окказионализмы, ключевые слова, контекстные антонимы и антонимические корреляты, разговорную и просторечную лексику, топонимы, гидронимы и другие языковые средства репрезентации тех или иных тем в произведе-

ниях автора. Важно заметить, что особое место в изучении творчества Н.С. Лескова О.А. Головачева отводит фразеологическим единицам: «Наряду с лексическими единицами Н.С. Лесков использовал в своих работах фразеологизмы, нередко подвергая их авторской трансформации» [3, с. 439]. Значимость употребления устойчивых оборотов с целью характеристики как масштабных явлений, например, национального характера, так и более мелких, частных бытовых случаев отмечает ещё один ведущий учёный, занимающийся проблемами творчества Н.С. Лескова — Валентина Васильевна Леденева, которая в своей кандидатской диссертации пишет, что «идиолект Н.С. Лескова — реальность, одна из частных манифестаций языка общенационального, неповторимая в силу неповторимости ментально-лингвального комплекса личности, репрезентация которого обеспечивается средствами идиолекта» [4], — а аспирант Валентины Васильевны Цзян Юань в кандидатской диссертации говорит о том, что «номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств идиолекта Н.С. Лескова реализован при создании системы художественных образов, показавших одобряемое и порицаемое писателем в человеке и жизни, передающих взгляд литератора на национальный характер и осуждение положения народа в России до отмены крепостного права» [10, с. 17], — что ещё раз подчеркивает прагматический потенциал идиоматических выражений в прозе писателя.

Таким образом, обозрение исследований ученых, занимающихся пробелами Лесковианы, позволяет понять, что интенции автора «Очарованного странника» эксплицированы многими лексическими средствами, в частности, к таковым стоит относить фразеологические единицы.

Основная часть

В ходе отбора материала по теме исследования на примере очерка «Воительница» без учёта повторения одинаковых ФЕ нам удалось выявить всего 168 устойчивых оборотов (данные приведены на рисунке 1), в число которых вошли узуальные фразеологизмы, трансформированные фразеологизмы, пословицы узуальные и трансформированные. Всего в тексте фразеологизмы употребляются более 200 раз, что для среднего эпического жанра до-

статочно частотно. Такие результаты позволяют понять, что одним из ведущих средств выразительности и оценочности в «Воительнице» являются фразеологизмы.

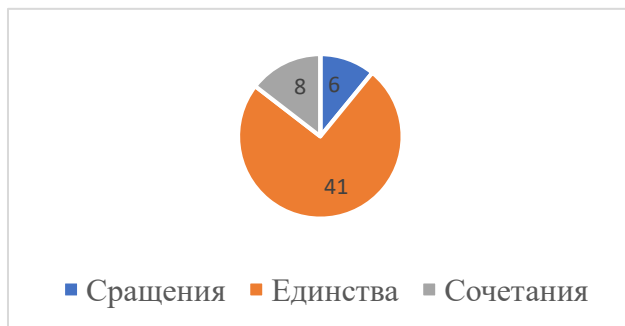

Рис. 1 – Количество устойчивых оборотов в очерке Н.С. Лескова "Воительница"

Узуальных фразеологизмов в тексте очерка нами выделено 55, многие из них неоднократно повторяются, суммарное количество употребления узуальных фразеологизмов в «Воительнице» составляет около 90 раз.

Согласно классификации В.В. Виноградова и Н.М. Шанского по спаянности компонентов мы кодифицировали все узуальные ФЕ: из 55 оборотов 6 составляют фразеологические сращения (10,9%), 41 – фразеологические единства (74,55 %), 8 – фразеологические сочетания (14,55%). Следующие цифры позволяют понять, что преимущественно Н.С. Лесков в тексте очерка использует фразеологические единства, создавая «возможность двойственного, каламбурного переосмысления» [2, с. 129] читателем поступков героев и ситуаций, в которые они попадают. Таким образом, «употребление фразеологического оборота, который надо понимать одновременно и как фразеологическое и как

свободное сочетание слов» [11, с. 260] позволяет Лескову придать своему тексту дополнительные изобразительные потенции.

Рис. 2 – Классификация узуальных фразеологизмов в очерке по В.В. Виноградову и Н.М. Шанскому

Также важно заметить, что Николай Семенович, как писатель, который частотно трансформирует фразеологизмы, использует именно единства, так как, по мнению Шанского, именно эти единицы наиболее способны к трансформации, что отличает их от сращений и сочетаний: «Фразеологические единства допускают вставку других слов: тянуть (служебную) лямку. Это свойство фразеологических единств обособляет их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и выражений» [12].

Помимо этого, все обнаруженные узуальные фразеологизмы были классифицированы нами по стилевой отмеченности. Для классификации использовались различные фразеологические словари, среди которых фразеологический словарь русского литературного языка

А. И. Фёдорова 2008 [9], учебный фразеологический словарь под редакцией Быстровой, А. П. Окуневой, Н. М. Шанского 1997 [13], большой фразеологический словарь русского языка Е.Н. Телия 2006 [14]. В результате анализа было установлено, что с обнаруженными в очерке ФЕ встречаются следующие пометы: *экспрессивное, ироническое, книжное, просторечное, разговорное, ино-*

сказательное, пренебрежительное, неодобрительное, фамильярное, устаревшее, высокое, книжное. На рисунке 3 мы отобрали частность употребления фразеологизмов в зависимости от их стилистической отнесенности.

Рис. 3. – Стилистические пометы к анализируемым фразеологизмам

Из вышеприведенных данных можно понять, что Н.С. Лесков в рамках одного прозаического произведения обращается к узуальным устойчивым оборотам различной стилистической отнесенности:

например, *дрянь дело* – просторечная ФЕ с пренебрежительной эмоциональной отнесенностью («Ну, это, – думаю, – уж действительно **дрянь дело**» [5]);

не дело – разговорная ФЕ с негативной эмоциональной отнесенностью – неодобрительное («Ну, это, – отвечаю, – опять тоже, по-моему, **не дело**» [5]);

лежит печать – книжная ФЕ («...**лежит печатью** на специалистках по части образования жертв» [5]);

по твоей милости – ироническая ФЕ («...потому что черт тебя знает, какие мне **по твоей милости** задачи приходят» [5]);

такая-сякая немазаная – просторечная фамильярная ФЕ («Куда, куда, – говорю, – **такая-сякая**, ты летишь?» [5]).

Рассмотрим несколько примеров функционирования фразеологизмов различной стилистической отнесенности: в сцене, когда Леканида рассказывает Домне Платоновне о своей честности и покорности мужу, что для воительницы оказывается непри-

емлемым, последняя говорит, что это «не дело» («Ну, это, – отвечаю, – опять тоже, по-моему, **не дело**, потому что мало ли какой грех был, но на что про то мужу рассказывать» [5]). Единица *не дело* с лексическим значением – «не стоит, не следует так поступать в чём-либо. При выражении отрицательного отношения к чему-либо» [9], и пренебрежительной стилистической отнесенностью позволяет судить о неодобрительном отношении Домны Платоновны к позиции Леканиды, благодаря чему читатель может сам сделать вывод о нравственных принципах воительницы, которая считает, что не обо всем стоит говорить честно мужу.

Характеризуя Леканиду, Лесков использует фразеологизм *большое сердце* с лексическим значением «кто-либо отзывчив, добр, способен горячо чувствовать» [9], данный устойчивый оборот, согласно словарю Федорова, стоит относить к книжным ФЕ, однако очевидно приобретение иронической эмоциональной окраски данной единицы в контексте очерка (которая в словаре не отмечена), поскольку Леканида, у которой «слезы даже <...> от большого сердца остановились», — плачет не от отзывчивости, а от сожаления и разочарования, ведь богач ей «всего десять рублей дал» [5], в то время как остальным «всем пятьдесят» [5].

Однако, несмотря на разнообразие стилистических помет, становится очевидным, что автор отдаёт предпочтение в использовании слов с пометами «разговорное», «экспрессивное», «просторечное» – что отвечает ключевым интенциям автора – стремлению проникнуть в объективные закономерности национальной жизни и усилить представление о поступках главной героини.

Образ Домны Платоновны синтетичен, поскольку, с одной стороны, она и есть представитель обычного народа, поэтому её речь изобилует фразеологизмами, которые обнаруживаем с пометой «разговорное»: в завязке очерка она просит рассказчика *сделать милость* – «разг. вежливое выражение усиленной просьбы» [9]. Употребление подобной этикетной формулы может свидетельствовать о прагматичном характере героини, которая знает, с кем нужно беседовать вежливо, а с кем – напористо и грубо. Нередко этот фразеологизм в её речи появляется, когда она обращается к рассказчику, с которым она вежлива и обходительная: «Нет, уж ты, батюшка мой, со мною, *сделай милость*, не

спорь!» [5], «– Съезди, – говорит, – ты, миленький, **сделай милость**, в часть» [5], «– Знаю, – говорит, – все, **сделай милость**, больше не сказывай» [5]. Помимо этого, данный фразеологизм может указывать на вежливость героини по отношению к людям более низкого социального статуса, например, обращаясь к Леканиде, она говорит: «...но только уже и ты ж, смотри, **сделай милость**, не капризничай» [5].

Также в речи героини наиболее частотными разговорными оборотами будут являться сочетания *как следует* («...а пока человек жил мало или всех петербургских обстоятельств **как следует** не понимает» [5]), *как знаешь* («Ну, делай, мол, **как знаешь**; тебя, видно, милая, не научишь» [5]) и другие. Характеризуя воительницу, её слова и поступки в начале произведения, автор прибегает к использованию узуальных оборотов с экспрессивной стилистической окраской. Показательным в этом понимании становится употребление фразеологизма *жить в своё удовольствие*, который использует Домна Платоновна, характеризуя жизнь генерала, в доме которого «роскошь <...>: зеркала, ланты, золото везде, ковры, лакеи в перчатках, везде это духами накурено» [5]. Такой образ жизни героине кажется привлекательным и приемлемым, в связи с чем она употребляет фразеологизм с ярко выраженной эмоциональной окрашенностью. Все вокруг Домна Платоновна характеризует тоже с позиции зажиточности, типичной для обывателя, что подчеркивает употребление ею фразеологизма *при деньгах* в диалоге с Леканидой: «Я, – говорит, – когда **при деньгах** была, я ей не раз помогала» [5], – возможность помощи окружающим людям в понимании воительницы зависит не столько от внутренних стремлений, сколько от финансового положения человека.

Также стоит отметить частотность употребления героями фразеологических выражений с лексемой «бог», которые в словарях обнаруживаются с пометой «экспрессивное»: *ей богу, слава богу, боже мой, бог с вами, дай бог, бог дал* (в целом фразеологизмы из этой семантической группы использованы в тексте 17 раз). Все они называют различные эмоции и чувства героев, которые возникают в той или иной ситуации: уверенность, радость, восхищение или тревогу и др. Чаще всего такие фразеологизмы прослеживаются в речи Домны Платоновны, для которой «мера

нравственности определяется размерами икон, сиянием лампад, т.е. внешней красотой, к чему и тянется ее артистическая натура» [7, с. 307]. Лесков обнажает проблему ложной набожности героини, подчеркивая влияние «петербургских обстоятельств» на воительницу, которая становится излишне расчетливой и прагматичной. Автор изображает парадоксальность ситуации: фразеологизмы, связанные с Богом, произносятся Домной Платоновной, как и многими другими героями, лишь формально: читателю становится очевидным, что никаким христианским постулатам воительница не следует. Лишь в конце очерка, испытав чувство любви, которое Домна Платоновна на протяжении всей жизни отрицала, она многое переосмысливает: в душе и в поведении героини происходят значительные перемены, это подчеркивают и лексические средства в её речи: в развязке произведения фразеологизмы с лексемой «бог» употребляются героиней лишь дважды: *бог велел и бог даст* — и в этих словах уже нет того пафоса, что звучал в начале, здесь слышны лишь отзвуки смирения и покорности: *«Узнай ты там насчет одного человека, похлопчи за него. Я, бог даст, со временем сама тебе услужу»* [5], *«– Как вы здесь? – Бог так велел»*.

Исследователь Н.Ю. Темникова в статье «Лексико-фразеологические средства создания речевого портрета персонажа в повести Н.С. Лескова "Воительница"», рассуждая об образе героини отмечает, что он амбивалентен: «с одной стороны, Домна Платоновна – не злой и не сребролюбивый человек, и действует она совсем не из желания наживы, а из настоящей любви к своему делу» [8, с. 35]. Это можно заметить в диалоге с Леканидой, когда «Домна Платоновна – не со зла, а из самых добрых побуждений – толкала ее на торговлю собственным телом» [там же], ведь воительница ради девушки *«все пороги обила»* [5]. Использованный Лесковым фразеологизм со значением: «Настойчиво ходить куда-либо, неуклонно добиваясь чего-либо» [9], – и пометой «экспрессивное», помогать понять чувство огорчения героини, искренне преданной своему делу, хотя сам читатель осознает, что дело это далеко не благородно. Немаловажной в этом понимании становится и реакция Домны Платоновны на отказ встретиться с генералом, поскольку Леканида пренебрегает стараниями воительницы. Выражая недовольство этим, Домна в адрес героини

произносит: «Куда, куда, – говорю, – *такая-сякая*, ты летишь?» [5]. Использование фразеологизма *такая-сякая* со значением: «Скверный, очень плохой» [9], – отражает речевое сознание воительницы, труд сводницы, по её мнению, не был достойно оценен — Лесков же оставляет читателю возможность самому оценить, насколько трудны и значительные были старания Домны Платоновны. Фразеологизмы также выступают средством реализации экспрессии, страдания Леканиды из-за мужа для Домны Платоновны оказываются «пустяками» [5], в то время, как отношение воительницы к деньгам, с которыми у Леканиды проблемы, автор подчеркивает с помощью фразеологизма *дрянь дело* («*Денег у меня ни грошика нет*». «Ну, это, – думаю, – уж действительно *дрянь дело*» [5]) со значением «Прост. Пренебр. Очень плохо, скверно» [9], – что в сравнение позволяет понять отношение Домны к семейным ценностям и вопросам, связанным с финансовым благополучием. Следовательно, можно понять, что многие узуальные обороты в тексте «Воительницы» являются средствами выражения различных экспрессивно-оценочных отношений говорящего к обозначаемому.

Выводы

Таким образом, роль использования узуальных фразеологизмов в очерке Лескова «Воительница» заключается в создании особого колорита, раскрытии характеров персонажей и подчеркивании их социального статуса. Фразеологизмы помогают автору передать атмосферу времени, делают речь героев естественной и выразительной, помогают читателю понять отношение одних героев к другим, их поступкам.

Словари фиксируют многообразие помет к фразеологическим единицам, что свидетельствует об их различных эмоционально-экспрессивных оттенках. Всего нами выделено 17 экспрессивных единиц с различными пометами, в частности, ироничное («*обделала дельце*», «*по твоей милости*»), неодобрительное («*не дело*»), пренебрежительное («*дрянь дело*», «*такая-сякая*»), высокое и устаревшее («*хлеба засушного*»), иносказательное («*шах и мат*»), «фамильярное» («*такая-сякая немазаная*»), книжное («*лежит печать*»), что позволяет судить о том, что использование фразеологизмов с различными стилистическими пометами помогает

Лескову создать многогранный образ героев, передать их характер и настроение. Фразеологизмы могут указывать на образованность (употребление ФЕ с пометами «книжное» и «высокое») и приближенность к народу (на это указывают ФЕ с пометами «разговорное», «просторечное»), но куда более важно, что читатель благодаря интерпретации фразеологизмов определённой стилистической отнесенности может осознать, какие чувства испытывает один герой по отношению к другому и чем это может быть мотивировано, реализации этой функции будут способствовать ФЕ с пометами, «указывающими на выразительные оттенки» [15] (как называет их Ожегов): ироничное, неодобрительное и другое, и в этом проявляется мастерство Лескова, поскольку вопрос об интерпретации действий и слов героев он оставляет открытым, сам же над правильным и добрым в очерке подчас иронизирует (об этом мы говорили, когда рассматривали коннотацию ФЕ «большое сердце»), а пошлое и безнравственное может сначала показаться правильным и необходимым (сюда стоит относить все жизненные принципы Домны Платоновны, о которых она говорит почти на протяжении всего очерка), но это несовпадение и помогает читателю по-настоящему задуматься над словами и поступками героев, сделав правильные выводы.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэне, И. А. Избранные труды по общему языкознанию, Т. 2 / И. А. Бодуэн де Куртэне. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1969. – 391 с.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва, 1977. – 312 с.
3. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова: язык публицистики 60-х годов XIX века: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / О. А. Головачева. – Смоленск, 2016.
4. Леденева, В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: Средства номинации и предикации: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / В. В. Леденева. – Москва, 2000. – 481 с.
5. Лесков, Н. С. Воительница: Очерк / Н. С. Лесков. – Москва : Гослитиздат, 1955. – 79 с.

6. Morris Charles W (1971). Writings on the General Theory of Signs. Den Haag: Mouton.

7. Павленко И. В. «Переходный» тип сознания личности в повести Н. С. Лескова «Воительница» / И. В. Павленко // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-2. – С. 306–310.

8. Темникова, Н. Ю. Лексико-фразеологические средства создания речевого портрета персонажа в повести Н.С. Лескова "Воительница" / Н. Ю. Темникова, Ю. В. Царева // Поволжский педагогический вестник. – 2019. – Т. 7, № 3 (24). – С. 33–40.

9. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва : Астрель: АСТ, 2008.

10. Цзян Юань. Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств идиолекта Н.С. Лескова в прозе раннего периода творчества: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.5. / Цзян Юань. – Мытищи, 2023. – 224 с.

11. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва, 1972. – 328 с.

12. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург : Специальная Литература, 1996. – 192 с.

13. Учебный фразеологический словарь / Е.А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Москва; Назрань : АСТ, 1998. – 289 с.

14. Большой фразеологический словарь русского языка. – Москва : АСТ-Пресс, 2009. – 781 с.

15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://stylistics.academic.ru/190/Стилистическая помета](https://stylistics.academic.ru/190/Стилистическая_помета) (дата обращения: 15.04.2025).

Миронова Г.С.

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, РФ*

**«УГОЛЬ» – «ЛУННЫЙ ЛЁД» – «САЛАМАНДРА»:
БОРЬБА СТИХИЙ В ПЬЕСАХ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ
«ПРИКЛЮЧЕНИЕ» И «ФЕНИКС»**

Статья посвящена пьесам М. И. Цветаевой «Приключение» и «Феникс». Цель статьи – выявить, как в центральных персонажах отражается борьба четырех стихий: Казанова («уголь») соответствует стихии Земли и Огня, Анри-Генриэтта («лунный лёд») – стихии Воды и Воздуха, Франческа («саламандра») – стихии Огня. Взаимодействие и противостояние этих персонажей и стихий, им соответствующих, создают неповторимое своеобразие драматургической дилогии М. И. Цветаевой о Казанове.

Ключевые слова: пьеса, стихия, ремарка, реплика, драма.

Mironova G. S.

Tolstoy State Pedagogical University, Tula, Russia

**«COAL» – «MOON ICE» – «SALAMANDER»:
THE STRUGGLE OF THE ELEMENTS IN THE PLAYS
OF M. I. TSVETAIEVA «ADVENTURE» AND «PHOENIX»**

The article is devoted to the plays «Adventure» and «Phoenix» by M. I. Tsvetaeva. The purpose of the article is to reveal how the struggle of the four elements is reflected in the central characters: Casanova ("coal") it corresponds to the elements of Earth and Fire, Henri-Henrietta ("moon ice") – the elements of Water and Air, Francesca ("salamander") – the elements of Fire. The interaction and confrontation of these characters and the elements corresponding to them create a unique originality of M. I. Tsvetaeva's dramatic dilogy about Casanova.

Keywords: play, element, remark, remark, drama.

Пьесы «Приключение» и «Феникс» входят в цикл «Романтика», над которым Марина Ивановна Цветаева работала в 1918–1919 гг. Свое обращение к драматургии она объясняла так: «...стала писать пьесы, это пришло, как неизбежность, просто голос перерос стихи, слишком много вздоху в груди стало для флейты» [Цветаева 2000: 441]. Центральным персонажем драматической дилогии «Приключение» и «Феникс» является Джакомо Казанова (1725–1798), а события, происходящие в XVIII веке, основаны на IV томе «Мемуаров», написанных самим Казановой, на что указывала Цветаева в афише к первой пьесе «Приключение».

Конфликт этих драматических этюдов можно охарактеризовать как борьбу стихий, или четырех первоначальных элементов (земля, вода, воздух и огонь), теорию которых первым начал разрабатывать древнегреческий философ, писатель и врач Эмпедокл, а продолжили ее развитие выдающиеся античные философы Платон и Аристотель. В Средневековье и эпоху Возрождения учение о первоэлементах стало одной из теоретических основ алхимии и астрологии, где считалось, что каждой стихии соответствуют свои «духи» (саламандры – это духи огня, силфы – духи воздуха, ундины – духи воды, гномы – духи земли), что впервые описал швейцарский натурфилософ и врач Парацельс. Разумеется, М.И. Цветаева подходила к этим понятиям не как ученый или астролог, а как поэт, художник слова. Поэтому ее трактовка этих стихий, или первоэлементов, авторская, творческая. Четырем стихиям в драматической дилогии Цветаевой соответствуют три центральных персонажа – Джакомо Казанова, Анри-Генриэтта и Франциска.

В пьесе «Приключение» завязкой любовного конфликта служит знакомство двадцатитрехлетнего Казановы с обладающей всеми женскими достоинствами и окутанной тайной Генриэттой – юной аристократкой, на что указывают и ее манеры, и случайно оброненные ею фразы (например, «в нашем замке...»), и её имя (Генриэтта в переводе с древнегерманского означает «благородная красавица», «богатая», «могущественная», «женщина силы и власти»). Эта роковая для героя встреча происходит в 1748 году в итальянском городе Чезене. В первой картине, сим-

волически названной «Капля масла», возникает аллюзия на античный миф о любви Амура и Психеи, литературно обработанный в «Метаморфозах» Апулея: Генриэтта в гусарском наряде и под именем Анри появляется в комнате гостиницы с ночником в руке, и капля масла, случайно пролившаяся из светильника, пробуждает героя. В своем дневнике Цветаева так характеризует Казанову: «... блестящий ум (вечные проекты) ... сердце — вечно настороже ... И полное отсутствие души...» [Цветаева 2000: 151]. Появление Генриэтты сравнивается с возникающим из тьмы лунным лучом, что исследователь Е.С. Меньшенина рассматривает как «появление Души (света) в жизни Казановы, который в пьесе является воплощением темноты» [Меньшенина 2011: 148], а А.А. Саакянц утверждает, что Генриэтта «...мыслилась поэтом как та самая Душа, которой недостает Казанове» [Саакянц 2002: 164].

Отношения Казановы и Генриэтты – это союз мужского и женского начал, слияние и одновременно противостояние мира земного и мира небесного. Причем с земной жизнью, со стихией Земли (как основы всего стабильного, неизменного, плотского, организующей деятельность всех других стихий, дающей силу, опору) в пьесе связан подверженный всем земным соблазнам Казанова - «острый угол и уголь», как его характеризует Цветаева в списке действующих лиц [Цветаева 1993: 256]. В то же время в Казанове есть и частица другой стихии – стихии Огня, заключенной, прежде всего, в его глазах, которые так характеризует Генриэтта в прощальном монологе: «...Глаза твои я вижу: те же, в уголь // Всё обращающие, те же, в пепл и прах // Жизнь обратившие мою...» [Цветаева 1993: 289]. А в третьей картине один из персонажей так описывает Казанову: «сух и жгуч, как адский уголь» [Цветаева 1993: 277]. И в той же сцене Посол испанский сравнивает Казанову с Вулканом [Цветаева 1993: 280], который в древнеримской мифологии почитался как бог огня.

Генриэтта же выступает в пьесе посланцем небес: «Я – лунный луч. Вольна // Мне всякая дорога // <...> Как спутница Земли – Луна, // Я – вечный спутник Казановы» [Цветаева 1993: 261]. «Лунный лед» - так характеризуется Генриэтта в афише [Цветаева 1993: 256]. Лед соотносится с пронизывающей материю сти-

хией Воды, символизирующей Жизнь, дающей энергию, пробуждающей к действию. В отношениях Казановы и Генриэтты именно она ведущая сила, все тайны в ее руках. Генриэтта загадочна и бесстрашна, ласкова и надменна, нежна и упряма. И именно ее противоречивость, таинственность и смелость привлекает героя. Ирма Кудрова в статье «Джакомо Казанова в "красной Москве"» выделила главное в характере героини: «...Генриэтта – инициатор знакомства с Казановой, от начала до конца именно она «ведет» их отношения, определяя главные повороты. Она умна и независима, преданна и непреклонна. Одарена талантами; она умеет горячо любить, но умеет и властвовать над своими чувствами, подчинять их Долгу, как она его понимает...» [Кудрова 2000: 18]. Нельзя не обратить внимание на то, что таинственная возлюбленная Казановы олицетворяет не только стихию Воды, но и стихию Воздуха, поскольку, по рождению, она связана с зодиакальным созвездием Весы, что соответствует воздушной стихии: «Генриэтта (смеясь). Сентябрь-месяц / Мне вместо колыбели дал (взглядывая в небо) / Весы» [Цветаева 1993: 281]. Неслучайно и прощание Казановы с Генриэттой происходит в гостинице с символическим названием «Весы». Эта двойственность Генриэтты (Вода-Воздух) заложена уже в ее таинственном появлении в мужском одеянии в комнате гостиницы в Чезене и в столь же загадочном исчезновении «в полосе лунного света» [Цветаева 1993: 290] без объяснения причин после получения таинственного письма. Таким образом, в пьесе «Приключение» любовный конфликт можно интерпретировать и как борьбу (и одновременно, союз) Земли и Огня, Воды и Воздуха.

В июле-августе 1919 года Цветаева работает над пьесой, которая первоначально называлась «Конец Казановы», а через пять лет получит название «Феникс». Об этом драматическом этюде Цветаева писала: «Это не пьеса, это поэма — просто любовь: тысяча первое объяснение в любви Казанове» [Цветаева 1922: 3]. В пьесе «Феникс» предстает образ семидесятипятилетнего Казановы – «величественного, гордого, смешного, но никогда не жалкого в постигшем его непоправимом бедствии — старости» [Цветаева 1965: 780]. В списке действующих лиц главный герой пышно именуется Джакомо Казанова фон Сегальт [Цвета-

ева 1993: 302]. А в авторской ремарке, открывающей третью картину, обращают на себя внимание следующие детали его портрета: «грациозный и грозный остов», «полная неукротенность глаз», «не барственен: царственен» [Цветаева 1993: 336]. Для Цветаевой старый Казанова – это мощная личность, что усиливается выразительной ремаркой из второй картины: «На смуглом остоле лица – два черных солнца» [Цветаева 1993: 316].

Действие в финальной картине этой пьесы разворачивается в Богемии в новогоднюю ночь с 1799 г. на 1800 г., когда главный герой собирается оставить замок Дукс, где он служил библиотекарем, для того, чтобы умереть в одиночестве, покинуть этот мир вместе со старым веком, «формулой» которого он являлся [Цветаева 1993: 336]. Вся третья картина развивается под рев метели – стихии, предвещающей перемены, поворот судьбы, силы, неподвластной человеку. Метель – это голос вечности, символ иного измерения и знак финала земного существования Казановы. И именно в этот момент в жизнь главного героя буквально врывается окутанная тайной тринадцатилетняя Франциска – «дитя и саламандра», «прозрение в незнании» [Цветаева 1993: 302]. Характер Франциски сложен и противоречив. В ней сочетаются и маленький ребенок, готовый на все ради достижения цели, и страстная женщина, которая не боится ничего потерять (неслучайно этот образ вызывает ассоциации с героиней Данте Алигьери – Франческой да Римини, имя которой отождествляется с любовью, страстью и трагической судьбой).

Франциска слишком отчаянна, слишком непредсказуема, делает то, что ей заблагорассудится, не думает о последствиях, подчиняя свои действия чувствам. То она переживает, что взяла без спроса рубашки и починила их, то демонстрирует свои сапоги. Юная героиня очаровательна в своей детскости, непосредственности, готовности вспыхнуть в секунду, как спичка. Несомненно, в пьесе она связана со стихией Огня: с появлением Франциски рассеивается холод и мрак библиотеки, а пораженный Казанова замечает «костер» в ее глазах [Цветаева 1993: 348]. Франциска – это «саламандра», а в представлении средневековых алхимиков и магов саламандра ассоциировалась с огнем. Стихия Огня сближает Франциску и Казанову: уголь, костер, солнце, пожар — все эти образы отнесены к обоим. В связи со стихией Огня

возникает в пьесе параллель с образом Феникса - птицей, которая сгорает и возрождается из пепла. Девушка-саламандра символизирует тот последний огонь, в котором должен сгореть прежний Джакомо Казанова и возродиться из пепла другой, обновленный.

Таким образом, в результате анализа двух пьес М.И. Цветаевой о Казанове мы пришли к выводу, что любовный конфликт в них представляет собой борьбу четырех стихий, которая отражена в центральных персонажах: Казанова («острый угол и уголь») соответствует стихии Земли и Огня, Анри-Генриэтта («лунный лёд») – Воды и Воздуха, Франческа («саламандра») – стихии Огня. Взаимодействие и противоборство этих персонажей и стихий, им соответствующих, создают неповторимое своеобразие драматургической диалогии М.И. Цветаевой.

Список литературы

1. Кудрова, И. Джакомо Казанова в «красной Москве» / И. Кудрова // Цветаева М. Конец Казановы: Пьесы. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 5–28.
2. Меньшенина, Е. С. Романтическая героиня драматургии М. И. Цветаевой на примере пьесы «Приключение»: надвременная и надпространственная сущность героини / Е. С. Меньшенина // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – № 5–1. – С. 145–149.
3. Саакянц, А. А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс / А. А. Саакянц. – Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 827 с.
4. Цветаева, М. И. Конец Казановы. Драматический этюд / М. И. Цветаева. – Москва : Созвездие, 1922. – 80 с.
5. Цветаева, М. Избранные произведения / М. Цветаева. – Москва; Ленинград, 1965. – 810 с.
6. Цветаева, М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах / М. И. Цветаева. – Москва : ПТО «Центр», 1993. – Т. 3. – 720 с.
7. Цветаева, М.И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. – Т. I: 1913-1919 / М. И. Цветаева. – Москва : Эллис Лак, 2000. – 560 с.

8. Цветаева, М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. – Т. 2: 1919-1939 / М. И. Цветаева. – Москва : Эллис Лак, 2001. – 547 с.

УДК 821.161.1

Михайлина А.М.

*Научный руководитель: к.ф.н., доцент **Пронина Е.В.**
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ*

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА
«ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»: ЯЗЫКОВЫЕ
И ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ**

Цель исследования – рассмотреть функциональную специфику межтекстуальных связей в постмодернистском романе А.В. Иванова «Географ глобус пропил». Проведённый анализ позволил определить целенаправленное включение в художественный текст широкого спектра интертекстуального поля. В работе зафиксирована интеграция политекстуальных явлений художественных произведений русских и зарубежных писателей. Обозначенные процессы направлены на имманентное конструирование модуса художественности.

Ключевые слова: *интертекстуальность, литература постмодерна, реминисценция, сатирическое, межтекстовые связи.*

Mikhailina A.M.

*Scientific supervisor: **Pronina E.V.**
Associate Professor, PhD in Philology, Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, Tula, Russia*

**INTERTEXTUALITY IN A. IVANOV'S NOVEL
«THE GEOGRAPHER DRANK THE GLOBE»:
LINGUISTIC AND POETIC STRATEGIES**

The purpose of the study is to consider the functional specifics of intertextual connections in A.V. Ivanov's postmodern roman «The

Geographer Drank the Globe». The analysis made it possible to determine the purposeful inclusion of a wide range of intertextual fields in the artistic text. The work captures the integration of the political and textual phenomena of the artistic works of Russian and foreign writers. These processes are aimed at the immanent construction of the mode of artistry.

Keywords: *intertextuality, postmodern literature, reminiscence, satirical, intertextual relations.*

Роман А.В. Иванова «Географ глобус пропил», опубликованный в 1995 году, рассматривается современными исследователями в русле парадигмы постмодернистского литературного направления. А.А. Васильева подвергает анализу систему интертекстуальных связей, связывая их с мифологическими особенностями системы персонажей, обозрение стилистических приёмов включено в понятийный ряд языковой личности героя [Васильева: 4]. Е.А. Московкина связывает интерпретацию содержания внутренней формы фамилии главного героя с формой выражения и употреблением анаграммы. В таком истолковании номинация главного героя связывается со сквозным для романа образом А.С. Пушкина [Московская: 9]. При подобном подходе мотивировка действий и поступков главного героя рассматривается через призму биографического комментирования. В настоящей статье рассматривается функциональная целесообразность употребления привлечённых интертекстуальных приёмов в формировании тематического, образного и композиционного единства художественного текста.

Допустимо предположить, что аллюзивная семантика фамилии главного героя основана на субстантивации и содержит речевую трансформацию советских паремийологических явлений с глаголом «служить»: «Коммунистом быть – народу служить», «Он был готов служить так как надо, Будь готов!»). Так, аллюзивный антропоним позволяет допустить соотнесение тематического содержания романа с корпусом прецедентных текстов, разрабатывающих темы службы или долга (А.С. Грибоедов «Горе от ума», А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Интертекстуальна природа присвоенного тексту эпитафия «*Это мы, опилки*» [1, с. 6]. Являясь дословной аллюзией на содержание сборника фантастических рассказов польского писателя Станислава Лема, эпитафия двойственно соотносится со структурой романа А. Иванова.

Так, возникающая сатирическая коннотация обусловлена функциональным соотношением привлечения сторонней речевой формулы. Использованный в первоисточнике оборот выступает гротескным изображением неспособности карикатурных исследователей тиранического режима познать методику преобразования опосредованных элементов действительности главными героями. В таком случае эпитафия воплощает заимствование ведущего для текста С. Лема лейтмотива сатиризации, выступает аллюгорией на тематическое содержание романа А. Иванова.

Вторая возможная коннотация непосредственно связана с эстетической системой текста и соотносится с трагикомическим содержанием. Имманентно, паратекстуальный элемент коррелирует с мотивом обреченности главного героя. Являясь собирательным образом поколения перестройки, Служкин обречён «приговаривать» окружающую действительность, маркировать её репликами, основанными на содержании общекультурного текстового фонда. В полиречевом контексте романа наблюдается зависимость окказиональных поэтических конструкций от межтекстовой, жанровой интеракции. В поле интертекста попадают большинство вставных конструкций, аллюзивных оборотов.

С целью повышения экспрессивного компонента, автор использует прецедентные тексты, являющиеся прямыми аллюзиями к содержанию текстового фонда классической литературной традиции и не только. В частности, с целью усиления эмотивного компонента А.В. Иванов привлекает фрагмент из четвертой главы поэмы А.Т. Твардовского «Василий Тёркин»: «*Так, думаю, Виктор Сергеевич, ожидает тебя бой не ради славы, ради жизни на земле*» [Твардовский: 2]. Видимое отвержение героического пафоса первоисточника и обновление его контекстной семантики выступает средством характеристики героя, показывает непринятие эстетизма классической литературной традиции.

Композиционный разрыв линейной повествовательной модели включением главы «В тени великой смерти», повествующей

об изменившем героя в детстве эпизоде, демонстрирует причины деконструкции личностного начала Служкина. Ведущей для вставного композиционного эпизода формой воплощения интертекстуальности становится реминисценция. Номинация главы содержит смыслообразующую цитатную реминисценцию, заимствованную из романа-хроники Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут». Разделённая на два фрагмента, глава аккумулирует мотивную структуру привлечённых прецедентных текстов. Смещение ранее реализованных в художественной литературе выразительных приёмов посредством обилия реминисценций формирует эстетику трагизма. Привлечение сторонних речевых формул повышает экспрессию текста, направлено на расширение его рецептивно-эмотивного компонента. Потенциально интерпретируемые читателем ассоциативные ряды отчасти замещают необходимость создания подробного описания.

Так, выделенное А.Н. Безруковым при переводе работы Л. Женни перенесение семантической схемы источника в иной контекст [Безруков: 52] реализовано посредством включения трансформированных цитат из трёх песенных текстов В. Высоцкого. Указанный приём выступает средством психологизма, транслируя поступательную динамику нарастающих внутреннего, социального и любовного конфликтов: *«Это его в санях увозили к пропасти кони. Это его, расписанного татуировками зэка, парила в бане хозяйюшка. Это он уносил на руках из заколдованного леса Леночку Анфимову»* [Иванов: 79].

Первая цитата содержит формально выраженный трагический мотив обречённости посредством преобразования предлога. Малоупотребительный предлог *по-над* в песне В. Высоцкого «Кони привередливые» [5] организует отношение лирического героя к грани, но не содержит семантического намёка на падение. Употребление предлога *к* в тексте А. Иванова обуславливает гипербололизацию трагизма одиноко лежащего под одеялом с магнитофоном в обнимку мальчика, содержит намёк на разрушение возвышающих героя надежд.

Форма второй цитаты частично заимствована из текста «Банька по-белому» [Высоцкий: 5] и актуализирует значимую для юного Служкина романтизированную черту криминальной

среды. Образная система поэтического текста Высоцкого соотносится с образной системой главы тематически. Актуализация общественного конфликта посредством образа главы государства отсылает к неудаче Служкина, желавшего стать барабанщиком в школьном патриотическом объединении, отсылает к испытываемому общественному замешательству и страху после известия о смерти Брежнева.

Смыслообразующей реминисценцией на текст Высоцкого «Лирическая» [Высоцкий: 7] становится заимствование контраста как эйдологической модели организации семантических центров 'свет'/'тьма' у В. Высоцкого; 'надежда'/'пропасть' у А. Иванова. Мотив надежды сопрягается в тексте романа с образом Лены Анфимовой, впоследствии отвергнувшей героя.

Привлечение окказионального советско-фольклорного инварианта перевода песни «Sixteen tons» Мерла Тревиса соотносится с разрешением общественного конфликта, нейтрализации его значимости, принятием общественно-политической формации: *«Витька глядел в низкое белое небо и неожиданно трезво, ясно чувствовал, что атомной войны всё-таки не будет»* [Иванов: 80].

В поле интертекстуальности попадают и модели образования поэтических средств. Характеристика отчаяния юного Служкина сопровождается метафорическим сравнением и генетивной конструкцией *«футбольный мяч его души»* в двух контекстах: *«Душа его была как футбольный мяч, проколотый сразу в нескольких местах и свистевший всеми дырками»; «Из футбольного мяча его души весь воздух вышел, и сейчас душа валялась в теле где-то на дне, как смятая газета в урне»* [Иванов: 51]. Заимствование функциональной роли генетивной метафоры в качестве аллюзивного кульминационного маркера при разрешении внутреннего конфликта соотносится с формальной традицией русской литературы. В прозаической художественной литературе подобная структура, по данным НКРЯ [8], была впервые реализована в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»: *«...любовь была последняя божественная часть его души и, угасив ее, он не мог бы остаться человеком»*.

Эллиптическое преобразование в структуре приёма сохраняет типические отношения поэтического предиката и поэтического субъекта и позволяет соотнести образование с комплексом подобных метафорических конструкций. Структура метафоры может быть представлена следующим образом: адъективная характеристика – поэтический субстантивированный предикат – поэтический субъект в форме Р.п.

Таким образом, явления интертекстуальности в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» выступают многомерным явлением, обладающим широким полем функциональных способностей. Мотивика привлечённых текстов и её подчинение художественной структуре романа «Географ глобус пропил» показывает, что создание трагикомической эстетики предполагает окказиональную модификацию прецедентного языкового, тематического материала. Проведённый анализ позволяет утверждать, что интертекстуальность выступает ведущей качественной характеристикой текста. Межтекстовые связи привлечены как в метатекстуальных элементах, так и выражены в синтагматическом комплексе тематических и художественно-выразительных средств.

Список литературы

1. Иванов, А.В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/geograf-globus-propil/> (дата обращения: 07.03.2025).
2. Твардовский, А. Т. Василий Теркин / А. Т. Твардовский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/6992/vasilii-terkin-4-pereprava> (дата обращения: 08.03.2025).
3. Безруков, А. Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие / А. Н. Безруков. – Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
4. Васильева, А. А. Лингвистический гештальт-анализ романа А. Иванова «Географ глобус пропил»: языковая игра или выход за рамки культуры?» / А. А. Васильева // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума (Сочи, 16–17 октября 2017 года). / Ред. кол.:

Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, О. Е. Дроздова и др. – Санкт-Петербург : РОПРЯЛ, 2017.

5. Высоцкий, В. «Банька по-белому» / В. Высоцкий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/19501/banka-po-belomu> (дата обращения: 08.03.2025).

6. Высоцкий, В. «Кони привередливые» / В. Высоцкий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/19303/koni-priveredlivye> (дата обращения: 08.03.2025).

7. Высоцкий, В. «Лирическая» / В. Высоцкий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/19668/liricheskaya> (дата обращения: 08.03.2025).

8. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.03.2025).

9. Московкина, Е. А. Мотивы русской классической литературы в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» / Е. А. Московкина // Культура и текст. – 2014. – № 3 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-russkoy-klassicheskoy-literatury-v-romane-a-ivanova-geograf-globus-propil> (дата обращения: 01.03.2025).

УДК 81'373

Муратова Е.Ю.

*Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова
г. Витебск, Республика Беларусь*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ НЕСТАНДАРТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуется художественная роль нестандартных языковых средств в поэтическом тексте. Анализируется проявление сложных смыслов лексем в зависимости от контекста. Рассматриваются понятия стандартной и нестандартной связи. Нестандартные сочетания в поэтиче-

ских текстах выявляются практически между всеми частями речи. Приводятся примеры и дается филологический анализ стихов Б. Пастернака, А. Вознесенского, М. Светлова, Н. Заболоцкого, Е. Евтушенко, В. Высоцкого.

Ключевые слова: стандартность, нестандартность, поэтический текст, части речи.

Muratova E.Yu.

Vitebsk State University named after P.M.Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

ARTISTIC ROLE OF NON-STANDARD LANGUAGE MEANS IN POETIC TEXT

The article examines the artistic role of non-standard linguistic means in a poetic text. The manifestation of complex meanings of lexemes depending on the context is analyzed. The concepts of standard and non-standard communication are considered. Non-standard combinations in poetic texts are revealed between almost all parts of speech. Examples are given and a philological analysis of the poems of B. Pasternak, A. Voznesensky, M. Svetlov, N. Zabolotsky, E. Yevtushenko, V. Vysotsky is given.

Keywords: standard, non-standard, poetic text, parts of speech.

Поэтический язык в течение XX-XX вв. претерпел значительные изменения. В творчестве многих поэтов язык стал изображаемым явлением, предметом пристального внимания и творческого преобразования.

Как пишет М. А. Бакина, «в поэтическом языке более интенсивно и наглядно происходит реализация потенциальных свойств общелитературного языка, и, прежде всего, потенциалов общезыковой выразительности, под которой мы понимаем наличие в языковом знаке параллельно с основной информацией, связанной с его номинативной функцией, различного рода дополнительной информации, ориентированной на его образное и эмоциональное восприятие» [Бакина 1975: 106].

Художественная образность поэтического текста возникает, помимо многих других языковых средств, за счет специфических межсловных отношений, окказиональной лексики, использования потенциальных возможностей лексики и грамматики, при этом происходит трансформация словарных значений, появляются новые смыслы на ином, более сложном уровне абстрагирования и художественной образности.

В поэзии имеют важное значение разные аспекты синтагматических отношений. Как писала Н. Д. Арутюнова, «семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении» [Арутюнова 1988: 326], «характер номинации, ее семантический тип, объем заключаемой в нее информации об объекте непосредственно связаны с ее предназначением» [Арутюнова 1988: 304].

Ярким примером сказанному может служить почти любой достойный поэтический текст. Мы не утверждаем категорически «любой», т.к. известны гениальные примеры поэтических произведений без использования тропов, фонетических приемов, грамматических трансформаций. Например, известное стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил», глубоко и тонко исследованное Романом Якобсоном.

Рассмотрим стихотворение Владимира Высоцкого «Песня о звездах», в котором проанализируем появление и проявление разных смыслов в лексеме «звезда». Начинается стихотворение с описания звездопада – естественного природного явления:

*Мне этот бой не забыть никогда –
Смертью пропитан воздух, -
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.*

Далее описывается народная примета и давняя традиция – загадывать желания, когда падает звезда:

*Снова упала – и я загадал:
Выйти живым из боя, -
Так свою жизнь я поспешно связал
С глухой звездой.*

Но желание солдата *выйти живым из боя* не сбылось. Его гибель поэт опять же передает через лексему «звезда», смысл которой меняется: «звезда» метафорически превращается в орудие смерти:

*Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться,-
С неба упала шальная звезда –
Прямо на сердце.*

Солдаты шли в бой, чтобы взять вражескую высоту:

*Нам говорили»: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»*

А далее возникают глубинные, философские и критически опасные для того времени смыслы в лексеме «звезда»:

*Вон покати́лась вторая звезда –
Вам на по́гоны.*

Здесь уже рождается совершенно иной смысл «звезды» - повышение в звании начальства за взятие высоты, а в дальнейшем, возможно, и получение ордена звезды. К восприятию этого прямого значения лексемы «звезда» примешивается грусть, т.к. в контексте явственно проступает горькая ирония солдата: мы погибли, зато вы получите награду. Такое восприятие усиливается глаголом «покатилась» - звезду не торжественно вручили за боевые подвиги, а она просто *покатилась на по́гоны*.

Эти строки явно перекликаются с другим стихотворением В. Высоцкого «Штрафные батальоны», о которых после войны знали все, но первым открыто о них написал именно В. Высоцкий:

*Всего лишь час дают на артобстрел –
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».*

Далее в анализируемом стихотворении поэт снова возвращается к реальным звездам: *Звезд этих в небе – как рыбы в прудах, - / Хватит на всех с лихвою*. Хватит на всех солдат, погибших за свою Родину, а их миллионы. И убитый солдатик *Если б не насмерть, ходил бы тогда / Тоже – Героем*. Они сражались не за звезды на погонах, они сражались за Родину, детей, старенькую

мать, но все они заслуживают звезд: звезд-орденов, звезд- уважения, звезд-памяти. Здесь уже лексема «звезда» обретает символический смысл. Именно такие звезды убитый солдат, мечтая о возможном будущем, хотел бы передать своему сыну: *Я бы Звезду эту сыну отдал, / Просто – на память...* И мы понимаем, сколько миллионов советских солдат не смогли передать эти Звезды своим детям, именно поэтому стихотворение заканчивается строками: *В небе висит, пропадает звезда -- / Некуда па- дать.*

Огромную художественную роль в поэтическом тексте играет нестандартная сочетаемость лексем. «Положение знака в системе поэтического текста, – писал Я. Славинский, – определяет другой знак, обоснованием значения служит другое значение, а не внеязыковая ситуация» [Славинский 1975: 266].

Прежде чем анализировать нестандартные сочетания лексем в поэзии, необходимо остановиться на понятиях стандартная и нестандартная сочетаемость лексем.

Понятия *стандартная* или *нестандартная сочетаемость* являются достаточно условными, поскольку в лингвистической науке не существует объективных и четких критериев их разделения. Понимание стандартной и нестандартной сочетаемости в поэтическом тексте заложено в языковой природе человека как члена определенного социума, определенного языкового коллектива, человека с врожденными бессознательными языковыми архетипами – все это определяет общность понимания носителями языка стандартности или нестандартности в нем.

Нами был проведен эксперимент среди студентов-гуманитариев Витебского государственного университета им. П.М. Машиерова на предмет «видения» ими в поэтическом тексте нестандартной сочетаемости лексем. Для анализа было предложено несколько стихотворений. Так, процентное соотношение в восприятии стандартных и нестандартных словосочетаний в стихотворении А. Вознесенского «Нечистая сила» (144 респондента) оказалось следующим: по всем трем типам нестандартной сочетаемости выявляются зоны, в которых мнение респондентов совпадает: 65,2% респондентов определяют нестандартные сочетания прилагательных (причастий) с существительными в количестве от 4 до 6; нестандартные сочетания существительных от 3-х до 6

определили 79,1% респондентов; 72,2% респондентов определили нестандартную сочетаемость глаголов с существительными в количестве от 2-х до 5. Практически всеми респондентами были отмечены такие сочетания: *развалины духа, пиковая зима, прощенные казни, затмение красной рябины*.

Данная общность, естественно, не абсолютная. При восприятии поэтического текста обязательно имеет место элемент субъективности, но он ограничивается определенными параметрами, которые изначально заданы языковой системой: исторически закреплённое системное значение слова, его узуальные синтагматические связи, стилистическая нейтральность или маркированность, языковые правила и традиции данного социума т.д.

Нестандартные сочетания в поэтических текстах выявляются практически между всеми частями речи: существительного с существительным, прилагательного и причастия с существительным, существительного с глаголом и т.д. При этом мы согласны с мнением С.Т. Золяна, который пишет: «Поэтическое преобразование языка затрагивает не инвентарь языковых единиц, а переупорядочивает систему, регулирующую их употребление. Элементы языковой системы вступают в новые связи, специфические для поэтической речи» [Золян 1986: 25].

Практически нет ни одного поэта XX-XXI вв., которые бы не использовали, не открывали потенциальные возможности русского языка в своем творчестве, в частности, в отношении нестандартных связей лексем в поэтических текстах.

Приведем некоторые примеры:

Б. Пастернак: 1. *Как детский поцелуй, спокойно дышит стих.* 2. *Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко.* 3. *Любила снег ласкать пальба.* 4. *Затеплен Апрель. Возмужалостью тянет из парка.* 5. *Встает в колонны рев скота.*

М. Светлов: 1. *Обнимать любимые рельсы / В аллее телеграфных столбов.* 2. *На челюсти пилы зубастой / Сосновый сок оскомину набьет.* 3. *... мне греметь тяжелыми стихами / Под конвоем озлобленных туч.* 4. *Распластались у ног / Взорванных дней осколки.* 5. *Мне сегодня о многом расскажут / Корпуса онемевших шрифтов.*

А. Вознесенский: 1. *Ты музыка счастья, я нота разлада.* 2. *Скрытымным – языков праматерь.* 3. *И от малой той шестеренки / начинались удесятеренно / сумасшествие звезд и блох.* 4 ... *аромат Фета, застывший в кувшинках...* 5. *Так вот ты, паромнице Харона, / и Стикса пустынные воды.* 6. *Хорошо б купить купейный / в детство северной губернии.* 7. *Изумрудина огня! Лишь не вылечит меня.* 8. *Затуманила слеза / соль веков, / изумрудные глаза / израсцов.*

Обилием нестандартных словосочетаний отличается творчество Б. Ахмадулиной, оно буквально пронизано ее удивительной, неповторимой картиной мира: *растраты бытия, усмотренные доброты, неутолимость связи, белила гордыни, крошечность пряток, канун ее паводков, журчание жителя-бытия, треск сердец, бег молекул, крайность благоденствий, избыток рассвета, труд ожидания, сквозняк пространств, канун сирени, способ совести.*

Интересны сочетания существительных в следующих строках Н. Заболоцкого: *Народный Дом, курятник радости, / Амбар волшебного жителя, / Корыто праздничное страсти, / Густое пекло бытия.* Именно через такие нестандартные сочетания поэт раскрывает внутреннюю убогость не только жизни, но даже и убогость ее радостей. Что представляет собой в его глазах Народный Дом (Дом культуры, Дом творчества, Дом танцевальных вечеров, кинотеатр), видимо, где-то в глубинке: *курятник радости, амбар жителя, корыто страсти.* Употребление разговорной лексики *курятник, амбар, корыто* снижает до нуля те радости, которые в них происходят.

Но при этом эти строки вызывают определенное отторжение. Н. Заболоцкий родился в 1903 году, а умер в 1958, т.е. его сознательная жизнь прошла в очень трудные для России времена: послереволюционное время, тридцатые годы, Великая Отечественная война, послевоенные годы. Какие радости имели в это время советские люди? Да, во многом убогие (какое время – такие и радости), но это были редкие минуты счастья после трудов и бед: танцы в колхозном клубе в субботу, привезенный новый художественный фильм, свидания под пенье соловья. И это не курятники и не корыто – это нормальные человеческие радости.

Е. Евтушенко при помощи нестандартной сочетаемости лексем следующим образом передает жизнь и смерть Осипа Мандельштама: *Есть в мире такой городок – Чусовой, / где рядом все чудится мне часовой / на лагерной вышке, пустующей там, / где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам*. За тремя словами: *в бессмертие вмерз Мандельштам* встает целый мир: Советский Союз и режим Сталина в 30-е годы XX века, судьбы русской интеллигенции и жизнь самого О. Мандельштама. Русскую интеллигенцию разделило на несколько лагерей отношение к большевизму. Одни покинули Россию после революции (Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Бунин, М. Цветаева и др.); кто-то революцию принял (А. Блок, В. Маяковский); но многие остались в большевистской России с внутренним протестом (А. Ахматова, М. Булгаков, Зощенко, М. Волошин и др.). А сколько загубленных в стенках НКВД, где «докорчевывали» последние люди, прикасавшиеся к «серебряному веку». Это их загоняли в камеры струями из брандспойтов, их избивали, доводили до умопомешательства и петли, кидали в телячьи вагоны и везли в Магадан, Караганду...» [Серебряный век 1990: 7].

Судьба самого О. Мандельштама трагична. В 1934 году он написал одно из самых известных сегодня его стихотворений:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.*

Он прочитал его примерно пятнадцать знакомым. Борису Пастернаку принадлежат слова: «То, что Вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но факт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия». В свое время Сергей Довлатов заметил: «Да, репрессии, но откуда взялись 3 миллиона доносов?»

На Мандельштама донесли. Вначале его выслали в Воронеж, потом на Дальний Восток. В 1938 году Осип Мандельштам умер, по одной из версий, в больничном лагерном бараке недалеко от Владивостока. Причина его смерти и место захоронения неизвестны. Вот так *в бессмертие вмерз Мандельштам*.

«Таким образом, – пишет Е. С. Кубрякова, – не все случаи простого, казалось бы, объединения знаков выливаются в простую комбинацию их лексических значений... Для нас же очевидно и ясно одно: подобно тому, как производное слово выступает в сознании человека то как целостное обозначение объекта, то как обозначение, в котором четко выделяются отсылочные и формирующие его части, обычные лексемы обладают способностью репрезентироваться у нас в голове то как семантические целостности, в принципе равные одному-единственному концепту, то, напротив, как сложные концептуальные / когнитивные структуры...» [Кубрякова 1991:153].

Через своеобразное соединение лексем, которое невозможно в узусе, поэт создает художественный образ мира, моделирование которого происходит на основе важнейших сущностных свойств человека – его отношения к жизни, смерти, любви, природе.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1988. – 338 с.
2. Бакина, М. А. Потенциальные слова, мотивированные прилагательными, в современной русской поэзии / М. А. Бакина // Слово в русской советской поэзии. – Москва, 1975. – С. 132–163.
3. Вознесенский, А. Избранное / А. Вознесенский. – Москва, 2003. – 381с.

4. Высоцкий, В. С. Летела жизнь / В. С. Высоцкий. – Москва, 2007. – 284 с.
5. Евтушенко, Е. Невыливашка: стихи / Е. Евтушенко. – Курган, 1997. – 463 с.
6. Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Столбцы и поэмы. 1926 – 1933. Стихотворения. 1932 – 1958. Стихотворения разных лет. Проза / Пред. Н. Степанова; примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина. – Москва, 1983. – 655 с.
7. Золян, С. Т. О принципах композиционной организации поэтического текста / С. Т. Золян // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1986. – С. 60–74.
8. Кубрякова, Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва, 1991. – С. 85–91.
9. Пастернак, Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – Москва, 1965. – 730 с.
10. Серебряный век. Мемуары. (Сборник). – Москва, 1990. – 672 с.
11. Славинский, Я. К теории поэтического языка / Я. Славинский // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. – Москва, 1975. – С. 256–276.
12. Строфы века: антология русской поэзии. – Москва, 1999. – 1056 с.

УДК 821'09

Навичонак А.В.

*Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь*

ИРОНИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА ДЕКАДЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ ТЭФФИ

В данной научной статье анализируется малая проза (фельетоны) Н. А. Лохвицкой (Тэффи), в которых объектом сатиры становится культура эпохи декаданса: её искусственность, театральность, неопределённость морально-

этических норм. В фельетонах Тэффи представлены комичные образы декадентов с противоречивыми духовно-нравственными установками, праздных и не приспособленных к реальной жизни, рефлексирующих и создающих вокруг себя атмосферу таинственности и трагизма. Среди основных средств художественной выразительности правомерно назвать гиперболу, гротеск, контраст. Фельетоны Тэффи отражают социокультурные трансформации эпохи рубежа веков, иллюстрируя напряжение между традиционной моралью и декадансной картиной мира.

Ключевые слова: Тэффи, фельетон, декаданс, декадент, сатира.

Navichonak A.V.

Gomel State University

named after Francis Skaryna, Gomel, Republic of Belarus

IRONIC UNDERSTANDING OF THE IMAGE OF A DECADENT IN THE WORKS OF TEFFY

This scientific article analyzes the short fiction (feuilletons) of N. A. Lohvitskaya (Teffi), in which the object of satire is culture as an era of a Decadence: its artificiality, theatricality, uncertainty of some moral and ethical standards. The feuilletons of Teffi present comical images of decadents with contradictory spiritual and moral attitudes, show them being festive and not adapted to the presentation of life, reflecting and creating an atmosphere of mystery and tragedy around themselves. Among the main means of artistic expression hyperbole, grotesque and contrast are worth naming. The feuilletons reflect the social-cultural transformations of the era of the change of the centuries, illustrating the tendency between traditional morals and the decadent picture of the world. exploration of Teffi's approach to cultural polemics and social commentary.

Keywords: Teffi, feuilleton, decadence, decadent, satire.

Эпоха рубежа XIX–XX веков – время культурного и интеллектуального кризиса, чувства неопределённости в преддверии

нового века. Одним из ключевых явлений этого периода стал **декаданс** (фр. *decadence* от лат. *decadentia* – упадок) – «суммарное наименование явлений западной и русской культуры рубежа XIX–XX вв., для которых свойственна мифологизация “конца века” (фр. *fin de siècle*) как эпохи глобального кризиса, переоценки ценностей, “расставаний и ожиданий”» [Толмачёв 2001: 203].

В начале XX века декаданс как культурный феномен переосмысливается, мода на «сплин», демонстративную болезненность и депрессивность подвергается критической оценке. Среди писателей, обратившихся к теме декаданса, – Надежда Александровна Тэффи. Наблюдая, как декадентские идеи проникают в общество и становятся модным течением среди интеллигенции, Тэффи художественно осмысляет данный культурный феномен в сатирическом дискурсе, через жанр фельетона. По определению Т. М. Миллионщиковой, **«фельетон** (фр. *feuilleton* от *feuille* – листок) – художественно–публицистическое произведение сатирической направленности» [Миллионщикова 2001: 1132]. Рассмотрим основные аспекты осмысления образа «человека эпохи декаданса» в фельетонном творчестве Тэффи.

В фельетоне **«Сезон бледнолицых»** тема *декадентской усталости и праздного эстетизма* раскрывается через описание театральных постановок, которые насыщены бессмысленными эффектами. Например, музыка, преобладающая над содержанием, становится метафорой пустоты декадентского искусства: «Все пьесы почему–то стараются ставить с музыкой. О постановке не особенно заботятся, потому что всё равно ничего не видно» [Тэффи 2011: 134]. Это *пародия на декадансный культ формы*, доведённый до абсурда с помощью гиперболы: «Если сидишь во втором ряду, то иногда можно ухитриться увидеть кусочек сцены в щёлочку между ухом и шляпой той дамы, которая сидит в первом ряду. Остальные ничего не видят», «Бледнолицые» о постановках «не особенно заботятся, потому что всё равно ничего не видно», а о содержании опытный человек спросит у капельдинера: «Если усердный человек попадётся, так он так распишет, что и смотреть не надо» [Тэффи 2011: 134].

В фельетоне **«Переоценка ценностей»** Тэффи обращается к проблеме кризиса морально–этических норм. Главный герой

фельетона пытается организовать гимназистов для обсуждения важных вопросов, но дети кричат, спорят, перебивают друг друга, а их аргументы сводятся к абсурдным утверждениям вроде «Дулак, это холосо!» [Тэффи 2011: 66–67]. Они не понимают, «почему гимназист непременно обязан учиться», требуют *«свободы и равноправия для воровства и кражи»*, отмены уважения к старшим: «Я не хочу уважать лодителей, это унижительно!». Отменить хотят мораль как таковую: «Нам должны *всё позволить*» [Тэффи 2011: 66–67]. Через призму детского восприятия Тэффи показывает, как идеи свободы и индивидуализма, доведённые до крайности, превращаются в нелепые и бессмысленные лозунги.

Тема несостоятельности, *«искусственности» декадентских идеалов* продолжается в фельетоне «Потомок», где главный герой, воспитанный в духе европейского декаданса, оказывается неспособным адаптироваться к реальности. Он «не удался в семью... Воспитывал его Шалаев сначала в Петербурге потом за границей, и на родину попал он только взрослым юношей, после смерти отца... Батюшке после панихиды сказал “мерси” и, вообще, никому не понравился» [Тэффи]. Воспитанный за рубежом потомок впитал в себя дух Европы эпохи декаданса: «развязал из узелка кусочек сахара, *гетры и портрет Оскара Уайльда*» [Тэффи]. Тэффи использует данные детали, чтобы показать, как декадентские идеалы превращаются в нелепые атрибуты.

После революции герой не способен адаптироваться к новым условиям. Стремление *уйти от реальности* проявляется в «обращении к музыке»: «Потомок, напирая грудью и животом, вкатил рояль к себе в комнату, думал, отогреется. Но в комнате было холодно, и оба они, и потомок, и рояль так и не отогрелись... Остановился и, высоко подняв плающую ветку, запел диким голосом похоронный марш Зигфрида» [Тэффи]. Оторванность от реальности также демонстрирует эпизод, в котором герой, «мучительно сморщив лицо», брызгает в мужиков, заносящих рояль в комнату, «из пульверизатора, царской амброй, парижского парфюмера» [Тэффи]. Бесполезная попытка сохранить утончённость выглядит абсурдом.

Сцена, где потомок пробует «отогреться» с помощью рояля и «диким голосом» поёт «похоронный марш Зигфрида»

[Тэффи], – это одновременно смешно и трагично. Тэффи использует *контраст между высокими идеалами и повседневной реальностью*, чтобы подчеркнуть несостоятельность декадентского мировоззрения. Надпись на пыльной крышке рояля («Rien ne m'est plus Plus ne m'est rien» – «Нет больше ничего, всё для меня ничто» [Тэффи]) становится своеобразной эпитафией не только для самого героя, но и для его системы ценностей. Сатирический пафос усиливается в финале через изображение реакции мужиков на бесследное исчезновение потомка: «Решили: ушёл, а по дороге *волки съели*. <...> *Из-за шубы больше и искали*» [Тэффи].

Инфантильность, отрешённость от реальной жизни, бытовая беспомощность становится объектом сатиры в фельетоне «**Карп**». Героиня рассказа оказывается неспособной справиться с простейшей бытовой ситуацией: ей нужно всего лишь сварить рыбу, но, обнаружив, что карп жив, она теряется. Тэффи *пародирует декадентскую склонность к рефлексии и эстетизации* даже обыденных вещей. Вместо решения проблемы она размышляет о судьбе карпа, о смертной казни, о роли физического отращения в культуре: «Карп шевелил плавниками, глотал воду, пускал пузыри и жил полной жизнью. И я, *так трагически из-за него погибшая*, очевидно совершенно его не интересовала» [Тэффи].

В фельетоне «**Демоническая женщина**» Тэффи использует гротескный образ, чтобы подчеркнуть *искусственность и надуманный трагизм декадентского идеала «роковой женщины»* – таинственной и опасной, страдающей и окружённой ореолом трагедии демонической соблазнительницы, связь с которой для мужчины губительна. Тэффи разоблачает идеализированный «миф», пародируя характерные черты образа. *Внешний вид* главной героини подчёркнуто экстравагантен. «Она носит чёрный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой “для цианистого калия, который ей непременно принесут в следующий вторник”, стилет за воротником, чётки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке» [Тэффи 2011: 173]. Эти детали, собранные вместе, делают образ карикатурным.

Жизнь такой страстной личности, как «роковая женщина», всегда пронизана надуманной драмой: «всегда у неё есть какая–

то тайна, какой–то не то надрыв, не то разрыв, о котором нельзя говорить, которого никто не знает и не должен знать» [Тэффи 2011: 174]. Демоническая женщина *ведёт себя эпатажно* даже в такие бытовые моменты, как приём пищи: она либо «ничего не ест» за столом, как бы отвергая мирское, «приземлённое», либо наоборот истерически просит еды, требует «пошлости, скорее... больше... больше»: «Смотрите все... я ем селёдку!» [Тэффи 2011: 175].

Разоблачение *деструктивной трагедийности*, где боль и разочарование становятся самоцелью, показано в образе Володи Базырева из фельетона «Дон–Жуан». Одна из ключевых черт, высмеиваемых в тексте, – *позёрство*, стремление *казаться возвышенным, загадочным*: «Не правда ли у меня сегодня довольно загадочные глаза?» [Тэффи 2011: 376]. Володе приходится пожертвовать своими реальными желаниями и чувствами *ради соответствия выбранному образу*. Герой намеренно отказывается от простых радостей жизни, например, от ужина, потому что «Дон–Жуаны не ужинают». Он делает вид, что женщины ему наскучили, ведёт себя безразлично и холодно и, любимая Катенька для него «игрушка, как и все другие женщины», однако в результате герой оказывается жертвой собственной роли: «Катенька просила, а я не могу. Пусть мучается. Я должен её губить! Он всхлипывал и вытирал нос байковым одеялом» [Тэффи 2011: 377]. Тэффи сатирически изображает подростка, пожертвовавшего будничными радостями вроде любимой ветчины ради «требований современной эстетики» [Тэффи 2011: 377].

Таким образом, Тэффи подвергает критическому переосмыслению *формальность и бессодержательность декадентского искусства* («Сезон бледнолицых»). Сатирически изображая результаты *кризиса духовно– нравственных ценностей*, Тэффи демонстрирует, как попытка отказаться от традиционной, «устаревшей» морали приводит к хаосу («Переоценка ценностей»). В фельетонах «Потомок», «Карп» развивается тема *несостоятельности «декадентского» образа жизни*. Проблема *искусственности, театральности и деструктивности моделей поведения*, которым стремятся соответствовать представители эпохи, поднимается в фельетонах «Демоническая женщина», «Дон–Жуан» и др.

Для создания пародийных образов писательница использует гиперболу и гротеск, подчёркивает контраст между высокими идеалами и реальной действительностью, показывает, как высокие идеалы могут обернуться трагедией в повседневной жизни. Гротескное изображение декадента становится для Тэффи не только способом сатирически изобразить крайности эпохи декаданса, но и попыткой проанализировать природу её культурных и социальных проблем.

Список литературы

1. Толмачёв, В. М. Декаданс / В. М. Толмачёв // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва : Интервек, 2001. – С. 203–1132.
2. Тэффи, Н. А. Сезон бледнолицых / Н. А. Тэффи // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее. – Москва : Книжный клуб Книговек, 2011. – С. 133–134.
3. Тэффи, Н. А. Переоценка ценностей / Н. А. Тэффи // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее – Москва : Книжный клуб Книговек, 2011. – С. 66–68.
4. Тэффи, Н. А. Потомок / Н. А. Тэффи // Lib.ru – (http://az.lib.ru/t/teffi/text_1923_potomok.shtml) (дата обращения: 15.03.2025).
5. Тэффи, Н. А. Карп / Н. А. Тэффи // Lib.ru – (http://az.lib.ru/t/teffi/text_1939_karp.shtml) (дата обращения: 15.03.2025).
6. Тэффи, Н. А. Демоническая женщина / Н. А. Тэффи // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее – Москва : Книжный клуб Книговек», 2011. – С. 173–176.
7. Тэффи, Н. А. Дон-Жуан / Н. А. Тэффи // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее – Москва : Книжный клуб Книгове», 2011. – С. 376–379.

Никулкина О. Г.

Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Брянск, РФ

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗООНИМА В ТЕКСТЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

В статье рассматривается смысловая составляющая мифозоонима Сивка-Бурка. Выделяется три ментальные модели имени: бытовая, мифологическая и идеологическая. Актуальность темы исследования обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к культурно маркированным языковым единицам, с одной стороны, и отсутствием комплексного исследования сказочных мифозоонимов – с другой стороны. В результате анализа было установлено, что сказочный зооним Сивка-Бурка является культурным знаком, кодирующим этнолингвистическую информацию о духовной культуре народа.

Ключевые слова: русская народная сказка, онимическое пространство, Сивка-Бурка, мифозооним, культурное пространство.

Nikulkina O.G.

*Plekhanov Russian University of Economics
Bryansk branch, Bryansk, Russia*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF A ZOONYM IN THE TEXT OF A RUSSIAN FOLK TALE

The article considers the semantic component of the mythozoonym Sivka-Burka. There are three mental models of the name: household, mythological and ideological. The relevance of the research topic is due to the increased interest of modern linguistics in culturally marked linguistic units, on the one hand, and the lack of a comprehensive study of fabulous mythological names, on the other

hand. As a result of the analysis, it was found that the fabulous zonym Sivka-Burka is a cultural sign encoding ethnolinguistic information about the spiritual culture of the people.

Keywords: *russian folk tale, onymic space, Sivka-Burka, mythozonym, cultural space.*

Сказка как форма художественного отражения действительности обладает единством идейного замысла. В силу особого характера вымысла все композиционно-образные элементы представлены в трансформированном виде. Они концентрируют в себе фоновую информацию, которая накапливалась столетиями этнокультурным фондом. Образная парадигма сказки отражает не только идейную направленность (что является сознательным напластованием на древнейшую основу), но и является генетической памятью этноса, бессознательно проявляющейся в образах-архетипах. Поскольку архетип не меняет своего значения и функций, он всегда узнаваем, и в любой новой форме прочитывается его древнее содержание [Юнг 1992]. Закодированность образов сказки как результат последовательных социальных, эмоциональных, культурных, исторических и, главное, идейных наслоений предопределила идейную плотность текста.

Из всех художественных элементов сказки образы главных героев дают наиболее полную информацию об идейном замысле. Имена собственные, функционируя в сказочном пространстве, претерпевают изменения, качественно отличающиеся от трансформаций в тексте авторского литературного произведения. Возникнув однажды и первоначально мотивируя смысловую связь между значением имени и характером образа, имя собственное с течением времени асемантизируется (утрачивает первоначальную внутреннюю семантическую зависимость). Со временем оно становится «ярлыком» образа с максимально сжатой информацией, несущим в себе такое знание, которое является общим для определенной лингвокультурной общности. Имя функционирует как «мифологема» [Пак 2004]. Если же воспользоваться другой терминологией и учитывать коллективный творческий характер сказки, то можно сделать вывод, что оним становится архетипом. В центре внимания оказывается не семантика, а его психологическая значимость.

Проиллюстрируем сказанное на примере русской народной сказки «Сивка-Бурка». В сказке действует девять персонажей, но не все имеют имена. Многие безымянные герои выделяются описательными средствами или просто упоминаются, к ним относятся: старик-отец, двое братьев, их жены, царь, царевна. При сравнении информации, получаемой о персонажах, имеющих имена, с информацией, получаемой о безымянных героях, убеждаемся, что первая более конкретна и индивидуальна, вторая же носит обобщенный характер. Ономастическое пространство сказки (система ономастических единиц, служащих для специального выделения предметов действительности [Бондалетов 1983]) представлено мифоантропонимом *Иван* и мифозоонимом *Сивка-Бурка*. Наиболее значимые в идейном плане герои называются и выделяются именем собственным, выбор которых семантически оправдан.

Время накладывает отпечаток на художественный рисунок сказки. Это, в частности, выражается в выборе имени главного героя *Иван* (каноническое христианское имя). После принятия христианства еще долгое время преобладали языческие имена, функционирование мифоантропонима *Иван* в сказке свидетельствует о том времени, когда христианские имена укрепились в антропонимиконе. Некоторые иные понятийные детали сказки также указывают на историческую ситуацию ее бытования: *бал, бояре, воеводы, князья, сенаторы, купцы, мещане*. Существенным является и то, что мифоантропоним содержит приложения, которые несут эмоциональную и смысловую окраску, отражающую отношение народа к образу (*Иван-дурак, Иван-царский зять*). Для выяснения мотивов выбора имени собственного необходимо вычленив все слои (напластования) и прийти к первооснове, которая бессознательно присутствует в каждой сказке. Следовательно, нашей целью является реконструкция изначальной подосновы прообраза путем построения «обратного» заключения от законченного образа к его истокам.

Сказка начинается с наказа умирающего старика-отца троим своим сыновьям, младшего из которых зовут *Иван-дурак*. Уже при первом упоминании о нем мы можем прогнозировать дальнейший ход событий. Это связано с тем, что «образ героя фольклорного произведения обычно представляет собой так

называемый готовый характер» [Кравцов 1966: 164]. Для нас образ Ивана-дурака – архетип, содержащий всю подтекстовую информацию. За свое бескорыстие, отзывчивость, милосердие Иван-дурак превращается в *Ивана-царевича*. Народная мораль такова: бескорыстие вознаграждается. Три ночи подряд герой ночует на могиле отца вместо своих старших братьев, не требуя за это награды. Дух отца одаривает Ивана за преданность конем Сивкой-Буркой, который становится верным помощником героя. Благодаря Сивке-Бурке герой выполняет условия царя, женится на царевне и становится *Иваном-царским зятем*. Интерпретация дается с морально-нравственных позиций, потому что сказка воспринимается, прежде всего, как явление искусства, имеющее только идейные и эстетические цели [Аникин 1977]. Этот уровень анализа характеризует идейные наслоения сказки, которые отражаются и в имени собственном главного героя. Однако при анализе сказки мы не должны забывать, что она возникла из мифологии. Все морально-нравственные наслоения вторичны (это более поздние привнесения), а исторические корни волшебной сказки, отражающиеся в композиционно-образной структуре, первичны.

Мифологическому мышлению соответствует представление о полярности всего сущего: мир живых (этот мир) и мир мертвых (потусторонний мир). Смерть трактовалась как рождающее начало. Многие обряды интерпретировали эту идею, в том числе обряд посвящения (инициации), через который проходили все юноши племени. Они символически умирали, попадая в иной мир, и выходили из него «посвященными», готовыми к взрослой жизни [Пропп 2000]. Ключевую роль в посвящении играл такой атрибут, как *печь*. В сказках она обычно символизирует рождающее, очищающее начало, сопутствующее человеку удачу, а *огонь* являлся неизменным атрибутом при этом. Уместно вспомнить, что *Иван-дурак* постоянно лежит на печи. Таким образом, сказка подсознательно сохранила мотивирующую основу будущей удачи героя.

Одним из самых почитаемых культов был культ предков. По представлению древних, сидение на могиле родственников в первые дни после их смерти обеспечивает покой на том свете. Нетрудно проследить эти мотивы в исследуемой сказке. Герой

наделяется волшебным помощником (оберегающая и помогающая функция тотема), попадает в иной мир, переосмысленный в сказке в виде тридесятого царства, и перевоплощается, трансформируется (Иван-дурак выходит из уха Сивки-Бурки добрым молодцем).

Одной из форм мифологического мышления является тотемизм, согласно которому животное почитается как священное, оберегающее род. В сказках отголоски тотемизма обнаруживают себя в эпизодах дарения животных, превращения в них. Вознаграждением герою за выдержанные испытания является чудоконь Сивка-Бурка. Фантастический характер образа Сивки-Бурки указывает на его связь с потусторонним миром. Во-первых, чудоконь подарен мертвым отцом, при приближении Сивки-Бурки «земля дрожит», во-вторых, у него «из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом». Волшебный помощник становится посредником между Иваном-дураком и другим миром, на Сивку-Бурку переносится роль огня как перерождающего начала, а остатки этого представления зафиксированы в огненной природе коня. Мифозооним *Сивка-Бурка* презентует древний культ животного, выражающий представления человека о единстве с природой. Сказка как художественное произведение закрепила в сознании народа образ Сивки-Бурки в качестве волшебного помощника, и сейчас для нас идейное напластование стало первичным: как архетип Сивку-Бурку мы воспринимаем именно в такой интерпретации. Это имя собственное относится к числу вымышленных говорящих имен: этимология имени восходит к прилагательным *сивый* и *бурый* и, следовательно, соотносится с внешним обликом волшебного коня.

В отличие от мифозоонима, мифоантропоним *Иван* является реальным каноническим именем, возникшим значительно позднее, чем сама идея образа. *Иван* – типическое имя положительного героя русской сказки, и если в начале сказки оно сопровождается характеризующим приложением *дурак*, то в конце персонаж именуется посредством приложения-прозвища *царский зять*.

Именование героя имеет две части: одна из них номинативно-обобщающая (*Иван* – типичное, наиболее частотное рус-

ское имя); вторая – характеризующая с мифологическим подтекстом. Кроме того, характеризующую часть сказочного антропонима можно считать подвижной, поскольку в ней содержится элемент переименования (Иван-дурак – Иван-царевич), который, собственно, и включает в себе мифологическую подоснову.

Таким образом, проанализировав все слои в сказке (мифологический, эмоциональный, социально-исторический, идейный), каждый из которых не стирает предыдущий, а накладываясь на него, мы установили зависимость особенностей функционирования мифозоонима и мифоантропонима от скрытого подтекста, заключенного в образах. Основная функция имени собственного (дифференцирующая) преломляется в сказке: мифоним становится постоянным «ярлыком» образа, утратилась функция индивидуализации персонажа. Оним отражает предметно-понятийную сущность, свойственную ряду однотипных категорий. Мифологическая основа образа, бессознательно присутствующая в нем, составляет «первоначальный» архетип. Но эта основа остается затемненной для читателей. Мифологический контекст важен для интерпретации сказки. Имя собственное в сказке, возникая для выражения идеи, воспринимается как эстетическое напластование с утраченной собственно мифологической семантикой, но с актуализированной культурно-исторической коннотацией.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей / В. П. Аникин. – Москва : Просвещение, 1977. – 208 с.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Кравцов, Н. И. Проявление художественного единства в фольклорном произведении / Н. И. Кравцов // Фольклор как искусство слова; отв. ред. Н. И. Кравцов. – Москва : Изд-во Моск. унив., 1966. – С. 160–169.
4. Пак, С. М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении / С. М. Пак // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 2004. – № 1. – С. 165–176.

5. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000. – 336 с.

6. Юнг, К. Г. Психология и поэтическое творчество. Собрание сочинений / К. Г. Юнг. – Т. 15. – Москва, 1992.

УДК 81'373+81'371+81'42

Никурадзе Д.Д.

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Сафонова Т.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫКОВУЮ НОРМУ

В данной статье автор исследует влияние культуры на языковую норму, анализируя, как культурные традиции, ценности и нормы формируют языковые стандарты, лексику и стилистические особенности. Статья также раскрывает тему роли культурной идентичности в формировании языковых норм и их динамику в условиях глобализации.

Ключевые слова: языковая норма, культура, лингвокультурология, язык, речь.

Nikuradze D.D.

Scientific supervisor: Safonova T.V.

Associate Professor, PhD in Philology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

THE INFLUENCE OF CULTURE ON THE LANGUAGE NORM

In this article, the author explores the influence of culture on the language norm, analyzing how cultural traditions, values and norms shape language standards, vocabulary and stylistic features. The article also reveals the role of cultural identity in the formation of language norms and their dynamics in the context of globalization.

Keywords: language norm, culture, linguoculturology, language, speech.

Язык любого народа является одним из главных средств формирования его культурного наследия, поскольку «язык и культура находятся в когнитивно-прагматической связи» [0,178]. То есть на когнитивные процессы, происходящие в сознании говорящего в момент коммуникации, влияние оказывают прагматические факторы, такие как речевая ситуация или отношения между коммуникантами. Являясь средством трансляции культуры, язык прорастает в неё и выражает её. Собранные в историко-литературных памятниках языковые сведения дают возможность исследователям определить характер народа, его творческую и духовно-нравственную самобытность. Проблеме связи языка и культуры посвящены труды немецкого философа В. Гумбольдта. В одной из работ исследователя можно найти следующую мысль: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [0, 51]. Язык и народ действительно оказывают взаимное влияние друг на друга. В более поздних исследованиях немецкого учёного Г. Штейнтала также представлены мысли о языке как отражении народной психологии. Однако Штейнталь стремится постичь законы духовной жизни в разных коллективах и установить в соответствии с этим связи типа языка с типами мышления и духовной жизни народа через явление «индивидуальной психологии». В одной из своих работ ученый приводит следующий вывод: «Мы совсем не можем мыслить себе человека иначе, кроме как говорящим и вследствие этого членом определённого национального коллектива, и, следовательно, не можем мыслить человечество иначе, кроме как разделённым на народы и племена» [0].

Главной языковой категорией, позволяющей установить связь между языком и культурой, становится языковая норма. Цель данной статьи – показать, как происходит формирование языковой нормы и какое влияние оказывает на её изменение культура. Вопрос о динамике языковых норм интересен с точки зрения лингводидактики, поскольку именно понимание сути преобразований в языке, причин их обуславливающих, выявление соответствующих тенденций может повысить уровень эффективности обучения русскому языку, ровно как и исследование связи

языка и культуры интересно в рамках лингвокультурологии, поскольку позволяет определить то, как адаптируется язык в различных условиях, на различных этапах к тем или иным культурным реалиям. Следовательно, тема, выбранная нами для исследования, актуальна.

Языковая норма как отдельное явление формируется в XVIII веке, когда М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» предлагает идею о разделении слов на три штиля: высокий, средний и низкий. Определяются нормы словоупотребления в зависимости от той или иной сферы применения. Появление «Российской грамматики» Ломоносова – отражение первых попыток систематизировать и кодифицировать существующий в окружающей действительности определённой эпохи языковой материал.

Термин «норма» применительно к языку входит в активное употребление в первое десятилетие XX века. Его используют в своих работах К. П. Зеленецкий, А. А. Шахматов и др. В 1911 году А. А. Шахматов пишет: «Мы видим в его труде [В. И. Чернышева] пеструю смесь разных уклонений в сторону от нормы, оставшейся невыясненной» [0,156].

К.С. Горбачевич даёт следующее определение нормы – «это относительно устойчивый способ (или способы) выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закреплённый в лучших образцах литературы и предпочитаемый образцовой частью общества» [0].

Б.Н. Головин объясняет понятие нормы как исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтительный) выбор одного из функциональных вариантов языка [0].

Таким образом, с опорой на данные определения можем охарактеризовать языковую норму как систематизирующую категорию, которая отражает действительность той или иной эпохи и формирует правила единообразного написания и употребления в речи тех или иных элементов языка. Необходимо обратить внимание на то, что понятия нормированности и кодифицированности применимо в рамках русского литературного языка, то есть в рамках одной из разновидностей русского национального языка, нарушение языковых норм может указывать либо на определённый территориальный диалект, либо свидетельствовать о город-

ском просторечии, низком уровне культуры речи. Для определения сущности языковой нормы выделим свойства данного явления.

Во-первых, норма должна соответствовать возможностям той или иной языковой системы, то есть охватывать все её стороны как системы. В современном русском литературном языке в соответствии с его структурой выделяют следующие языковые нормы: фонетические (орфоэпические и акцентологические), лексические, грамматические (морфологические, синтаксические), нормы правописания (орфографические и пунктуационные) [0]

Во-вторых, норма должна быть общеобязательной и общепотребительной, это важный критерий для языковой нормы, поскольку именно признание её как образца большинством носителей языка и установление обязанности следовать данному образцу является одним из решающих в процессе становления и формирования тех или иных норм.

Третье свойство языковой нормы – относительная устойчивость. Оно является наиболее важным для определения сущности исследуемого понятия. Если рассматривать норму как эталон, образец, идеальный вариант словоупотребления, то можно допустить мысль об устойчивости и неколебимости установленного образца. Однако в случае с языковой нормой мы говорим об относительной устойчивости, что связано с двойственностью данного явления. Если следовать мысли Ф. де Соссюра и разграничивать понятия «язык» и «речь», то мы видим, что язык – абстрактная, устойчивая система, а речь – это конкретное проявление языка в актах говорения и письма отдельного индивида, то есть она динамична и относительна, следовательно, этим мы можем объяснить и двойственную сущность языковой нормы, поскольку формируется она в языке и он обеспечивает её стабильность, а реализуется в речи носителя языка и она обеспечивает её движение. Данное противоречие можно разрешить антиномией Ф. де Соссюра: языковая политика не меняется, но в то же время не может не меняться. Оба положения данного противоречия доказуемы и убедительны, мысль Ф. де Соссюра объясняет одно из главных свойств языковой нормы – её относительную устойчивость [0].

Следующим свойством языковой нормы является её вариативность, что тесно связано с вопросом об относительности исследуемого понятия: через вариативность языковой нормы может проявляться её динамика. В пояснении к данному свойству уместно обратиться к вопросу об изменении языковой нормы.

Процесс изменения норм в литературном языке происходит в несколько этапов. «Если норму обозначать буквой N, а старый и новый варианты буквами A и B, то конкуренция между ними за место в литературном языке происходит в четыре этапа. На первом этапе господствует единственная форма A, ее вариант B находится за пределами литературного языка и считается неправильным. На втором этапе вариант B уже проникает в литературный язык, считается допустимым (помета *доп.*) и в зависимости от степени его распространения квалифицируется как разговорный (помета *разг.*) по отношению к норме A или равноправный с ней (помета *и*)» [0,73] – на данном этапе и проявляется свойство вариативности языковой нормы. «На третьем этапе более «старшая» норма A теряет свою главенствующую роль, окончательно уступая место «младшей» норме B и переходит в разряд устаревших норм. На четвертом этапе B становится единственной нормой литературного языка» [0,73].

Таким образом, лингвисты выделяют императивные нормы, не допускающие вариантов, их нарушение может свидетельствовать о низком уровне культуры, и диспозитивные, допускающие варианты, стилистически различающиеся между собой.

Необходимость движения языковой нормы возникает под действием определенных факторов: экстралингвистических, происходящих вне языка, и интралингвистических, продиктованных внутренними законами языка. В рамках данной статьи нас интересуют экстралингвистические факторы, в частности, связанные с влиянием культуры на изменение языковых норм.

Анализируя культурный материал, можно прийти к следующим выводам: наиболее открыты к изменениям и поддаются влиянию культуры нормы лексические, связанные с сочетаемостью слов, а также нормы фонетические. Менее охотно влиянию культуры поддаются грамматические нормы (морфологические и синтаксические) и нормы правописания (орфографические и пунктуационные).

Значительное влияние на изменение норм лексической сочетаемости слов оказало творчество А.С. Пушкина. «Вопрос о преобразовании литературного языка, о дальнейшем сближении его с общенародным разговорным языком для первой четверти XIX века был неизбежно одним из важнейших составных элементов борьбы за национальную самобытность и дальнейшее развитие русской культуры» [0, 336]. Действительно, теория трех стилей М.В. Ломоносова, господствующая в русской культуре с середины XVIII века, к началу XIX века утратила свою эффективность, поскольку не отражала всего богатства русского языка. Строгие стилистические ограничения, связанные с запретами на сочетаемость слов разных стилей в речи, распределение лексического материала на определенные группы всё же не могло удерживать язык от его природной гибкости, оставалась лексика межстилевая, которая по теории Ломоносова не могла найти себе применения. Все это неизбежно вело к переосмыслению языковых норм, которое происходило в несколько этапов и завершающим звеном данного преобразования стала деятельность А.С. Пушкина. Решался вопрос о «взаимоотношениях литературной и общенародной разговорной речи, о широте вовлечения слов и форм живого общенародного языка в образцовую литературную речь.» [0,337] Так, например, согласно «Словарю Академии Российской», к просторечию относились такие слова, как *вполне, заносчивый, молодежь, раздумье, удача*, соответственно они не могли сочетаться со словами, например, высокого стиля. Считалось отклонением от нормы употребление в речи сочетания, например, «алтарь опрокинутый, вместо ниспроверженный или разрушенный», поскольку это были слова разных стилей [0, 337]. Мы можем говорить об изменениях лексических, стилистических норм, произошедших уже в пушкинскую эпоху и зафиксированных в словаре. «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 года включает в себя многие «просторечные» и «простонародные» для «Словаря Академии Российской» слова уже без каких-либо ограничительных помет, в качестве обычных слов для литературной речи.

Подобные изменения дают возможность на современном этапе развития языка считать нормой те или иные сочетания слов,

которые несколько столетий назад были стилистически недопустимы.

В рамках нашей статьи интересен также вопрос об использовании на письме буквы «ё», поскольку формированию в сознании носителя языка мысли о важности употребления данной графемы способствует именно культура. Отсутствие буквы «ё» в слове и мена её на букву «е» может приводить к нарушению орфоэпических норм и в следствии неверному произношению слова. Например, «в словах *манёвры, включён, включённый* гласный [о], обозначенный графемой ё, ошибочно заменяют гласным [э], что ведёт к неверному произношению: *маневры, включен, включенный*. Иногда, наоборот, ударный [э] подменяют на [о]: *афера, гренадер* произносят как *афёра, гренадёр*.» [0] Подобная путаница – результат слабого значения буквы «ё» в сознании носителей языка. Чтобы проследить за влиянием культуры на данную графему, обратимся к истории её возникновения. Идея обозначать на письме сочетание [jo], одной буквой была предложена в 1783 году княгиней Дашковой Е.Р., правда предлагалось использовать её лишь в начальной позиции, то есть букву «ё» можно было употребить в таких словах как *іолка, іож* и т.п. Мысль была поддержана рядом деятелей культуры, однако «тиражироваться» буква-графема ё стала только через 11 лет в типографии Московского университета у Ридигера и Клаудия. Первое использование буквы ё можно найти в книге «И мои безделки» И.И. Дмитриева, изданной в 1795 году. Затем графема была обнаружена у Н.М. Карамзин в первой книге альманаха стихотворений «Аонида», изданного в 1796 году, в ней можно встретить такие слова: *зарёю, мотылёкъ, орёлъ, слёзы* и глагол *потёкъ*. Затем А.С. Пушкин, в частности, при издании «Евгения Онегина» использовал «ё» в 46 словах романа.» [0, 73] Так, буква «ё» постепенно вошла в употребление благодаря культурному влиянию.

Однако значимость данной графемы была неоднозначна на рубеже XVIII – XIX веков: В.К. Тредиаковский и А.П. Сумароков боролись с ёканьем, относя его к мещанскому произношению, к говору «подлой черни». В первые месяцы Великой Отечественной войны буква «ё» стала необходимой для устранения путаницы в названиях населённых пунктов, например, таких как Бе-

рёзино и Березино. «24 декабря 1942 года применение и использование буквы «ё» по приказу Наркома просвещения РСФСР было введено в обязательную школьную программу, с этих пор её считают официально признанной буквой, следующее десятилетие научная и художественная литература выпускается со сплошным употреблением данной графемы» [0, 74].

Тенденция к использованию буквы «ё» во всех словах, где она необходима, продлилась недолго: спустя время было решено употреблять ё лишь в таких словах, которых она играет смысло-различительную функцию.

Мы можем отметить, что социолингвистические аспекты также играют важную роль во влиянии культуры на язык. Общественные нормы, классовая структура, социальные отношения – все это формирует особенности выбора языковых форм и способствует закреплению, систематизации в обществе возникших посредством влияния культуры тех или иных языковых тенденций.

На современном этапе развития языка и культуры мы наблюдаем как ослабевает значение буквы ё, особенно на это оказывает влияние цифровая культура, что является серьёзной проблемой, поскольку подобная тенденция лишает язык порядка и ведёт к нарушению акцентологических норм, кроме того, усложняет их запоминание. Рассматриваемый вопрос важен и в рамках методики преподавания русского языка в том числе. Уроки, направленные на повышение культуры языка, должны быть построены так, чтобы решать возникшую проблему, то есть важно сформировать в сознании обучающихся понимание необходимости употребления буквы ё. Это можно делать через представление истории создания данной графемы и её распространения, через сравнение и анализ лексем в одном случае с использованием данной буквы, в другом – без неё, а также через знакомство с литературой, посвященной отдельно данному вопросу.

Помимо того, что культура является двигателем языковой нормы, она также служит сферой её формирования. В таком случае при её кодификации следуют трём критериям: авторитетность источника употребления, фиксация в письменных источниках, языковой вкус и чувство меры [0]. Языковая мода – это манера выражения, принятая в конкретном сообществе и актуальная не-

которое время. В обществе возникают те или иные языковые тенденции потому, что такова на данном этапе развития общества и культуры языковая мода, и способствуют её формированию художественные тексты. Например, в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» видим некоторые ныне устаревшие акцентологические нормы, которые в своё время были актуальны и употреблялись в обществе:

*Рыбак, на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит;
Или чиновник посетит... [0]*

Ударение на последнем слоге в слове *варит*, так же, как и в словах *курит*, *учит*, *дарит*, *губит* считалось на протяжении определённого времени нормой. Лингвисты фиксируют большое количество ныне не существующих, но когда-то являющихся актуальными, норм. Например, словарь А.Н. Греча «Справочное место русского слова», изданный в 1843 году, включает в себя такие лексемы как: *дира*, *корридор*, *наизуст*, *отверзтие*, *зала* и т.п. [0]. С точки зрения современного русского литературного языка мы можем говорить о нарушении здесь определённых фонетических норм. Однако каждое из приведённых слов в словаре Греча сопровождается объяснением, например, произносили и писали *дира*, а не *дыра*, поскольку родственным был глагол *отдирать*.

Приведённые примеры являются показателем того, как через культуру в языке появляются те или иные нормы, как они меняются, вслед за движением общества. Анализ данных явлений даёт возможность, во-первых, выявить и сформулировать определённые языковые тенденции, во-вторых, оценить то или иное культурное влияние и спрогнозировать возможные изменения.

Список литературы

1. Головкин, Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия / Ж. С. Головкин // Научные ведомости. – 2008. – № 12 (52). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-yazyk-aspekty-vzaimodeystviya/viewer> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Горбачевич, К. С. Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Москва : Наука, 1978. – 238 с.

3. Греч, А. Н. Справочное место русского слова / А. Н. Греч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1843. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB12044600/ (дата обращения: 20.03.2025).

4. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков, применительно к различным эпохам их развития / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – Москва, 2001.

5. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. / В. А. Звегинцев. – Москва, 1964. – С. 132–135.

6. Пушкин, А. С. Медный всадник / А. С. Пушкин. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/451/p.1/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).

7. Русский язык и культура речи: курс лекций: учебное пособие / А. А. Евтюгина. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 269 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0669-3> (дата обращения: 20.03.2025).

8. Сицына-Кудрявцева, А.Н. Культурно-речевое понятие «языковая норма» в истории русской лингвистики / А. Н. Сицына-Кудрявцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 156–160. – [Электронный ресурс]. – URL: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/44.html (дата обращения: 20.03.2025).

9. Сорокин, Ю. С. Значение Пушкина в развитии русского литературного языка / Ю. С. Сорокин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. VI. Литература 1820–1830-х годов. – 1953. – С. 329–368.

10. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

11. Чумаков, В. Т. Буква Ё в современном русском языке / В. Т. Чумаков // Народное образование. – 2010. – № 6. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bukva-yo->

УДК 37.091.8+80-053.5

Нурмагамбетова Н.С.

*КГП на ПХВ «Колледж информационных технологий»
г. Павлодар, Республика Казахстан*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье представлены результаты исследования способов извлечения содержательной части изучаемого текста на уроках русской литературы в условиях ограниченного времени. Автор, опираясь на выводы исследователей по проблемам чтения, использует графические средства отображения мыслительной деятельности, структурирования и визуализации информации для формирования у учащихся навыка поверхностного чтения. В статье приводится пример их использования при анализе произведений В. Быкова, Б. Васильева, А. Рыбакова.

Ключевые слова: *поверхностное чтение, компрессия, анализ, графические средства, художественное произведение.*

Nurmagambetova N.S.

*PUE on the BEM
«College of Information Technologies»
Pavlodar, Republic of Kazakhstan*

USING GRAPHIC MEANS OF STRUCTURING INFORMATION IN RUSSIAN LITERATURE LESSONS

The article presents the results of a study of methods for extracting the content of the text being studied in Russian literature lessons under limited time conditions. The author, relying on the findings of researchers on reading problems, uses graphic means of displaying mental activity, structuring and visualizing information

to develop superficial reading skills in students. The article provides an example of their use in analyzing the works of V. Bykov, B. Vasiliev, A. Rybakov.

Keywords: *surface reading, compression, analysis, graphic tools, and literary works.*

Современный учащийся находится в таких условиях, в которых ему необходимо усвоение большого объема информации. Основным источником учебной информации остается текст, однако если раньше от преподавателя языка и литературы требовалось обучить учащегося вдумчивому чтению, а вдумчивое чтение как способ извлечения из текста информации требует времени и возможности неоднократного прочтения, то в настоящих условиях возникает необходимость обучать учащихся умению извлекать информацию из текста в кратчайший срок, поэтому возникает проблема компрессии текста: традиционные способы компрессии, такие как конспект и различные виды планов, с этой задачей не справляются, так как их выполнение базируется на использовании вдумчивого чтения. Значит, практическая работа с учащимися требует формирования принципиально нового подхода к чтению и интегрированного подхода к подаче учебного материала, следовательно, поиска универсальных способов и приемов преподавания.

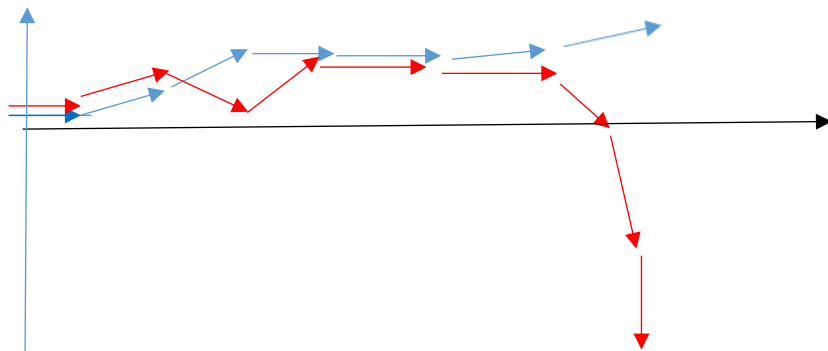
По мнению М.И. Шаповалова, если до 2000-х годов люди читали линейно, то есть одно слово за другим, то теперь они стали пользоваться так называемым нелинейным чтением, или «F-паттерном». Это способ, которым люди обычно просматривают веб-страницу – они прочитывают заголовок или верхнюю линию, а дальше просто сканируют левую сторону текста, додумывая содержание правой. Это увеличивает скорость чтения, но ухудшает понимание текста. Получается, подавляющее большинство пользователей не читают содержимое текста, они его сканируют. В своих работах М.И. Шаповалов предлагает использовать принцип «перевернутой пирамиды»: текст должен начинаться с вывода, то есть нужно отказаться от традиционного подхода: от понимания основ постепенно идти к заключению. Опираясь на эти выводы, мы пришли к заключению, что необходимо формировать у учащихся навык поверхностного чтения – умения

определять информационную ценность текста, «сканирования» по ключевым словам, умения читать по диагонали, то есть, проводить своего рода фильтрацию материала.

Учитывая вышеперечисленные особенности восприятия текста читателями и исходящие из них задачи, при анализе текстов учебного материала, а также при прочтении художественных текстов следует отходить от традиционной формы изложения, которая требует вдумчивого чтения. И здесь на помощь преподавателю приходит графический способ компрессии, который в отличие от традиционных (резюме, конспект, аннотация и т.п.), лучше способствует выделению основной и детальной информации. К примеру, на уроках русской литературы, где на изучение художественных произведений среднего и крупного жанров (рассказ, повесть, роман и т.п.), отводится от двух до четырех часов, такие графические средства как, диаграмма, опорная схема, ментальная карта, смарт-блок и т.п. дают возможность провести анализ художественного текста непосредственно при первичном ознакомлении с текстом. Следует отметить, что перед изучением текста художественного произведения следует провести предтекстовую работу по актуализации знаний о языковых особенностях создания текстов художественного стиля (стилистических фигур и тропов), а работу по освоению сопутствующих мета-межпредметных знаний, включить в процесс анализа текста.

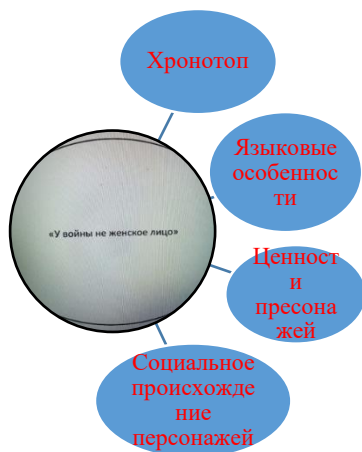
Выбирая графический способ компрессии текстовой информации нужно опираться на принцип и характер способа сжатия информации используемым видом схемы. Например, при составлении сопоставительного анализа характеристик главных героев повести В. Быкова «Сотников» студентам было предложено выполнить его, используя принцип системы координат. (Рис 1). Как исходная точка для построения была взята завязка сюжета, где персонажи Сотников и Рыбак вызвались выполнить задание командира. Отслеживая каждый поступок героев как их отклик на определенную ситуацию и оформляя его на положительных и отрицательных значениях оси координат, студенты смогли прийти к следующим выводам: Сотников и Рыбак, изначально представшие перед читателями как решительные, ответственные солдаты, на протяжении повести, как видим из схемы, (две услов-

ные линии: синяя – Сотников, красная – Рыбак), сначала полностью совпадают, затем расходятся (иногда значительно) и снова сходятся, и в завершение, Сотников поднимается на незначительно от изначального состояния положительную высоту, а Рыбак опускается на резко отрицательную. Учащийся «выхватывает» поворотные линии сюжета, графически обозначает их и при этом делает комментарии, тем самым определяет проблему и идею произведения. Это позволяет использовать графику как способ компрессии информации в условиях ограниченного времени и дает возможность дать идейную и эстетическую оценку художественному произведению. Так, студенты приходят к выводу, что изначально два бойца отважно вызвавшиеся выполнить опасное задание, сталкиваясь с опасностью и проблемой нравственного выбора решают ее по разному, в результате чего один из них, выполняя свой воинский долг, совершает героический поступок, а второй сохранив свою жизнь в ущерб выполнению долга и следованию нравственным ценностям становится предателем и умирает даже в собственных глазах. На схеме линия Сотникова короче и всегда на положительных значениях, поскольку он оставался верен своим принципам, а у Рыбака длиннее и колеблется между положительными и отрицательными значениями, так как он переживает муки нравственного выбора и совершает ряд поступков, которые безвозвратно отправляют его линию на резко отрицательные значения оси.

Рисунок 1.

При изучении текста художественного произведения возникает необходимость актуализации фоновых знаний об исторической эпохе, социально-культурных особенностях того или иного периода, а также о художественно – изобразительных средствах, используемых автором. Кроме того, если художественное повествование посвящено войне, необходимым бывает знание об некоторых деталях военного дела, например, в повести «А зори здесь тихие» Б. Васильева знание особенностей диверсионной разведки важно для понимания авторской идеи. В таких случаях целесообразно использовать смарт-арт (на *Рисунке 2* представлена не полностью заполненная схема). Студентам предлагается заполнить следующую смарт-схему:

Рисунок 2. Неполная смарт-схема

Заголовки составляющих смарт-схему кругов (справа) даются сразу, заполнив содержание кругов, студенты двигаются к идее (центральный круг слева, который изначально дается пустым), с легкостью определяя идею повести.

Одним из популярных универсальных графических средств является интеллект-карта, по широко известному утверждению Т. Бьюзена наше мышление организовано не линейно, а имеет ветвящуюся структуру, каждое понятие в нашей голове связано с другими понятиями, эти и другие понятия связаны с

третьими и так далее [Зиновьева: 3]. Поскольку интеллект-карта графически закрепляет воспринимаемую и перерабатываемую в ходе обсуждения информацию она дает возможность возвращаться к ней и запоминать информацию без заучивания и принуждения. Эти ее особенности позволяют использовать ее при работе над художественными произведениями, где понимание проблематики и авторской идеи невозможно без соотнесения поворотных линий сюжета с широким контекстом историко-социальных и культурных мотивов. Так, роман А. Рыбакова «Дети Арбата» является произведением, которое, несмотря на то, что он сам говорил, что выполнил дело своей жизни – написав роман о сталинском времени, при анализе может свестись неискушенным читателем к произведению, которое ставит целью осуждение тоталитарного режима и сталинизма, часто студенты, не видят в нем поставленную проблему нравственного выбора и его последствий для персонажей, поэтому студентам предлагается выносить на интеллект-карту все их ассоциации и значительные на их взгляд события (рисунок 3).

*Цветок душистых прерий   Мюзикл   Нарком   Контрреволюция
Робеспьер*

Завтра, может, в эту пору   Альпинизм   «Под гнетом инквизиции»

Людовик XVI

*Здесь появится Чека   Убийство Кирова   «Убийство» Сталина
Член партии*

*Пятилетка   Социалистический учет   «Марсельеза»   Бабёф
Фабрика Свердлова и Ливерса*

*Юра Шарок   Ленин   Роль личности в истории   НКВД
Бутырка   Марат*

*Пар Аборт   Энгельс   Маркс   Аппарат   Орджоникидзе
«Отец и учитель»   Якобинцы*

*5 языков   Сеанс кино   Кремлевская больница   Антисоветчина
Смерть от рук врага   Смерть от рук «друзей»*

Арбат   Стенгазета Ангара   Заседание   Саша   Варя

*Нина   Лена   Будягин   Газ АМО   Паспортная система   Агитация
Пропаганда   Атеизм   «Освободитель рабов»*

Дальний   Восток   Спецподъезд   Вечернее отделение

Жирондисты Бастилия Технические авантюристы Ленинград Москва Совнарком Конструктор Индустриализация Ссылка Землянка Барак Письмо Сталину Партбилет Внимательно-казенный взгляд Могучая социалистическая держава

Рисунок 3

Нанесенные первоначально студентами понятия, факты, ассоциации могут быть связаны множеством линий-контекстов, а могут и не связываться, зависит это от результатов совместного обсуждения. После того как интеллект-карта выполнена, можно сделать окончательные выводы по определению проблематики идеи романа.

Исходя из результатов данного исследования рекомендуется при изучении текстов, в том числе и художественного, для извлечения содержания текста, его компрессии и презентации использовать графические средства. Это дает возможность не только для освоения содержания текста и его запоминания, но и для трансляции, а также творческого осмысления и интерпретации.

Список литературы

1. Рубинштейн, Л. С. [Электронный ресурс]. – <http://books.e-heritage.ru/book/10087191> (т. 2, с. 356) (дата обращения: 15.04.2025).
2. Выготский Л. С. [Электронный ресурс]. – <https://www.marxists.org/russkij/vygotsky/1934/thinking-speech.pdf> (т.2, с. 356- 358) (дата обращения: 15.04.2025).
3. Зиновьева, Е. М. Метод интеллект-карт в методике преподавания русского языка как иностранного / Е. М. Зиновьева. [Электронный ресурс]. – <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/6-yazik-kultura-profk/3/zinoveva.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
4. Шаповалов, М. И. Новые подходы к чтению. Лекция онлайн-курса / М. И. Шаповалов. – 27 мая 2024, г. Москва.

5. Нурмагамбетова, Н. С. Овладение различными видами чтения на русском языке в казахской аудитории / Н. С. Нурмагамбетова // Сборник ТВВИКУ «Образование в военно-инженерном деле: Теория и практика». – Тюмень, 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Федорова Т. В. Слово о Павле Андреевиче Расторгуеве	3
Абрамова В.И. Слово М.Ю. Лермонтова в русской лирике (по материалам из национального корпуса русского языка)	12
Анисимова Д.С. Семантика, структура и функционирование предложно-падежной словоформы лексемы <i>вечер</i> в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова	21
Алешина Л.В. Репрезентация невербального поведения Лизы Калитиной	27
Атаманова Н.В. Европейские и русские топонимы в стихотворениях и письмах Ф.И. Тютчева	38
Ашмарова А.А. Сленг как ключевой элемент языковой динамики в условиях цифровой эпохи	48
Ван Чжунчжэн Патриотическое воспитание в детской поэзии С.Я. Маршака	54
Венидиктова И.С., Крылова О.С. Пограничный регион как объект культурологических исследований	64
Грибанова Л.В. Анализ типичных ошибок в тестовой части ЕГЭ по русскому языку: методический аспект (на материале данных работ выпускников 2023/2024 года в Брянской области)	70
Григорович Д.А., Гайдина Е.А. (научный руководитель: к.ф.н., доцент Пронина Е.В.) Технологии геймификации учебного процесса на уроках литературы	80
Гусев П. Ю. Послевоенное восстановление брянско-гомельского приграничья по материалам газет «Брянский рабочий» и «Ударник»	86
Дмитриева Ю.Л. Образ черёмухи в стихотворениях С.А. Есенина	90
Дьякова Т.А. Образ матери в поэзии Михаила Матусовского	98

Евтых Э.И., Рябинина А.Г. Интертекстуальность как ключевое свойство креолизированных текстов интернет-мемов	108
Егоркина О.В. (научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.) Семья в романах «Угрюм-река» и «Тихий дон»	114
Жияков С.В. Образно-лингвистические компоненты художественного целого как жанрообуславливающий фактор стихотворного «воспоминания» (на материале русской поэзии XIX – XX веков)	121
Закирова О.В. Об асемантической тематических гласных глагола	132
Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные векторы лингвокультуры России конца XX – начала XXI веков	136
Зуева Е. А. Универбы в уголовном аргументе: словообразовательные и лексические особенности	146
Иванов К.Г. (научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.) «В мире новом друг друга они не узнали»: лермонтовская реминисценция в казачьем контексте	153
Изотов В.П. Глазков о Глазкове: поэтическое имя как средство выразительности	161
Карамова А.А., Сметанина А.Ю. Речевые особенности молодежного дискурса (лингвоэкологический аспект)	167
Кириченко К.Н. Народная лингвокультура в фокусе идиолекта респондента Западной Брянщины	172
Киселева Н.И. Научные взгляды П. А. Расторгуева в контексте школьной практики современного обучения русскому языку	183
Красовская Н.А. Развитие мотивации к изучению русского языка как иностранного средствами лингворегионоведения	197
Куприянова А.А. (научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.) Историческое	204

взгляды П. Проскурина в итоговой книге мемуаров «На грани веков»	
Крылова В.А., Кузнецова Н.В. Использование фразеологизмов военной тематики в современном языке	214
Лазаренко Е.В. Особенности наименований частей тела человека в брянских говорах	219
Лебедева Я.В. Особенности развития языковой культуры подростков: возрастные и психологические аспекты	225
Мальчикова Т.А. Антитеза «живое-мёртвое» в повести А. Платонова «Котлован»	232
Матусевич Е.Н. Формирование текста туристического дискурса с учётом когнитивной лингвистики	238
Макарцова Е. А. (научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.) Этнонациональная специфика любви (сравнительный анализ психологии изображения чувства любви на примере романа Ф. Саган «Немного солнца в холодной воде» и повести В. Токаревой «Дерево на крыше»)	252
Матюшкова А.И. Репрезентация парадигмальных характеристик языковой личности фронтового врача в художественном дискурсе	263
Милосердова Я.О. Фразеологические экспликатеры объёма концепта <i>земля</i> в произведениях В.С. Высоцкого	270
Милютина Ю.В. Неисчерпаемые «тайники» фразеологии русского языка	276
Минкин К. С. Функционирование фразеологизмов в прозе Н.С. Лескова как черта идиостиля автора (на примере очерка «Воительница»)	284
Миронова Г.С. «Уголь» – «лунный лёд» – «саламандра»: борьба стихий в пьесах М. И. Цветаевой «Приключение» и «Феникс»	297

Михайлина А.М. (научный руководитель: к.ф.н., доцент Пронина Е.В.) Интертекстуальность в романе А. Иванова «Географ глобус пропил»: языковые и поэтические стратегии	303
Муратова Е.Ю. Художественная роль нестандартных языковых средств в поэтическом тексте	309
Навичонак А.В. Ироническое осмысление образа декадента в творчестве Тэффи	318
Никулкина О. Г. Языковая репрезентация зоонима в тексте русской народной сказки	325
Никурадзе Д.Д. (научный руководитель: к.ф.н., доцент Сафонова Т.В.) Влияние культуры на языковую норму	331
Нурмагамбетова Н.С. Использование графических средств структурирования информации на уроках русской литературы	341

ТРЕТЬИ РАСТОРГУЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научно-практической конференции (г. Брянск, 11 апреля 2025 г.) Часть I

Подписано в печать 29.09.2025. Формат 60х84/16.

Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 20,57. Тираж 100 экз. Заказ № 29/09

«РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 20.

Отпечатано в типографии ИП Худовец Р.Г.
242700, Брянская область, г. Жуковка, ул. Вербная, 11